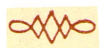
ВЕСТНИК
ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ



4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

1964

Редакционная коллегия:

проф. *В. И. Авдиев*, к.и.н. *Г. Г. Дилигенский*,
д.и.н. *К. К. Зельин*, акад. АН ГрузССР *Г. А. Меликишвили*,
к.и.н. *Н. М. Постовская*, к.и.н. *О. И. Савостьянова*, акад. *В. В. Струве*
(главный редактор), д.и.н. *З. В. Удальцова*, проф. *С. Л. Утченко*
(зам. гл. редактора)

Ответственный секретарь редакции
к.и.н. *Ю. К. Колосовская*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 29
Институт истории АН СССР. Тел. В 6-94-37

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE

4 (90)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1964

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1937 г.

Henker

Технический редактор *Т. А. Михайлова*

Подписано к печати 17/X 1964 г. Тираж 2050 экз. Зак. 1061
Формат бум. 70×108¹/₁₆ Печ. л. 20,3+3 вкл. Бум. л. 7¼ Уч.-изд. листов 24,2

2-я типография издательства «Наука», Шубинский пер., 10

В. В. Струве

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАДПИСИ УРУКАГИНЫ И ИСТОРИЯ ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

ВРЕМЯ правления шумерийского царя-реформатора начала XXIV века до н. э. Урукагины является для истории шумерийского общества таким же узловым моментом, как для Египта время царя-солнцепоклонника Эхнатона. Если событиям царствования последнего посвятили свои работы многие из египтологов, то не меньшее количество шумерологов пыталось установить значение реформ Урукагины. Поскольку же интерпретация шумерийского текста еще требует преодоления значительно более существенных препятствий, нежели интерпретация египетского текста, внимание изучающих события царствования Урукагины обращалось и обращено в первую очередь на интерпретацию исторических надписей царя-реформатора шумерийского города-государства Лагаш, чтобы создать надежную основу для дальнейших исследований. Интерпретация надписей Урукагины приобретает особенное значение для нас, советских историков, перед которыми стоит сложнейшая проблема периодизации истории Востока, проблема, не стоящая перед буржуазной историографией, так как последняя рассматривает общества Востока, начиная с момента их государственного бытия, как феодальные. Советская историография, приступившая к решению этой проблемы в начале 30-х гг.. еще далека от окончательного ее разрешения. В самом деле, задача определения общественного строя государств древнего Ближнего Востока разрешена советской историографией на основании шумерийских документов хозяйственной отчетности лишь в отношении одного момента. правда, наиболее существенного, а именно — определения их общественного строя как рабовладельческого [1]. Дальнейшее же уточнение должно быть достигнуто в результате более глубокого изучения шумерийского языка и созданной тем самым возможности привлечения исторических шумерийских текстов, еще не подвергшихся в достаточной степени четкой интерпретации.

Использовать наряду с документами хозяйственной отчетности также и исторические надписи шумерийских правителей настоятельно необходимо потому, что документы хозяйственной отчетности отражают социально-экономические условия не всего государства, а лишь отдельных храмовых или царско-храмовых хозяйств. Если мы располагаем для времени III династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.) рядом архивов с документами

[1] А. И. Тюменев, Производители материальных лаг в царском хозяйстве времени третьей династии Ура, ВДИ, 1954, № 1, стр. 10: «Еще 20 лет назад акад. В. В. Струве на основании документов архива Уммы удалось показать рабский способ эксплуатации рабочей силы в этом хозяйстве».

хозяйственной отчетности, раскопанных в различных городах Шумера. и можем тем самым построить с некоторой долей вероятности общее представление об экономике Шумера [2], то для времени правления Урукагины и его предшественников дело обстоит, к сожалению, в этом отношении значительно хуже. Пока для начала XXIV в. до н. э. известен лишь один архив с документами хозяйственной отчетности, раскопанный в Лагаше, который не имеет отношения ко всем храмам этого города-государства, а лишь к одному храму богини Баба. Поэтому документы архива храма Баба в Лагаше не являются сами по себе надежным основанием для общих выводов о социально-экономической структуре общества города-государства Лагаша, несмотря на то, что автографии основной массы этих сравнительно многочисленных документов древнего архива изданы [3] и первичная обработка их завершена [4].

Лишь путем привлечения исторических надписей самого Урукагины и сопоставления результатов их изучения с данными табличек архива

[2] См. В. С т р у в е, История древнего Востока, Л., 1941, стр. 85 сл. Мои выводы покоятся в основном на материале из Уммы, Лагаша и Дрехема. Те же материалы использованы и в моих последующих исследованиях, особенно в работе «Новые данные об организации труда и социальной структуре общества Сумера эпохи III династии Ура» (СВ, VI, 1949, стр. 178 сл.). Акад. А. И. Тюменев в своей вышеуказанной статье использовал также ставший известным несколько позднее материал архива города Ура, и его выводы совпали по существу с выводами, сделанными на основании данных архивов Уммы, Лагаша и Дрехема.

[3] Главные издания документов хозяйственной отчетности архивов храма богини Баба в Лагаше следующие: F. T h u r e a u - D a n g i n, Recueil de tablettes chaldéennes, P., 1903 (далее — RTC); М. В. Н и к о л ь с к и й, Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи, СПб, 1908 (далее — Ник.); M. A l l o t t e de la F u y e, Documents Présargoniques, вып. 1—5, P., 1908—1920 (далее— DP); H. de G e n o u i l l a c, Tablettes sumériennes archaïques, P., 1909 (далее — TSA); M. J. H u s s e y, Sumerian Tablets in the Harvard Semitic Museum, 1, Cambr. Mass., 1912 (далее — STH); W. F ö r t s c h, Altbabylonische Wirtschaftstexte aus der Zeit Lugalandas und Urukaginas, Lpz., 1916 (далее — Fö.). Тексты эпохи Урукагины из Переднеазиатского отдела берлинских государственных музеев, транскрибированные и комментированные А. Деймелем в двух изданиях его «Sumerische Grammatik» (Roma, 1924 и 1939; далее — SG), а также в серии «Orientalia», начиная с № 1 (1920) и, наконец, в монографии: A. D e i m e l, Sumerische Tempelwirtschaft zur Zeit Urukaginas und seiner Vorgänger, Roma, 1931 (серия «Analecta Orientalia») (далее — AnOr, 2).

[4] Заслуга положить начало первичной обработки документов лагашского архива богини Баба принадлежит выдающемуся русскому ученому М. В. Никольскому. В своем названном выше прекрасном труде М. В. Никольский не ограничился автографиями изучаемых им текстов, но дал их изложение или перевод (наиболее интересных документов), со всей обстоятельностью рассмотрел лексику, а также на основании данных, извлеченных из них, попытался дать некоторое представление о храмовом хозяйстве шумерийского города-государства той эпохи. Столь успешно начатое М. В. Никольским дело первичной обработки документов архива богини храма Баба было завершено А. Деймелем, создавшим монументальный словарь шумерийского языка. В выпусках серии «Orientalia» Деймель рассмотрел тексты архива, касающиеся измерения полей (№ 4), обработки храмовой земли (№ 5, стр. 1—22), использования тростниковых зарослей (там же, стр. 37—44), хозяйственного персонала храмовой земли (№ 6), ренты зерном и устройства и очищения каналов (№ 7), переработки зерна (№ 14), садоводства (№ 16), огородничества (№ 17), скотоводства (№ 20), продуктов скотоводства и их переработки (№ 21, стр. 1—40), рыболовства (№ 21, стр. 40—82), религиозных выдач (№ 26, стр. 1—29), списков хозяйственного персонала храма (там же, стр. 21—62), жертвенных списков Урукагины и его предшественников (№ 28), текстов «положения» (№ 32), списков выдачи зерна (№ 34—35 и № 43—44). На основании представленных ей А. Деймелем материалов А. Шнейдер дала общую характеристику шумерийского государства: A. S c h n e i d e r, Die sumerische Tempelstadt, Essen, 1920 (сер. «Staatswissenschaftliche Beiträge», hrsg. von. J. P l e n g e, вып. 4). А в 1931 г. Деймель и сам подвел итоги результатов своей первичной обработки документов архива храма Баба в упомянутой выше монографии «Sumerische Tempelwirtschaft zur Zeit Urukaginas und seiner Vorgänger». Но и эта работа А. Деймеля не дала решения вопроса об общественном строе Лагаша в XXV — XXIV вв. не только вследствие методологических установок автора, но вследствие некоторой неудовлетворительности его интерпретации исторических надписей Урукагины.

храма богини Баба можно построить адекватное понятие общественного строя Лагаша XXV—XXIV веков. Конечно, для достижения этой цели необходимо приступать к интерпретации указанных надписей без какой-либо предвзятой установки, которая была у Деймеля. Хотя Деймель и оказал исторической науке неоценимую услугу первичной обработкой архива храма богини Баба, вместе с тем своим истолкованием надписей Урукагины он обусловил установившуюся в историографии неправильную характеристику тех слоев общества Лагаша, которые нашли отражение в этих надписях. Деймель считал, что «люди любой профессии, в пользу которых Урукагина провел свои реформы, принадлежали каким-нибудь образом к храмовому персоналу, с (частичным) исключением может быть lú-gu-la dumu Lagaš^{ki}, т. е. „мощных" resp. „великих" и „граждан Лагаша"» (Or., 2, стр. 30 сл.). И далее он в «детях Лагаша» видит людей, которые «находились, наверное, также в большей своей части посредственно или непосредственно на службе храма» (там же, стр. 31). Опираясь на подобное истолкование надписей Урукагины, Деймель приходит к выводу, что мероприятия лагашского реформатора являлись реакцией на стремление мощных жреческих семейств произвести секуляризацию храмовых владений (там же). Перенесение в рабовладельческий период явлений, свойственных истории церкви в период феодализма, не может не вызывать сильнейшего сомнения, и я интерпретацией исторических надписей Урукагины докажу, как я полагаю, несостоятельность предпосылки Деймеля о связи со службой в храме всех групп населения, упоминаемых в этих источниках.

В противоположность документам хозяйственной отчетности времени Урукагины, бедным по своему лексическому материалу и простым по своему построению, исторические его надписи требуют вследствие богатства своего словарного запаса и сложности построения много кропотливой филологической работы несмотря на то, что история их интерпретации насчитывает уже больше пятидесяти лет. Правда, интерпретация исторических надписей Шумера не представляет в общем таких трудностей, как интерпретация шумерийских религиозных гимнов или литературных текстов — переводы последних разными учеными, по отзыву А. Фалькенштейна, самым невозможным образом не соответствуют друг другу [5]. Но и при изучении исторических надписей Урукагины мы найдем примеры сильнейшего расхождения в переводах одного и того же текста различными исследователями. Так, забегая вперед, я укажу уже здесь на столь же коренное разногласие двух высококвалифицированных шумерологов в переводе исторической надписи Урукагины, найденной в Лагаше при раскопках начала века [6]. Действительно, как будет показано, когда приступим к интерпретации указанной надписи Урукагины, Э. Сольберже [7] и М. Ламбер [8] дали абсолютно несоответствующие друг другу переводы III столбца этого текста.

Конечно, такое резкое расхождение в переводе одного из столбцов данного эпиграфического памятника было обусловлено до известной степени фрагментарностью предшествовавшего контекста, чрезвычайным своеобразием содержания этой очень краткой надписи, а также сравнительно малой ее изученностью. Что же касается других исторических над-

---

[5] A. Falkenstein, Grammatik der Sprache Gudeas von Lagaš, I, Roma, 1949, стр. 1 сл. и прим. 1 к стр. 2.

[6] G. Gros, Nouvelles fouilles de Tello, P., 1910—1914 (далее — NFT), стр. 213 под номером AO 4598.

[7] E. Sollberger, Le système verbal dans les inscriptions «royales» présargoniques de Lagaš, Genève, 1952 (далее — SV), стр. 92, прим. 1.

[8] RAss, XLVIII, 1954, стр. 92 и прим. 5.

писей Урукагины, то здесь дело обстояло несколько иначе. Другие его надписи сохранились несравненно лучше, нежели надпись, интерпретированная двумя вышеназванными исследователями. Кроме того, имеющиеся в них лакуны могут быть отчасти восстановлены вследствие близости некоторых из этих надписей друг к другу. Так, самая обширная из исторических надписей Урукагины, содержащая наиболее обстоятельное изложение социальных реформ лагашского правителя, сохранилась в двух копиях, будучи увековеченной на двух конусах, так называемых конусах B и C. Обе эти копии, автографированные Ф. Тюро-Данженом в эпиграфической части большого труда, посвященного изданию памятников, открытых французскими раскопками в Лагаше [9], почти тождественны друг с другом. Благодаря наличию двух копий может быть полностью восстановлен текст надписи, который был поврежден в нескольких местах ее копий. Уже в 1905 г. Ф. Тюро-Данжен дал перевод этой надписи, а также и двух других исторических надписей Урукагины [10]. Хотя данный перевод и был громадным творческим достижением шумерологии, тем не менее Тюро-Данжен вынужден был на том уровне знаний шумерийского языка оставить без перевода ряд мест надписи конусов A и B и тем самым предоставить историкам лишь «фрагментированный источник» [11].

Надпись конусов B и C является не только самой обширной из трех изданных Тюро-Данженом исторических надписей Урукагины, но и первой из них по времени своего составления. Это вытекает из того, что в начале данной надписи Урукагина отметил меньшее число достижений своей строительной деятельности, нежели в надписи так называемого конуса A, где перечисляется еще ряд храмов, воздвигнутых Урукагиной, которые не упомянуты в надписи конусов B и C. Поэтому надлежит поставить надпись конуса A по времени на второе место после надписи конусов B и C. Сохранность конуса A весьма плачевная, он состоит из четырех осколков, три из которых могут быть соединены в один большой фрагмент, а местоположение четвертого осколка не может быть еще установлено [12]. Благодаря близости надписи конусов B и C к фрагментированной надписи конуса A становится возможным восстановить хотя бы частично лакуны последней. Из факта близости содержания обеих надписей можно сделать еще и тот интересный вывод, что время составления их разделяет лишь очень краткий промежуток, поскольку реформы Урукагины остались еще без существенных изменений и дополнений. Если имеется, как мы увидим ниже, веское основание для датировки надписи конусов B и C первым годом царствования Урукагины, следовавшим за первым и последним годом его патесиата, то, стало быть, надпись конуса A надлежит да-

[9] На LI и LII страницах эпиграфической части роскошного издания «Découvertes en Chaldée» (далее — Déc. и Déc. ép.), выходящего отдельными выпусками. Оно было начато E. де Сарзеком и Л. Гёзеем и завершено после смерти последнего в 1912 г. одним E. де Сарзеком.

[10] F. Thureau-Dangin, Les inscriptions de Sumer et d'Akkad, P., 1905. Два года спустя Тюро-Данжен опубликовал свою книгу на немецком языке: F. Thureau-Dangin, Die Sumerischen und Akkadischen Königsinschriften («Vorderasiatische Bibliothek», I), Lpz, 1907 (далее — SAKI). В этих книгах Тюро-Данжен дал транскрипцию и перевод текстов. Поскольку немецкое издание является несколько более полным, то я буду цитировать по этому изданию, где на 46—54 стр. были даны транскрипция и перевод надписи конусов B и C.

[11] Как это ни странно, но в 1953 г. автор главы по истории Шумера во II томе «Historia Mundi», швейцарского десятитомника по всеобщей истории, заявил, что в этой надписи имеются большие пробелы (стр. 244), т. е. автор главы отождествил пробелы в переводе Тюро-Данжена с лакунами в тексте — см. мою рецензию на II том названного издания в журнале «Коммунист», 1955, № 9, стр. 115 сл.

[12] См. стр. L, № 3 в Déc. ép.

тировать, самое позднее, вторым годом его царствования [13]. Тюро-Данжен дал в SAKI транскрипцию и перевод всей сохранившейся надписи конуса А раньше, чем надписи конусов В и С[14], хотя он несомненно видел, что строительная деятельность Урукагины, отмеченная в надписи конуса А, требовала несколько большего времени, нежели строительство его, увековеченное в надписи конусов В и С. Деймель, очевидно, считал, что вопрос о сравнительной датировке обеих надписей не имеет большого значения вследствие чрезвычайной близости их содержания [15].

Третий же эпиграфический памятник Урукагины, так называемую Овальную пластинку, Тюро-Данжен, очевидно, из соображения хронологии транскрибировал и перевел в SAKI уже после надписи конусов В и С[16]. Этот памятник представляет собой овальную пластинку из обожженной глины, покрытую с обеих сторон надписью в пять столбцов, причем столбцы на оборотной стороне пластинки являются продолжением соответствующих столбцов на ее лицевой стороне. Памятник, так же как и конус А, сильно фрагментирован, но в эпиграфическом отношении последний имеет перед Овальной пластинкой одно существенное преимущество. Дело в том, что во втором прямоугольнике [17] сохранившейся части I столбца надписи конуса А вписано имя Урукагины, и, следовательно, не подлежит сомнению, что надпись конуса А отражает деятельность лагашского царя-реформатора. Что же касается надписи на Овальной пластинке, то здесь дело обстоит иначе — в сохранившейся части ее IV столбца повествуется о войне с Урлуммой, *patesi* [18] Уммы, который, согласно историографической надписи *patesi* Энтемены, одного из предшественников Урукагины, был современником и врагом этого лагашского правителя Энтемены.

Указанная историографическая надпись Энтемены, сохранившаяся на двух конусах [19], сообщает в части, посвященной событиям правления Энаннатума I и Энтемены, о победоносной войне последних с правителем Уммы Урлуммой [20]. Повествование надписи Энтемены о войне с Урлуммой местами буквально совпадает с текстом IV столбца Овальной пластинки [21]. Надлежит в данной связи указать и на то наблюдение,

---

[13] В. В. С т р у в е, Государство Лагаш, М., 1961, стр. 39.

[14] SAKI, стр. 44—47. Здесь же в прим. g к стр. 44 Тюро-Данжен указывает, что первые три столбца надписи, отмечающие строительную деятельность Урукагины, были переведены еще Амио.

[15] В указанном примечании к стр. 44 SAKI Тюро-Данжен отмечает, что текст надписи конуса А «большей частью тождествен» с надписью конусов В и С. Поэтому и пояснительные примечания к первой надписи он дает три транскрипции второй надписи.

[16] SAKI, стр. 54—57. Автография была издана Déc. ép., стр. L, № 1.

[17] Столбцы шумерийских надписей были разделены не на строки, а на прямоугольники, которые могли включать одну, две или даже больше строк.

[18] Первым исследователем, который подчеркнул в специальной литературе отсутствие имени Урукагины в сохранившемся тексте Овальной пластинки, был С. Н. Крамер (S. N. K r a m e r, Sumerian Historiographie, «Israel Exploration Journal», III, 1953, стр. 229, прим. 29). Крамер отметил, что «эта пластинка приписывается Урукагине, хотя его имя не встречается в сохранившемся тексте». Что же касается чтения титула *patesi*, то я продолжаю титул PA-TE-SI читать не *энси*, а *patesi*, следуя в данном отношении примеру шумерологов французской школы. Данный консерватизм с моей стороны, конечно, не повредит пониманию предлагаемой мной интерпретации исторических надписей Урукагины. Каждый читатель может при желании заменить «устарелое» чтение *patesi* более «адекватным чтением *энси*».

[19] Автография одного из них была издана Тюро-Данженом (Déc. ép., стр. XLVII); транскрипция и перевод даны им же в RAss, IV, стр. 37 сл. и затем в SAKI, стр. 36—41. Второй конус был издан: J. B. N i e s and C. E. K e i s e r, Historical, Religious and Economic Texts, New Haven, 1920, № 1.

[20] SAKI, стр. 38, стб. II, 27 — III, 27.

[21] См. SAKI, стр. 38, III, 8—9 и SAKI, стр. 56, IV, 13—14; SAKI, стр. 38, III, 19 и SAKI, стр. 56, IV, 26.

которое я сделал в одной из последних статей «Энтемена узурпатор» [22], где я пытался доказать, что Энтемена, *patesi* Лагаша, был узурпатором, захватившим власть у своего брата Лумматура, соправителя их отца Энаннатума I. Поэтому Энтемена ради укрепления своей узурпированной власти обратился к жречеству Энлиля, верховного бога Шумера, с которым богословская система Ниппура и Лагаша тесно связывала Нингирсу, главного бога Лагаша. Наряду с этим Энтемена увеличил число полноправных в Лагаше примерно до 3600 путем уравнения в правах со старой знатью зажиточных людей из среды народа, которые уже в течение долгого времени, будучи организованными в фалангу тяжеловооруженных воинов, доблестно защищали свой родной город. Эта тяжеловооруженная пехота, а не знать на своих колесницах, решала исход сражения. Очевидно, ее фаланга под руководством Энтемены и решила исход битвы с уммаитами, во главе которых стоял *patesi* Урлумма. Следовательно, возможно, казалось, предположить, что и Энтемена провел в Лагаше социальные реформы, которые могли найти свое отражение в одной из его надписей, каковую бы следовало в таком случае отождествить с Овальной пластинкой. Подобное отождествление становится тем более, надо думать, возможным, что составитель надписи восхвалял здесь победу над Урлуммой, правителем Уммы, которая была одержана Энтеменой, одним из предшественников Урукагины, относившегося, как известно, враждебно к своим предшественникам. Поэтому невольно может возникнуть предположение, что надпись Овальной пластинки не была составлена при Урукагине, а восходит ко времени его предшественника, *patesi* Лагаша Энтемены. Если в свое время Ф. Тюро-Данжен, автор первичного издания эпиграфических памятников времени лагашского царя-реформатора, безоговорочно включил надпись Овальной пластинки в число исторических надписей Урукагины, то теперь, после полувекового изучения этих ценных исторических источников, требуется поставить во весь рост вопрос о датировке Овальной пластинки, вопрос о возможности включения ее в число памятников, созданных в годы правления Урукагины, или же о необходимости ее передатировки и перенесения ее во время правления Энтемены.

Поэтому интерпретатору надписи на Овальной пластинке надлежит ответить в процессе своего истолкования на следующие вопросы: 1) вопрос о наличии словесных совпадений в тексте надписи Овальной пластинки с текстом надписей конусов A, B и C; 2) вопрос о возможности сопоставления некоторых реформ, упомянутых в надписях Овальной пластинки и в надписях конусов A, B и C, несмотря на все отличие изложения их на Овальной пластинке, с одной стороны, и на конусах A, B и C, с другой; 3) вопрос о возможности объяснения некоторых существенных изменений, внесенных надписью Овальной пластинки в изложение отдельных реформ по сравнению с изложением их в надписях конусов A, B и C,— указанием на расширение и углубление законодательной деятельности Урукагины; 4) вопрос о возможности объяснения наличия новых реформ в надписи Овальной пластинки, не упомянутых в надписях конусов A, B и C,— указанием на условия тяжелой политической обстановки, в которой Урукагина оказался в результате своих реформ; 5) вопрос о возможности сопоставления строительной деятельности, отмеченной в надписи Овальной пластинки, со строительной деятельностью Урукагины, увековеченной в надписях конусов A, B и C; 6) вопрос о возможности включения царем-реформатором Урукагиной в одну из своих исторических надписей повествования о военных подви-

[22] КСИНА, вып. 46, стр. 27 сл.

гах одного из своих предшественников на престоле правителя города-государства Лагаша — Энтемены, несмотря на то, что Урукагина, согласно свидетельству надписей конусов B и C, весьма отрицательно относился к деятельности своих предшественников. Лишь решив положительно проблему о связи реформ, перечисленных в Овальной пластинке, с реформами Урукагины, интерпретатор указанной надписи получит право с большой долей вероятности включить ее в число исторических надписей царя-реформатора.

Конечно, решение этой проблемы станет для меня возможным лишь после исчерпывающей интерпретации всего сохранившегося текста Овальной пластинки, ибо последний до сих пор таит в себе еще многие cruces interpretum, которые я попытаюсь по мере сил осознать и убрать с пути проникновения в смысл текста. Поэтому я коснусь связанных с ней вопросов и попытаюсь на них ответить только в исследовании, специально посвященном тексту Овальной пластинки, а пока же буду исходить из рабочей гипотезы, что Овальная пластинка является памятником эпохи Урукагины.

Все три источника, относительно которых я отметил время издания, дал определение их сохранности и установил сравнительную их характеристику, содержат описание социальных реформ, имевших место в Лагаше. Из них надпись конуса A и надпись конусов B и C несомненно перечисляли реформы царя Урукагины, а относительно надписи Овальной пластинки, можно, как мы только что установили, пока лишь в качестве рабочей гипотезы высказать предположение, что и она излагала реформы того же царя Лагаша.

Но исследователю истории общественного строя Лагаша времени Урукагины и его предшественников необходимо также изучить и те источники, которые отражают военные события, потрясавшие Лагаш в то время [23]. Дело в том, что эти боевые столкновения Лагаша, управляемого царем-реформатором, со своими соседями, враждебными этим реформам, нашли свой отклик в документах хозяйственной отчетности и оказали большое влияние на внутреннюю историю общества Лагаша [24].

Один из текстов, повествующий о войнах Урукагины, был уже упомянут выше. Это фрагментированная и трудная для понимания сравнительно небольшая надпись, раскопанная в Лагаше незадолго до первой мировой войны [25]. Все же в настоящее время можно на основании новых достижений шумерологии извлечь из данного источника ряд дополнительных указаний для истории и экономики Лагаша времени Урукагины. Так, прежде всего из этого эпиграфического памятника видно, какой характер носило обвинение, предъявлявшееся царю-реформатору его врагами. Далее, путем сопоставления описания военных действий в этом источнике с некоторыми сведениями, извлеченными из документов хозяйственной отчетности, можно установить характер военных действий против Лагаша в четвертом и в пятом годах правления Урукагины, что будет иметь большое значение для окончательного определения общественного строя Лагаша времени Урукагины и его предшественников.

---

[23] Очевидно, и надпись Овальной пластинки в разрушенном конце IV столбца повествовала о первых столкновениях Урукагины с Уммой. Таким образом, и надпись Овальной пластинки может, если она действительно восходит ко времени Урукагины, служить переходом от надписей, посвященных реформам Урукагины, к надписям, посвященным его войнам.

[24] См. В. С т р у в е, ГАИМК, № 97, стр. 28 и С т р у в е, История древнего Востока, стр. 75 сл.

[25] Перевод Тюро-Данжена см. NFT, стр. 213 сл.

Если только что описанная табличка, отразившая в своей надписи войны Урукагины, фрагментирована в сильнейшей степени, то та табличка, которая проливает яркий и вместе с тем мрачный свет на исход войн царя-реформатора, отличается идеальной сохранностью. Данный эпиграфический памятник, открытый на месте Лагаша в 1903 г. и изданный в 1907 г.[26], известен среди специалистов под названием «Глиняная табличка» [27]. Надпись памятника лишь немного пострадала в конечной части оборотной стороны, но эти повреждения настолько незначительны, что все несколько разрушенные слова текста могут быть с полной уверенностью восстановлены. Содержанием надписи Глиняной таблички является «элегия» некоего лагашского писца, сторонника царя-реформатора, оплакивающая разрушения и кровопролитие, учиненные в области города-государства Лагаша победоносными вражескими войсками. В противоположность всем вышерассмотренным историческим надписям правления Урукагины текст Глиняной таблички не ставит, за немногими исключениями, интерпретатора перед большими трудностями. Вместе с тем лексический состав текста оказывает существенную помощь при интерпретации других надписей Урукагины. Сопоставление названий осквернённых святилищ, перечисленных в Глиняной табличке, дает историку представление о том наследстве, которое получил Лагаш от предшествовавшего Урукагине времени. Наконец, содержание надписи Глиняной таблички дает определенное указание и на ту историческую обстановку, при которой имело место поражение Урукагины.

Глиняная табличка является последней из крупных надписей, так или иначе связанных с личностью царя-реформатора, интерпретация которых является основной задачей моего исследования в целом. Строительные надписи, а также те краткие и кратчайшие надписи, которые называются специалистами «оливами», я привлеку к комментарию вышерассмотренных исторических надписей, если они будут способствовать их разъяснению. Поэтому я могу теперь перейти к обзору многотрудного изучения перечисленных исторических надписей Урукагины после их замечательной первичной интерпретации, предложенной Тюро-Данженом.

Сравнительно долгое время интерпретация надписей Урукагины Тюро-Данженом оставалась непревзойденной и последующие исследователи использовали в своих работах его переводы тех или других разделов надписей без каких-либо изменений [28] или же, изменяя их, закрывали себе путь к правильному пониманию этих древних текстов [29].

Лишь в 1920 г. появилось специальное самостоятельное исследование, посвященное интерпретации исторических надписей Урукагины

---

[26] F. Thureau-Dangin, La ruine de Schirpourla (Lagash) sous le règne d'Ourou-Kagina, RAss, VI, 1907, стр. 26 слл.

[27] Так назвал памятник Тюро-Данжен (SAKI, стр. 57—59).

[28] См., например, S. Langdon, A Sumerian Grammar and Chrestomaty, P., 1911, где неоднократно приводятся в качестве иллюстраций к грамматическим правилам цитаты из исторических надписей Урукагины с переводом, соответствующим интерпретации Тюро-Данжена.

[29] Наиболее поучительный пример неудачного исправления интерпретации Тюро-Данженом одного из шумерийских слов мы находим в двух исследованиях: M. Witzel, Untersuchungen über die Verbal-Präformative im Sumerischen, B., 1912, стр. 58; он же, Keilinscriftliche Studien (далее—KS), стр. 34 сл., прим. 2 к стр. 34 и прим. 1 к стр. 35. Здесь автор пытается интерпретировать e-šè-gar, что Тюро-Данжен вполне закономерно перевел «восстановил», как «отменил» и пришел тем самым к невозможному пониманию соответствующего раздела надписи конусов B и C. Подробно об этом см. при интерпретации указанной надписи.

Это — обстоятельная работа А. Деймеля «Тексты реформ Урукагины» [30]. В этой работе автор ставил перед собой задачу определить цель реформ названного правителя Лагаша и в связи с разрешением этого вопроса попытался дать новый перевод надписи конусов B и C. Данную надпись Деймель перевел в полном ее объеме, начиная с изложения строительной деятельности Урукагины и описания злоупотреблений со стороны предшествовавших властителей и кончая перечислением благодетельных мероприятий в пользу народа со стороны царя-реформатора. Деймель попытался также интерпретировать и некоторые прямоугольники надписи, оставленные без перевода Тюро-Данженом. В некоторых случаях Деймелю действительно удалось уточнить и исправить перевод Тюро-Данжена, и притом уточнения и исправления Деймеля касаются не только мелочей, но и некоторых существенных пунктов. Такие несомненные успехи Деймеля были обусловлены глубоким изучением документов хозяйственной отчетности храма богини Баба, которое помогло ему осознать в ряде случаев значение отдельных разделов надписей Урукагины, как об этом свидетельствует обстоятельный комментарий Деймеля к постановлениям реформ Урукагины. Комментарий Деймеля начинается с введения, в котором разъясняются основные из встречающихся в текстах терминов, а затем Деймель переходит к детальному рассмотрению в систематическом порядке совокупности реформенных постановлений, привлекая в процессе комментирования также содержание конуса A и Овальной пластинки. Содержание всех указанных надписей Урукагины, как упоминающих о злоупотреблениях его предшественников, так и перечисляющих его реформы, Деймель разделяет на 13 параграфов. Тем самым немецкий шумеролог определил вышеперечисленные надписи Урукагины в качестве законодательных памятников и смог, таким образом, засвидетельствовать законодательную деятельность правителей южного Междуречья уже для шумерийского периода. Последующие исследователи, продолжавшие работу Тюро-Данжена и Деймеля по интерпретации надписей Урукагины, следовали в данном отношении примеру Деймеля и разделяли изучаемые тексты царя-реформатора на некоторое количество параграфов. И еще два вывода А. Деймеля должны быть отмечены в качестве крупного достижения в сложной работе изучения религиозной и храмовой политики царя-реформатора. Первый из них касается реформы Урукагины в деле управления храмами и храмовым имуществом богов пантеона Лагаша за исключением храмов верховного бога города-государства Лагаш Нингирсу и его божественной семьи. Деймель установил, что царь-реформатор передал управление храмов всех богов, кроме храмов Нингирсу, его жены Баба и их детей, снова полностью их *шангу* «верховным жрецам», права которых по заведованию храмовым имуществом были сильно урезаны при предшественниках Урукагины. И второй из этих выводов Деймель сформулировал следующим образом: «Имущество храмов Нингирсу, Баба, их детей Галалима и Дуншаггана *патеси* (*энси*), его жена и дети должны были рассматривать не как свою собственность, но должны были заведовать им исключительно в интересах храмов». В самом деле, документы хозяйственной отчетности храма богини Баба при предшественниках Урукагины называют имущество храма «собственностью» (ù-rum) жены *патеси*, при Урукагине же имущество храма называется «собственностью» (ù-rum) богини Баба [31].

---

[30] A. D e i m e l, Die Reformtexte Urukaginas, Or., 2, 1920, стр. 3—31 (далее — DRU).

[31] DRU, стр. 15—30 и особенно стр. 23, где Деймель отметил различие в отношении Урукагины к храмам по сравнению с его предшественниками.

К сожалению, Деймель в этом своем исследовании не только не интерпретировал все исторические надписи, связанные с правлением Урукагины, но даже полностью не перевел и все те надписи, которые излагают реформы последнего. По существу он интерпретировал в этой работе одну лишь надпись конусов B и C (DRU, стр. 6—9). Из двух же других надписей Деймель оставил почти совсем без перевода текст конуса A, поскольку в нем нет упоминания о каких-либо новых реформах по сравнению с перечисленными в надписи конусов B и C. По отношению к тексту конуса A он ограничился лишь упоминанием отдельных его разделов (см. DRU, стр. 9).

Несколько больше внимания уделил Деймель надписи Овальной пластинки, поскольку здесь перечислено несколько новых реформ, которые не упоминаются в надписях конусов. Деймель и попытался интерпретировать отмеченные Овальной пластинкой новые реформенные постановления Урукагины, хотя он и признавал, что для него «они оставались большей частью столь же непонятными, как и для Тюро-Данжена» (DRU, стр. 10). Постановления же, встречающиеся также в надписях конусов A, B и C, Деймель оставил совсем без перевода, отослав читателя к переводу Тюро-Данжена 1907 года.

Конечно, подобное ограничение своей задачи автором значительно умалило ценность его исследования, но самым крупным недостатком его работы является ряд грамматических неточностей, имеющихся налицо в переводе. Правда, этот недостаток работы Деймеля не должен рассматриваться в качестве его вины, а скорее в качестве его беды. Дело в том, что он написал свое исследование о реформенных текстах Урукагины до 1923 г., когда была опубликована первая научная грамматика шумерийского языка, созданная А. Пёбелем, который этим своим трудом положил основание для точного и четкого понимания многих особенностей словообразования и синтаксиса древнего языка [32]. Деймель сам признал в 1924 г. в первом издании своей «Шумерийской грамматики», что он лично благодаря труду Пёбеля многому научился [33]. Последний использовал в своем исследовании в качестве иллюстраций для своих грамматических положений обильный материал из шумерийских царских надписей, в том числе и из исторических надписей Урукагины, способствовав тем самым в значительной степени устранению ряда трудностей в понимании этих текстов.

К сожалению, Г. А. Бартон не сумел использовать ценные результаты труда А. Пёбеля, и поэтому его книга, посвященная интерпретации царских надписей Шумера и Аккада [34], которой он полагал заменить классический труд Тюро-Данжена, оказалась не на должной высоте [35].

Монография Р. Шольтца о структуре шумерийских глагольных префиксов в противоположность книге Бартона использует достижения исследований Тюро-Данжена и Пёбеля, но она, к сожалению, не нашла своего завершения. Лишь ее первая часть о значении глагольных префиксов

---

[32] A. P o e b e l, Grundzüge der sumerischen Grammatik, Rostock, 1923 (далее — GSG).

[33] A. D e i m e l, Sumerische Grammatik der archaistischen Texte, Roma, 1924, предисловие. В ряде моментов, в особенности в вопросе о значении так называемых глагольных префиксов *му-*, *е-*, А. Пёбель и А. Деймель пришли к разным результатам. Данный вопрос я осветил в ВДИ, 1962, № 4, стр. 92 сл.

[34] G. A. B a r t o n, The Royal Inscriptions of Sumer and Akkad, New Haven, 1929.

[35] См. оценку, которую дает указанной книге Э. Сольберже (S o l l b e r g e r, SV, стр. 4, прим. 1). По мнению Сольберже, эта книга является «bien inférieur» по сравнению с трудом Тюро-Данжена.

в документах хозяйственной отчетности была опубликована [36]. Вторая же часть, в которой должно было рассматриваться применение глагольных префиксов в шумерийских исторических текстах, в свет так почему-то и не вышла [37].

Второе издание «Шумерийской грамматики» Деймеля явилось большим достижением в области шумерологии по сравнению с первым ее изданием 1924 года. Если первое издание было построено по существу на основе документов хозяйственной отчетности, то второе наряду с этими документами весьма интенсивно использовало исторические, а также и религиозные тексты Шумера. В этом издании Деймель широко использовал и результаты исследований Тюро-Данжена и Пёбеля. С переводами использованных в грамматике шумерийских текстов приходится несомненно считаться [38]. Надлежит также отметить, что Деймель здесь попытался восполнить пробел, допущенный им в работе 1920 года об исторических надписях Урукагины, в которой он, как было указано выше, оставил без перевода IV столбец Овальной пластинки и Глиняную табличку. Во втором издании грамматики Деймель дал перевод начала IV столбца Овальной пластинки (стр. 90) и интерпретацию наиболее трудного для понимания раздела Глиняной таблички (стр. 138 сл.). Он также пересмотрел здесь и некоторые части своего прежнего перевода надписи конусов B и C [39]. Многие из предложений исторических надписей Урукагины использованы Деймелем для аргументации устанавливаемых им грамматических правил.

Для той же цели приводится большое количество цитат из исторических надписей Урукагины и в опубликованном в 40-х гг. двухтомном труде Р. Жестэна, посвященном шумерийскому глаголу. В 50-х гг. он дополнил этот монументальный труд третьим томом, где принял во внимание те шумерологические исследования, которые были изданы после опубликования первых двух томов [40]. Автор выступает в этом своем труде с оригинальной теорией о значении глагольных префиксов *му-* и *е-* и находит в некоторых предложениях надписи конусов B и C опровержение той теории о глагольных префиксах, которая до того была доминантной [41]. В 1949 и 1950 гг. немецкий шумеролог А. Фалькенштейн напечатал свою обстоятельную двухтомную монографию о грамматике надписей Гудеи [42]. Хотя труд Фалькенштейна почти не использует для своего построения материал исторических надписей Урукагины, но он имеет

---

[36] R. Scholtz, Die Struktur der sumerischen engeren Verbalpräfixe (Konjungationspräfixe) speziell dargelegt an der I. und II. Form (E- und Mu-Konjugation), вып. 1, Lpz, 1934.

[37] Этот вопрос освещен в моих исследованиях, посвященных значению шумерийских глагольных префиксов *му-* и *е-*.

[38] С одним лишь, но зато самым основным для его построения грамматическим положением я никак не могу согласиться, а именно — с положением, что шумерийский язык не знал глагола, поскольку глагольные суффиксы тождественны суффиксам имен существительных, «склоняющим эти последние» (см. предисловие, стр. IV— V). Но склонение свойственно лишь флектирующим языкам и поэтому неудивительно, что понимание Деймелем шумерийского глагола, согласно его же признанию, не разделяется никем другим.

[39] Deimel, SG², стр. 67 сл. и стр. 72 сл.

[40] R. Jestin, Le verbe sumérien, determinations verbales et infixes («Études Orientales», VII), P., 1943 (далее — VS, I); он же, Le verbe sumérien, préfixes, particules verbales et noms verbeaux («Études Orientales», IX), P., 1946 (далее VS, II); он же, Le verbe sumérien, complément, P., 1954 (далее — VS, III).

[41] См. также В. В. Струве, Префиксы *му* и *е* шумерского глагола, ВДИ, 1962, № 4, стр. 91 слл. и он же, Проверка теории о значении глагольных префиксов *му* и *е*, ВДИ, 1964, № 2, стр. 107 слл.

[42] A. Falkenstein, Grammatik der Sprache Gudeas von Lagaš, I—II, Roma, 1949—1950 («Analecta Orientalia», XXVIII — XXIX).

тем не менее значение и для последних, поскольку изучение Фалькенштейном надписей Гудеи может служить для понимания некоторых оборотов и предложений более древних эпиграфических памятников.

В 1951 г. у нас было напечатано первое исследование, посвященное интерпретации надписей реформ Урукагины [43],— статья И. М. Дьяконова [44]. Его работа является бесспорно шагом вперед по сравнению с исследованием Деймеля 1920 года, и ряд его наблюдений следует учесть последующим интерпретаторам надписей Урукагины. К недостаткам исследования И. М. Дьяконова надлежит отнести некоторую необоснованность в отдельных случаях, правда, в весьма сложном контексте предложенных автором переводов. Так, например, он без каких-либо колебаний, с полной решительностью интерпретирует в тексте 18 прямоугольника VII столбца конуса В Урукагины двойное слово gána-ga просто как «поле», а не «поле ga», как было предложено некоторыми другими исследователями [45]. С такой же категоричностью, без, казалось бы, убедительной аргументации И. М. Дьяконов отвергает возможность интерпретации в шестом прямоугольнике VII столбца конуса В Урукагины слова šu «рука» как «власть», предложенную Тюро-Данженом и Деймелем [46]. Надлежит также выразить сожаление, что в работе И. М. Дьяконова отсутствует интерпретация надписей, посвященных военным событиям правления царя-реформатора [47].

В 1952 г. была опубликована названная выше обширная монография швейцарского шумеролога Э. Сольберже, посвященная глагольной системе, зафиксированной в надписях правителей Лагаша времени, предшествовавшего воцарению династии Саргона Аккадского. Автор выступает с новой интересной теорией о значении глагольных префиксов *му* и *е-*, отличной от всех других, выдвинутых ранее. Аргументы в ее пользу

---

[43] Результаты изучения текстов Урукагины высокоталантливым советским шумерологом В. К. Шилейко и его учеником А. П. Рифтиным остались, к сожалению, неопубликованными, а мой пересказ содержания надписи конусов В и С в двух изданиях I тома хрестоматии (Учпедгиз, 1936 и 1950 гг.), посвященной источникам истории древнего мира, зависит в сильнейшей степени от исследования Деймеля 1920 года.

[44] И. М. Дьяконов, Реформы Урукагины в Лагаше, ВДИ, 1951, № 1, стр. 15 сл.

[45] И. М. Дьяконов (ук. соч., стр. 23, прим. 7) со всей категоричностью утверждает, что интерпретация двойного слова gána-ga как «поле-ga», предложенная Тюро-Данженом и поддержанная Деймелем, неверна. В шумерологической филологии следует вообще воздерживаться от подобных категорических суждений, ибо здесь древнее положение dies diem docet имеет полную силу. В самом деле, столь категорически отвергнутое И. М. Дьяконовым положение Тюро-Данжена нашло свое блестящее подтверждение в двух новых исследованиях Р. Жестэна (см. RAss, XLIII, 1949, стр. 40 сл.; XLIV, 1950, стр. 73).

[46] Предположение Тюро-Данжена И. М. Дьяконов отвергает одним лишь риторическим вопросом: «Почему šu „рука", „кисть" должно означать „власть"?» (ук. соч., стр. 23, прим. 13). В работе «Государство Лагаш XXV—XXIV вв. до н. э.» (стр. 19—21) я доказываю, что šu «рука» в шумерийском языке, как и в других языках, могло иметь также значение «власть».

[47] Конечно, И. М. Дьяконов имел полное формальное право, ссылаясь на тему своей статьи «Реформы Урукагины в Лагаше», ограничить поставленную перед собой задачу переводом и анализом содержания надписей конусов А, В и С Урукагины и Овальной пластинки. Вместе с тем он, казалось бы, должен был учесть и то обстоятельство, что исторические надписи, связанные с событиями лет правления Урукагины, смогли бы пролить некоторый свет и на существо того или другого мероприятия царя-реформатора. Кроме того, надлежало бы включить в работу, посвященную реформам Урукагины, и сжатое описание той исторической обстановки, которая сложилась в Шумере и в Лагаше, в частности, к моменту проведения Урукагиной своих реформ, а для этого было необходимо обратить сугубое внимание на те исторические надписи, которые связаны со временем царя-реформатора Лагаша. Этот упрек, предъявленный мной И. М. Дьяконову, должен быть также предъявлен и М. Ламберу, который в 1956 г. посвятил исследование текстам реформ Урукагины.

он стремился найти во всем дошедшем до нас эпиграфическом материале доаккадского периода и в связи с этим попытался дать свою самостоятельную интерпретацию многим трудным для понимания разделам этих надписей, в том числе и надписей Урукагины. В отдельных случаях его интерпретация устраняет вполне успешно те препятствия, которые долгие годы мешали осознанию смысла того или другого места надписей Урукагины. Так, заслуживает внимания предложенная Сольберже интерпретация текста столбца II, 4—9 Овальной пластинки, который до него являлся непреодолимым препятствием для всех интерпретаторов данной надписи. Предложенная швейцарским шумерологом интерпретация раскрывает все ценное содержание столь долго непонятого текста и дает возможность историку сделать из него весьма существенный вывод. Вместе с тем надлежит сказать, что не всегда чтения и переводы Сольберже были в достаточной степени обоснованы, как это иной раз доказывает М. Ламбер в своих критических замечаниях по поводу монографии Э. Сольберже [48].

С. Крамер в указанной выше статье 1953 года поставил вопрос о шумерийской историографии, используя иногда переводы и материалы своего учителя А. Пёбеля [49]. Автор дает в этой работе наряду с переводом упомянутого выше историографического текста времени правителя Лагаша Энтемены также пересказ текста надписей конусов B и C о реформах Урукагины. В тех случаях, когда автор сменяет пересказ четким переводом отдельных разделов надписи, его интерпретацию надлежит принимать во внимание. В качестве достоинства следует подчеркнуть и то, что автор поставил вопрос о датировке надписей Овальной пластинки, отмечая отсутствие имени Урукагины в сохранившейся части надписи и наличие в IV столбце ее варианта историографической надписи Энтемены (ук. соч., прим. 7 и 28). Для полноты перечня специальной литературы, посвященной эпиграфическим памятникам Урукагины, следует привести еще указание Крамера на высоко оцененный им перевод надписей царя-реформатора, сделанный Пёбелем в еще не опубликованном его труде «Sumerische Lesestücke» (Kramer, SH, прим. 28). Данное указание является тем более необходимым, что профессор Крамер был столь любезен, что прислал мне в начале 1960 г. перевод нескольких прямоугольников из надпией конусов B и C и Овальной пластинки, взятый из указанного труда А. Пёбеля. Этих переводов я коснусь в дальнейшем в комментарии к надписям Урукагины.

В 1954 г. было издано исследование А. Фалькенштейна «La cité-temple sumerienne»[50]. В нем дан весьма содержательный очерк развития шумерийского общества начиная с древнейшего бесписьменного периода вплоть до его конечной эпохи — III династии Ура. В этом очерке автор неоднократно обращается к эпохе царя-реформатора Урукагины, и ряд его замечаний заслуживает внимания. Так, на основании надписи конусов B и C Урукагины автор заключает, что в глубокой древности храмы владели всей землей (ук. соч., стр. 791). Он также отметил воздействие норм этики, нашедших свое отражение в той же надписи Урукагины, на нормы этики, установленные в дни вавилонского царя Хаммурапи (там же, 798). Далее Фалькенштейн высказывает очень существенное положение, что сложное слово é-gal «дом большой» обозначал в шумерийских текстах,

[48] См. рецензию М. Ламбера на труд Э. Сольберже (RAss, XLVII, 1955, стр. 198 сл.) и его же лексикографические замечания к названному труду (RAss, XLVIII, 1954).

[49] М. Ламбер (RAss, L, 1956, стр. 169) в числе исследований, связанных с текстами реформ Урукагины, упоминает также труд С. Крамера «From the Tablets of Sumer» (стр. 41—46).

[50] A. Falkenstein, La cité-temple sumerienne, CHM, I, 1954, стр. 784—814.

относящихся к историческому периоду Шумера, исключительно «дворец» правителя. К сожалению, в специальной литературе не все авторы приняли это положение, хотя оно находит свою аналогию в древнеегипетском языке, в котором сложное слово pr-ʿ3 «дом великий» обозначало дворец царя.

Но в работе Фалькенштейна имеются и такие положения, с которыми я не могу согласиться. Так, вызывает возражение его утверждение (стр. 794), что роль рабов в Шумере эпохи Урукагины была незначительна — это противоречит выводу моего исследования «Удельный вес рабского труда в храмовом хозяйстве досаргоновского Лагаша» (ВИ, 1960, № 2, стр. 60), согласно которому «труд рабов играл весьма существенную роль». Автор полагает также, что все свободные люди, трудившиеся на полях храма, получали клочек храмовой земли и зерновое довольствие в течение четырех-пяти месяцев, во время которых они выполняли для храма требуемые сельскохозяйственные работы (стр. 796). В действительности же далеко не все свободные люди, работавшие для хозяйства храма, получали от последнего земельный надел и зерновое довольствие в течение четырех-пяти месяцев. Громадное большинство из них при предшественнике Урукагины Лугаланде являлись не членами храмового персонала, а членами сельских общин, сидевших на земле, над которой владычествовало божество, но не его храм. Поскольку же общины сидели на земле, принадлежавшей божеству, то они и должны были за свой надел земли, собственность божества, выполнять работу, требуемую для храма последнего. Лишь в царствование Урукагины большинство из членов общин было включено в число иждивенцев соответствовавшего храмового хозяйства, как я доказал в моем исследовании «Государство Лагаш» (стр. 48 сл.). Фалькенштейн высказывает неправильное с исторической точки зрения положение, что Урукагина называл себя то «царем» (*лугал*), то *патеси*, resp. *энси*, и из этого неправильного положения делает вывод, что титул «царь» терял постепенно свое значение (стр. 797). В действительности же Урукагина называл себя по отношению к внешнему миру *патеси* (*энси*) лишь в первый год своего правления, а второй год его правления стал первым годом его царствования и титул «царь» (*лугал*) остался за ним для внешнего мира вплоть до года его поражения.

В заключение моей оценки наблюдений А. Фалькенштейна касательно эпохи Урукагины я считаю необходимым указать еще на один момент, который выдвигает его исследование в шумерологии на одно из первых мест. Дело в том, что Фалькенштейн в этом своем исследовании отвергает значение расового антагонизма для истории Шумера и Аккада, который выдвигался в течение долгого времени в качестве основного противоречия в истории народов южного Междуречья. Лишь в 1939 г. крупный шумеролог Т. Якобсен отверг для истории Шумера и Аккада значение расово-этнического фактора, а у нас независимо от него И. М. Дьяконов выдвинул в качестве решающего исторического фактора социально-экономический вместо расового. В 1954 г. на Западе у Т. Якобсена появился новый союзник в лице А. Фалькенштейна, который в рассматриваемом исследовании заявляет, что борьба между шумерийским югом и Кишем на севере не являлась «столкновением между двумя расами, но была обусловлена соперничеством двух слоев населения, поведение которых было обусловлено существенно расходившимися традициями. Напротив, более высокий или более низкий уровень культуры обеих сторон должен был играть лишь второстепенную роль, так как всегда имелась возможность достигнуть путем ассимиляции более развитой цивилизации. Необходимые способности, наверное, не отсутствовали у аккадского слоя, как об этом свидетельствует его словарь, его религия, его поэзия и особенно его изо-

бразительное искусство. С той точки зрения, которая нас занимает, решающим фактором был следующий: аккадский слой утверждал право на земельную собственность за индивидуумом или кланом, потрясая тем самым основной принцип шумерийского города (cité) — храма» (стр. 808).

Я решился дать столь обширную цитату из исследования А. Фалькенштейна, так как по отношению к нему И. М. Дьяконов выдвинул незаслуженный упрек (ВДИ, 1963, № 2, стр. 168). И. М. Дьяконов писал, что с начала 50-х гг. «на Западе стали раздаваться голоса с большей или меньшей степенью решительности, отвергавшие тезис Т. Якобсена» и в примечании (прим. 5 на стр. 168) указывал на рассматриваемое исследование А. Фалькенштейна. Я полагаю, что причисление Фалькенштейна к числу исследователей, отвергающих тезис Т. Якобсена, является определенно несправедливым. Дело в том, что А. Фалькенштейн, высказывая свое положение, что вражда между населением севера и юга южного Междуречья «не является результатом столкновения между двумя расами», ссылается в примечании к данному своему положению на известное исследование Т. Якобсена «The assumed Conflict between Sumerians and Semites in Early Mesopotamian History» (JAOS, LIX, 1939, стр. 285—295). Этому исследованию Якобсена И. М. Дьяконов дал следующую блестящую оценку (ук. соч., стр. 167): «Распространенному западноевропейскому воззрению, абсолютизирующему и проецирующему в прошлое расовую и национальную ненависть и провозглашающему ее извечность, объясняющему с ее помощью все исторические события, затушевывая роль общественных, классовых противоречий в мировой истории,— этому воззрению тезис Т. Якобсена нанес в области истории древнего Востока сокрушительный удар». Очевидно, такого же высокого мнения о значении исследования Т. Якобсена был и А. Фалькенштейн, коль скоро он в своем исследовании «Шумерийский город-храм» оказал прямую поддержку тезису Т. Якобсена и, следуя ему, отверг для истории Шумера и Аккада расовый антагонизм между шумерийцами и семитами в качестве исторического фактора. Фалькенштейн противопоставил шумерийцев и семитов южного Междуречья не в отношении расы и этноса, а в отношении вопроса о земельной собственности. «Семитический слой», согласно Фалькенштейну, признавал земельную собственность за индивидуумом или за кланом, а «шумерийский слой» за городом-храмом. Подобное отличие, конечно, не было связано с расовым моментом, а было обусловлено, очевидно, тем, что обе народности пребывали на различных ступенях общественного развития. Для семитов «клановая» организация еще не была преодолена, шумерийцы же успели преодолеть последнюю и достигли в условиях упорной работы над созданием ирригационной системы организации полиса-храма.

Можно, конечно, оспаривать вышеуказанный тезис Фалькенштейна, но следует согласиться с тем, что он не имеет ничего общего с утверждением расово-этнического антагонизма между шумерийцами и семитами и опровержением тем самым тезиса Т. Якобсена. На этом я могу закончить оценку заслуживающего внимания исследования А. Фалькенштейна.

В середине 1955 г. было опубликовано исследование Ф. Дж. Стефенса, посвященное ряду наблюдений над документами хозяйственной отчетности времени Урукагины, но оно касалось также и интерпретации нескольких важных постановлений, содержавшихся в надписи конусов B и C царя-реформатора. Последняя проблема, которая ставится автором этой статьи, сводится к существенному вопросу о дате проведения реформ Урукагиной. Автор решает указанную проблему весьма своеобразно,

датируя реформы Урукагины 6 годом его правления, и проверка данного решения потребует немалой работы [51].

В 1956 г. академик А. И. Тюменев издал свой монументальный труд «Государственное хозяйство древнего Шумера», но он почти совсем не коснулся эпиграфических памятников, которые были посвящены увековечению политических и социальных и исторических явлений эпохи Урукагины.

В исследовании М. Ламбера, опубликованном в конце 1956 г., была дана транскрипция и комментированный перевод надписей конусов A, B и C Урукагины и Овальной пластинки [52]. В этой статье автор ограничил свою задачу исключительно интерпретацией текста, посвященного злоупотреблениям предшественников Урукагины и благодетельным реформам последнего. Поэтому он не дал перевода ни первых двух столбцов, ни последних 15 прямоугольников XII столбца надписи конусов B и C, так как они сообщали лишь о построении храмов и о прорытии каналов, произведенном по повелению царя-реформатора. В основу своего исследования об общественных недугах при предшественниках Урукагины и об исцелении их мероприятиями последнего Ламбер положил тот замечательный источник, который сохранили нам две параллельные надписи — надписи так называемых конусов B и C. В целях уяснения содержания текстов реформ М. Ламбер подобно И. М. Дьяконову в 1951 г. последовал примеру А. Деймеля и разбил содержание текстов на параграфы. Ради того же уточнения понимания этих текстов автор присоединяет к каждому параграфу те параллели, которые нам сообщают другие надписи Урукагины [53].

Недочетом работы М. Ламбера является, по моему мнению, то обстоятельство, что он подобно И. М. Дьяконову в его статье 1951 года совсем не затронул надписей времени Урукагины, касавшихся военных событий царствования последнего. Это тем более непонятно, что М. Ламберу принадлежит несомненная заслуга указания на два документа хозяйственной отчетности, дошедшие до нас от 4 и 5 годов правления царя Урукагины, которые свидетельствуют, что в течение трех лет, начиная с 4 года царя-реформатора, область Лагаша была жертвой вторжения врага [54]. Этот вывод свидетельствует о способности М. Ламбера к исторической интерпретации изучаемых источников. Заслуживает одобрения историка и заключительная часть рассматриваемой работы: она представляет собой словарик основных терминов, которые встречаются в текстах реформ Урукагины. Включение подобного словарика в работы, посвященные изучению той или другой группы источников, было бы вообще крайне желательным [55]. На основной недочет работы М. Ламбера указал уже И. М. Дьяконов в своем исследовании, опубликованном в том же журнале [56]. Дьяконов отмечает (стр. 2), что М. Ламбер в своей работе отступил от тради-

[51] F. J. Stephens, Notes on Some Economic Texts of the Time of Urukagina, RAss, XLIX, 1955, стр. 129—136.

[52] M. Lambert, Les «réformes» d'Urukagina, RAss, L, 1956, стр. 169—184.

[53] См. слова предисловия М. Ламбера к названной статье о реформах Урукагины (стр. 169).

[54] См. В. В. Струве, Основные вехи войны Урукагины и Лугалзаггиси, ВДИ, 1958, № 4, стр. 3—13. В одной из следующих работ я снова вернусь к этой теме в главе об историческом содержании надписей правления Урукагины.

[55] Словарик напечатан на последней странице указанного исследования М. Ламбера (стр. 184). Подобный словарик завершает исследования того же автора, посвященные досаргоновской эпиграфике. Указанные исследования были опубликованы в ряде выпусков RAss. В настоящем выпуске журнала этот словарик напечатан на стр. 209.

[56] I. M. Diakonoff, Some Remarks on the «Reforms» of Urukagina, RAss, LII, 1958, стр. 1—15.

ции издания содержания текста в том же порядке, в каком оно дано в оригинале. В самом деле, разделяя тексты «реформы» Урукагины на параграфы, Ламбер перераспределяет параграфы реформ в том порядке, в котором в оригинальном тексте перечислены злоупотребления во время предшественников Урукагины. Мало того, если злоупотребление упоминается в той же части надписи, что и реформа, т. е. если здесь то же предложение включает в себя и злоупотребление, и реформу, то Ламбер разделяет единое предложение в надписи на два предложения, и одно он вводит в раздел злоупотреблений, а второе — в раздел реформ. Таким образом, порядок параграфов, посвященных реформам, в исследовании Ламбера не соответствует порядку, в котором указанные параграфы расположены в самой надписи.

Подобным перераспределением параграфов, посвященных реформам Урукагины, М. Ламбер стремился, очевидно, с большей конкретностью выявить направление устремлений царя-реформатора. К сожалению, он не предпослал этому перераспределению содержания текстов Урукагины точный перевод этих текстов, в котором не был бы изменен порядок следования параграфов о реформах в соответствии с порядком параграфов о злоупотреблениях. Дав предварительно такой перевод, М. Ламбер смог бы со спокойной совестью провести свое перераспределение параграфов, отмечавших реформы Урукагины. Теперь же И. М. Дьяконов вполне прав, когда он указывает (там же), что подобное перераспределение текста таит в себе определенную опасность, так как оно навязывает читателю субъективную интерпретацию автора и разъединяет то, что должно быть объединено. В ряде случаев И. М. Дьяконов в своей работе дает несколько иную интерпретацию шумерийского текста, нежели та, которую предлагал М. Ламбер. В одном случае он устанавливает ошибку французского исследователя в транскрипции шумерийского текста [57].

В той части моей работы, которая будет посвящена интерпретации исторических надписей Урукагины, я буду учитывать переводы И. М. Дьяконова, так же как и переводы других исследователей. Там я буду отмечать все моменты согласия и несогласия с интерпретацией И. М. Дьяконова и других моих предшественников. Здесь же я хочу остановиться несколько на двух проблемах, которым, по моему мнению, И. М. Дьяконов должен был уделить немного больше внимания. Я имею в виду в первую очередь интерпретацию сложного социального термина šub-lugal[58], который М. Ламбер, следуя по существу за интерпретацией Тюро-Данжена, перевел «voué du roi» («посвященный царя»)[59]. И. М. Дьяконов не согласен с такой интерпретацией указанного сложного слова и заявляет, что «lugal здесь, вероятно, просто „хозяин", а не „царь": царя в Лагаше во время Лугаланды не было» (ук. соч., стр. 8). Однако трудно себе представить, чтобы Ф. Тюро-Данжен не знал, что в Лагаше во время правления *nateси* Лугаланды не было царя. Он, а за ним Ламбер, конечно, этот факт знали, и поэтому Тюро-Данжен в своей транскрипции указанного шумерийского текста снабдил социальный термин šub-lugal следующим примечанием: «т. е. бог Нингирсу»[60].

Второй вопрос, на котором я хочу остановиться при разборе исследования И. М. Дьяконова, это проблема чтения в конусах B и C сложного

---

[57] Там же, стр. 11 в транскрипции § 14. В прим. 1 к указанной странице М. Ламбер признает, что ошибся.

[58] Кон. B, VII, 17 = Кон. C, VI, 37.

[59] Ук. соч., стр. 174, § 11. М. Ламбер заменяет чтение šub первого знака другим чтением (ru) и транскрибирует поэтому это сложное слово не šub-lugal, а ru-lugal.

[60] SAKI, стр. 49, прим. 1. Более обстоятельно я остановился на этом вопросе в моей статье в ВДИ, 1959, № 2, стр. 12 сл.

слова gána-ga[61]. Следует показать, что чтение gaĝ, предложенное в качестве возможного И. М. Дьяконовым [62], для gán, resp. gána, являлось невозможным, как это вытекает из исчерпывающего исследования Р. Жестэна о шумерийских словах, в состав которых входит нунированное g. Р. Жестэн доказал также, что комплементным слогом слова, оканчивавшегося на нунированное g, являлся не слог ga_1, а слог ga_2[63]. Действительно, мы не находим ни одного написания сложного слова gána-ga, в котором слог ga был бы написан не через ga_1, а через ga_2, как об этом свидетельствуют примеры, собранные самим И. М. Дьяконовым в его указанном исследовании (стр. 9, прим. 1).

Надлежит указать также, что И. М. Дьяконов в своей последующей работе, опубликованной через полгода после появления в печати упомянутой его статьи на английском языке, отказался полностью от своего предположения, что конечное n в слове gán «поле» является нунированным g, поскольку gána-ga никогда не пишется со знаком gà[64]. Поэтому И. М. Дьяконов, отказавшись от своей догадки о наличии нунированного g в конце слова gán «поле», пытается иным путем отстоять свое положение, что gána-ga является не сложным словом «поле-ga», а соответствует родительному падежу слова gán «поле». Для этой цели он причисляет данное сложное слово gána-ga к группе слов, подобных kal(ag) «быть сильным» или uz(ag) «гусь» [65]. В связи с данным утверждением И. М. Дьяконова следует указать, что филологическая наука не располагает какими-либо аргументами в пользу того, чтобы слово gán следовало бы читать gán(ag) подобно вышеприведенным словам kal(ag) и uz(ag). Дело в том, что слово gán, resp. gána, упоминается в силлабариях, учебниках вавилонских и ассирийских писцовых школ, но постулируемое И. М. Дьяконовым написание gánag мы нигде не встречаем [66].

Ряд других проблем, связанных с интерпретацией текстов эпохи Урукагины, И. М. Дьяконов решил в данной своей статье иначе, чем я, и я коснусь этих разногласий в работе, которая будет посвящена переводу и обстоятельному комментированию исторических надписей царя-реформатора. Я надеюсь, что в этой работе мне удастся в некоторых случаях убедить моего упорного оппонента в правоте моей интерпретации шумерийских исторических источников. Подобный оптимизм с моей стороны обусловлен тем обстоятельством, что в этой статье И. М. Дьяконов, останавливаясь на моем переводе и интерпретации исторического текста, связанного с Урукагиной [67], заявил, что «самый этот перевод и предложенная акад. В. В. Струве интерпретация текста слишком произвольны» [68]. К данному историческому тексту я вскоре снова вернулся, но результаты этого моего исследования были напечатаны уже после того, как была опубликована

[61] Кон. B, VII, 23 = Кон. C, VII, 6.

[62] В прим. 7 к стр. 8 своего исследования И. М. Дьяконов допускает, что «чтение gaĝ является возможным; передача слога ga_2 знаком ga вместо ga_2 не является совсем без параллелей».

[63] RAss, XLIII, 1949, стр. 40 слл.; XLIV, 1950, стр. 73. Данное исследование Р. Жестэна по существу опровергает всякую попытку видеть в gána-ga не двойное слово, как предлагал в свое время Тюро-Данжен, а конструкцию, соответствующую родительному падежу слова gána «поле».

[64] См. статью И. М. Дьяконова с несколько претенциозным названием «О работе с шумерскими историческими источниками» (ВДИ, 1958, № 2, стр. 56 слл., прим. 46).

[65] Там же, стр. 56, прим. 39.

[66] См. тот материал, который я привожу в связи с данной филологической проблемой в ВДИ, 1959, № 2, стр. 8—12.

[67] Данная надпись AO, 4598 была издана и переведена Тюро-Данженом в NFT, стр. 213—215. Э. Сольберже переиздал эту надпись в своем «Corpus des inscriptions „royales" présagroniques de Lagaš» (Genève, 1956, стр. 57, № 14.). Я дал интерпретацию и частичный перевод текста в статье в ВДИ, 1957, № 4, стр. 17.

[68] ВДИ, 1958, № 2, стр. 63.

рассматриваемая статья И. М. Дьяконова. В указанной моей статье «Основные вехи войны Урукагины и Лугалзаггиси»[69] названный исторический текст играет весьма существенную роль и его интерпретация в основном мало отличается от интерпретации, предложенной мной в 1957 г. Тем не менее в монографии, напечатанной в 1959 г., И. М. Дьяконов отказывается излагать ход войны между Урукагиной и Лугалзаггиси, «так как его подробная реконструкция дана в работе В. В. Струве „Основные вехи войны Урукагины и Лугалзаггиси“»[70]. Поэтому я надеюсь, что и некоторые другие мои интерпретации, которые в 1958 г. казались И. М. Дьяконову «произвольными», встретят в дальнейшем его согласие по мере ознакомления с моей аргументацией. В 1959 г. появилось исследование ученицы Р. Жестэна И. Розенгартен «La notion sumerienne de souverainetée divine: Uru-ka-gina et son dieu Nin-gir-su»[71]. Автор учитывает все предшествовавшие исследования о реформах Урукагины, опубликованные на французском и английском языках [72], но пытается быть по мере возможности самостоятельной в своей интерпретации исследуемого текста. Надлежит подчеркнуть, что она единственная из всех исследователей, изучавших надписи Урукагины после А. Деймеля, в должной мере отметила прогресс, достигнутый последним в деле интерпретации этих важнейших исторических источников (ук. соч., стр. 130).

В работе И. Розенгартен приходится, к сожалению, отметить, как и в работах некоторых ее предшественников, отсутствие историзма. В самом деле, хотя она признает, что надписи на конусе А и Овальной пластинке дополняют сведения о мероприятиях Урукагины, увековеченные на конусах В и С[73], но вместе с тем она в дальнейшем не останавливается на этом вопросе и в своем исследовании ограничивается лишь транскрипцией и комментированным переводом надписи на конусах В и С. Не совсем понятно утверждение автора, что царь-реформатор не поколебал ни политический режим, ни администрацию, ни религию Лагаша (ук. соч., стр. 131), хотя она и заявляет, что Урукагина выдвигал тяжелое обвинение против своих предшественников в эксплуатации имущества богов (ук. соч., стр. 133 сл.). Правда, в дальнейшем И. Розенгартен ставит под сомнение, что при Урукагине замена формулы предшествовавших лет «собственность Барнамтарры, супруги Лугаланды» формулой «собственность богини Баба» соответствовала действительно реальной передаче имущества богини Баба из ведения правителя в ведение религиозной общины [74]. Далее автор высказывает положение, что противопоставление храмов «дому великому», т. е. дворцу царя, является неуместным, поскольку дворец царя был самым мощным из храмов и имел своего верховного жреца—sag̃a é-gal («дома большого») (ук. соч., стр. 140). Можно упрекнуть автора также в том, что она почти не коснулась тех постановлений, которые не были включены в надписи конусов В и С, а лишь в надпись на Овальной пластинке [75]. Это тем более досадно, что Розенгартен приложила к своему исследованию транскрипцию и комментированный перевод одной лишь

[69] ВДИ, 1958, № 4, стр. 4 слл.

[70] И. М. Дьяконов, Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер, М., 1959, стр. 196, прим. 1.

[71] «Revue de l'istoire des religions», CLVI, 1959, стр. 129—160.

[72] Автор придерживается обычной установки: rossica non leguntur.

[73] Ук. соч., стр. 131: «Конус А и Овальная пластинка, редакция которых часто отличается от редакции конусов В и С, приносят более чем варианты в выражении: новые постановления, дополняющие, вероятно, первый список».

[74] Ук. соч., стр. 135. О роли религиозной общины см. Струве, Государство Лагаш, стр. 33 сл.

[75] Автор, как и большинство шумерологов, безоговорочно уверена в том, что надпись на Овальной пластинке отражала законодательство Урукагины.

надписи конусов B и C, а в своем комментарии к переводу этой надписи она лишь однажды приводит один параллельный текст из надписи Овальной пластинки (ук. соч., стр. 147, прим. 4) и два раза вскользь касается надписи конуса A[76]. Заслуживает одобрения приложенный к статье словарь тех терминов, которые разъясняются как в предисловии к транскрипции надписи конусов B и C, так и в комментированном переводе текста указанных памятников (ук. соч., стр. 160).

Кроме этого исследования, И. Розенгартен является автором двух монографий, изданных в 1960 г.[77]. Первая монография посвящена рассмотрению жертвоприношений в шумерийском обществе[78], а вторая—весьма обстоятельный труд—ставит вопрос о шумерийском понятии потребления в жизни экономической и религиозной[79]. Поставленная перед автором проблема в первой из монографий выходит по существу за пределы той тематики, которой посвящено мое настоящее исследование, и мне придется лишь мимоходом коснуться вопросов жертвоприношения независимо от социально-экономической проблематики. Зато тематика второй монографии Розенгартен отчасти близка к тем задачам, которые подлежат решению в моей работе, поскольку она в названной своей большой монографии пытается ответить на вопрос о значении «реформ»[80] Урукагины. Автор останавливается на той реформе Урукагины конусов B и C, которая утверждала во дворце *nateси* и на земле *nateси*, и во дворце и на земле жены *nateси*, и во дворце и на земле детей *nateси* господство бога Нингирсу и его божественной семьи[81]. Приведя данное постановление Урукагины, И. Розенгартен предостерегает читателя, чтобы он не воспринимал буквально данную «эмфатическую декларацию» царя Лагаша. По ее мнению, по существу никакого различия между отношением к имуществу храма богини Баба со стороны Урукагины и со стороны его предшественников не было (CSCVER, стр. 353). Подобный отказ И. Розенгартен от известного положения А. Деймеля потребует весьма тщательной проверки, которую я попытаюсь провести в той моей работе, которая будет посвящена определению сущности реформ Урукагины.

В конце 1959 г. была опубликована названная выше докторская диссертация И. М. Дьяконова, посвященная истории Шумера начиная с древнейших времен вплоть до III династии Ура[82]. Это последняя из известных мне работ, изучавших исторические надписи Урукагины, а также и документы хозяйственной отчетности времени царя-реформатора и его двух ближайших предшественников из архива храма богини Баба. В рецензии на труд И. М. Дьяконова я отметил, что эта монография, «в которой использовано много источников и привлечены результаты специальной литературы, представляет несомненный научный интерес» (НАА, 1961, № 2, стр. 176). Данное суждение является выводом из обстоятельной рецензии, в которую я пытался включить и некоторые коррективы и до-

[76] Ук. соч., стр. 146, прим. 8; стр. 147, прим. 1.

[77] Я ознакомился с ними благодаря любезности И. М. Дьяконова, за что и приношу ему мою благодарность.

[78] I. Rosengarten, Le régime des offrandes dans la societé sumerienne, P., 1960.

[79] Она же, Le concept sumérien de consommation dans la vie économique et religieuse, P., 1960 (далее — CSCVER).

[80] И. Розенгартен не считает Урукагину реформатором и поэтому слово «реформы» ставит в кавычки.

[81] SAKI, стр. 50, стб. IX, 7—21.

[82] Хотя она несколько раньше увидела свет, нежели две вышерассмотренные монографии И. Розенгартен, но я решил рассмотреть эти работы в связи с ее первой работой, которая имеет прямое отношение к теме моего исследования. Дело в том, что я считаю нецелесообразным завершать обзор литературы, посвященной историческим надписям Урукагины, трудами, не имеющими к данным надписям прямого отношения.

полнения, полученные мной отчасти путем изучения табличек архива храма богини Баба эпохи Урукагины (там же, стр. 168—176). Надлежит во имя справедливости отметить, что эффективное использование материала, который предоставляет историку архив храма богини Баба, не под силу одному исследователю. Я лично мог использовать его только благодаря помощи моего референта О. Д. Берлева, который своим интенсивным трудом помог мне создать картотеки имен, титулов, профессий и других социальных терминов, засвидетельствованных документами этого храмового архива. Поэтому я далек от того, чтобы упрекать И. М. Дьяконова в неполадках, обусловленных отсутствием у него результатов детального изучения табличек архива храма богини Баба, поскольку перед ним стояла сложная задача создать свое понятие всей истории Шумера, а не только одной эпохи Урукагины. Данных неполадок, а также и других моментов, которые я решаю по-иному, нежели И. М. Дьяконов, я коснусь в комментарии к переводу исторических надписей Урукагины. Там же я упомяну и о предложениях к переводу текста конусов B и C царя-реформатора и Овальной пластинки, сделанных на семинарских занятиях, которые вел И. М. Дьяконов во время своего трехмесячного пребывания в Чикаго по приглашению Восточного института Чикагского университета. На этих занятиях помимо студентов присутствовал и принимал активное участие ряд видных ассириологов и шумерологов. Участниками этих занятий была использована и интерпретация вышеуказанных надписей, предложенная несколько раньше на своих семинарских занятиях крупным шумерологом Т. Якобсеном. И. М. Дьяконов любезно познакомил меня с этим материалом, за что приношу ему мою благодарность. Все эти новые предложения как чтения, так и интерпретации того или другого термина, которые имеют целью уяснить и уточнить тенденцию реформ Урукагины, будут мной учтены при окончательной интерпретации всех исторических надписей великого шумерийского правителя, являющейся завершением моей долголетней работы по изучению этого раздела истории Шумера.

В заключение моего обзора работ, посвященных установлению фактов эпохи Урукагины, я хочу сказать несколько слов об упомянутом прекрасном труде Э. Сольберже «Corpus des inscriptions „royales“ présargoniques de Lagaš». Здесь собраны клинописные копии всех известных нам надписей правителей доаккадского Лагаша, начиная с Урнази и кончая Урукагиной. Единственный упрек, который я решаюсь высказать автору этого полезнейшего издания, это отсутствие среди копий эпиграфических памятников правителей Лагаша указанного времени надписи на так называемом Черном камне. Правда, в надписи упомянут как действующее лицо только старший сын правителя Энаннатума — Лумматур, но следует учесть, что учреждение такого землевладения, как увековеченное в надписи на этом камне, вряд ли могло быть создано Лумматуром без согласия на то его отца, правителя Лагаша. Да и сам Лумматур мог бы, пожалуй, и сам по себе быть включенным в число тех лиц, надписи которых достойны войти в состав надписей правителей Лагаша. Дело в том, что «вероятно, Лумматур был наследником и соправителем своего отца» [83]. Вообще следует отметить, что трагическая судьба старшего сына *патеси* (*энси*) Лагаша Энаннатума заслуживает того, чтобы историки уделили ей больше внимания [84], а поэтому и все надписи, связанные с его именем, достойны быть включенными в образцовое издание Э. Сольберже.

[83] Дьяконов, Шумер, стр. 66.

[84] Некоторые новые данные о жизни Лумматура можно найти в моей статье «Энтемена-узурпатор» (КСИНА, 46, стр. 30 сл.).

М. А. Коростовцев

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ СЛОЖНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ НОВОЕГИПЕТСКОГО ЯЗЫКА

I. Определение. Сложными глагольными формами новоегипетского языка называются такие глагольные формы, которые обязательно состоят из сочетания знаменательного глагола и одного или более вспомогательных глаголов. Помимо собственно глаголов сложные глагольные формы обязательно содержат субъект [1] — именной или местоименный, а также нередко некоторые определенные предлоги. Такие сочетания представляют собой единое смысловое целое и могут одновременно рассматриваться как внешние предикативно-глагольные синтагмы [2].

Аналогичные сложные глагольные формы широко распространены во многих языках, в частности, в европейских, например: ich habe gehört; he was swimming; tu as chanté и т. д.

II. В основе предлагаемой в данной статье классификации лежит форма знаменательного глагола.

Исходя из этого, сложные глагольные формы новоегипетского языка разделяются на: 1) *Финитные формы*, т. е. такие, в которых знаменательный глагол входит в качестве составного элемента в какой-либо своей финитной форме; 2) *Квалитативные формы*, в составе которых знаменательный глагол выступает в форме квалитатива. Употребление последнего термина вместо псевдопартиципа или старого перфекта оправдывается тем, что в новоегипетском языке так называемый старый перфект морфологически гораздо ближе к коптскому квалитативу, чем к среднеегипетскому старому перфекту или псевдопартиципу; 3) *Инфинитивные формы*, т. е. такие, в которые знаменательный глагол входит в форме инфинитива.

III. Само собой понятно, что отрицательные сложные глагольные формы содержат на один элемент (т. е. отрицание) больше, чем соответствующие им утвердительные.

В данной статье рассматриваются только последние.

IV. Целью настоящей статьи является не только распределение сложных глагольных форм на перечисленные выше три группы на основе формы знаменательного глагола, но и составление лингвистических моделей, обобщающих однотипные формы.

V. Для составления этих моделей использованы следующие символы: A — вспомогательный глагол — конкретно wn, wnn, iw, irj, iir; V — основы финитных форм знаменательного глагола — sḏm.f, sḏm.n.f, isḏm.f;

---

[1] Исключением являются сложные причастия, не содержащие субъекта.

[2] А. А. Реформатский, Введение в языкознание, М., 1960, стр. 267.

Q — квалитатив знаменательного глагола; I — инфинитив знаменательного глагола; (pr) — предлоги ḥr, r, m, которые могут быть опущены; S — субъект — именной или местоименный (в последнем случае местоименные суффиксы или другие формы местоимений); P — префикс — конкретно префикс конъюнктива.

Из сочетаний перечисленных элементов (или членов) и состоят конкретные сложные глагольные формы новоегипетского языка. Отметим, что элемент S, следуя после глагола вспомогательного или знаменательного, сливается с ним.

VI. Финитные сложные глагольные формы.

Форма № 1: iw sḏm.f[3]
Форма № 2: iw sḏm.n.f[4]
Форма № 3: iw isḏm.f[5] **Модель (I) A + VS**
Форма № 4: wn sḏm.f
Форма № 5: iw wn.f

У этой модели две особенности, резко отличающие ее от всех дальнейших: во-первых, вспомогательный глагол стоит в безличной форме, что типично именно для новоегипетского[6], во-вторых, субъект — последний элемент модели. Поскольку в ссылках указана литература о первых трех формах, остановимся подробнее лишь на последних двух.

Форма № 4: wn sḏm.f (или ее описательный вариант wn irr.f sḏm) вводит протасис условных ирреальных предложений. Иногда ей предшествует условно-оптативная проклитическая частица ḥ⸗n⸗ (ḥn) (Wb, II, стр. 481).

Форма редкая.

(1) ḥn wn ptr.i wn iw.i (ḥr) ḏd.t.f. n.k «если бы я видел, я сказал бы это тебе»—Pap. Br. Mus. 10403, 3,39; там же, 3,31; Pap. Br. Mus., 10052, 4, 11—12; 4, 13 [7].

(2) wn iir.w wḫ⸗ p⸗ nṯr m-ḏr nm «искали бы бога у кого?».

Наличие в этом предложении формы wn iir.f sḏm объясняется тем, что это предложение вопросительное [8]. Но вопрос этот относится к уже неосуществившемуся прошлому, и поэтому это ирреальное условное предложение в вопросительной форме. Вместе с тем оно является аподосисом, а не протасисом.

Приводимый А. Эрманом (N, § 536) пример к форме wn sḏm.f из того же текста Ун-Амуна 2,29 неуместен и ошибочен: в предложении ḥ⸗n⸗ wn di.w ʿnḫ snb слова wn di.w представляют собой не форму wn sdm.f и значат не «они дали бы»: в wn di.w пропущено m (должно быть wn (m) di.w), что имеет свой полный эквивалент в коптском ⲟⲩⲛⲧⲟⲩ «они имели», как вполне правильно указывает сам Эрман в другом месте своего труда (N, § 508).

В заключение следует подчеркнуть редкое употребление формы wn sḏm.f.

---

[3] М. Коростовцев, Глагольная форма iw sḏm.f в новоегипетском языке, «Древний мир» (Сб. статей в честь акад. В. В. Струве), М., 1962, стр. 86—104.

[4] M. Korostovtsev, Notes philologiques (далее — KNPh), RdÉ, 1961, стр. 52—54.

[5] Ее описательным вариантом является форма № 29 iw iir.f. sḏm — A. Erman, Neuägyptische Grammatik, Lpz, 1933 (далее — N), § 526.

[6] В среднеегипетском нередки формы iw.f. sḏm.f; wn in.f. sḏm и др.

[7] E. Peet, The Great Tomb Robberies of the Twentieth Dynasty (далее — Robb.), II, Oxf., 1930, табл. XXXVII; XXVII.

[8] H. J. Polotsky, Une régle concernant l'émploi des formes verbales dans la phrase interrogative en néoégyptien, ASAE, 40, 1940, стр. 241—245.

Форма № 5: iw wn.f. С самого начала надо подчеркнуть, что в этой форме с точки зрения формальной мы имеем частный случай формы iw sḏm.f, и поэтому логично полагать, что iw sḏm.f и iw wn.f в своем значении и употреблении имеют точки соприкосновения. Отметим также, что в форме iw wn.f глагол wn имеет значение не вспомогательного, а знаменательного глагола «быть, находиться (где-либо)». Судя по контексту, в которых она встречается, она выражает прошедшее время по отношению к моменту речи и, следовательно, является одной из абсолютных форм прошедшего времени. Встречается преимущественно перед адвербиальными выражениями.

(3) iw wn(.i) m-ḫ3t rmṯ «я был во главе людей»—Khensemhab, 3, Florence [9].

Значение прошедшего времени бесспорно.

(4) ḫr iw wn.i im m ṯ3t «я был там вазиром»—Pap. Abbott, recto 10 (Robb., табл. IV).

(5) «(он сказал: Клянусь Амуном и правителем! Если) найден будет человек, iw wn.f ir m.i iw ḫ3p.i sw после того, как он был со мной, и после того, как я его укрывал, (пусть наложат его наказание на меня)».

Здесь глагольные формы iw wn.f и iw ḫ3p.i — это формы iw sḏm.f соответствующих глаголов, выражающих время действия, предшествующее времени действия gm rmṯ «(если) найден будет человек» [10].

(6) «(из-за его отца), iw wn.f m n3 swt». Пит переводит «he having been in the tombs» (Robb., I, стр. 157). Но контексту несравненно лучше соответствует перевод: «после того, как он был в гробницах» — Pap. Abbott, 15, 10 (Robb., табл. XXXIV). Ср. пример (5).

(7) «(не говорил лживо): привет тебе iw wn ḫrj m ḥt.k после того, как побывал страх в нутре твоем» [11]— Pap. Br. Mus. 1047, 13, 14 (поучение Аменемопе). Такой перевод по аналогии с примерами (5) и (6) вполне соответствует контексту.

(8) «(он разбужен), iw wn wʿ n wnwt после того, как был (всего лишь) один час» [12]— Pap. Lansing 9, 7 [13]. Ср. примеры (5), (6), (7).

(9)...iw wn mntf irr wḥm n.n «...это был именно он, рассказавший нам...» — Pap. Mayer, A, recto 4, 10 [14].

(10) «(он проклял гробницу на западе Некрополя), iw wn wḏ r-iwd.s, которая имела надгробную плиту». Плита была раньше, чем «он проклял гробницу на западе Некрополя».

Во всех приведенных примерах форма iw wn.f выражает прошедшее время.

VII. Обращаясь к рассмотрению сложных квалитативных и инфинитивных форм новоегипетского языка, необходимо сделать одно очень существенное предварительное замечание. Эти формы нередко встречаются уже в среднеегипетских текстах и в грамматиках их принято называть «ложноглагольной конструкцией» [15], причем их трактуют на синтаксиче-

---

[9] A. H. Gardiner, Late-Egyptian Stories, Bruxelles, 1932 (далее — LES), стр. 91.

[10] Коростовцев, Глагольная форма iw sḏm. f..., стр. 90.

[11] А. Эрман переводит: «indem Schrecken in deinem Herzen ist» — N, § 522.

[12] Р. Каминос переводит: «after he has been awaken whilst it is (jet) an hour» — R. Caminos, Late-Egyptian Miscellanies, L., 1954 (далее — CLEM), стр. 404, 405.

[13] A. H. Gardiner, Late-Egyptian Miscellanies, Bruxelles, 1937 (далее — LEM). стр. 108.

[14] E. Peet, Mayer Papyri A and B, L., 1920; N, § 535.

[15] Н. С. Петровский, Египетский язык, Л., 1958, § 186—189; GFG, § 322—323; LGE, § 651—670.

ском уровне как особые виды предложений. Так же поступает и А. Эрман. Например, сложную глагольную форму iw.f ḥr sḏm, которую Эрман по аналогии с коптской грамматической терминологией назвал Praesens II, он рассматривает как номинальное предложение, введенное глаголом iw (N, §§ 486—500) и т. д. Несомненно, что Praesens II, Praesens I, Futurum III и т. д. можно рассматривать на синтаксическом уровне, но во всяком случае не как предложения, а лишь как синтагмы, о чем уже сказано выше (см. раздел I этой статьи), так как они фактически не предложения, а именно синтагмы. Поэтому термин «ложноглагольная конструкция», подразумевающий целое предложение, к ним не подходит. К тому же он очень расплывчат, обобщая разные по своей грамматической природе явления, и, наконец, он не соответствует фактам, ибо в так называемой «ложноглагольной конструкции» вспомогательный и знаменательный глаголы налицо — первый в формах iw.f, wn.f и т. д., второй — в квалитативе (который имеет парадигматическую ось) или в инфинитиве.

В силу сказанного гораздо удобнее разные варианты «ложноглагольной конструкции» рассматривать как конкретные сложные глагольные формы.

В заключение отметим, что квалитативные и инфинитивные сложные глагольные формы в новоегипетском языке играют доминирующую роль, чего мы еще не видим в среднеегипетском.

VIII. Квалитативные сложные глагольные формы.

Форма № 6 (Praesens II[a])[16]: iw.f sḏm

Модель (II) AS + Q

Форма № 7: wn.f sḏm

Квалитативные формы выражают всегда не действие, а состояние, являющееся результатом действия знаменательного глагола. Если знаменательный глагол переходный, то квалитативные формы имеют значение, очень близкое к пассиву.

Форма № 6 (Praesens II[a]): iw.f sḏm не относится к какому-либо определенному времени и ни один из ее элементов также никакого времени не выражает. Поэтому Praesens II[a] может выражать состояние в прошлом, настоящем и будущем в зависимости от контекста.

(11) iw tȝ ḫȝb n tȝj.f srpt hȝj r.i «тень его опахала пала на меня» — Ун-Амун, 2,45. Здесь у квалитатива hȝj опущено окончание 3 л. ед. ч. жен. рода (ср. Ун-Амун, 2,46).

(12) «(до прихода чего же), iw.i di ḫȝʿ.tw буду я здесь пребывать (букв. „брошен“)?»—Ун-Амун, 2,66.

(13) «(я громко крикну на Ливан, разверзнется небо) iw nȝ ḫt di ḫȝʿ (ḥr) spt pȝ jm и лес будет здесь брошен на берегу моря» — Ун-Амун, 2,13—2,14.

(14) «(его старший брат вернулся в свой дом), iw ḏrt.f wȝḥ ḥr ḏȝḏȝ.f iw.f wrḥ n iwtn (a) рука его покоилась на голове его, (а) она была посыпана прахом» — Pap. Orbiney, 8,7 (LES, стр. 18).

Здесь два вспомогательных предложения, введенных Praesens II[a] и выражающих прошедшее потому, что в предшествовавшем им главном предложении время действия в прошлом (wn.in.f ḥr šmt n.f).

(15) «(он построил себе замок своей рукой в долине кедра), iw.f mḥ m ḫt nb nfr (a) он был полон всяких прекрасных вещей»— Pap. Orbiney, 9,2 (LES, стр. 18).

---

[16] Praesens II[a] — iw.f + квалитатив знаменательного глагола; Praesens II — это iw.f + (предлог) + инфинитив знаменательного глагола.

(16) «(они взялись пахать), iw ib.sn ndm r iḳr (a) сердца их были сладостны очень».

Такое употребление Praesens II[a] во вспомогательных предложениях — широко распространенное явление.

Форма № 7: wn.f sḏm имеет две функции; функция первая: она выражает состояние только в прошлом.

(17) wn.k ḫms.tw «ты сидел» — Pap. Mayer A, 5, 17 (N, § 510).

(18) wn rbw mšwš snḏm ḫr Kmt «ливийцы и *мешуш* осели в Египте» — Pap. Harris I, 77, 11[17].

(19) wn pȝ tȝ n Kmt ḫȝʿ m rwtj «страна Египет выброшена была вон» — Pap. Harris I, 20, 2—3 (Harris I, стр. 91).

В вышеприведенных трех примерах форма wn.f sḏm употреблена в главных предложениях. Гораздо чаще она встречается во вспомогательных [18] или придаточных предложениях, в которых она относится не просто к прошедшему времени, а ко времени, предшествовавшему времени главного предложения, и поэтому А. Эрман указывает, что она сменила старую форму sdm.n.f (N, § 510). Приводимые ниже примеры подтверждают эту точку зрения. Далее А. Эрман сопоставляет здесь египетское wn с коптским (там же), а эта коптская форма также выражает состояние в прошлом или длительное действие [19].

(20) «(я сделал, чтобы процветала земля), wn.f fkȝ (a) раньше она была заброшена» — Pap. Harris I, 79,2 (Harris I, стр. 96).

(21) «(если ты узнаешь, что) wn nkt ḫpr r.i случилось нечто со мной» — Pap. Orbiney, 8,4; 8,6 (LES, стр. 17—18).

(22) di(.k) wsr.i wn.i nmḫ.kwi «ты даешь, чтобы разбогател я, (a) раньше был я бедным» — Гробница Панехси (Maj Sandman, Texts from the Time of Akhenaten, Bruxelles, 1938 (далее — Sandman), стр. 24).

Функция вторая формы № 7: после разных форм глагола di «давать» со значением «побуждать», «приказывать» и т. п. она выражает так называемый субъюнктив (N, § 54), весьма близкий по смыслу к французскому subjonctif (qu' il fasse).

(23) di.k wn kȝ.i mn rwd «ты даешь, (чтобы) было мое *ка* пребывающим и процветающим» — гробница Эйе (Sandman, стр. 89).

(24) di.s wn nḫbt tȝj nb msḫn n mȝȝ.s «она дает, чтобы шея мужчины каждого была повернута, чтобы видеть ее» — Pap. Chester-Beatty I, 22.6 [20].

Субъюнктив никакого времени не выражает.

В обоих приведенных примерах предикат следующего за глаголом di предложения выражен формой wn.f sḏm, где wn, как и во всех сложных глагольных формах, означает грамматическое (в данном случае не реальное) прошлое. Обратим внимание на то, что и в русском языке эти предложения содержат прошедшее время глагола «быть» — «(чтобы) было мое *ка*...» и «чтобы...была повернута».

Модель (II) AS + Q отличается от модели (I) A + VS следующей весьма существенной особенностью: субъект S не третий, а второй элемент (или член) модели, считая слева.

---

[17] W. Erichsen, Papyrus Harris I, Bruxelles, 1933 (далее — Harris I), стр. 93.

[18] Под «вспомогательным» предложением подразумевается такое предложение, которое формально с внешней стороны не имеет признаков придаточного предложения, но продолжает и развивает мысль, выраженную в главном предложении. Ср. GEG, § 182: «virtual subordinate clause».

[19] W. Till, Koptische Dialektgrammatik, Münch., 1961, § 269, стр. 59.

[20] A. H. Gardiner, The Chester-Beatty Papyri № 1, L., 1931 (далее—Beatty I).

К квалитативным формам относится и Praesens I^{a}[21]. Необходимо подчеркнуть, что он состоит не из трех элементов или членов, как предыдущие формы, а из двух — субъекта (именного или местоименного) и квалитатива знаменательного глагола. Вспомогательный глагол в Praesens I^{a} отсутствует. Таким образом он требует особой модели (III) S + Q. Сравнивая ее с моделью (II) AS + Q, мы видим, что в одной налицо элемент A, тогда как в другой он отсутствует.

Таким образом Praesens I^{a} (как и Praesens I) строго говоря не соответствует данному выше (раздел I) определению сложных глагольных форм из-за отсутствия вспомогательного глагола. Тем не менее мы включаем Praesens I^{a} (как и Praesens I), а также конъюнктив (mtw.f sḏm) в сложные глагольные формы, исходя из следующих соображений: 1) Praesens I^{a} (как и Praesens I), а также конъюнктив не являются простой финитной формой глагола; 2) эти формы представляют собой внешние предикативно-глагольные синтагмы, как и все изучаемые в этой статье сложные глагольные формы.

Эти соображения вполне достаточны, чтобы иметь основание рассматривать эти формы как сложные глагольные формы, несмотря на отсутствие в их составе вспомогательного глагола. Вместе с тем неприемлемо следующее соображение Эрмана в пользу этого правильного положения: он утверждает, что личное местоимение особой парадигмы twi, twk и т. д., являющееся субъектом Praesens I^{a} (в случае местоименного субъекта), якобы воспринималось египтянами как вспомогательный глагол (N, § 478): ведь в этой парадигме третье лицо единственного числа мужского и женского рода представлены местоимением sw, 3 лицо мн. числа обоих родов — местоимением st. Ни то, ни другое египтяне, конечно, не воспринимали как глагол. Гораздо вероятнее, что в качестве глагола воспринимался префикс конъюнктива mtw.

Praesens I^{a} достаточно хорошо изученная форма, чтобы здесь на ней останавливаться. Вместе с тем определение Praesens I^{a}, данное Эрманом, а также ряд функций этой формы требует дополнительного исследования.

IX. Инфинитивные сложные глагольные формы многочисленнее финитных и квалитативных вместе взятых, к тому же структура их не однотипна, что препятствует созданию единой для всех них модели. Все инфинитивные формы, за исключением сложных причастий, выражают действие, а не состояние, причем действие в активном, а не пассивном залоге (за одним исключением, см. ниже). Эти формы удобнее всего разделить, исходя из их структуры, на две больших группы: на четырехэлементные и на трехэлементные.

Форма № 8:	(Praesens II)	iw.f (ḥr) sḏm	
Форма № 9:	(Futurum III)	iw.f (r) sḏm	
Форма № 10:		wn.f (ḥr) sḏm	**Модель (IV)**
Форма № 11:		wn.in.f (ḥr) sḏm	**AS + (pr) + J**
Форма № 12:		wn.f (r) sḏm	
Форма № 13:		wnn.f (ḥr) sḏm	
Форма № 14:		iri + S + (r) + sḏm	

Как и в модели (II), к которой примыкает модель (III), в модели (IV) элемент S является вторым элементом слева.

[21] Общепринятый термин Praesens I фактически объединяет две различные по структуре и значению глагольные формы: Praesens I с инфинитивом знаменательного глагола и Praesens I^{a} с квалитативом знаменательного глагола.

Формы Praesens II и Futurum III достатсчно хорошо известны, чтобы распространяться о них здесь [22]. Поэтому остановимся на остальных пяти формах.

Форма № 10: wn.f (ḥr) sḏm повествует о событиях в более или менее далеком прошлом, это нечто вроде плюсквамперфекта (давно прошедшее).

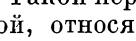
(25) wn.i (ḥr) sḏm «я слышал (ранее)» — Ун-Амун, 2, 78.

(26) wn nꜣ nsjw dit in.tw «приказывали (когда-то) цари, чтобы доставляли...» — Ун-Амун, 2,29.

В Pap. Harris 500, verso, 2, 8 мы находим следующее место: wn.tn ḥr ʿḳ r pꜣ dmi «вы вступите в город...». Такое значение формы wn.f (ḥr) sḏm является совершенно исключительным и неожиданным и поэтому вызывает сомнение в правильности написанного. И действительно, сопоставление с рядом других текстов, например, Pap. Bologna 1094, 6, 3; Sallier 4, 2; 9, 4; Anastasi IV, 11, 4—5 и др. свидетельствует о том, что здесь wn.tn написано по ошибке вместо wnn.tn.

Форма № 11: wn.in.f (ḥr) sḏm—общеупотребительная форма прошедшего времени, вводящая начальные предложения абзаца в новоегипетских текстах (она соответствует среднеегипетской форме ʿḥʿ.n sḏm.n.f). В поздних новоегипетских текстах ее вытесняет Praesens II[23].

Форма № 12: wn.f r sḏm — исключительно редкая форма. А. Эрман приводит только один пример (N, § 503).

(27) wn.(i) r ḥꜣb () n.k—Pap. Anastasi I, 16, 4[24].

Здесь предлог r графически передан через , что нередко встречается в новоегипетских текстах (N, § 503). Перевод А. Эрмана гласит: («die Briefe) die ich dir schicken werde (?)» [25]. Поставленный им знак вопроса свидетельствует о том, что он сам сомневался в правильности своего перевода. Такой перевод предполагает, что форма № 12 является формой релятивной, относящейся к антецеденту «письма». Однако в новоегипетском языке для будущего времени специальной релятивной формы нет, релятивные предложения для будущего начинаются с ntj и вслед за тем непосредственно следует Futurum III (N, § 503). Далее, слово «письма» не является антецедентом в данном случае: оно является последним словом в предшествующем предложении, а с формы № 12 начинается новое предложение, которое Гардинер перевел так: «I would have written for thee...» [26], усматривая в этих словах протасис условного предложения. Однако аподосис за этим не следует и поэтому здесь условного предложения нет. Вспомним, что wn.f ḥr sḏm значит буквально «он был на слушании», а wn.f r sḏm — «он был к слушанию», т. е. бесспорное будущее (субъект еще не слышал, но будет слушать. Но это не просто будущее, а будущее в прошедшем (ср. франц. futur dans le passé) откуда перевод: «я намеревался писать тебе...»).

Форма № 13: wn.f (ḥr) sḏm выражает будущее время (N, § 512) (букв.: «будет он на слушании»), поскольку элемент wnn.f значит «будет он»

[22] Подробное исследование об этих формах—М. К о р о с т о в ц е в, Praesens II в новоегипетском языке, «Семитский сборник», II (в печати); см. также M. K o r o s t o v t s e v, Does the Model iw.f ḥr sḏm of the Late-Egyptian Praesens II Refer to the Future?, JEA, 49, 1963, стр. 173—175.

[23] О значении и истории этой формы см. Fr. H i n t z e, Untersuchungen zur Stil und Sprache neuägyptischen Erzählungen, B., 1950 (далее — H i n t z e), стр. 32—36.

[24] A. H. G a r d i n e r, Egyptian Hieratic Texts. Series I: Literary Texts of the New Kingdom. Part I, The Papyrus Anastasi I and Papyrus Koller, Lpz, 1911 (далее—GEHT), стр. 56.

[25] N, § 443; 559; 609, прим.; 657.

[26] A. G a r d i n e r, The Origin of Certain Coptic Grammatical Elements, JEA, 16, 1930, стр. 224, прим. 1.

(GEG, §§ 118 и 826). Предложения, вводимые этой формой, обычно являются начальными предложениями абзаца. Часто их переводят на европейские языки как придаточные предложения времени («когда будет он...»), что не соответствует фактам египетского языка: нередко это главные предложения, за которыми следуют вспомогательные предложения, вводимые Praesens II и выражающие действие, синхронное с действием начального главного (или не главного) предложения [27].

(28) wnn t3j.i šʿ spr r.k iw.k tm rwi.k h3b n.i ʿ.k «прибудет твое письмо ко мне и ты не уклонишься написать мне о твоем состоянии» — P. Turin 1974+1945 . 6 [28].

Однако наряду с этой вполне определенной функцией эта форма с предшествующей проклитикой ḥr относится к прошедшему времени.

(29) ḥr wnn.f (ḥr) nk3 Ḥnr «когда он насиловал (гражданку) Ḥnr» — Pap. Salt 124, 2, 3 [29].

(30) ḥr wnn. f (ḥr) ḫpr m ʿ mḥ «когда он пребывал в Дельте» — Pap. Abbott, 6, 22 (Robb., табл. IV).

Форма № 14: iri + S (номинальный) + (r)ʿ + sḏm всегда выражает будущее и никогда не встречается с местоименным (т. е. с суффиксальным) субъектом.

(31) ir ḫ3swt ptr.i r sḏd rn.i — «страны, узревшие меня, поведают об имени моем» [30].

Ряд примеров этой формы приведен А. Гардинером в его исследовании, в результате которого он пришел к следующему выводу: эта форма является вариантом формы № 9 (Futurum III), типичным для этой формы, когда налицо номинальный субъект. В этих случаях вместо вспомогательного глагола iw перед субъектом стоит глагол iri. Такое же явление мы наблюдаем и в коптском Futurum III — ⲉϥⲉⲥⲱⲧⲙ̄ ⲉⲣⲉ ⲡⲣⲱⲙⲉ ⲥⲱⲧⲙ̄ [31].

Praesens II и Futurum III путем предварения перед ними вспомогательного глагола в безличной форме — iw, wn, wnn — могут превратиться в пятиэлементные сложные глагольные формы, которым будет соответствовать новая модель:

Форма № 15:	wn + Praesens II	
Форма № 16:	wnn + Praesens II	**Модель (V)**
Форма № 17:	iw + Praesens II	**A + AS + (pr) + J**
Форма № 18:	iw + ir + Futurum III [32]	
Форма № 19:	wn + Futurum III	

Форма № 15: wn + Praesens II [33] вводит аподосис ирреального условного предложения, тогда как в протасисе может стоять форма № 4 (wn sḏm.f), см. пример (1).

---

[27] K o r o s t o v t s e v, Does the Model iw.f ḥr sḏm ..., стр. 173—175.
[28] J. Č e r n y, Late Ramesside Letters, Bruxelles, 1939 (далее — LRL), стр. 39.
[29] J. Č e r n y, JEA, 15, 1929, табл. XLII.
[30] Ch. K u e n t z, La Bataille de Kadesh, Le Caire, 1934, стр. 128, стк. 51 (Luxor).
[31] G a r d i n e r, The Origin of Certain Coptic Grammatical Elements, стр. 220—223; он же, Second Thoughts on the Origin of Coptic ⲉⲣⲉ, JEA, 32, 1946, стр. 101.
[32] Как исключение, шестиэлементная форма.
[33] W. T i l l, Der Irrealis im Neuägyptischen, ZÄS, 69, 1933, стр. 112—117.

(32) «(если бы вор, который принадлежит моей стране, спустился на твое судно и похитил твое серебро), wn iw.i (ḥr) ḏbȝ.f n.k я бы возместил его тебе» — Ун-Амун, 1, 18—19. Редкая форма.

Обращает на себя внимание тот факт, что предварение перед Praesens II формы прошедшего времени глагола «быть» — wn — создает специальную форму для выражения ирреального условия. Связь между прошедшими временами и условностью встречается и в ряде других языков, никакого отношения к египетскому не имеющих, в частности в русском, а также других индоевропейских языках [34].

Форма № 16: wnn + Praesens II вводит протасис реального условного предложения. Необходимо подчеркнуть различие в первом элементе форм №№ 15 и 16, в первой из них имеем wn (прошедшее время), во второй — wnn (будущее время) и это вполне закономерно: форма № 16 выражает действие, которого еще нет, но которое имеет возможность стать реальным в будущем.

(33) wnn iw.k ptr tȝ ḥrj n pȝ jm iw.k (ḥr) ptr tȝj.i ḥʿ.i «если ты будешь созерцать ужас моря, то узришь и мой собственный» [35] — Ун-Амун, 2,50.

Наряду с этой функцией форма № 16 имеет еще и другую: она встречается с предшествующей ей проклитикой ḥr в предложениях времени, выражая прошедшее время (ср. функции формы № 13):

(34) ḥr wnn iw.tw ḥr gm tȝ 4 mtw.f itȝ tȝ wʿ sw m-di.f «когда нашли 4 (из них) и он захватил одну, то она (оказалась) с ним» — Pap. Salt 124, стк. 9 (JEA, 15, 1929, табл. XLII).

Форма № 17: iw + Praesens II. Значению этой формы посвящено несколько небольших работ [36].

Форма № 18: iw ir + Futurum III — редкая шестиэлементная форма в протасисе реального условного предложения.

(35) iw ir iw.tw gm ʿdȝ im.w «если найдут ложь в них» — Par. Mayer A, recto стк. 16. А. Эрман в iw.tw gm видит Praesens II с опущенным предлогом ḥr. Но Praesens II не может выражать будущее время, которое содержится в протасисе реального условного предложения. Ср. Ун-Амун 2,32: ir iw.k ḏd «если ты скажешь...». iw.k ḏd, несомненно, Futurum III, а не Praesens II².

Форма № 19: wn + Futurum III (ср. форму № 12: wn.f r sḏm) выражает будущее в прошедшем.

(36) pȝ wn twi šn pȝj smi bin «потому что я страдаю из-за этого дела дурного, (которое) wn iw.f r ir.f он собирался сделать» — Pap. Orbiney, 5,4 (LES, стр. 14).

(37) iw.f ḥr itȝ nȝ nwt wn iw.i r int.w «он захватил тканые изделия, (которые) я собирался принести...»— Pap. Anastasi VI, 22 (LEM, стр. 74).

(38) jȝi iir.i hȝb.f r Sḫm-pḥt wn.i (sic!) iw.i r dit int n.k šʿ m ḏrt.f «воистину, я послал его в Сехем-пехт. Я приказал, чтобы он доставил тебе письмо в руке своей» — Pap. Bologna 1086,8 (G. Möller, Hieratische Lesestücke, Hft. III., Lpz, 1910, стр. 10).

Отметим, что во всех трех случаях форма № 19 вводит вспомогательное предложение, говорящее о действии, которое должно было состояться до действия главного предложения.

Переходим к трехчленным инфинитивным формам.

---

[34] Р. А. Будагов, Введение в науку о языке, М., 1958, стр. 295—296; А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, Харьков, 1888, стр. 270.

[35] В кн.: М. А. Коростовцев, Путешествие Ун-Амуна в Библ, М., 1960, стр. 109 в отношении этого примера сказано: «здесь безличная форма глагола wnn с последующим Futurum III вводит протасис». Это неверно. Как видно из примера (34) и ему аналогичных случаев, после wnn следует Praesens II, а не Futurum III.

[36] Ун-Амун, стр. 82; KNPh, стр. 60—64; E. F. Wente, iwiw.f sḏm in Late-Egyptian, JNES, 20, 1961, стр. 120—124; N, § 522.

Форма № 20: эмфатическая форма[37] iir.f sḏm.

Форма № 21 описательная релятивная[38] форма прошедшего времени iir.f sḏm.

Форма № 22: релятивная форма давнопрошедшего времени wn.f sḏm — **Модель (VI) AS + J**

Форма № 23: описательная форма для глаголов с корнем более трех радикалов irj.f ḳnḳn

Форма № 24: описательная своеобразная форма iirt(w).f sḏm.

Остановимся здесь на формах № 22, № 23 и № 24.

Форма № 22: wn.f sḏm — относительная форма давнопрошедшего времени. Ее необходимо отличать от формы № 10 — wn.f (ḥr) sḏm.

Форма № 22, релятивная форма давнопрошедшего времени, всегда относится к какому-то антецеденту. Форма эта встречается редко.

(39) «(разве это) царский дар pꜣ wn.w ir.f n pꜣj.i it то, что делали они моему отцу?»— Ун-Амун, 2,12.

(40) pꜣ wn nꜣj.k it ir.f «то, что делали твои отцы» — Ун-Амун, 2,48.

(41) «(мы принесли серебро и золото), iwn.n gm.(tw).f m nꜣ ʿḥʿ pꜣ ḫnw n wḏḥ iwn.n gm.(tw).f im.w которое мы нашли в гробницах, и жертвенный сосуд, который мы нашли в них» — Pap. Br. Mus., № 10054, recto 2/9 bis (Robb., табл. VI).

Здесь мы видим дважды iwn.n gm.(tw).f, т. е. форму № 22. Суффикс f после инфинитива gm прямое дополнение последнего[39].

(42) pꜣj ḥḏ iwn nꜣ iṯꜣ int(w).f «это серебро, которое грабители приносили...»— Pap. Br. Mus., № 10052, 15/6 (Robb., табл. XXXIV).

В примерах (41) и (42) содержится три раза iwn с протетическим i. Такие формы А. Эрман в своей грамматике не приводит.

Форма № 23: описательная форма sḏm.f — irj.f ḳnḳn для глаголов, имеющих более трех согласных в корне[40].

(43) irj.f ḳnḳn «он избил меня» — Pap. Salt. 124, 2, 18 (JEA, 15, 1929, табл. XLIV).

(44) «(знаю, когда) приказала ты, ir.tw sksk pꜣ ʿš чтобы срубили дерево» — Pap. Orbiney, 15,9 (LES, стр. 25).

(45) ḥr irj.i sʿḥʿ.f ʿn «но я восстановила его снова» — Pap. Chester-Beatty I, recto, 10,10 (Horus-Seth, LES, стр. 51). Другие примеры: там же, 8,8 (LES, стр. 48); Astarte 2, X + 6 (LES, стр. 78).

Эта форма имеет такое же значение и функции, как и sḏm.f.

Форма № 24: iirt(w).f sḏm[41] представляет собой новоегипетский вариант среднеегипетской формы r sḏmt.f и как последняя значит «пока он услышит» (until he hears). Здесь r передано графически через . Субъектом может быть личный суффикс, неопределенное местоимение tw и существительное.

(46) «(пусть будет мне предоставлено поступать по желанию моему), iirt pꜣ nṯr irt pꜣ ntj m ib.f пока бог не поступит по желанию сердца своего» — Pap. Harris 500, verso 4,12—13 (LES, стр. 2).

---

[37] N, § 393; W. W o l f, Zur zweiten Auflage von Ermans Neuägyptischer Grammatik, ZÄS, 69, 1933, стр. 106—112; J. P o l o t s k y, Études de syntax copte, Le Caire, 1945, стр. 51—53; Ун-Амун, стр. 94—96; H i n t z e, стр. 260.

[38] N, § 552; P o l o t s k y, ук. соч., стр. 51—53; H i n t z e, стр. 260.

[39] М. К о р о с т о в ц е в, Причастие и релятивные формы глагола wn «быть» с начальным протетическим i в новоегипетских текстах, Сб. «Семитские языки», М. 1963, стр. 58. В этом издании приведен пример (41), в котором допущена опечатка: iwn вместо надлежащего iwn.n.

[40] N, § 543; H i n t z e, стр. 258.

[41] G a r d i n e r, The Origin of Certain Coptic Grammatical Elements, стр. 231—234; H i n t z e, стр. 270. Здесь же ряд примеров.

К трехчленным формам примыкают конъюнктив [42] и Praesens I [43], соответствующие особым моделям.

Форма № 25: конъюнктив mtw.f sḏm — модель (VII) PS + I.

Форма № 26: Praesens I sw (ḥr) sḏm — модель (VIII) S + (pr) + I.

В обеих этих формах и моделях вспомогательного глагола нет.

Обратимся теперь к еще одной трехчленной форме.

Форма № 27: sḏm irr.f — модель (IX) I + AS; эта форма является по значению такой же описательной релятивной формой, как и форма № 21 — iir.f sḏm. Различие заключается лишь в перестановке элементов, и поэтому у формы № 21 — своя модель, в которой элементы также переставлены.

(47) ḥrw n spr iir.i «день прибытия, которое я сделал» — Ун-Амун, 1,3.

(48) ḥr pȝ iṯȝ iir.k n ḥbsj букв. «из-за взятия, которое ты сделал, одежды» — Pap. Anastasi VI, 34 (LEM, стр. 75).

(49) ir pȝ dit iir.k iw.tw.f «что касается приказа, который ты дал, чтобы он пришел...» — Pap. Bologna 1094, 10,1 (LEM, стр. 9).

В этих и других подобных примерах форма sḏm iir.f относится к прошедшему времени, поскольку в новоегипетском языке имеется только одна перфектная релятивная форма. Входящий в форму инфинитив синтаксически выступает как существительное, часто с артиклем, а релятивная форма глагола iir.f как атрибут последнего.

А. Эрман указывает, что изредка, в качестве архаизма, встречается такой вариант формы № 27, в котором вместо новоегипетского iir.f мы находим среднеегипетский irj.f, т. е. sḏm irj.f, и в подтверждение ссылается на два примера: 1) gm irj.i «я нашел» (ich habe gefunden — Pap. Anastasi II, 8,7 и 2) smjt ir.f — там же, 11,2 (N, § 562). Однако в первом случае А. Эрман неверно понял текст: gm irj Imn ḫpri.f mṯȝt «обнаружено, что превратил Амун облик свой в вазира...». Здесь форма irj.f — не релятивная форма, а sḏm.f (N, § 276). Суффикса 1 л. ед. ч. в тексте нет. Что же касается формы gm, то она встречается в таком же безличном виде в другой конструкции в том же тексте (9,1) [44].

Второй приведенный Эрманом пример в оригинале (LEM, стр. 19) отсутствует. Таким образом, существование этого варианта формы № 27 примерами А. Эрмана не подтверждено.

Существует еще одна трехчленная форма.

Форма № 28: iirw sḏm N — модель (X) A + I + S, где iirw пассив глагола iri (N, §§ 319 и 555). Она является описательной формой пассива и встречается крайне редко.

(50) iirw ḥdb pȝj.i it букв. «сделано убийство моего отца» — Pap. Mayer, A, 2, 19 (N, §§ 320 и 555).

Трехчленные формы № 20 — iir.f sḏm и № 26 (Praesens I) — предварением соответственно вспомогательных глаголов iw и wnn превращаются в четырехчленные.

Форма № 29: iw iir.f sḏm (KNph, стр. 54—60) — модель (XI) A + AS + I.

Форма № 30: wnn + Praesens I — модель (XII) A + S + (pr) + I.

---

[42] A. H. Gardiner, An Egyptian Split Infinitive and the Origin of the Coptic Conjunctive Tense, JEA, 14, 1928, стр. 96; G. Mattha, The Egyptian Conjunctive, BIFAO, 45, 1947, стр. 43—55; J. Gerny, On the Origin of the Egyptian Conjunctive, JEA, 35, 1949, стр. 25—30; E. F. Wente, The Late-Egyptian Conjunctive as a Past Continuative, JNES, 21, 1962, стр. 304—312.

[43] N, § 478—485; Hintze, стр. 223—224; Ун-Амун, стр. 101—102.

[44] Это безличное употребление глагола gmi «находить» нигде, кажется, не отмечено и заслуживает, несомненно, внимания.

(51) wnn twtw ḥr int.w n.k «если принесут их тебе...» — Ostracon Berlin III, 38 (N, § 806) — протасис условного реального предложения.

В заключение остается упомянуть две формы (описательные) сложных причастий.

Форма № 31:	wn sḏm	**Модель (XIII)**
Форма № 32:	iir sḏm	**A + I (Q)**

Второй элемент sḏm может быть не только инфинитивом, но и квалитативом (N, § 377).

(52) «(жены мужчин—привратников гарема), wn dmi n} n rmṯ присоединившиеся к мужчинам...» — Pap. jurid. Turin, 5, 1 (N, § 377). Глагол dmi, по-видимому, в квалитативе.

(53) «(я поместил его (т. е. священное дерево.— *М. К.*) на надлежащее ему место), wn fk} бывшее в запустении». Глагол fk}, по-видимому, в квалитативе.

(54) «(они открывают крылья свои), wn ink бывшие закрытыми». Здесь ink в квалитативе — Amarna, VI, 16 (N, § 377).

(55) «(люди некрополя), iwn dit ʿk дававшие хлеба»; dit — инфинитив (имеет прямое дополнение ʿk)—Pap. Bibl. Nationale 196, 1,3 (LRL, стр. 35).

Приводимый А. Эрманом пример сложного причастия, где первым элементом является wnn (а не wn), неясен — šd.k wnn ntj (Berlin, 20377), что он переводит: «du rettest den gefangenen seienden» (N, § 514). По-видимому, wnn ошибка вместо надлежащего wn, так как в новоегипетском нет перфектных и имперфектных причастий (N, §§ 314 и 372).

(56) iw wn mnt f iir wḫm n.n «это был именно он, рассказавший нам...» (см. пример 9) [45].

(54) «(это твой брат), iir ḳnḳn(.i) избивший меня» — Pap. Orbiney, 4,7 (LES, стр. 13).

(57) p} ir wḏ.k «пославший тебя» — Ун-Амун, 2,13.

Здесь причастие ir не имеет протетического i, потому что оно непосредственно следует за артиклем p}, оканчивающимся на }.

Различие между причастиями wn sḏm и iir sḏm заключается в том, что первое явно относится к прошедшему, тогда как второе никакого определенного времени не выражает.

X. Анализ моделей. Итак, мы имеем следующие модели:

A + VS (I)	AS + I (VI)
AS + Q (II)	PS + I (VII)
S + Q (III)	S + (pr) + I (VIII)
AS + (pr) + I (IV)	I + AS (IX)
A + AS + (pr) + I (V)	A + I + S (X)
	A + AS + I (XI)
	A + S + (pr) + I (XII)
	A + I (Q) (XIII)

Элемент S налицо во всех моделях, исключая (XIII).

Элемент A встречается в десяти моделях, исключая (III), (VII) и (VIII).

Элемент I мы находим в десяти моделях, исключая (I), (II) и (III).

Элемент (pr) мы обнаруживаем в четырех моделях — (IV), (V), (VIII) и (II).

Элемент Q входит как элемент всего в три модели (II), (III) и (XIII).

Элемент P — только в модели (VII), а элемент V — только в модели (I).

[45] Отметим, что после iir квалитатива быть не может, только инфинитив: «делающий слушать».

Таким образом, наиболее распространенными глагольными элементами всех моделей являются A и I и далеко после них Q.

Обращает на себя внимание положение элемента S в разных моделях. Модель (IX) I + AS является инверсией модели (VI) AS + I; что же касается модели (X), то она исключительно редкое явление. И только в модели (I) A + VS элемент S является конечным элементом. В моделях (III) S + Q и (VIII) S + (pr) + I он на первом месте, в моделях (V) A + AS + (pr) + I — на третьем месте.

Во всех остальных моделях (II) AS + Q, (IV) AS + (pr) + I, (VI) AS + I, (VII) PS + I и (XII) A + S + (PS) + I элемент S — на втором месте.

Также существенно исчезновение элемента (pr) из трех моделей, в которые этот элемент входил, и то, что четырехэлементная модель (IV), одна из наиболее распространенных и объединяющая много форм, превращается в трехэлементную. То же самое наблюдается и с моделью (VIII), которая превращается в двухэлементную.

Коптский язык унаследовал от новоегипетского трех- и двухэлементный тип спряжения и его структуру, как и в новоегипетском на поздней ступени его развития.

Новоегипетский вспомогательный глагол A постепенно теряет свое лексическое значение и в коптском выступает в качестве морфемы-префикса, предшествующей S[46]. Следовательно, для коптского глагола характерно положение S на втором месте слева, т. е. на том месте, которое стало обычным для S еще в новоегипетском.

Знаменательный глагол в коптском может быть только в инфинитиве (преимущественно) и в квалитативе, так как модель A + VS давно исчезла, что типично и для сложных форм новоегипетского глагола.

Таким образом, система коптского глагола сохранила и стабилизировала характерные для новоегипетской системы спряжения сложных глаголов черты. Необходимо подчеркнуть и существенное между ними различие: коптский глагол, не являющийся сложным (в смысле приведенного выше определения), развился и сложился из системы сложных глаголов новоегипетского языка.

[46] J. Polotsky, The Coptic Conjugation System, Or., 29, 1960, стр. 393—396.

Ю. В. Андреев

МУЖСКИЕ СОЮЗЫ В ПОЭМАХ ГОМЕРА

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ термин «мужской союз» не часто встречается в гомероведческой литературе. Поэтому его употребление в данном случае нуждается в некоторых пояснениях. Еще в 1912 г. известный шведский филолог и историк религии М. Нильссон [1] обратил внимание на замечательное сходство спартанских обеденных «клубов» (фидитиев) и возрастных классов с широко распространенным у современных отсталых народов институтом мужских союзов [2].

Почти одновременно английская исследовательница Гаррисон [3] обнаружила отголоски того же явления в греческой мифологии, в частности в цикле мифов, связанных с культами множеств: титанов, куретов, тельхинов, дактилей и т. д. Так, очень убедительно предложенное ею толкование мифа о гибели Диониса Загрея (он же «Великий Курос») от рук титанов, в котором Гаррисон видит отголосок обряда инициаций мальчиков-подростков, широко засвидетельствованного у современных народов Австралии, Океании, Африки и т. д.

Пытаться найти промежуточное звено между божественными множествами и реальными завсегдатаями дорийских сисситий нельзя было, минуя Гомера. Самый термин «мужской союз» проник в гомероведение еще до выхода в свет статьи Нильссона. Его ввел в употребление Г. Финслер [4]. Ему же принадлежит первая попытка выделить в тексте поэм и систематизировать все имеющиеся намеки на существование в гомеров-

[1] M. P. Nilsson, Die Grundlagen des spartanischen Lebens, «Klio», XII, 1912. Статья перепечатана в изд.: M. P. Nilsson, Opuscula Selecta, II, Lund, 1952, стр. 826—871.

[2] Полевые этнографические исследования мужских союзов, возрастных классов, инициаций и т. п. в различных районах земного шара — весьма многочисленны. Однако систематизирующих, теоретических работ по этому вопросу в настоящее время практически нет. Приходится довольствоваться давно устаревшими книгами Шурца и Вебстера (H. Schurtz, Altersklassen und Männerbünde, B., 1902; H. Webster, Primitive Secret Societies, изд. 2-е, N. Y., 1932).

[3] J. E. Harrison, Themis, изд. 2-е, Cambr., 1927, стр. 13—27.

[4] G. Finsler, Das homerische Königtum, «Neue Jahrb. f. Kl. Alt.», XIX, 1907, стр. 314 сл.; он же, Homer, I, Lpz— B., 1914, стр. 191 сл. Из более ранних работ, посвященных пиршественным сценам в поэмах Гомера, можно назвать статью: F. Moreau, Les festins royaux et leur portée politique d'après l'Illiade et l'Odyssée, REG, VII, 1894, стр. 133—144. Автор пытается доказать, что гомеровские трапезы — не более чем обычные завтраки и обеды, абсолютно лишенные какого-либо «публичноправового» значения. В то же время гомеровское «государство» в представлении Моро — это самое обычное государство со всеми его атрибутами: налогами, армией и т. д. Статья Моро обнаруживает типичное для буржуазной науки конца прошлого века непонимание характера первобытного общества со свойственным ему отсутствием четкой грани между «государственноправовым» и «частноправовым» политическим институтом и обычаем.

ской Греции круга обычаев, обозначаемых этим термином. Уже в первой из указанных работ Финслер, ссылаясь на книгу Шурца, отмечает, что гомеровские союзы представляют собой лишь разновидность широко распространенного как у древних, так и у современных народов института. Однако следует заметить, что на выводы самого Финслера знакомство с этнографическим материалом не оказало сколько-нибудь ощутимого влияния. В гомеровском мужском союзе он видит лишь корпорацию знати, не отдавая себе отчета в исторически сложном характере этого явления, не пытаясь проследить его эволюцию, хотя эпос дает некоторый материал для этого. Этот недостаток в целом очень добросовестного и, несомненно, полезного исследования Финслера коренится в его общей концепции гомеровского общества. В отличие от многих современных западных ученых Финслер считает, что основной исторический слой в поэмах Гомера соответствует скорее социально-политическому строю древнейших ионийских полисов, чем тому, что нам известно об ахейских государствах Пелопоннеса. С этим нельзя не согласиться. Однако эволюция самих ионийских полисов рисуется Финслеру как непрерывная линия развития от «абсолютной» монархии микенского типа к аристократической республике [5]. На самом же деле этот процесс, конечно, был гораздо более сложным и прерывистым. Ионийские греки, создавшие гомеровский эпос, не были прямыми потомками ахейцев, разрушивших Трою. Иначе нам было бы трудно объяснить слишком еще живые веяния примитивных общественных отношений эпохи родового строя, которые постоянно дают о себе знать как в «Илиаде», так и в «Одиссее».

Как указывает Финслер [6], главной сферой деятельности гомеровского мужского союза было устройство совместных обедов. В работах ряда буржуазных историков столь частые у Гомера коллективные трапезы рассматриваются как штрих, характеризующий типично феодальное общество. Так, упоминавшийся уже Нильссон [7] в любой эпической пиршественной сцене, изображающей басилея в окружении героев и старцев, готов увидеть обед феодального сюзерена со своими вассалами. Рассматривая гомеровское общество как общество классовое, с ярко выраженной деспотической властью царя, Нильссон (в противовес Финслеру он считает основным слоем в поэмах именно микенский) на этот раз абсолютно исключает возможность каких-либо параллелей из области этнографии. Самый термин «мужской союз», как он полагает, неприемлем в тех случаях, когда речь идет о гомеровских ἑταῖροι и их обедах, поскольку эти обеды обычно устраиваются в доме царя и на его счет.

Свое дальнейшее развитие концепция Нильссона получила в известной книге Жанмэра «Couroi et Courètes» [8]. Это фундаментальное исследование охватывает огромный материал по истории, религии и мифологии Греции. Особое внимание автор уделяет пережиткам инициаций и мужских союзов. Книга Жанмэра как бы подводит итог всей предшествовавшей работе, проделанной в этом направлении Финслером, Гаррисон и Нильссоном. Жанмэр хорошо владеет этнографическим материалом. Специальный раздел его труда посвящен инициациям и возрастным классам современных африканских народов. На этой фактической основе Жанмэр конструирует довольно стройную схему эволюции греческого «феодализма», основными элементами которого, по его мнению, были «товарище-

[5] Finsler, Homer, I, стр. 219 сл.
[6] Там же, стр. 220.
[7] M. P. Nilsson, Das homerische Königtum, «Sitzb. Preus. Akad. Wiss.», 1927, стр. 30 слл. Статья перепечатана в «Opuscula Selecta», II, стр. 871—897; он же, Homer and Mycenae, L., 1933, стр. 230 сл.
[8] H. Jeanmaire Couroi et Courètes, Lille' 1939.

ство» и «сотрапезничество» (compagnonnage et commensalitè). В своем развитии «феодализм» в архаической Греции проходит три основные стадии: 1) период абсолютной монархии (типа египетской деспотии). Вокруг царя, который как суверен осуществляет верховное право собственности на территории всей страны, группируется господствующая военная каста — лаос. На ее содержание царь расходует те средства, которые он получает со своего темена, а также дань подвластного населения — демоса; 2) время «феодальной раздробленности». Темен басилея и его «почесть» (γέρας) распределяются между знатью сначала в качестве бенефициев, а затем на правах частной собственности; 3) происходит нечто вроде буржуазной революции (реформа Ликурга в Спарте). Лаос принимает в своей состав часть демоса. Однако это новое общество конструируется по образу и подобию старого как военная аристократия, состоящая из держателей ленных наделов (клеров) и связанных с ними привилегий (участие в сисситиях). Таковы вкратце основные положения теории «гомеровского феодализма» в формулировке одного из наиболее видных ее защитников. Рецедивы этой теории — не редкость и в современной зарубежной историографии. В грубо откровенной форме ее преподносит, например, Миро в своей книге «Повседневная жизнь во времена Гомера»[9]. В смягченном, завуалированном виде отголоски той же концепции можно найти даже в работах исследователей, близких к марксизму [10]. Характерно, что термины «феодализм», «феодальный» чаще всего используются авторами, сближающими гомеровское общество с обществом микенской эпохи [11].

Настоящая работа не претендует на детальный анализ всех основных положений теории «гомеровского феодализма», хотя необходимость критического осмысления этой теории представляется нам весьма насущной [12]. Мы остановимся лишь на одной из сторон концепции Жанмэра, Нильссона и др. и, рассмотрев те примеры «феодального» сотрапезничества у Гомера, на которые обычно ссылаются эти авторы, постараемся показать их истинную природу.

Первая часть IV песни «Одиссеи», повествующая о пребывании Телемаха у Менелая, заканчивается следующей строфой (621—624): «(тем временем) в дом божественного царя пришли сотрапезники (δαιτυμόνες). Они вели скот, несли вино, дающее мужество, а хлеб принесли их жены в прекрасных повязках. Так они хлопотали, приготовляя обед». Это место служило камнем преткновения для многих поколений критиков

[9] E. M i r e a u x, La vie quotidienne au temps d'Homère, P., 1954.

[10] См. G. T h o m s o n, Aischylos und Athen, B., 1957, стр. 63 сл.; R. F. W i l l e t s, Aristocratic Society in Ancient Crete, L., 1955, стр. 20 сл.

[11] См. например, T. B. L. W e b s t e r, From Mycenae to Homer, N. Y., 1959; L. R. P a l m e r, Mycenaeans and Minoans, N. Y., 1963.

[12] В работах советских историков, посвященных Гомеру и гомеровскому обществу, эта теория незаслуженно обходится молчанием (гораздо больше внимания в свое время было уделено «античному капитализму»). Между тем воззрения «феодалистов» нельзя просто игнорировать как беспочвенный вздор. В их построениях, безусловно, есть некоторое рациональное зерно. Таким зерном можно считать наличие несомненного сходства во многих чертах общественного строя гомеровских греков, с одной стороны, и, например, германцев времени Тацита, с другой. В обоих случаях мы имеем дело с переломными эпохами, временем крушения родового строя и становления классового общества. В гомеровском обществе нетрудно обнаружить то,что можно назвать «эмбрионами» феодализма, точно так же, как у тацитовских германцев (да и много позднее), несомненно, имелись «эмбрионы» рабовладельческого способа производства. Здесь уместно вспомнить слова Маркса о том, что одним из существенных стимулов в развитии европейского феодализма была сама военная организация варварских племен, вторгшихся на территорию Римской империи (К. М а р к с и Фр. Э н г е л ь с, Соч., т. 3, стр. 22).

Между дружинами германских principes и ἑταῖροι гомеровских басилеев при всех их локальных и исторических особенностях, несомненно, можно найти много общего. Однако в Греции «эмбрионы» феодализма так и остались «эмбрионами». Для их развития в начале I тыс. до н. э., не было еще подходящих условий.

Гомера [13]. Царский обед описывается здесь как коллективный обед (поздний ἔρανος). Угощает не Менелай, хозяин дома, а наоборот, его самого угощают его гости. Финслер [14] усматривает в этих строках намек на спартанский фидитий. Однако такое предположение вряд ли правомерно. Местный лаконский колорит в IV песне совершенно отсутствует [15]. Сами спартанские фидитии — лишь поздняя, сильно модифицированная разновидность обычая коллективных обедов, когда каждый участник вносит свою долю, некогда, по-видимому, очень широко практиковавшегося в Греции [16]. В VIII в., если считать его временем окончательного оформления «Одиссеи», фидитии в их классической форме, вероятно, еще не существовали. Царский фидитий исторического времени ничем не напоминает пир у Менелая. Между тем в описании Лакедемона мы замечаем у Гомера те же черты примитивной утопии, что и в описании острова феаков. Дом Менелая, как и дворец Алкиноя, не похож на скромное жилище Одиссея. Он ломится от наполняющей его меди, золота, янтаря, слоновой кости и т. п. (IV, 72—3). Самого Менелая Телемах застает пирующим в окружении своего народа, как это и подобает сказочному царю. В начале песни (3,15 сл.) эти δαιτυμόνες Менелая названы его «соседями и свойственниками» (γείτονες ἠδὲ ἕται) [17]. Последний из этих двух терминов встречается в эпосе и в ином, более широком значении «соотечественники» (Il., VI, 261 сл.; ср. Thuc., V, 79). В то же время об обедах у Алкиноя прямо сказано, что в них принимает участие весь феакийский демос (Od., IX, 5 сл.) [18]. Картиной грандиозного общенародного пира в Пилосе открывается также и III песня «Одиссеи» (5 сл.). Вполне естественно, что издержки на устройство таких коллективных обедов тоже должны быть коллективными. Поэтому царские гости и приводят с собой своих баранов, а их жены приносят из дома хлеб (ср. Il., VIII, 505 сл.). Именно к этой первобытной складчине восходит, по-видимому, встречающееся у Гомера характерное выражение «пить (или есть) народное» (Il., XVIII, 248 сл.: δήμια

[13] Уже Фр. Вольф ставил под сомнение цитируемые строки (см. аппарат в изд. А. Людвиха, Lpz, 1889). Однако сама незаурядность строфы говорит скорее за ее подлинность. Кроме того, здесь мы видим и типичное у Гомера разделение труда в приготовлении обеда: мужчины занимаются вином и мясом, женщины — хлебом (ср. Il., XVIII, 558 сл.; Od., I, 141 сл. и др.). Интерполятор, таким образом, должен был бы мыслить слишком по-гомеровски. Некоторая шероховатость текста (дважды повторенное ὡς οἰμὲν) не может вынудить нас отказаться от этих строк.

[14] Finsler, Das homerische Königtum, стр. 318. Ему следует Жанмэр (ук. соч., стр. 92). Нильссон (Homer and Mycenae, стр. 231), отвергающий эту гипотезу, предлагает следующее маловразумительное объяснение: взносы гостей являются видоизменением податей покоренного населения. Теперь, однако, вследствие ассимиляции завоевателей с покоренными эти подати сопряжены с обязанностью царя в свою очередь кормить своих людей.

[15] Финслер (ук. соч., стр. 410), правда, находит у Гомера и другие черты, присущие классической Спарте. Ссылаясь на известные семь городов в Мессении, которые Агамемнон обещает Ахиллу в качестве приданого (Il., IX, 149 сл.), и аналогичное место в «Одиссее» (IV, 174 сл.), он усматривает здесь намек на колоссальные земельные владения спартанских царей. Богатство Агиадов и Еврипонтидов не вызывает, конечно, сомнений. Однако о дарении ими городов или просто земли кому бы то ни было наши источники умалчивают. Столь же неосновательна и гипотеза Финслера о двоецарствии Атридов (там же, стр. 403).

[16] Кроме Il., X, 214 сл. (см. ниже), см. еще Hes., Op., 722.

[17] Нильссон (Homer and Mycenae, стр. 31) почему-то называет их «приверженцами» (retainers).

[18] Хотя приглашение обычно обращено к сравнительно узкому кругу лиц: скиптродержцам-царям или старцам (Od., VII, 186 сл.; VIII, 40 сл; ср. VIII, 57 сл.). Если рассматривать общество Схерии как родовое, это расхождение между численностью приглашенных и количеством действительно участвующих в пиршестве людей объясняется довольно просто. Каждый феакийский «старец» — одновременно патриарх, глава рода. Вместе со своим родом он является на общеплеменной царский обед. Таким образом, под гостеприимным кровом Алкиноя собираются все жители острова.

πίνουσιν). Правда, в настоящем своем контексте эта формула имеет, очевидно, уже не тот смысл, который ей придавался вначале. Большие обеды, в которых участвует все племя, у Гомера уже являются анахронизмом. Не случайно в «Одиссее» они ассоциируются с загадочной Схерией или с идеализированными Пилосом и Спартой. В большинстве случаев широкий фон общенародного пиршества в обеденных сценах бледнеет и исчезает. Остается только центральная группа — царь, окруженный героями и старцами (Il., II, 402; IV, 343 сл.; IX, 70; Od., XV, 466 сл.).

Соответственно добровольные взносы всех участников обеда к общему столу превращаются в свою противоположность — принудительные поборы с народа (κατὰ δῆμον или δημόθεν — Il., XXIV, 262; Od., XIX, 194 сл.; ср. Od., XIII, 13 сл.), хотя грань между теми и другими у Гомера еще весьма неустойчива. Вместе с тем на силу военно-демократических традиций в гомеровском обществе указывает то, что инициатива в устройстве обеда обычно принадлежит народу, тогда как царь только приглашает к столу [19]. Агамемнон в «Илиаде» (IV, 343 сл.) обращается к Менесфею и Одиссею, побуждая их вступить в сражение: «Ведь — вы первыми слышите от меня об обеде, когда мы, ахейцы, устраиваем обеды для старцев» (см. Il., VIII, 161 сл.; XII, 310 сл.; ср. IV, 257 сл.; VII, 321 сл.).

Цитированные выше строки из «Одиссеи» (пир у Менелая) хорошо показывают, насколько условный характер носит локализация гомеровских обедов в жилище царя,— обстоятельство, которому придают решающее значение «феодалисты». Слишком свободно, как завсегдатаи, чувствуют себя во дворце ἄνδρες δαιτυμόνες. Они не только приносят с собой продукты, но и сами готовят свой обед (см. также Od., VIII, 38; XIII, 23; XV, 667; XVII, 175 сл.). По-видимому, это объясняется тем, что царский дворец, хотя у Гомера он имеет уже все признаки частного жилища (женскую половину, хозяйственные пристройки и т. д.), в основе своей является зданием, принадлежащим общине и используемым ею для своих нужд, как, например, критский мужской дом — андрий — в историческое время [20]. Этнография указывает на существующую у многих народов связь между так называемым «мужским» общинным домом и домом вождя. В некоторых случаях эта связь выражается в прямом захвате мужского дома вождем и превращении его в свое частное жилище [21]. Не случайно Телемах, обращаясь к женихам (Od., XX, 264), пытается доказать, что его дом — его собственность, а не δήμιος [22].

Вместе с тем в эпосе можно выделить ряд пиршественных сцен, которые строятся безотносительно как к личности царя, так и к его жилищу. Это и есть то, что можно назвать обедами мужского союза в собственном смысле этих слов. Наиболее выразительным примером могут служить известные строки из плача Андромахи (Il., XXII, 490 сл.): «День сирот-

[19] В одном случае (Il., IX, 70 сл.), правда, указывается, что обед устраивает царь из своих запасов. Однако сам по себе царский титул здесь ничего не значит. Долг гостеприимства лежит на нем как на богатом человеке (ср. Il., IX, 225 сл.).

[20] Мегарон, который мог вместить лишь ограниченное число пирующих, первоначально, видимо, служил местом небольших семейных обедов. Δαίς в собственном смысле слова устраивался в «преддомии» или просто во дворе (см. Il., IX, 487). Место, впрочем можно понимать двояко: обеды устраиваются либо в доме Феникса, но за пределами мегарона, либо в каком-то другом (мужском) доме (Od., VIII, 57; XV, 466).

[21] S c h u r t z, ук. соч., стр. 206; E. S c h l e s i e r, Die Erscheinungsformen des Männerhauses in Mikronesien, s'Gravenhage, 1953, стр. 187, 1.

[22] Телемах, вероятно, имеет в виду лесху или кузницу (см. Od., XVIII, 328 сл.), из которых, по крайней мере, первая представляет, по-видимому, реликтовую форму мужского дома. У Гомера она служит пристанищем бездомным и вообще людям второго сорта. Знать, видимо, ее не посещает (ср. Hes., Op., 493 сл.; 500 сл.). Однако в Спарте и, вероятно, в ранних Афинах лески были зданиями официального характера (P l u t., Lyc., XVI; Schol. ad Hes., Op., 493).

ства совершенно лишает ребенка сверстников. Всегда с поникшей головой, щеки заплаканы. Нуждаясь, приходит мальчик к товарищам (ἑταίρους) отца. Одного тянет за плащ, другого за хитон. Кто-нибудь сжалится и протянет малую чашу — только губы смочить, для нёба же не хватит. А то и прогонит его с обеда счастливец, у которого и отец есть, и мать, ударами и бранью осыпав: „убирайся, ведь твой отец не обедает с нами!". Плача, мальчик приходит к матери-вдове. Астианакс, который прежде на коленях своего отца ел только мозг и жир бараний». Насколько можно понять из отрывка, товарищи Гектора собирались на свои обеды независимо от него, где-то вне его дома, и продолжают собираться после его смерти. Таким образом, имеется в виду совершенно самостоятельный союз, члены которого связаны между собой узами дружбы. Это, однако, уже не первобытный союз, который охватывает обычно всю боеспособную мужскую половину племени. Финслер [23] совершенно справедливо полагает, что цитированные строки логически вытекают из предшествующих слов Андромахи (стр. 489): «Ведь чужие отнимут поле» (ἄλλοι γὰρ ἀπουρήσουσιν ἀρούρας). Лишенный отцовского надела Астианакс лишается тем самым и возможности принимать участие в устройстве обедов, внося свою долю к общему столу. Интересна и внешняя сторона этих обедов: маленькие мальчики участвуют в трапезе, сидя на коленях своих отцов. Иногда на месте отца мы видим воспитателя-«кормильца». Феникс (Il., IX, 486 слл.) вспоминает, как маленький Ахилл обливал ему хитон на груди, οἴνου ἀποβλύζων. Евримаха таким же образом вскармливал Одиссей (Od., XVI, 442 сл.). Эта черта также отличает гомеровский союз от мужских союзов современных отсталых народов, у которых женщинам и детям обычно строго запрещено даже приближаться к мужскому дому [24]. В Греции, напротив, эта особенность прослеживается и в позднее время на Крите и в Аркадии (Athen., 143e; 149c). Обычай носит, несомненно, символический характер, знаменуя господство патриархальной семьи и консолидацию наследственной аристократии.

Древнейшей формой такого рода обедов была складчина, на что указывает сцена пиршества у Менелая. Союз в этом случае, очевидно, имеет свое постоянное место пребывания — мужской (царский) дом. Примеры таких совместных обедов можно найти и в «Илиаде». Так, в «Долонии» (Il., X, 214 сл.) Нестор вызывает охотников в разведку и обещает награду: «Сколько ни начальствует над судами лучших, каждый даст черную овцу с ягненком — дар, которому нет равного. Ведь всегда в обедах и пирах он будет участвовать» (αἰεὶ δ' ἐν δαίτῃσι καὶ εἰλαπίνῃσι παρέσται). Обычно обе части отрывка переводятся вне связи друг с другом: Нестор обещает смельчаку по овце с человека и, кроме того, гарантирует постоянное питание на общественный счет или, как полагает Фанта [25], поочередные обеды в палатках тех же ἄριστοι. Нам, однако, кажется, что такое толкование нарушает целостность поэтического образа, который, несомненно, содержится в словах Нестора. Так как героев в ахейском войске очень много, разведчика в случае удачи ожидает в лагере огромное стадо черных овец — каждая с сосунком. Образ сам по себе достаточно эффектен и едва ли нуждается в каких-либо дополнениях. Поэтому обе фразы лучше понимать в совокупности: Нестор поясняет, какую бездну удовольствий сулит обещанная им награда. Владелец такого стада может позволить себе ежедневно участвовать в товарищеских обедах, каждый раз являясь

[23] Finsler, Das homerische Königtum, стр. 314.

[24] Webster, Primitive Secret Societies, стр. 1 сл.; W. Schmidt und W. Koppers, Völker und Kulturen, I, Regensburg, 1924, стр. 243; H. Nevermann, Masken und Geheimbünde in Melanesien, B., 1933, стр. 29.

[25] A. Fanta, Der Staat in der Ilias und Odyssee, Innsbruck, 1882, стр. 74.

на них со своей овцой, как это делают сотрапезники Менелая в «Одиссее». Со складчиной в эпосе сосуществует другая, очевидно, более поздняя форма — обеды в доме «богатого мужа» или же обеды по принципу чередования домами (Il., IX, 70 сл.; 225 сл.; Od., XI, 413 сл. и 185 сл. О последнем месте мы будем говорит особо).

Несмотря на ряд существенно новых признаков, гомеровский союз в своей организации еще сохраняет архаическую систему возрастных классов [26].

Так, о Полидаманте в «Илиаде» сказано (XVIII, 251): «Он был товарищем Гектора. Ведь они родились в одну и ту же ночь». В «Одиссее» несколько раз встречается выражение πατρώιος ἑταῖρος. Отношениям этого рода придается, по-видимому, особое значение. В сцене народного собрания на Итаке (II, 253 сл.; ср. II, 286; XVII, 68; XXII, 208), когда Телемах просит у женихов корабль, чтобы плыть в Спарту, один из них, Леокрит, отвечает, что снарядить его в путь должны Ментор и Галиферс, так как они «с самого начала являются товарищами его отца» (οἱ ἐξ ἀρχῆς πατρώιοί εἰσιν ἑταῖροι).

Анализ некоторых сюжетных коллизий «Одиссеи» показывает, что между отдельными возрастными классами существовали определенные различия в самом характере их обедов. Остановимся на одном из эпизодов XI песни поэмы (185 сл.). Одиссей в царстве мертвых беседует с тенью своей матери Антиклеи, которая рассказывает ему о положении дел на Итаке: «Никто еще не присвоил твою прекрасную почесть. Телемах спокойно владеет теменом и участвует в равных пирах, которые пристало устраивать мужу-судье. Ведь все его приглашают» (σὸν, δ' οὔ πώ τις ἔχει καλὸν γέρας, ἀλλὰ ἑκηλος Τηλέμαχος τεμένεα νέμεται καὶ δαῖτας ἴσας δαίνυται, ἃς ἐπέοικε δικασπόλον ἄνδρ' ἀλεγύνειν· πάντες γὰρ καλέουσι). В литературе, посвященной Гомеру, это место получило несколько противоречивых толкований. Затрудняют понимание отрывка, во-первых, неясность, к кому относится выражение δικασπόλον ἄνδρ', во-вторых, кажущаяся несогласованность глагольных залогов: δαίνυμι в med., а ἀλεγύνω в act. Фанта [27] толкует слова Антиклеи следующим образом: Телемах продолжает пользоваться царской привилегией Одиссея, благодаря которой он имеет право на обед в доме каждого из своих подданных, прежде всего в домах знати (δικασπόλοι ἄνδρες). Этому, однако, противоречит единственное число существительного в инфинитивном обороте. Кроме того, употребление δαῖτας ἴσας говорит, несомненно, о коллективном характере обедов. Более убедительное объяснение предлагает Финслер [28]. Телемах сохраняет отцовский надел и именно поэтому (как землевладелец, который может внести свою долю продуктов) продолжает участвовать в общих обедах знати. Тем не менее перевод Финслера [29] нельзя признать удачным. Он не передает некоторые существенные оттенки подлинника. Как и Фанта, Финслер считает, что δικασπόλον ἄνδρ' не может относиться к Телемаху и что выражение следует понимать абстрактно [30]. Соответственно δαῖτα ἀλεγύνειν он пере-

[26] Подборки мест см. Finsler, Das Homerische Königtum, стр. 314 сл.; Jeanmaire, ук. соч., стр. 100.

[27] Fanta, ук. соч., стр. 73 сл.

[28] Finsler, Das homerische Königtum, стр. 314: «Это приглашение не является частью царской γέρας и не проистекает из обязанности содержать царя, возложенной на знатнейших людей общины, но представляет лишь признание его положения как собственника».

[29] «Telemachos ist in ruhigem Genuß der τεμένη und nimmt an den Mahlzeiten Teil, zu deren Genuß ein Mann von Adel berechtigt ist».

[30] Аргументацию Финслера в этом пункте нельзя назвать последовательной: «Телемах не может иметься в виду так как он — не царь, а также не представитель

водит «ein Mahl genießen», хотя ни у Гомера, ни у поздних авторов этот глагол такого значения не имеет [31]. Сама форма обедов, их организация остаются при таком понимании весьма расплывчатыми. Все становится на свои места, если принять, что именно Телемах и есть «муж-судья», что вместе с отцовским наделом он сохранил и этот его титул. Итакийские старейшины в представлении автора XI песни составляют союз, все члены которого связаны друг с другом узами взаимного гостеприимства. Каждый из них в свою очередь принимает у себя всех остальных [32] (быть может, более состоятельные должны были это делать чаще других — ср. Il., IX, 70 сл.; Od., XI, 413 сл.). При этом сотрапезники не просто вкушают обед, а готовят его своими руками (ἀλεγύνουσι), как это делают, например, женихи в доме Одиссея (XVII, 175 сл.).

Женихи Пенелопы,— пожалуй, наиболее интересный пример гомеровского мужского союза, хотя Финслер и обходит его молчанием в своей подборке. Отношения Одиссея и Телемаха с женихами носят исторически очень сложный характер. Они представляют собой конечный результат тех многовековых модификаций, которые претерпел на своем пути сюжет, вернее, сюжеты «Одиссеи». В отличие от «Илиады» «Одиссея» щедро насыщена фольклорным материалом, в основе которого лежит древняя ритуальная мифология. Многие, в том числе и основные сюжетные линии поэмы восходят к одному определенному кругу этих мифов, именно к сказаниям, связанным с обрядами инициации. Сюда можно причислить, например, эпизоды в пещере Полифема, пребывание Одиссея в царстве мертвых и, наконец, саму кровавую развязку поэмы: натягивание лука и избиение женихов [33]. Женихи с самого начала противостоят Одиссею

своего отца; да если бы он и был таковым, то δικασπόλος ἀνήρ означает вовсе не царя, а судью». Но Телемах не может быть ни тем, ни другим еще и потому, что он — несовершеннолетний (в момент посещения Одиссеем подземного мира ему должно было быть не более 14 лет). Мы не будем углубляться в вопрос о судейских функциях царей у Гомера. Заметим лишь, что само выражение δικασπόλος ἀνήρ Финслер совершенно правильно понимает как синоним «человека, принадлежащего к знати». Но точно таким же синонимом в целом ряде случаев оказывается βασιλεύς — сам Финслер (ук. соч., стр. 324 сл.) весьма убедительно показывает это на примере государства феаков. Что касается вопроса о совершеннолетии Телемаха, то он едва ли занимал автора XI песни в той же степени, что и поздних комментаторов «Одиссеи», так что подсчеты этого рода вряд ли могут здесь иметь какое-нибудь значение. Несоответствие между возрастом героя и его социальным положением у Гомера — обычное явление. Так, Диомед принадлежит к числу ахейских ἠγήτορες ἠδὲ μέδοντες (оба термина часто используются в качестве синонима к γέροντες), хотя по возрасту он — сверстник самого младшего из сыновей Нестора (Il., IX, 57 сл.; см. J e a n m a i r e, ук. соч., стр. 35 сл.).

[31] В трех местах «Одиссеи» (I, 374; II, 139; XIII, 23), на которые ссылается Финслер, истинное значение глагола не поддается определению по контексту. Однако в четвертом (VIII, 38) общепринятый перевод не вызывает сомнений. Алкиной обращается к гребцам, отобранным для препровождения Одиссея на родину: «... затем быстро приготовьте обед (θοὴν ἀλεγύνετε δαῖτα) у нас (во дворце)... Это поручаю юношам». Сразу же после этого Алкиной приглашает «прочих царей-скиптродержцев». Юноши, таким образом, должны приготовить обед для всех остальных гостей, не только для себя.

Κοῦροι в роли поваров и официантов — обычные у Гомера участники пиршественных сцен (Il., I, 463 сл.; IX, 174; Od., I, 148; III, 339; XXI, 270).

[32] Так, например, понимал это место уже Жуковский. Близок нашему также перевод Жанмэра (ук. соч., стр. 91): «Telemaque continu à jouir de son téménos et sa juste portion lui reste acquise aux festins d'usage que s'offrent les juges: car tous l'invitent» — хотя заключительные слова отрывка, начиная с δικασπόλων ἀνδρ', он предпочитает выбросить как интерполяцию.

[33] См. С. Я. Л у р ь е, Дом в лесу, «Язык и литература», VIII, 1932, стр. 177; В. П р о п п, Мужской дом в русской сказке, «Уч. зап. ЛГУ, сер. фил. наук», 1939, № 20, стр. 194 сл. Р. Карпентер (R. C a r p e n t e r, Folktale, Fiction and Saga in the Homeric Epics, Berkeley, 1946, стр. 151 сл.), один из последних исследователей «Одиссеи» с точки зрения фольклора, обнаруживает в образе Одиссея ряд тотемистических черт, прослеживая его родословную как Bearson. Женихам он уделяет сравнитель-

в состязании за руку Пенелопы как сплоченная компактная группа (индивидуальные образы некоторых из них следует, видимо, отнести к позднейшим наслоениям). Во времена зарождения мифа такой группой мог быть только мужской союз, вернее, один из его возрастных классов. Авторы последних «редакций» «Одиссеи» едва ли уже отдавали себе отчет в истинном характере этого коллективного образа. Они щедро наделяют женихов всеми чертами ὕβρις современной им «золотой молодежи» [34]. Однако признаки союза еще угадываются в некоторых характерных деталях гомеровского повествования. Правда, и эти детали во многом уже выходят за рамки чисто мифологических реминисценций и должны рассматриваться как привнесение в эпос более поздних стадий в эволюции союза. О том, что перед нами не случайное сборище претендентов на руку Пенелопы, говорит одно интересное обстоятельство, на которое до сих пор мало кто обращал внимание. Телемах перечисляет женихов, желая показать отцу, насколько трудным будет задуманное им предприятие (Od., XVI, 247 сл.): «С Дулихия пятьдесят два избранных юноши и с ними шесть слуг (ὀρησ-τῆρες). С Самы пришли двадцать четыре человека. С Закинфа двадцать ахейских юношей. С самой Итаки двенадцать, и все лучшие. И с ними вестник Медонт, божественный певец и двое слуг, сведущих в разрезании мяса». На сто восемь женихов приходится, таким образом, только десять слуг, если причислить к ним также глашатая и певца. Между тем мы, несомненно, были бы вправе ожидать иного соотношения. Женихи — это неоднократно подчеркивается в «Одиссее» — все принадлежат к лучшим «царским» домам Итаки и окрестных островов. Было бы вполне естественно, с точки зрения аристократического кодекса приличия, если бы каждый из них имел при себе, по крайней мере, одного слугу. Именно так представляет себе положение вещей автор XVIII песни (стк. 291): каждый из женихов посылает к себе домой вестника за подарком для Пенелопы. Это сопоставление наводит на мысль о том, что слуги, о которых говорит Телемах, не являются слугами отдельных женихов, а принадлежат всей группе в целом (или группам, прибывшим с разных островов). Иначе говоря, это слуги союза, специализирующиеся на приготовлении и обслуживании коллективных обедов (Телемах подчеркивает это, говоря о двух δαιτροί, итакийских женихов). В качестве аналогии можно сослаться на слуг в критских сисситиях (в каждой гетерии их было от десяти до тринадцати человек — Athen., 143 b) или на потомственных поваров в фидитиях в Спарте (Hdt., VI, 60).

Ὕβρις женихов проявляется прежде всего в их обжорстве, в уничтожении ими чужого имущества. Обжорство и насилия над рабынями Одиссей делает первым пунктом своей короткой обвинительной речи (XXII, 36 сл.) [35]. Как посягнувшие на священное право собственности, они рас-

---

но мало внимания, трактуя их как «друзей-предателей», покинувших «медвежьего сына» в подземном царстве и принуждающих к браку спасенную им царевну. «Бесконечные обеды женихов — лишь проекция или продолжение свадебного пира, в который должен вмешаться герой». В своей интерпретации сюжета поэмы Карпентер обходит некоторые весьма существенные детали, о которых речь будет ниже. Сама сказка о сыне медведя в его изложении представляется чересчур растянутой. Жермэн (G. G e r m a i n, Essai sur les origines de certaines thèmes Odysséens et sur la Genèse de l'Odyssée, P., 1954, стр. 1 сл.), сопоставляя сцену натягивания лука с аналогичными мотивами индийского эпоса, приходит к выводу, что все они восходят к древнему ритуалу тронных инициаций, занесенному в Европу и Индию кочевниками Центральной Азии и Ирана. Однако эти состязания за право на обладание короной —не более, чем поздний реликт широких общеплеменных инициаций (см. T h o m s o n, ук. соч., стр. 123, прим. 5). О связи инициаций с брачными церемониями см. R. B r i f f a u l t, The Mothers, II, L., 1927, стр. 197 сл.

[34] C. H. W h i t m a n, Homer and the Heroic Tradition, Cambr. 1958, стр. 306.

[35] F i n s l e r, Das homerische Königtum, стр. 320.

плачиваются за это своей кровью. Имущественный вопрос фактически становится центром тяжести в том конфликте, на котором строится поэма. Мотивировка поведения женихов в самой поэме — они губят имущество Одиссея, чтобы принудить Пенелопу к браку,— производит впечатление некоторой искусственности и, по-видимому, представляет собой позднюю попытку соединить в единое целое разнородные версии древнего предания об Одиссее. Безусловно правы Нильссон и Жанмэр, которые видят в обедах женихов злоупотребление каким-то обычаем, а не просто произвол и, стало быть, чисто поэтическую фикцию [36]. Однако их попытка объяснить ситуацию, сложившуюся на Итаке, исходя все из той же концепции «гомеровского феодализма», не выдерживает критики. По мнению Нильссона, женихи, будучи «вассалами» Одиссея, в его отсутствие самовольно присвоили право обедать в царском доме, которым они раньше, до отплытия Одиссея, пользовались по обычаю. Эта гипотеза в сущности ничего не объясняет и лишь еще больше запутывает дело. С точки зрения феодального кодекса чести Одиссей имел бы не менее серьезные основания для мести женихам, если бы они покинули его дом и бросили на произвол судьбы его жену и несовершеннолетнего сына. Ключом к правильному пониманию взаимоотношений Одиссея и его семьи с женихами должна служить речь Телемаха во II песне (138 сл., ср. I, 374 сл.): «Если ваша душа стыдится этого, уйдите из моего дома, устраивайте другие обеды, проедая свое имущество, чередуясь домами (ἀμειβόμενοι κατὰ οἴκους). Если же вам кажется желанней и лучше оставаться и губить безвозмездно имущество одного человека, жрите!». В чем смысл этих слов Телемаха? Он не пытается доказать, что женихи вообще не имеют права обедать в его доме, хотя, казалось бы, именно с этого и нужно было бы начать. Телемах протестует против того, что ему одному приходится нести все бремя расходов в устройстве этих обедов. В этом смысле место созвучно цитированному выше отрывку XI песни, в котором идет речь об обедах итакийских судей. Женихи так же, как и их отцы — δικασπόλοι ἄνδρες, едят в доме Телемаха по обычаю. Однако, с другой стороны, они злоупотребляют обычаем, оставаясь в том же самом доме дольше положенного срока. Именно в этом смысл конфликта. Его острота еще более усугубляется тем, что Телемах и женихи находятся далеко не в равном положении по отношению друг к другу. Чередование домами, которое предлагает женихам Телемах, хотя и напоминает поочередные обеды судей, в то же время принципиально от них отличается. Как мы уже говорили, образ женихов в «Одиссее» сохраняет традиционные, восходящие к первобытной ритуальной мифологии черты возрастного класса. Они все, как один, — юноши (κοῦροι) и, стало быть, неженаты и не ведут своего хозяйства. Типичен в этом отношении Еврином, сын «героя» Египтия. Всего у Египтия было четыре сына (Od., II, 15 сл.). Старший Антиф последовал за Одиссеем в Трою и был затем съеден на ужин циклопом. Два других (видимо, семейных) работают в отцовском хозяйстве (ἔχον πατρώια ἔργα) [37]. Наконец, последний и, видимо, самый младший Еврином «шатается с женихами» (μνηστῆρσιν ὁμίλει). Устройство обедов на началах взаимного гостеприимства для женихов, очевидно, исключено: у них нет ни земли, ни своих домов, куда бы они могли пригласить друг друга. Следует отметить и еще одно обстоятельство. Pluralis κοῦροι у Гомера

[36] Nilsson, Das homerische Königtum, стр. 30; Jeanmaire, ук. соч., стр. 94 сл. Отголоском первоначальной версии являются, как кажется, слова Леокрита (Od., II, 244): «Трудно будет и многим мужам сражаться (с нами) из-за обеда (μαχέσασθαι περὶ δαιτί)».

[37] Семейное имущество в гомеровское время оставалось неразделенным при жизни главы семейства (Od., XIV, 208).

сплошь и рядом используется в значении «дружина», «отряд» (Il., II, 510; III, 183; IV, 392 и т. д.). Это и понятно. Молодые люди, холостяки как наиболее мобильный и драчливый элемент общины составляют ядро племенного ополчения. Применительно к женихам это подтверждает сам Одиссей (XXIII, 121), который называет их (уже мертвых) «опорой города» (ἔρμα πόληος). Евримах же молит открывшегося Одиссея (XXII, 54 сл.): «Пощади своих людей» (φείδεο λαῶν σῶν).

У многих народов (в настоящем так же, как и в прошлом), особенно у племен, стоящих на пороге классового общества, молодые люди в определенный период их жизни освобождаются от работы в хозяйстве их родителей и на значительный срок совершенно обособляются от общества, образуя замкнутую группу молодых воинов. Приблизительно этот период продолжается обычно от наступления половой зрелости и прохождения через обряды инициаций до вступления в брак и обзаведения своим хозяйством. Группа таких юношей живет, как правило, вне деревни в особом лагере или Junggesellehaus. На свой страх и риск они предпринимают грабительские экспедиции в земли соседей, а в обычное время несут постоянную охрану границ племенной территории. Средства к жизни добываются частично войной и охотой, но в значительной степени бремя содержания союза несет сама община, т. е. отцы входящей в союз молодежи. Время от времени члены союза появляются в деревне и ходят по домам. Каждый хозяин в случае такого визита должен накормить их обедом. Чтобы не выходить за рамки нашей темы, сошлемся на Тацита (Germ., 31) [38]. Он рассказывает о племени хаттов. В ранней юности они отпускают волосы и начинают отращивать бороду. Ни один из них не имеет права остричь волосы, прежде чем не убьет своего первого врага (...ignavis et imbellibus manet squalor). Некоторые, кроме того, носят железные кольца (может быть, нечто вроде вериг — velut vinculum). Эти люди всегда сражаются в передних рядах. «У них нет ни дома, ни поля, никаких забот. К кому бы они ни пришли, их всюду кормят. Они расточают чужое, презирая свое, до тех пор, пока из-за старческой слабости не становятся неспособны вести столь суровый образ жизни» [39].

Так как годы, предшествующие женитьбе, являются обычно годами военной тренировки, кормление союза молодежи общиной приобретает довольно часто своеобразную форму. Ночью члены союза покидают свои лесные убежища, врываются в деревню (нередко под предводительством своих «учителей») и хватают все, что попадется под руку. Воровские похождения спартанских мальчиков в этой связи не представляют собой чего-то уникального [40].

Таким образом, характеристика женихов как шайки молодых грабителей весьма традиционна [41]. Экскурс в область сравнительной этногра-

[38] См. L. Weiser, Altgermanische Jünglingsweihen und Männerbünde, Baden, 1927, стр. 33 сл. Классический пример такого рода системы возрастных классов дает племя масаи (Восточная Африка), хотя кормление воинов общиной у них не играет особой роли благодаря обилию захваченного на войне скота (M. Merker, Die Masai, B., 1904, стр. 60 сл.).

[39] Заключительная фраза отрывка звучит как преувеличение и противоречит предшествовавшему: «donec se caede hostis absolvat», если не допустить, что речь идет не о всех хаттах, а лишь о некоторых из них (plurimis chattorum hic placet habitus). Ср., однако, там же, 15.

[40] Weiser, ук. соч., стр. 56 сл.; O. Höffler, Kultische Geheimbünde der Germanen, I, Frankfurt am Main, 1934, стр. 257 сл.; D. Westermann, Die Kpelle, Gott., 1921, стр. 246. Пережитком этого обычая является, по всей видимости, колядование в украинских деревнях.

[41] Может быть, в том же смысле следует понимать прозвище, которым Приам в припадке гнева награждает своих сыновей (Il., XXIV, 262): ἀρνῶν ἢδ' ἐρίφων ἐπιδήμιοι ἁρπακτῆρες.

фии помогает лучше понять некоторые оттенки во взаимоотношениях Телемаха с женихами. Телемах, хотя по возрасту он должен быть их сверстником, противостоит им не как их товарищ по союзу, связанный с ними долгом взаимного гостеприимства, а как домохозяин, на котором, как и на всех жителях Итаки, даже не имеющих никакого отношения к союзу [42], лежит бремя содержания этой ἔρμα πόληος. Весь ужас положения Телемаха в том, что женихи едят и пьют в его доме безвозмездно (νήποινον). Он ничего не может потребовать взамен ни с них самих, потому что у них нет своего имущества, ни с их родителей, потому что они не отвечают за действия союза. Такая интерпретация позволяет понять еще одно темное место в той же сцене народного собрания (Od., II, 74 сл.). Телемах обращается к гражданам Итаки с довольно странным, на первый взгляд, предложением: «Мне было бы выгодней, если бы вы (сами) проели мое имущество, движимое и недвижимое (κειμήλιά τε πρόβασίν τε). Так как, если бы вы проели, я быстро получил бы плату (τίσις). Мы бы до тех пор ходили по городу, выпрашивая имущество, пока бы все не было отдано». Место кажется странным, так как поворот примитивного юридического мышления, лежащий в его основе, трудно уловим для невооруженного глаза современного исследователя. Слова Телемаха — не просто жест отчаяния. В них есть трезвый, хотя и несколько наивный расчет. Телемах предпочитает отдать свой дом на поток и разграбление отцам грабителей, с которых он затем как с полноправных собственников взыщет сполна весь ущерб, опираясь в сущности на тот же самый обычай поочередного гостеприимства (отдаривания), на котором основываются обеды итакийских δικασπόλοι [43].

Мужские союзы современных отсталых народов, равно как и союзы древних германцев, персов и пр., как правило, имеют ярко выраженную религиозную окраску. Они сосредоточивают в своих руках важнейшие отрасли религиозной жизни племени: культ мертвых, контроль над плодородием, обряды инициаций и т. д. Гомеровский союз почти совершенно лишен каких-либо признаков этого рода. Употребить здесь это «почти» позволяет, как нам кажется, знаменитая сцена безумия женихов (Od., XX, 345 сл.). Афина возбуждает в них неудержимый смех и приводит в смятение их рассудок. Их лица искажаются, и в довершение всего они начинают есть кровавое мясо (αἱμοφόρυκτα δὲ δὴ κρέα ἴσθιον ...)[44]. Известно, что в древности безумие и религиозный экстаз рассматривались как весьма близкие, родственные состояния. Пожирание сырого мяса в состоянии экстаза было довольно обычным делом (общеизвестный пример — менады). В варварской Европе сыроядство практиковалось опять-таки среди членов мужских союзов. Союзы эти сплошь и рядом состояли

---

[42] В этой связи большой интерес представляет разговор Одиссея с Евримахом (Od., XXII, 55 сл.). Последний от лица своих товарищей предлагает возместить весь ущерб, нанесенный царскому дому, за счет народа (ἀρεσσάμενοι κατὰ δῆμον). Смысл этого выражения раскрывает далее Одиссей. Он говорит, что его не устроит расплата, предложенная женихами, даже в том случае, если они отдадут все отцовское имущество, присоединив к нему еще и взятое у других (εἴ ποθεν ἀλλ' ἐπιθεῖτε).

[43] Молниеносное поедание запасов «гостеприимца» и столь же быстрое их восстановление — явления, весьма характерные для племен с неокрепшей еще частной собственностью. Типичный пример — потлач у североамериканских индейцев (St. Viljoen, The Economics of Primitive Peoples, L., 1936, стр. 250 сл.). Эта гипотеза не исключает возможности других объяснений обжорства женихов. Так, весьма убедительным кажется нам сопоставление сюжета «Одиссеи» с тюркским эпосом, повествующим о возвращении героя в родной дом, захваченный восставшими рабами (С. П. Толстов, Военная демократия и проблема генетической революции, ПИДО, 1935, № 7—8, стр. 190 сл.).

[44] Эту строку нужно, очевидно, отделять от последующего видения Феоклимена. Обрызганные кровью стены видит только сам провидец, но не поэт и не его слушатели.

из «оборотней» (вервольфов), которые одевались в звериные шкуры, носили звериные имена. Естественно, что сыроядство считалось среди них правилом хорошего тона. Типичным примером могут служить знаменитые скандинавские берсеркеры [45]. Следы такого рода тотемистических верований и союзов (так называемой «ликантропии») сохранились и в Греции [46]. Не исключено, что отголоском этого первобытного оборотничества является и безумие женихов. Оказавшиеся в его распоряжении обрывки древнего предания о союзе лесных братьев поэт использует здесь для создания эффектной сцены, эффективность которой усиливает ее непонятность.

Материал, затронутый в настоящей работе, слишком ограничен, чтобы на его основании можно было сделать какие-то далеко идущие выводы относительно происхождения гомеровских мужских союзов и их места в древнейшей истории Греции. Как полагает С. Я. Лурье [47], мужские союзы играли немаловажную роль уже в Пилосском государстве. Сама эта мысль заключает в себе большой соблазн для исследователя [48]. Однако то немногое, что известно о мужских союзах гомеровской эпохи, допускает, как кажется, самостоятельное развитие этого института, без какой-либо прямой преемственности по отношению к микенскому обществу. Примитивные общественные отношения, которые обнаруживает анализ отобранных нами отрывков, соответствуют социальному укладу скорее сельской общины, нежели развитого государства микенского типа. В советской литературе, посвященной Гомеру, неоднократно отмечалась историческая сложность его поэм [49], закономерно присущая эпохе начинающегося упадка основных норм и обычаев родового строя и их оттеснения нормами и обычаями классового общества. У Гомера те и другие сплошь и рядом выступают в качестве своеобразных гибридов. Институты родовой эпохи маскируют молодые ростки частной собственности и эксплуатации, и, наоборот, в сложных сюжетных построениях зрелого эпоса все еще угадываются простейшие жизненные ситуации, свойственные родовой общине. Материал, использованный в настоящей статье, еще раз, как нам кажется, напоминает об этой сложности гомеровского эпоса.

---

[45] W e i s e r, ук. соч., стр. 45 сл.

[46] J e a n m a i r e, ук. соч., стр. 550 сл.

[47] С. Я. Л у р ь е, Язык и культура микенской Греции, М.— Л., 1957, стр. 226 сл.

[48] Насколько сложной и широко разветвленной может быть организация мужского союза, показывает пример Поро, самого могущественного тайного общества Западной Африки (W e s t e r m a n n, ук. соч., стр. 252 сл.).

[49] В качестве последнего примера можно сослаться на книгу А. Ф. Лосева «Гомер» (М., 1960, стр. 95).

К. В. Голенко

СОСТАВ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ ХЕРСОНЕСА в I в. до н. э.

БУРНЫЕ события конца II в. до н. э., приведшие к потере политической самостоятельности Боспором и Херсонесом, власть над которыми сразу же после походов Диофанта (110—107 гг. до н. э.) перешла к понтийскому царю Митридату VI, имели не совсем одинаковые последствия для каждого из упомянутых государств. После смерти Митридата VI (63 г. до н. э.) цари Боспора, признавая свою зависимость от Рима, часто номинальную, фактически проводили самостоятельную политику. Что касается Херсонеса, то согласно Страбону (VII, 4, 3) со времен Митридата VI «и поныне город Херсонес подчинен владыкам Боспора». Несмотря на настойчивые попытки города получить «свободу» из рук римлян, на протяжении всего I в. до н. э. Херсонес находился в зависимости от боспорских царей. Исключение составляет только короткий отрезок времени (конец 47 — начало 44 г. до н. э.), когда Цезарь даровал городу элевтерию [1]. Это событие, кстати, было ознаменовано специальным выпуском серии монет [2].

Но вместе с тем положение Херсонеса при Митридате не было аналогично положению тех городов, которые входили в состав Боспорского царства. Об этом прежде всего говорят нумизматические и эпиграфические памятники. В частности, херсонесские монеты I в. до н. э. обнаруживают лишь косвенное понтийско-боспорское влияние, типы же их в основном остаются традиционно херсонесскими. Ряд надписей второй половины I в. до н. э., относящихся ко времени Динамии (IOSPE, I², 354), Полемона I (IOSPE, I², 419, 704), Аспурга (IOSPE, I², 573), свидетельствуя о сильной зависимости Херсонеса от царей Боспора, говорят в то же время о формальной самостоятельности города.

Отрывочность свидетельств древних авторов и эпиграфических памятников выдвигает нумизматический материал I в. до н. э. в качестве одного из ведущих источников по истории Херсонеса этого времени.

Все исследователи, систематизировавшие херсонесский чекан в целом,— Б. В. Кене, А. Л. Бертье-Делагард, А. В. Орешников и следовавший за ним А. Н. Зограф [3] — принимали во внимание зависимость города от

---

[1] М. И. Ростовцев, Цезарь и Херсонес, ИАК, вып. 63, 1917, стр. 1 слл.

[2] А. В. Орешников, Монеты Херсонеса Таврического..., НС, II, 1913, стр. 4 слл.; его же, О монетных магистратах Херсонеса, ИРАИМК, II, 1922, стр. 116 слл.; А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, 1951 (далее — АМ), стр. 153.

[3] Б. В. Кене, Исследование об истории и древностях города Херсонеса Таврического, СПб., 1848, стр. 93 слл.; его же, Описание музеума покойного кн. В. В. Ко-

Боспора. А. В. Орешников, которому принадлежит последняя классификация монет Херсонеса, к «периоду боспорского влияния», датированному им концом II — 25/24 г. до н. э., относил ряд монет различных типов. Но даже принимая во внимание элемент условности всякого формального членения нумизматического материала, следует признать, что классификация А. В. Орешникова требует некоторых существенных оговорок. Дело не только в том, что отдельные разновидности редких херсонесских монет [4], отнесенных этим исследователем к указанному периоду, принадлежат, видимо, более раннему времени [5]. Прежде всего, применительно к монетам, хронологические рамки «периода боспорского влияния» нуждаются в уточнении. Довольно многочисленные серебряные и медные монеты конца II в. до н. э.[6] (некоторые из них могут быть связаны непосредственно с походами Диофанта [7]) совершенно лишены каких-либо признаков понтийско-боспорского влияния. Эти монеты, очевидно, принадлежат последним эмиссиям, сохранившим основные черты эллинистического херсонесского чекана, хотя город уже находился во власти понтийского царя.

Далее, 25/24 г. до н. э., когда херсонеситами была принята новая городская эра [8], поводом для чего послужила формальная передача функций царя-эпонима городской богине Деве, не может служить рубежом двух периодов в предложенной А. В. Орешниковым классификации херсонесского чекана — «боспорского влияния» и «царствования Девы».

Независимо от того, что принятие нового летосчисления было вызвано каким-то важным событием во внутренней жизни города, о котором нам ничего не известно, хотя некоторые исследователи и связывают его с возможностью предоставления Херсонесу «элевтерии», эпиграфические памятники по-прежнему говорят о зависимости города от боспорских царей. Что касается монет, то характерные признаки начального чекана «царствования Девы» не могут быть прямо связаны с какими-либо новыми изменениями в правовом положении города. Кроме того, появление монет указанной группы, на наш взгляд, следует относить к сравнительно позднему времени [9] — рубежу I в. до н. э. — I в. н. э. Добавим, что, как это не раз отмечалось, различия в чекане Херсонеса I в. до н. э. и начала I в. н. э. сводились к изменению типологии и системы номиналов. Однако столь важный признак, как почти полное отсутствие магистратских имен [10]

чубея, т. I, СПб., 1857, стр. 122 слл.; А. Бертье-Делагард, Значение монограмм... на монетах Херсонеса, Отд. отт., ЗНОРАО, т. I, 1906; Орешников, ук. соч., стр. 26; АМ, стр. 151.

[4] Например, типа Орешников, ук. соч., рис. 8, 10, 11.

[5] См. К. В. Голенко, Несколько редких монет Херсонеса позднеэллинистического времени, НСфр, II (в печати).

[6] Например, П. Бурачков, Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, ч. I, Одесса, 1884 (далее — ОК), табл. XIV, *9—12*, табл. XV, *81*; АМ, XXXVI, *11—16*.

[7] Речь идет о драхмах типа ОК, XIV, *9—10*; АМ, XXXVI, *13—14*. Датировка этих монет самым концом II в. до н. э. общепризнанна. На возможную связь чекана наших драхм с походами Диофанта указывает и следующее совпадение. Как мы знаем, эти походы были предприняты на протяжении трех лет. В то же время на интересующих нас монетах имеется только три магистратских имени: Аполлония, Диотима и Мойрия.

[8] А. Л. Бертье-Делагард, Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса, ЗООИД, т. XVI, 1893, стр. 45 слл.

[9] Подробнее см. ниже, Приложения III—IV.

[10] Имена магистратов известны лишь для двух видов херсонесского чекана I в. до н. э.— драхмы типа ОК, XIV, *7*; АМ, XXXVI, *18* и оболы типа ОК, XVI, *98*; АМ, XXXVII, *1—2*. Драхмы были первым выпуском I в. до н. э. и по традиции сохраняли еще магистратское имя. Что касается медных монет, то они принадлежат к выпускам «первой элевтерии». Очевидно, восстановление института монетных магистратов непосредственно связано с предоставлением «свободы» городу.

и замена их монограммой, содержащей имя Девы, замечен и на монетах много ранее 25/24 г. до н. э. и не может быть непосредственно сопоставлен с принятием нового летосчисления.

Принимая во внимание все сказанное, с известной долей вероятности мы можем отнести к I в. до н. э. довольно ограниченное число херсонесских монет:

1. Типа: голова Девы вправо — Дева, поражающая лань; табл. I, *1* (ОК, XIV, *7*; АМ, XXXVI, *18*); серебро, драхма, 90—80 гг. до н. э.[11].
2. Типа: погрудное изображение Девы вправо — пасущаяся лань. Эти монеты известны в двух основных разновидностях, одна из которых представлена тремя вариантами; табл. I, *2—4* (ОК, XIV, *8*; АМ, XXXVI, *20*); медь, тетрахалк, 90—60 гг. до н. э.[12].
3. Типа: Дева, поражающая лань, влево — бодающийся бык влево; табл. I, *5* (ОК, XVI, *98*; АМ, XXXVII, *1—2*); медь, обол, 47—44 гг. до н. э.[13].
4. Типа: погрудное изображение (или голова) Девы вправо — орел на молнии; табл. I, *6* (ОК, XVI, *97*; АМ, XXXVI, *19*); медь, тетрахалк, 44 г. до н. э. и позже [14].
5. Типа: мужская голова вправо — Дева, стоящая в рост; табл. I, *7* (АМ, XXXVI, *21*); медь, обол, 44 г. до н. э. и позже [15].
6. Типа: погрудное изображение Девы (?) вправо — кадуцей; табл. I, *8—9* (АМ, XVI, *119*); медь, конец I в. до н. э.[16].
7. Типа: голова Зевса вправо — молния; табл. I, *10—11* (АМ, XXXVI, *22*); медь, конец (?) I в. до н. э.[17].

В боспорском монетном деле времени Митридата VI достаточно отчетливо прослеживается влияние Понта. Оно выразилось и в переходе к чекану только крупной меди (практически оболов и тетрахалков), в постепенном отмирании к 80 гг. до н. э. выпуска монетного серебра и в заимствовании некоторых монетных типов у царских и городских понтийских монет[18]. Для херсонесского чекана времени Митридата VI и первой половины правления Асандра мы также можем отметить влияние монетного дела Понта и Боспора. Так, единственная для I в. до н. э. серия драхм Херсонеса (группа 1) датируется 90—80 гг. до н. э., т. е. она одновременна заключительному выпуску серебра городов Боспора. Как и на Боспоре, в Херсонесе серебряная монета более не выпускается, возобновленный чекан более позднего времени представлен только золотом [19]. Упомянутые

[11] АМ, стр. 152; К. В. Голенко, Херсонесские драхмы с именем магистрата Деметрия, «Сообщения ГМИИ», вып. II, 1964, стр. 45 слл. Издаваемая монета — ГЭ, 2,85 г.

[12] АМ, стр. 152; Голенко, ук. соч. Издаваемые монеты — *2* — ГИМ, перечеканена, 7,84 г; *3* — ГЭ, 4,02 г; *4* — ГХМ, 2,79 г.

[13] Орешников, ук. соч., стр. 4; АМ, стр. 153. Издаваемая монета — ГЭ, 12,05 г.

[14] К. В. Голенко, К датировке некоторых монет Херсонеса, НЭ, III, 1962, стр. 49 слл. Издаваемая монета — ГИМ, 6, 90 г.

[15] АМ, стр. 152; Голенко, К датировке... Издаваемая монета — ГИМ, 17,30 г.

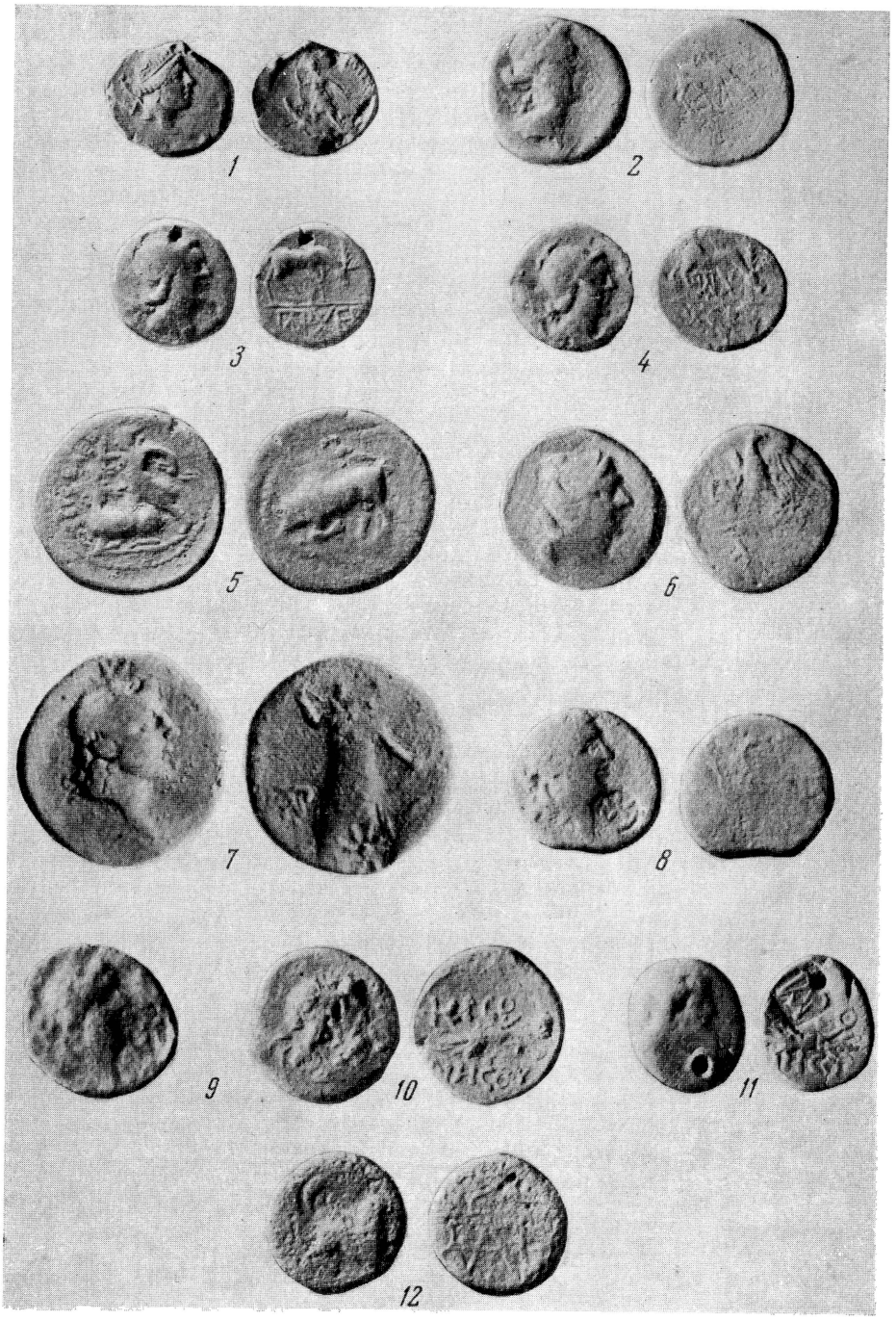
[16] А. Л. Бертье-Делагард, О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами, ЗООИД, XXIX, 1911, стр. 142; В. А. Анохин, Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э., НЭ, IV, 1963, стр. 15. Издаваемые монеты — ГИМ, 6,12 г.; ГХМ, из находок на Херсонесском городище. Подробнее о монетах групп 6, 7 см. ниже, Приложения II—III.

[17] АМ, стр. 152; Анохин, ук. соч., стр. 14 сл. Издаваемые монеты — ГХМ, перечеканена, из находок на Херсонесском городище, 6,40 г; ГИМ, 3,53 г.

[18] АМ, стр. 185 слл.; К. В. Голенко, Монетная медь городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI в боспорских находках, ПС, 11, 1964, стр. 58 слл.

[19] Оставляя в стороне уникальный статер с именем Митридата VI, который мог чеканиться на Боспоре (ср. G. Kleiner, Pontische Reichsmünzen, Istanbuler Mitteilungen, H., 6, 1955, S. 11 ff., Taf. I, *6*; А. Г. Загинайло, Золотая боспорская монета Митридата Евпатора, КС ОГАМ 1961 г., 1963, стр. 113 слл.), первый регулярный выпуск золота на Боспоре следует относить ко времени Фарнака, с 55/54 г. до н. э. Самая ранняя золотая монета Херсонеса датируется 47 г. н. э. Об этом чекане и связи его с херсонесско-боспорско-римскими отношениями см. последнюю работу по данному вопросу — Анохин, ук, соч., стр. 18 слл.

Таблица I



драхмы, сохраняя традиционно херсонесский тип, в то же время в фактуре монетного кружка и трактовке аверсного изображения обнаруживают явное влияние боспорских драхм 100—80 гг. до н. э.[20]. Далее, эти херсонесские драхмы, сохраняя еще имя магистрата, лишены названия города. На наш взгляд, это — прямое следствие влияния амисского серебряного чекана [21]. Амисские драхмы, единственный вид городского серебра в Понте, дожившего до времени Митридата VI (точнее до рубежа II—I в. до н. э.) также не имеют названия города, но снабжены именами магистратов, нередко переданных полностью, без сокращений.

Медные монеты Херсонеса митридатовского периода также обнаруживают косвенное внешнее влияние. Оно выразилось, прежде всего, в выборе номиналов — тетрахалк, а позже и обол, аналогичных по весу и фактурным особенностям кружка понтийским и боспорским монетам. Не избежала заимствований и типология херсонесской меди. Так, отличительным признаком, неизвестным для других херсонесских монет, первой разновидности монет группы 2 (табл. I, *2*) служит стилизованный венок, обрамляющий реверсное изображение. По-видимому, этот венок заимствован у царского золота и серебра Митридата VI (унаследовавшего его от кистофоров) или у дидрахм 90—80 гг. до н. э. городов Боспора [22]. Основной тип оборотной стороны рассматриваемых монет традиционно херсонесский — атрибут Девы — лань, но в данной серии, впервые во всем херсонесском чекане, лань изображена пасущейся, как на некоторых царских тетрадрахмах, чеканенных в Пергаме (?) и более ранних, чем херсонесские монеты, драхмах Пантикапея [23].

И более поздние херсонесские монеты, чеканенные при Асандре и Динамии, не избежали внешнего влияния. Реверсное изображение тетрахалков (группа 4, табл. I, *6*), относящихся к периоду после 44 г. до н. э.,— орел на молнии — чуждо местной монетной типологии; особенности трактовки орла на этих монетах указывают на заимствование типа среди заключительных выпусков понтийских тетрахалков времени Митридата VI или среди пантикапейских оболов, чеканенных при Фарнаке [24]. Для других монетных серий Херсонеса I в. до н. э. заимствования менее заметны, но в этой связи нельзя обойти вниманием надчеканки. На редких оболах (группа 5, табл. I, *7*), одновременных рассмотренным тетрахалкам, присутствуют те же надчеканки в виде двух восьмилучевых звезд, что и на боспорских оболах [25] с именем Асандра-архонта (47—45 гг. до н. э.). Далее, надчеканка — пятилучевая звезда и полумесяц, безусловно относящаяся к началу правления Динамии, известна как на редчайших монетах Херсонеса группы 6 (табл. I, *8*, *9*), так и на боспорских монетах с монограммой (табл. I, *12*) [26].

Таким образом, херсонесские эмиссии I в. до н. э. обнаруживают явное понтийско-боспорское влияние. Это влияние не ограничилось переходом к новой системе медных номиналов и некоторыми заимствованиями в области монетной типологии. Оно было глубже и затрагивало основы денежного обращения в целом. Прежде всего, несмотря на то, что херсонесские монеты I в. до н. э. представлены значительным числом типов, можно смело сказать, что в этот период херсонесский чекан был

---

[20] Голенко, Херсонесские драхмы ...
[21] Там же.
[22] Типа ОК, XXII, *180*; XXIII, *24*; АМ, XLIII, *5—7*.
[23] Типа ОК, XXII, *168—169*; АМ, XLIII, *8*.
[24] Голенко, К датировке...
[25] Там же.
[26] Подробнее о них см. ниже, Приложение II.

менее интенсивен, чем когда-либо. Действительно, хронологические лакуны, вообще не редкие в херсонесском чекане, между отдельными видами монет I в. до н. э. очень велики, о наиболее многочисленных монетах (группы 2, 3, 4) мы не можем сказать, что они принадлежат к достаточно распространенным сериям. Все остальные монеты, не исключая и единственного вида серебра [27], представляют большую нумизматическую редкость [28].

То ничтожное количество монеты, которое было выпущено в Херсонесе в I в. до н. э., едва ли могло удовлетворить местный рынок. Обращение местной монеты более ранних выпусков (как это было, например, во второй половине III—II вв. до н. э.[29]) для I в. до н. э. маловероятно. Против такой возможности говорит переход при Митридате VI к выпуску крупной меди, параллельное обращение которой с монетами II в. до н. э., представленными в последних своих сериях только мелкими номиналами, трудно допустить.

Все сказанное заставляет думать, что в I в. до н. э. город не мог обходиться только местной монетой и в его денежном обращении принимала участие и иногородняя, привозная монета. К сожалению, мы не располагаем таким важным в данной связи источником, как кладовый материал. Но благодаря любезности А. М. Гилевич, проделавшей огромную работу по выявлению и регистрации иногородних монет IV в. до н. э.— III в. н. э., найденных на Херсонесском городище [30], мы можем пользоваться достаточными сведениями о монетах I в. до н. э.

Иногородние монеты I в. до н. э. в местных находках практически представлены двумя основными категориями монет: чеканом городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI и боспорскими монетами этого же периода или относящимися ко времени преемников понтийского царя на боспорском престоле.

Согласно подсчетам А. М. Гилевич, монеты первой категории представлены огромным числом — 258 экз. (ср. Приложение I) [31]. Массовое распространение понтийской монеты именно в митридатовский период тем нагляднее, что более ранний чекан центров Понта и Пафлагонии, кажется, вообще не отмечен в херсонесских находках, а выпуски римского времени I—III вв. н. э. представлены только 20 монетами. Что касается боспорских монет I в. до н. э., то их несколько меньше — 128 экз. Однако и это количество очень велико, если учесть, что

---

[27] А. Л. Бертье-Делагард в своей сводке весов («Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды», НС, II, 1913, стр. 70, № 45) мог сослаться только на восемь монет такого рода. Столько же знаем и мы (Голенко, Херсонесские драхмы...), хотя некоторые экземпляры А. Л. Бертье-Делагарда нам остались недоступными.

[28] Монеты группы 6 нам известны в трех экз. (табл. I, *8—9*), третья монета впервые издана Келером (Serapis, I, p. 76) и дважды переиздана Б. В. Кене (Исследование..., стр. 140, № 65; Описание музеума..., стр. 197, № 72). По-видимому, можно указать только четыре монеты группы 7 (табл. I, *10—11*; АМ, XXXVI, *22—23*). Группа 5 представлена четырьмя монетами (Голенко, К датировке..., стр. 52, прим. 26).

[29] Ср. материалы Стрелецкого и Камышевского кладов — А. К. Тахтай, Два клада херсонесских античных монет 1944 года (предварительное сообщение), ХСб, IV, 1948, стр. 113 слл. Медная часть этих кладов, зарытых непосредственно перед походами Диофанта, представлена чеканом не ранее 250 г. до н. э.

[30] Публикация А. М. Гилевич печатается во втором выпуске сборника «Нумизматика и сфрагистика». Автор считает своим приятным долгом принести глубокую благодарность А. М. Гилевич, предоставившей ему материал, на основе которого написана настоящая статья.

[31] Документы ГХМ, как уже говорилось, не дают основания предполагать, что часть этих монет входила в состав кладов. Иными словами, приводимые данные могут служить достаточно надежной основой для статистических выводов общего порядка.

находки боспорских монет в Херсонесе для II в. до н. э. представлены 65 экз.[32], а для I в. н. э. только 17.

Принимая во внимание, что в большинстве случаев понтийские, боспорские и херсонесские монеты I в. до н. э. поддаются относительно точной датировке [33], мы можем проследить основные этапы внутреннего денежного обращения Херсонеса в это время.

ВРЕМЯ МИТРИДАТА VI (106—63 гг. до н. э.)

Монеты городов Понта и Пафлагонии

Как видно из прилагаемого Списка находок монет (I) [34], среди монет митридатовской эпохи, обнаруженных на Херсонесском городище, медному чекану городов Понта и Пафлагонии, бесспорно, принадлежит первое место. Эта медь составляет примерно $^5/_6$ от общего числа учтенных монет [35].

Хронологическое распределение понтийского чекана в рамках более чем полувекового правления Митридата VI в Таврике далеко не одинаково. Видимо, бóльшая часть этих монет может быть отнесена к 111—105 гг. до н. э. Столь ранняя дата не предполагает, однако, что массовый завоз понтийской монеты в Херсонес начался уже при Диофанте, т. е. непосредственно в момент их чекана. Широкое поступление иноземной монеты следует относить, по-видимому, к рубежу II—I вв. до н. э., когда власть Митридата VI окончательно укрепилась в Северном Причерноморье и сложились экономические предпосылки для перехода к обращению новой монеты. Последнее едва ли могло иметь место в конце II в. до н. э., поскольку ко времени Диофанта можно отнести некоторые виды херсонесской меди типа ОК, XIV, *11—12*; АМ, XXXVI, *17—18*, резко отличной от понтийских монет. Поэтому вряд ли можно сомневаться в том, что несколько понтийских монет первых групп (группы I—II, 120—111 гг. до н. э.) не могут свидетельствовать об очень раннем поступлении привозной меди в Херсонес, безусловно они были занесены потоком более поздней меди, 111—105 гг. до н. э.

Что касается чекана следующей хронологической группы, 105—90 гг. до н. э., то она представлена, видимо, несколько меньшим числом экземпляров, чем группа 111—105 гг. до н. э. [36]. Если исходить из весьма

---

[32] При сопоставлении боспорских монет II в. до н. э. и I в. до н. э. необходимо помнить о высокой номинальной стоимости последних, все они практически тетрахалки.

[33] О хронологии херсонесских монетных серий I в. до н. э. уже говорилось, обоснование датировок боспорских монет, несколько отличных от принятых А. Н. Зографом (АМ, стр. 185 слл.), мы предполагаем дать в специальной работе. Что касается понтийской меди времени Митридата VI, то мы полностью принимаем хронологию Ф. Имхоф-Блумера («Die Kipferprägung des mithradatischen Reiches und andere Münzen des Pontos und Paphlagoniens», NZ, 1912, S. 169 ff.).

[34] Список (I) отличается от Приложения I (где приведены сведения о всех находках понтийских и боспорских монет, которые удалось зарегистрировать А. М. Гилевич) тем, что Список составлен исключительно на материалах собрания ГХМ, что делает возможным количественное сопоставление находок привозных и местных монет. Расширение Списка за счет сведений о находках, отмеченных в литературе и архивных материалах, лишило бы нас возможности такого сопоставления, поскольку определение херсонесских монет в старой литературе делалось суммарно, что весьма затрудняет выделение чекана I в. до н. э.

[35] Ненадежность определения (из-за сохранности) ряда монет и небольшое число некоторых их разновидностей, как нам кажется, делает излишним сопоставление находок в точных, выраженных процентами величинах.

[36] В Списке (I) количество монет обеих групп примерно одинаково, но среди неопределенных 23 тетрахалков большинство наверняка принадлежит 111—105 гг. до н. э., поскольку монет типа: Арес — меч, 105—90 гг. до н. э., много менее, чем ранних.

Список находок монет в Херсонесе (I)

Монеты городов Понта и Пафлагонии	Монеты городов Боспора	Монеты Херсонеса
120—111 гг. до н. э. (гр. I)[37] оболы 1		
120—111 гг. до н. э. (гр. II) тетрахалки . . . 3		
111—105 гг. до н. э. (гр. III) оболы . . . . . 1 тетрахалки . . 24		
111—90 гг. до н. э. (гр. III или IV) тетрахалки . . 23	100—90 гг. до н. э. (гр. I) [38] драхмы . . . . 1 тетрахалки . . . 4 халки (?) 1	
105—90 гг. до н. э. (гр. IV) тетрахалки . . 24		
90—80 гг. до н. э. (гр. V) тетрахалки . . . 4	90—80 гг. до н. э. (гр. II) тетрахалки . . . 2	90—60 гг. до н. э. тетрахалки (?). . . 8
80—70 гг. до н. э. (гр. VI) оболы 15	79—66 гг. до н. э. (гр. III) оболы 4	
80—70 гг. до н. э. (гр. VII) тетрахалки . . 12		
Итого: 107	12	8

вероятного положения, согласно которому среди тетрахалков 105—90 гг. до н. э. наиболее ранние повторяют тип 111—105 гг. до н. э.— Арес—меч, а более поздние принадлежат типу: эгида — Ника [39], то мы можем констатировать, что основная часть монет этого периода, найденная в Херсонесе, принадлежит ранней разновидности (типа: Арес — меч — 20 экз., типа: эгида — Ника — 4 экз.).

В херсонесских находках понтийских монет последующих хронологических групп — 90—70 гг. до н. э. примерно в два раза меньше, чем монет 111—90 гг. до н. э. Среди них резко преобладает чекан последней и предпоследней групп (гр. VI—VII, 80—70 гг. до н. э.), причем оболов, практически отсутствующих в числе ранних серий, больше (15 экз.), чем тетрахалков (12 экз.). Многочисленная медь 90—80 гг. до н. э. представлена лишь четырьмя тетрахалками.

Монеты городов Боспора

В херсонесских находках следующую группу привозных монет составляет боспорский чекан. Их несравненно меньше (12 экз.), примерно в 10 раз, чем одновременных монет южнопонтийского происхождения.

[37] Здесь и далее ссылки на группы понтийских монет даны по Ф. Имхоф-Блумеру (ук. соч.).

[38] Группировка боспорских монет принадлежит автору статьи.

[39] Это положение, принятое Ф. Имхоф-Блумером при группировке монет, подтверждается наблюдениями над монограммами, на которых здесь останавливаться едва ли уместно.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, как и понтийские монеты 90—80 гг., одновременные им монеты Боспора, самые распространенные среди монет времени Митридата, представлены в наших находках только двумя экземплярами, в то время как группа 79—66 гг. до н. э.— 4 экз., а 100—90 гг. до н. э.— 6 экз.[40].

Монеты Херсонеса

Херсонесские монеты, чеканенные при Митридате VI после походов Диофанта [41], как уже указывалось, известны только в двух типах: драхмы с именем магистрата Деметрия и тетрахалки с изображением пасущейся лани. Первые, составляющие значительную нумизматическую редкость, не зарегистрированы в херсонесских находках. Что касается медных монет, то в находках они отмечены только восемью экземплярами, т. е. их меньше, чем привозных боспорских монет, не говоря уже о понтийских.

Есть основание думать, что оба относимые ко времени Митридата VI вида херсонесских монет не составляли строго одновременного выпуска [42]. Более того, не считая мелких вариантов, медь с изображением пасущейся лани резко делится на две основные группы, что не свидетельствует о ее хронологическом единстве. К сожалению, точное определение времени чекана этих монет, по-видимому, невозможно. Несомненно только, что тетрахалки биты позже драхм, за это говорит отсутствие на последних монограммы, содержащей имя Девы — Παρθένος, а тип медных монет указывает на время Митридата VI. Приведенные выше наблюдения над интенсивностью поступления в Херсонес привозной монеты, безусловно составлявшей основу местного денежного обращения, как нам кажется, дают возможность и для некоторых косвенных наблюдений относительно хронологии херсонесской меди. Монеты первой разновидности (с изображением венка на оборотной стороне, табл. I, *2*), безусловно, более ранние, чем второй разновидности. Размер, вес, металл [43] и их монетный кружок во всем подобны понтийским и боспорским тетрахалкам. Имея в виду явное ослабление интенсивности поступления в Херсонес привозной монеты в 90—80 гг. до н. э., нужно думать, что именно к этому времени следует относить и интересующие нас тетрахалки с изображением венка. Можно привести и иные косвенные наблюдения в пользу такого предположения. Так например, следы перечеканки на херсонесских монетах заставляют вспомнить о массовой перечеканке в 90—80 гг. до н. э. всех видов меди, обращавшейся на Боспоре, далее, на монетах Херсонеса изображен венок, обрамляющий реверсный тип,— единственную аналогию чему среди северопричерноморских монет можно найти в дидрахмах городов Боспора тех же 90—80 гг. до н. э.

Что касается второй разновидности херсонесской меди, то она отличается от первой не только отсутствием изображения венка, среди этих монет мы не найдем перечеканок, а биты они на небольших монетных кружках красной меди. Эти достаточно определенные признаки застав-

---

[40] Кстати, среди последних присутствует весьма редкая драхма Горгиппии. Публикация данного экземпляра: К. В. Голенко, Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н. э., НЭ, II, 1960, стр. 30, № 19, табл. I.

[41] Полной уверенности в том, что заключительные эмиссии массового чекана прекратились именно в этот момент, у нас, конечно, нет; не исключено, что некоторые серии выпускались в самом конце века или же в начале I в. до н. э.

[42] См. Голенко, Херсонесские драхмы...

[43] Отличительным признаком большинства понтийских монет I в. до н. э. служит бронза желтого цвета (ср. Голенко, Монетная медь...).

ляют думать, что херсонесские монеты с изображением лани (табл. I, *3—4*) позднейшей разновидности могли быть чеканены в момент прекращения завоза понтийской меди, когда безусловное следование нормам понтийского монетного дела теряло свой смысл. Иными словами, нельзя исключить того, что медь интересующей нас разновидности можно относить к концу правления Митридата VI [44] или даже ко времени после его смерти.

Монеты других центров

Монеты других центров, которые можно было бы отнести ко времени Митридата VI, представлены ничтожным числом экземпляров — по одной медной монете Томи, Каллатия, Эгия, римской 86 г. до н. э. и позднейшим вариантом тетрадрахмы Византия лисимаховского типа [45]. Исключая последнюю, все остальные монеты занесены в Херсонес явно случайно и наверняка не участвовали в местном денежном обращении. Сказанное никоим образом нельзя относить к медным монетам кавказской Диоскуриады. Несмотря на их невысокую номинальную ценность (дихалк или халк), они наряду с понтийскими и боспорскими монетами безусловно служили платежным средством на местном рынке, о чем говорит большое число находок их в Херсонесе — 24 экз. К сожалению, датировка единственного вида диоскурийского чекана, принадлежащая А. Н. Зографу (первая четверть I в. до н. э.), очень условна, но эти монеты, бесспорно, относятся к митридатовскому чекану. Они, судя по находкам [46], играли определенную роль в сложном по своему составу денежном обращении Северного Причерноморья; кроме Херсонеса, где их, кажется, больше всего, они получили широкое распространение и на Боспоре.

Некоторые особенности денежного обращения Херсонеса при Митридате VI

Независимо от того, что медные монеты городов Понта и Пафлагонии митридатовских выпусков были широко распространены по всему Северному и Восточному Причерноморью, обращение этих монет в Херсонесе имеет ряд определенных особенностей. К сожалению, нумизматические материалы послевоенных раскопок Тиры [47] и Ольвии еще не опубликованы, что исключает возможность их сравнения с материалами из Херсонеса. Но находки ряда лет раскопок Ольвии [48], кавказские материалы и особенно находки на Боспоре [49] позволяют сделать такое сопоставление.

---

[44] Это предположение не вступает в противоречие с тем фактом, что после 80 г. до н. э. боспорские города за участие в восстании против Митридата VI были лишены формального права чекана (ср. К. В. Голенко, О характере чекана боспорских анонимных оболов, НСфр, II, в печати). Очевидно Херсонес не принял участия в этом восстании. Во всяком случае, Аппиан (Mithr., 64) в этой связи говорит только о Колхиде и Боспоре.

[45] Издана как медная — Л. Н. Белова-Кудь, Монеты из раскопок Херсонеса в 1934 г., в кн. Г. Д. Белов, Раскопки Херсонеса в 1934 г., Симферополь, 1936, стр. 42, № 2.

[46] Д. Г. Капанадзе, К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным, сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959, стр. 147 слл.

[47] О влиянии понтийской монетной типологии на чекан Тиры — Д. Б. Шелов, Тира и Митридат Евпатор, ВДИ, 1962, № 2, стр. 95 слл.

[48] А. Н. Зограф, Находки понтийских монет мифрадатовского времени в Ольвии, сб. «Ольвия», I, Киев, 1940, стр. 293 слл.

[49] Голенко, Монетная медь...

Ниже мы перечисляем единичные находки монет митридатовского времени в Ольвии (только понтийские монеты, по материалам А. Н. Зографа[50]) и на городищах Боспора (понтийские и одновременные им боспорские [51]).

Находки понтийских монет в Ольвии

120—111 гг. до н. э. (гр. II)
тетрахалки (Артемида — треножник) . . 1

111—105 гг. до н. э. (гр. III)
оболы (Зевс — орел) 1
тетрахалки (Арес — меч) [52] 52

105—90 гг. до н. э. (гр. IV)
оболы (Афина — Персей) 1
тетрахалки (эгида — Ника) 27

90—80 гг. до н. э. (гр. V)
тетрахалки (Дионис — киста) 2

Итого: 84

Находки понтийских и боспорских монет на Боспоре

Монеты городов Понта и Пафлагонии	Монеты городов Боспора
120—111 гг. до н. э. (гр. II) тетрахалки (Артемида — треножник) . 1	
111—105 гг. до н. э. (гр. III) оболы (Зевс — орел) . . . . . 2 тетрахалки (Арес — меч) 11	106—100 (?) гг. до н. э. халки (?) (звезда—треножник) 74
105—90 гг. до н. э. (гр. IV) оболы (Афина — Персей) . . . . . 2 тетрахалки (эгида — Ника) . . . . . 17 тетрахалки (Арес — меч) 5	100—90 гг. до н. э. (гр. I) драхмы (Аполлон?—лань) . . 1 оболы (Посейдон—прора) . . 2 тетрахалки (Артемида — лань) 29
90—80 гг. до н. э. (гр. V) тетрахалки (Дионис — киста) 9	90—80 гг. до н. э. (гр. II) драхмы (Аполлон?—тирс; Артемида — лань) . . 4 тетрахалки (Аполлон? — треножник) 36
80—70 гг. до н. э. (гр. VI) оболы (Персей — Пегас) 4	79—66 гг. до н. э. (гр. III) оболы (Дионис—горит) . . 45
80—70 гг. до н. э. (гр. VII) тетрахалки (Зевс — орел) 45	
Итого: 96	191

При сопоставлении херсонесских и боспорских находок прежде всего обращает на себя внимание, что в боспорских находках количество привозной понтийской монеты никогда не превосходило числа монет местного чекана [53]. Составляет исключение последний период правления Митридата VI, когда на Боспоре выпускались лишь анонимные оболы, число

[50] Материалы находок 1902—1938 гг. см. З о г р а ф, Находки понтийских монет...

[51] В список не включены монеты кладов, подробнее об этих материалах — Г о л е н к о, Монетная медь...

[52] У нас нет полной уверенности в отсутствии среди этих монет выпусков 105—90 гг. до н. э.

[53] Картиной явного преобладания в боспорских находках местного чекана над понтийским мы обязаны, прежде всего, халкам (?) (ОК, XXI, *130*) — номиналу, унаследованному от времен Спартокидов и не характерному для обращения I в. до н. э. Не исключено, что они чеканились еще до начала массового поступления понтийской меди на Боспор, к этому вопросу мы надеемся вернуться в специальной работе.

находок этих монет немного меньше, чем понтийских, главным образом синопских тетрахалков с изображением Зевса и орла. Далее, рассмотрение находок на боспорских городищах убеждает в том, что интенсивность местного чекана находилась в прямой зависимости от интенсивности поступления понтийской монеты на рынки Боспора [54]. Иначе говоря, усиление боспорского чекана влекло за собой сокращение ввоза понтийской монеты и наоборот. Независимо от того, что в распространении понтийской монеты на северном побережье Черного моря нельзя не видеть результат подчинения этой области Митридату VI, сказанное выше заставляет думать, что поступление на Боспор понтийской монеты следует рассматривать, прежде всего, в экономическом аспекте. Мы не можем сказать, приложимо ли такое объяснение к Ольвии: изданные материалы из раскопок [55] слишком ничтожны для того, чтобы сделать количественное сопоставление находок понтийских монет и одновременных им ольвийских, выделенных недавно П. О. Карышковским [56]. Но в отношении Херсонеса это объяснение едва ли приемлемо. В находках местный чекан, известный для этого времени только в двух разновидностях, представлен ничтожным числом экземпляров, составляющих менее десятой доли от общего числа обнаруженных монет. Редкость херсонесских монет времени Митридата, большие хронологические лакуны чекана и наводнение местного рынка привозной монетой, очевидно, свидетельствуют об ущемлении полисных прав города. Характерно, что первый монетный выпуск Херсонеса митридатовского времени — драхмы магистрата Деметрия, лишены имени города [57]. Такого рода формальное лишение права чекана на Боспоре было осуществлено только в период наместничества Махара, после подавления восстания городов против Митридата VI[58]. Чекан меди этого времени отражал, видимо, восстановление полисных прав города, эта монета, безусловно, не могла удовлетворить потребности рынка. Но в то же время, как мы видели, выпуск тетрахалков с изображением пасущейся лани несколько сократил приток понтийской меди в 90—80 гг. до н. э.— явление, имевшее прямое сходство в денежном обращении Боспора.

При сопоставлении находок понтийских монет из трех крупнейших городов Северного Причерноморья прежде всего создается впечатление, что эти находки наиболее многочисленны именно в Херсонесе, это, видимо, обусловлено редкостью местной монеты. Далее, не оставляет сомнения факт практически одновременного завоза основной массы понтийской меди во все города Северного Причерноморья сразу же после утверждения там власти Митридата VI. Действительно, медь I—II групп (120—111 гг. до н. э., по Ф. Имхоф-Блумеру) везде представлена единичными

[54] Подробнее об этом см. Голенко, Монетная медь...

[55] А. Н. Зограф, Монеты из раскопок в Ольвии в 1935 и 1936 гг., сб. «Ольвия», I, стр. 211 слл.

[56] П. О. Карышковский, Из истории монетного дела Ольвии в эпоху эллинизма, 2. Ольвийские монеты времени Мифрадата Евпатора, МАСП, 1962, стр. 99 слл. Автор относит к указанному периоду ряд типов монет Ольвии. Принимая датировку П. О. Карышковского, можно констатировать локальную особенность ольвийского монетного дела этого времени — местный чекан явно не ориентируется на понтийскую систему номиналов в отличие от Херсонеса и особенно городов Боспора.

[57] Может быть, в данном случае более уместно говорить не столько о лишении права чекана, сколько о формальном запрете выпуска серебра, который в Понте был привилегией царя. В монетном деле городов Понтийского царства мы находим тому прямую аналогию; как известно, с начала правления Митридата VI большинство городов чеканит свою медь с полностью написанным названием города, вместе с тем вплоть до рубежа II—I вв. до н. э. сохраняется серебряный чекан Амиса, монеты которого лишены имени города.

[58] Голенко, О характере чекана...

экземплярами и явно случайна, хотя в Херсонесе ее и несколько больше, чем в Ольвии и особенно на Боспоре. Может быть, последнее обстоятельство нужно связывать с тем, что Херсонес был первым пунктом Северного Причерноморья, где укрепилась власть понтийского царя. В отличие от ранних монет понтийская медь следующей хронологической группы — 111—105 гг. до н. э., одновременная походам Диофанта, везде очень многочисленна. Но интенсивность ее поступления в каждый отдельный пункт нашего Юга была далеко не одинакова. В боспорских находках [59] понтийские монеты 111—105 гг. до н. э. и 105—90 гг. до н. э., хотя они и представлены значительным числом экземпляров, в количественном отношении явно уступают меди заключительных групп. Вместе с тем, монеты 105—90 гг. до н. э. более многочисленны, чем 111—105 гг. до н. э. Для Ольвии и Херсонеса мы наблюдаем несколько иную картину: основную массу привозной меди составляют выпуски именно 111—105 гг. до н. э.— 105—90 гг. до н. э., причем превалируют (в Ольвии в большей степени, чем в Херсонесе) ранние выпуски. Можно отметить и еще одну особенность. Исключая ранний чекан 120—111 гг. до н. э., привозная монета, выпущенная до 90 г. до н. э., во всех трех городах представлена почти исключительно средним номиналом — тетрахалками. Редкие дихалки в находках вообще отсутствуют, а оболы отмечены лишь единичными экземплярами. Что касается понтийских монет 90—80 гг. до н. э., то эти тетрахалки с изображением Диониса и кисты в находках везде очень редки, как и следовало ожидать, поскольку на Боспоре и в Херсонесе на эти годы падает усиление местного чекана.

Находки более поздних понтийских монет, принадлежащих к заключительным группам (VI и VII, по Ф. Имхоф-Блумеру) 80—70 гг. до н. э., в Ольвии, видимо, полностью отсутствуют, в Херсонесе их достаточно много (27 экз.), на Боспоре же они составляют самую многочисленную группу привозной меди (49 экз.). Примечательно и другое явление: среди понтийских монет этого времени, найденных на Боспоре, резко преобладают тетрахалки с изображением Зевса и орла (45 экз.), составляющие заключительный митридатовский выпуск в Понте, несколько более ранние оболы (Персей — Пегас) отмечены только четырьмя монетами. В Херсонесе же, наоборот, впервые в 80—70 гг. до н. э. оболы получают широкое распространение (15 экз.), их больше, чем тетрахалков (12 экз.). Для Боспора это явление нужно объяснить, прежде всего, тем, что единственный вид местной монеты, чеканенной после 80 г. до н. э., представлен оболами, а это препятствовало проникновению привозных монет того же номинала и способствовало распространению тетрахалков.

Таким образом, для каждого из крупнейших государств Северного Причерноморья можно отметить локальные черты в распространении понтийской монеты. Для городов Боспора характерно постепенное нарастание интенсивности завоза этой меди, достигшее своего апогея в последнее десятилетие правления Митридата VI, исключение составляет лишь период 90—80 гг. до н. э., когда выпуск местной монеты был особенно интенсивен. Находки в Ольвии дают совершенно иную картину: резкое преобладание привозной монеты 111—105 гг. до н. э., значительное число — 105—90 гг. до н. э. и практическое отсутствие в находках монет, чеканенных после 90 гг. до н. э. Что касается Херсонеса, то, как уже отмечалось, хотя преобладание чекана 111—90 гг. до н. э. и очевидно, в пропорциональном отношении этих понтийских монет в Херсонесе

[59] Статистические наблюдения для Боспора в высшей степени условны, нужно помнить о массовых перечеканках медной монеты предпринятых около 100 г. до н. э., около 90 г. до н. э., при Фарнаке, при Асандре.

меньше, чем в Ольвии, но больше, чем на Боспоре. С другой стороны, число медных монет 90—70 гг. до н. э. весьма значительно в Херсонесе, но находки там явно уступают находкам на боспорских городищах.

Делая обзор контингента находок монет I в. до н. э., нельзя обойти молчанием еще одну особенность, характерную, видимо, исключительно для Херсонеса. Речь идет о том, что находки привозных монет там не ограничиваются понтийской медью. Мы не имеем в виду монеты Диоскуриады, которые, как отмечалось, имели распространение и на Боспоре. Мы уже говорили, что среди находок на Херсонесском городище отмечены все основные разновидности боспорского чекана времени Митридата VI. Это явление в высшей степени примечательно и не имеет аналогий. Для очень многочисленных боспорских находок мы не можем указать ни одной херсонесской или ольвийской монеты I в. до н. э. Судя по публикации А. Н. Зографа [60], по-видимому, так же обстояло дело и в Ольвии. Что касается Колхиды и Закавказья в целом, то находки понтийской монеты времени Митридата VI там обычны [61], но мы не знаем оттуда ни одной монеты этого времени северопричерноморского происхождения. Боспорских монет в Херсонесе немного, это не удивительно, у нас есть все основания думать, что завоз на Боспор понтийской монеты отчасти был вызван нехваткой местной монеты. Но не следует упускать из виду два момента: хотя и незначительное преобладание в херсонесских находках боспорских монет над местным чеканом и тот факт, что эти боспорские монеты представлены всеми основными разновидностями,— момент, заставляющий говорить о регулярном проникновении на рынки Херсонеса монеты его ближайшего соседа. Все это позволяет думать о преобладании боспорского влияния уже при Митридате, влиянии, нашедшем яркое выражение в составе денежного обращения Херсонеса во второй половине I в. до н. э. Небольшое число боспорских монет из Херсонеса заставляет быть осторожным в отношении конкретных наблюдений над этими находками. Но в этой связи нельзя обойти молчанием два факта, на которых мы позволим себе остановиться. Во-первых, в Херсонесе обнаружена только одна пантикапейская монета типа: звезда — треножник (типа ОК, XXI, *130*). Эти самые многочисленные боспорские монеты I в. до н. э., перечеканенные в ряде случаев из меди II в. до н. э., унаследовали свой номинал (халк?) еще от эпохи Спартокидов и не типичны для денежного обращения времени Митридата VI. Очевидно, широкое распространение в Херсонесе понтийской меди крупных номиналов препятствовало регулярному поступлению туда мелкой, отмирающей как номинал пантикапейской монеты. Во-вторых, среди боспорских монет из Херсонеса присутствует редкая драхма Горгиппии, принадлежащая 100—90 гг. до н. э.[62] Если учесть, что в числе иногородних монет домитридатовского времени присутствуют только две серебряные монеты (обе г. Гистиеи на Эвбее [63]), то находки в Херсонесе горгиппийской драхмы и тетрадрахмы г. Византия, также относящейся ко времени Митридата VI [64] не могут быть признаны случайными. Очевидно, нужно думать о нехватке на местном рынке монетного серебра и о поступлении туда какого-

---

[60] З о г р а ф, Монеты из раскопок Ольвии...

[61] См. например, К а п а н а д з е, ук. соч., стр. 145 слл.

[62] Ср. Г о л е н к о, Из истории монетного дела..., стр. 28 слл.

[63] Согласно непроверенной информации, одна из этих монет была в свое время упомянута нами как амисская («Херсонесские драхмы...»). Находка такой монеты отмечена в Ольвии, о ней и о роли гистиейского серебра в международной торговле II в. до н. э.— см. П. О. К а р ы ш к о в с к и й, Заметки по нумизматике античного Причерноморья, ВДИ, 1961, № 4, стр. 113 сл.

[64] Специальную публикацию этой монеты подготавливает А. М. Гилевич.

то количества привозной серебряной монеты [65]. Близкое явление можно наблюдать и на Боспоре, где в первые годы правления Митридата VI получили значительное распространение драхмы Амиса [66].

ВРЕМЯ ФАРНАКА (63—47 гг. до н. э.)

Переходя к обзору находок в Херсонесе монет более позднего времени, нужно отметить, прежде всего, полное отсутствие среди них монет, принадлежащих к длительному периоду правления Фарнака, сына и преемника Митридата VI. Это тем более примечательно, что пантикапейские оболы этого времени [67] могли служить прототипом для более поздних тетрахалков Херсонеса [68]. Если не принимать во внимание некоторую возможность чекана херсонесских монет с изображением пасущейся лани (группа 2, табл. I, *3—4*) после смерти Митридата VI, то мы не сможем указать ни одной местной монеты, выпущенной в 63—47 гг. до н. э.

Бедность указанного периода монетой не присуща исключительно Херсонесу. На Боспоре в это время также отсутствуют сколько-нибудь значительные группы привозной монеты, а если не принимать во внимание редких царских статеров Фарнака, можно назвать только одну серию боспорских монет рассматриваемого периода [69] — пантикапейские оболы и тетрахалки [70].

Единственно возможное объяснение в данной связи сводится к предположению о насыщенности местных рынков старой, митридатовских выпусков монетой. Это предположение находит свое подтверждение в анализе боспорских монет начала правления Асандра, которые в большинстве своем перечеканены [71]. Материалом для этой операции служили не столько сравнительно редкие монеты времени Фарнака, сколько митридатовская медь главным образом понтийского чекана. Об обращении на Боспоре в начале правления Асандра тетрахалков времени Митридата VI свидетельствует и небольшой клад из Керчи, краткие сведения о котором содержатся в рукописи Е. Е. Люценко [72].

ВРЕМЯ АСАНДРА (47—18 гг. до н. э.)

Монеты Боспора

Число боспорских монет времени Асандра в отличие от предшествовавшего периода в херсонесских находках весьма значительно (53 экз.). Как видно из приводимого ниже Списка (II), эти монеты представлены всеми основными разновидностями боспорского чекана. К сожалению,

[65] В отличие от Боспора, где в римское время основу денежного обращения составляли местные статеры, в Херсонесе золотой чекан был эпизодическим, роль главного платежного средства там осуществляли римские денарии, практически отсутствующие в боспорских находках.

[66] Голенко, Из истории монетного дела..., стр. 28 слл.

[67] ОК, XXI, XXII, *138—144*; АМ, XLIII, *20*.

[68] Голенко, К датировке...

[69] Поразительно отсутствие монет Фанагории этого времени, выпуск которых можно было бы ожидать, прежде всего, в аспекте политическом. Как известно, римляне за участие в восстании против Митридата VI дали Фанагории автономию и независимость от царя Боспора (Арр., Mithr., 113), которыми город пользовался почти до самого конца правления Фарнака, когда перед походом в Малую Азию Фанагория была взята после осады (там же, 120). Этот беспрецедентный для боспорских городов факт не нашел, по-видимому, отражения в памятниках нумизматики.

[70] Голенко, Из истории монетного дела..., стр. 36 слл.

[71] См., например, АМ, стр. 190.

[72] Е. Е. Люценко, Описание кладов с древними монетами, найденными на Керченском и Таманском полуостровах и частично в Новороссийском крае, 1880, рукопись Архива ЛОИА, ф. 28, арх. 22, л. 9.

пантикапейские и фанагорийские монеты этого периода не могут быть датированы достаточно точно в отличие от митридатовских выпусков и меди с именем Асандра-архонта, которая, безусловно, должна быть отнесена к первым трем годам правления Асандра. Но в рамках двух периодов, предложенных А. Н. Зографом [73] для меди времени Асандра, на основании наблюдений над перечеканками и соображениями общего порядка (о них в данной связи едва ли возможно говорить подробно) можно наметить ту относительную хронологию монетных выпусков, которая принята нами в Списке (II) и Приложении.

Список находок монет в Херсонесе (II)

Монеты Боспора		Монеты Херсонеса	
47—45 гг. до н. э.		47—45 гг. до н. э.	
оболы, тетрахалки (архонтский чекан)	6	оболы (Дева)	10 (+2?)
44—30 гг. до н. э.		44 г. до н. э. и позже	
тетрахалки (Пегас)	27	тетрахалки (орел)	9
тетрахалки (оружие)	12		
тетрахалки и дихалки (прора)	5		
30—18 гг. до н. э.			
дихалки (Геракл)	2		
номинал неясен (Ника)	1		
Итого:	53		19 (+2?)

Рассмотрение приведенных материалов позволяет со всей ясностью проследить интенсивность поступления боспорской меди времени Асандра на херсонесский рынок. Имея в виду большой объем выпуска меди Асандра-архонта, мы не можем сказать, что эти монеты 47—45 гг. до н. э. очень многочисленны в херсонесских находках, их шесть, что намного меньше числа более поздних городских монет. Это, нам кажется, нужно связывать и с предоставлением независимости Херсонесу в ближайшие годы перед смертью Цезаря [74], и выпуском херсонесских оболов (на которых мы остановимся ниже), ознаменовавших это событие [75].

Более поздние боспорские монеты, чеканенные уже только от имени городов (Пантикапея и Фанагории), составляют основную массу меди асандровского выпуска, найденной на Херсонесском городище. Их относительная хронология, если она верна, со всей очевидностью показывает, что основной поток этой монеты хлынул в Херсонес сразу же после смерти Цезаря в 44 г. до н. э., когда город лишился элевтерии и власть боспорского царя вновь утвердилась в нем. Действительно, первая серия монет (тетрахалки Пантикапея с изображением Пегаса), чеканенная после 44 г. до н. э., представлена в находках 27 экз., т. е. они составляют более половины всех монет времени Асандра. В других выпусках можно проследить неуклонный спад поступления боспорской меди в Херсонес. К сожалению, мы не обладаем возможностью для того, чтобы окончательно решить вопрос, отражает ли такое распределение монет в находках интенсивность работы боспорского монетного двора или нет [76]. Однако если исключить очень редкие дихалки типа: Геракл — палица, датировка

[73] АМ, датировка монет на табл. XLIV, *9—13*. Уточнение хронологии Зографа, которое не может быть здесь сделано, будет предпринято в другой работе.

[74] Ростовцев, ук. соч.

[75] Добавим, что архонтский чекан Асандра не привел фактически к увеличению количества обращавшейся монеты, поскольку вся эта медь перечеканена из монеты, бывшей уже в обращении на денежном рынке.

[76] Нам неизвестны клады монет, содержащие городскую медь времени Асандра, а единичные находки этих монет при раскопках слишком редки для статистических наблюдений.

которых менее всего надежна, мы можем, кажется, положительно ответить на этот вопрос, исходя из общих наблюдений над степенью редкости коллекционных материалов. Но с оговоркой, что количественные расхождения между отдельными, смежными между собой группами монет из находок слишком велики, чтобы видеть в них только результат ослабления деятельности монетного двора.

Монеты Херсонеса

Впечатление о большом оживлении денежного обращения в Херсонесе в 40-х гг. до н. э. подтверждает и местный чекан этого времени. На указанный период падает единственный для Херсонеса выпуск оболов двух видов и весьма многочисленных тетрахалков. Первая разновидность оболов (группа 3, табл. I, *5*) выпущена в связи с предоставлением городу «первой элевтерии», хронологически ограниченной смертью Фарнака (осень 47 г. до н. э.) и смертью Цезаря (весна 44 г. до н. э.) [77]. Благодаря надчеканкам, характерным почти исключительно для оболов Асандра-архонта, имеющимся на херсонесских оболах другой разновидности (группа 5, табл. I, *7*), мы можем их датировать относительно точно — около 44 г. до н. э.[78]. Очевидно, одновременно с этими оболами начался и чекан тетрахалков с изображением орла (группа 4, табл. I, *6*). Отсутствие среди последних каких-либо разнородных признаков, характерных, например, для рассмотренных уже монет с изображением лани, заставляет видеть в этих тетрахалках единовременную эмиссию.

В херсонесских находках весьма редкие оболы группы 5 не зарегистрированы [79], но оболов «первой элевтерии» отмечено по меньшей мере 10 экз., а тетрахалков — 9. Не умаляя политического значения эмиссии 47—45 гг. до н. э., мы должны отметить хронологическую компактность всех херсонесских выпусков 40-х гг. до н. э., что невольно заставляет вспомнить об оживлении боспорского монетного дела в это время. Но в то же время сопоставление находок херсонесских и боспорских монет показывает, что последних было больше примерно в два раза. Даже для начала правления Асандра, к которому относятся все местные выпуски данного периода, количество привозной монеты было выше.

Таким образом, независимо от перерыва в чекане и в поступлении привозной монеты в Херсонес при Фарнаке в период правления Асандра в области денежного обращения наблюдается та же картина, что и при Митридате VI. Разница состоит лишь в том, что на херсонесском внутреннем рынке господствует не понтийская, а боспорская монета.

КОНЕЦ I в. до н. э.

Монеты Боспора

Боспорские монеты, чеканенные в конце I в. до н. э., т. е. при преемнице Асандра, его вдове — Динамии, и ее соправителях в херсонесских находках также очень многочисленны, их 44 экз. (Список (III)). Все эти монеты, кроме одной, представлены выпусками Пантикапея и Фанагории, переименованных в Кесарию и Агриппию в честь Августа и Агрип-

[77] Ростовцев, ук. соч. О монетах этого времени с надписью Χερσονήσου Ελευθέρας, впервые отмечаемой на монетах Херсонеса,— см. Орешников, Монеты Херсонеса..., стр. 4 слл.; AM, стр. 153.

[78] Голенко, К датировке..., там же см. и о тетрахалках с изображением орла.

[79] Вне Херсонесского городища, правда, отмечена находка обола этой разновидности, см. Голенко, К датировке..., стр. 52, прим. 26.

пы [80]. Несмотря на то, что чекан Кесарии и Агриппии принято датировать очень коротким временем — 14—8 гг. до н. э.[81], он, несомненно, был самым многочисленным видом боспорской меди послеасандровского периода и составлял основную массу монеты, обращавшейся в это время. Преобладание в херсонесских находках монет Кесарии над монетами Агриппии отражает, по-видимому, общую интенсивность их чекана. Оно естественно, так как речь идет о столичном чекане. Но если исходить из сопоставления находок монет в Херсонесе и в Пантикапее и Фанагории, то окажется, что для Боспора значительно более часты случаи обнаружения царских монет этого времени [82], во многом еще загадочных медных монет с монограммой [83], отмеченных для Херсонеса только одной находкой. Едва ли это требует сложного объяснения, вообще редкая медь с монограммой в наиболее распространенных своих видах представлена номиналами меньшими, чем номиналы городских монет.

Список находок монет в Херсонесе (III)

Монеты Боспора		Монеты Херсонеса	
Кесария	30	типа: Дева — кадуцей	1
Агриппия	13	типа: Зевс — молния	1
Царский чекан	1		
Итого:	44	Итого:	2

Херсонесские монеты

Одновременных упомянутым боспорским монет местного чекана в находках на Херсонесском городище отмечены лишь две. Обе они принадлежат к редчайшим памятникам херсонесского монетного дела. Одна — с изображением кадуцея (группа 6, табл. I, *8—9*) [84] наверняка чеканена в ближайшие годы после смерти Асандра, одновременно с ранними выпусками боспорской меди с монограммой . Что касается другой монеты типа: Зевс—молния (группа 7, табл. I, *10—11*) [85], то, хотя мы и не можем предложить твердой датировки для монет такого рода, чеканились они, по-видимому, после монет с изображением кадуцея, в самом конце I в. до н. э.

Как нам кажется, нельзя с уверенностью назвать какую-либо другую группу херсонесских монет, которую можно было бы отнести к последней четверти I в. до н. э. Что касается датировки одного вида херсонесской меди [86] временем около 25 г. до н. э., то эта датировка нам не пред-

[80] См., например, А. В. Орешников, Значение нумизматики как вспомогательной дисциплины истории, ТСА РАНИОН, IV (1928), стр. 360 слл.

[81] АМ, стр. 193.

[82] В материалах послевоенных раскопок Пантикапея (К. В. Голенко, Д. Б. Шелов, Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг., НСфр, I, Киев, 1963, стр. 7 слл.) зарегистрировано: 11 монет Кесарии, 2 — Агриппии, 7 — с монограммой ; в фанагорийских находках (Д. Б. Шелов, Находки монет в Фанагории в 1947—1957 гг., НЭ, III, 1962, стр. 62 слл.) зарегистрировано: 3 монеты Кесарии, 5 — Агриппии, 6 — с монограммой .

[83] Бертье-Делагард, - монетах властителей...; АМ, стр. 193 слл.

[84] Подробнее о датировке этих монет см. Приложение II.

[85] Подробнее о датировке этих монет см. Приложение III.

[86] Типа: ОК, XVI, *115—116*; АМ, XXXVI, *24*; Анохин, I, *1—8*.

ставляется до конца убедительной [87]. Если мы правы, то окажется, что в Херсонесе в послеасандровский период боспорская монета получила еще большее распространение в ущерб местному чекану.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ ХЕРСОНЕСА в I в. до н. э.

Обзор находок монет I в. до н. э. в Херсонесе дает возможность для ряда наблюдений общего порядка. В этот период местный монетный двор работал эпизодически, выпуск херсонесской монеты носил символический характер, и внутренний рынок города на протяжении всего века обслуживался почти исключительно привозной монетой—вначале понтийской, затем боспорской. Все это свидетельствует о полной зависимости экономической жизни Херсонеса от Боспора, его монетного дела, конъюнктуры на его внутреннем рынке и т. д. Мы можем указать достаточно наглядные примеры конкретного проявления этой зависимости. О ней, прежде всего, свидетельствуют сами херсонесские монеты I в. до н. э. Речь идет не столько о переходе к новой, понтийской системе медных номиналов, внешнем влиянии на типологию херсонесских монет и появлении на них боспорских надчеканок, на что уже указывалось применительно к монетам 1, 2, 4—6 групп, сколько о моменте чекана херсонесской меди и серебра. Херсонесские эмиссии времени Митридата VI (90—80 гг. до н. э.) и Асандра (после 44 г. до н. э.) хронологически совпадают с усилением чекана на Боспоре. И, наоборот, ослабление выпуска монеты на Боспоре (при Фарнаке, в конце правления Асандра) влекло за собой полное или частичное прекращение деятельности херсонесского монетного двора. Исключение подтверждает правило — довольно многочисленные оболы «первой элевтерии» периода кратковременной независимости города и по своему типу, и по времени чекана [88] указывают на самостоятельность монетного дела.

Сказанное предполагает, что боспорское влияние в области монетного обращения не было искусственно обусловлено политическим положением Херсонеса, оно составляло органический элемент экономической жизни города. Примером этого может служить относительно одинаковая в пропорциональном отношении интенсивность денежного обращения в Херсонесе и в городах Боспора в отдельные периоды I в. до н. э., что видно из сопоставления известных нам уже херсонесских материалов с материалами раскопок Пантикапея и Фанагории, которые мы здесь приводим:

время Митридата VI	134
время Фарнака	3
время Асандра	23
конец I в. до н. э. [89]	34

И в Херсонесе, и на Боспоре наибольшее число находок падает на время правления Митридата VI [90], их очень мало для периода Фарнака, выпуски времени Асандра и Динамии весьма многочисленны, но они явно уступают митридатовским эмиссиям.

Приводившиеся уже слова Страбона (VII, 4, 3) предполагают непосредственное подчинение Херсонеса Боспору уже при Митридате VI,

[87] Подробнее о датировке этих монет см. Приложение IV.

[88] В 47—45 гг. до н. э. на Боспоре выпуск городской монеты был приостановлен, чеканилась монета только с именем Асандра-архонта.

[89] Включая монеты с монограммой , датируемые концом I в. до н. э.— началом I в. н. э.

[90] Эти цифры настолько значительны, что оговорка о неодинаковой продолжительности указанных в табличке периодов не является необходимой.

а также в период римского влияния, что находит свое подтверждение в монетном материале. Так, например, Херсонес был единственным пунктом нашего Юга, где боспорская монета времени Митридата получила распространение. Зависимость Боспора от Рима при Динамии не положила конец притоку боспорской монеты в Херсонес.

Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э. дает беспрецедентный пример полного и длительного господства привозной монеты на рынках города, обладавшего собственным чеканом и сохранившего номинальную независимость [91].

Но положение резко меняется в самом начале I в. н. э. Хотя город и продолжал еще на протяжении полустолетия находиться в зависимости от боспорских царей [92], чекан Херсонеса и его денежное обращение становятся самостоятельными. Речь идет о коренной реформе денежного хозяйства — полном отказе от привозной монеты [93] и восстановлении местного массового чекана на основе римской системы номиналов [94]. Это важнейшее событие нужно, очевидно, ставить в прямую связь с широким предоставлением Августом греческим городам, в том числе и городам южного побережья Черного моря и Левого Понта, права чекана. Как мы знаем, с момента выпуска кесарийских и агриппийских монет, а также и меди, объединенной монограммой , Боспор переходит к новой системе номиналов. Однако создается впечатление, что на Боспоре и в Херсонесе монета не чеканится строго в пределах одинаковых номиналов. По-видимому, изменения в монетном деле обоих государств складывались до известной степени самостоятельно в каждом отдельном случае, но этот вопрос требует специального изучения.

Принимая во внимание сказанное, можно думать, что восстановление в Херсонесе массового чекана, полностью удовлетворявшего потребности местного рынка в монете, явилось продуманной мерой, вызванной к жизни как экономической необходимостью, так и политической ситуацией. Нельзя забывать, что рубеж I в. до н. э.— I в. н. э. был переломным периодом в истории Северного Причерноморья — периодом постоянного давления со стороны Рима, ослабления царской власти на Боспоре и вероятного ослабления боспорского влияния в Херсонесе [95].

[91] Такое же явление имело место позже, со второй половины III в., когда основным платежным средством в Херсонесе становится римская монета. Но это явление, вызванное прекращением местного чекана, было почти повсеместным.

[92] Прекращение зависимости от Боспора и переход города в орбиту непосредственного влияния Рима ранее связывали с походом Плавтия Сильвана в 63 г. против скифов. Теперь это событие связывают с вероятным участием Херсонеса в войне Рима против боспорского царя Митридата III (VIII), которая закончилась в 50 г. (ср. П. О. Карышковский, Об эре Херсонеса Таврического, КС ОГУ и ОГАМ, Одесса, 1961, стр. 110—112; В. А. Анохин, О начале эры Херсонеса Таврического, НСфр, I, Киев, 1963, стр. 71—72; он же, Монетное дело..., стр. 11, в обеих работах Анохин упоминает подготовленную им к печати статью, специально посвященную этому вопросу).

[93] Всего А. М. Гилевич удалось собрать сведения о 17 боспорских монетах I в. н. э., найденных в Херсонесе, но из них только две чеканены до Митридата III (VIII), при котором город вышел из-под боспорского влияния.

[94] Зограф (АМ, стр. 153) и Анохин (Монетное дело, стр. 47) не исключали возможности того, что монеты «первой элевтерии» — оболы были приравнены двум ассариям. Нам кажется, что предположение об ориентации херсонесской медной монеты на римскую систему номиналов уже в начале второй половины I в. до н. э. несколько преждевременно. Дело в том, что боспорская медь, чеканенная до 30 г. до н. э., по своим метрологическим данным и внешнему виду — те же оболы и тетрахалки времени Митридата VI. Более поздние монеты явно меньше размером, но мы не можем сказать еще о римском влиянии в выборе номиналов.

[95] Например, неоднократно комментировавшиеся исследователями надписи IOSPE, I², 355, 369, свидетельствующие о напряженной внутренней борьбе в Херсонесе и внешней угрозе городу, не сообщают в то же время об участии в этих важнейших событиях Боспора — косвенное указание на ослабление боспорского влияния.

Приложение I

НАХОДКИ ПОНТИЙСКИХ И БОСПОРСКИХ МОНЕТ I В. ДО Н. Э. НА ХЕРСОНЕССКОМ ГОРОДИЩЕ

Датировка и хронологическая группа	Номинал, тип	Место чекана, литература, число экземпляров (по городам)	Общее число экземпляров данного типа
Монеты городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI			
120—111 гг. до н. э. (гр. I)	Дихалки, голова юноши — рог изобилия, шапки Диоскуров	Амис, Rec. *, IV, *7* — 2 экз.	2
120—111 гг. до н. э. (гр. II)	Оболы, голова в кожаном шлеме — колчан	Амис, Rec., VII, *6* — 2 экз.	2
	Тетрахалки (?), Артемида — треножник	Амис, Rec., VII, *12* — 1 экз. Синопа, Rec., XXVI, *21* — 4 экз.	5
111—105 гг. до н. э. (гр. III)	Оболы, Зевс — орел	Лаодикея — 1 экз.	1
	Тетрахалки, Арес — меч	Газиура, Rec., XII, *14* — 1 экз. Амастрия — 1 экз. Синопа — Rec., XXVI, *16* — 22 экз.	24
111—90 гг. до н. э. (гр. III — IV)	Тетрахалки, Арес—меч**	Амис, Rec., VII, *20—24* — 53 экз.	53
	?	Не определенные — 2 экз.	2
105—90 гг. до н. э. (гр. IV)	Тетрахалки, эгида — Ника	Амис, Rec., VIII, *2—4* — 19 экз. Синопа, Rec., XXVI, *12—13* — 1 экз.	20
	?	Не определенные — 1 экз.	1
90—80 гг. до н. э. (гр. V)	Тетрахалки, Дионис — киста	Амис, Rec., VII, *14—16* — 4 экз.	4
80—70 гг. до н. э. (гр. VI)	Оболы, Персей — Пегас	Амис, Rec., VII, *25* — 17 экз.	17
80—70 гг. до н. э. (гр. VII)	Тетрахалки, Зевс — орел	Фарнакия, Rec., XIV, *18* — 2 экз. Амастрия, Rec., XVIII, *12* — 1 экз. Синопа, Rec., XXVI, *6—7* — 10 экз.	13
120—70 гг. до н. э.	?	Амис — 88 экз. Синопа — 26 экз.	114
		Итого:	258

* E. Babelon et Th. Reinach, Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure, t. I, fasc. 1, P., 1925.

** К сожалению, распределение амисских монет этого типа между группами III и IV здесь не представляется возможным. Что касается тетрахалков Газиуры, Амастрии и Синопы того же типа, то они, по-видимому, чеканились только в 111—105 гг. до н. э.

Приложение I (продолжение)

Датировка и хронологическая группа	Номинал, тип	Место чекана, литература, число экземпляров (по городам)	Общее число экземпляров данного типа
	Монеты Боспора I в. до н. э.		
	Время Митридата VI (106 — 63 гг. до н. э.)		
100—90 гг. до н. э. (гр. I)	Драхмы, Аполлон (?) — лань, тирс	Горгиппия, ОК, XXIII, *2* — 1 экз.	1
	Тетрахалки, Артемида — лань	Фанагория, ОК, XXIII, *20* — 4 экз.	4
	Халки (?), треножник — звезда	Пантикапей, ОК, XXI, *130* — 4 экз.	4
90—80 гг. до н. э. (гр. II)	Тетрахалки, Аполлон (?) — треножник, тирс	Пантикапей, ОК, XXI, *120*, *122* — 1 экз. Горгиппия, ОК, XXIII, *5* — 1 экз.	2
79—66 гг. до н. э. (гр. III)	Оболы, Дионис — горит	Анонимные, ОК, XXIII, *25—30* — 5 экз.	5
		Итого:	16
	Время Асандра (47—18 гг. до н. э.)		
47—45 гг. до н. э.	Оболы и тетрахалки, Асандр — прора	Архонтский чекан, ОК, XXV, *45—49* — 8 экз.	8
44—30 гг. до н. э.	Тетрахалки, Аполлон — Пегас	Пантикапей, ОК, XXII, *148—149* — 30 экз.	48
	Тетрахалки, Аполлон — горит, лук	Пантикапей, ОК, XXI, *132* — 13 экз.	
	Тетрахалки и дихалки (?), Аполлон — прора	Пантикапей, ОК, XXI, *133—135* — 5 экз.	
30—18 гг. до н. э.	Дихалки (?), Геракл — палица	Пантикапей, ОК, XXII, *181* — 2 экз.	3
	Номинал неясен, Ника — ветвь	Фанагория, ОК, XXIII, *14—16* — 1 экз.	
		Итого:	59
	Время Динамии (рубеж I в. до н. э.— I в. н. э.)		
14—8 (?) гг. до н. э.	Ливия (?) — тирс	Кесария, ОК, XXIII, *1e* — 38 экз.	52
	Ливия (?) — прора	Агриппия, ОК, XXIII, *1f* — 14 экз.	
конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.	Зевс-Аммон—змея,	Царский чекан, ОК, XXIV, *22* — 1 экз.	1
		Итого:	53

Приложение II

К ДАТИРОВКЕ ХЕРСОНЕССКИХ МОНЕТ ТИПА: ДЕВА — КАДУЦЕЙ

В. А. Анохин (Монетное дело, стр. 15 сл., 55), не предлагая твердой датировки для монет с изображением кадуцея, полагал, однако, что они были выпущены перед 24 г. до н. э., а надчеканка на них наложена в 17—14 гг. до н. э., поскольку изображение звезды и полумесяца в ней находит себе аналогию в типах монет Динамии. Такого же мнения о характере надчеканки придерживался и А. Л. Бертье-Делагард (О монетах властителей..., стр. 142), но этот исследователь констатировал наличие подобной надчеканки не только на херсонесской монете из собрания ГИМ (ОК, XVI *119*; Анохин, I, *9*; наша табл. I, *8*), но и на боспорской с монограммой (из бывш. собр. вел. кн. Александра Михайловича, к сожалению, тип не указан), вследствие этого А. Л. Бертье-Делагард относил херсонесские монеты к концу I в. до н. э. Нами публикуется (табл. I, *12*, 3,48 г.) монета из собрания ГМИИ с изображением бегущего льва и монограммы , на которой наложена надчеканка — полумесяц с пятилучевой звездой над ней, она аналогична надчеканке на херсонесской монете Все сказанное заставляет согласиться с предложенной А. Л. Бертье-Делагардом датировкой этих херсонесских монет. Действительно, имея в виду, что монета из собрания ГМИИ принадлежит к первым выпускам меди с монограммой (АМ, стр. 195), нужно думать о практически одновременном чекане херсонесской и боспорской монеты с надчеканками. Сказанное находит подтверждение и в том, что из трех известных херсонесских монет с кадуцеем две — с надчеканками, которые в то же время отсутствуют на херсонесской меди других видов. Это не противоречит и предположению о боспорском (но не херсонесском) происхождении надчеканки в виде звезды и полумесяца, в пользу чего говорят и другие косвенные наблюдения: боспорский характер типа надчеканки редкое, но неоднократное наложение контрамарок на медь с (дельфин, , козерог), отсутствие херсонесских надчеканок любых видов на боспорских монетах, но наличие боспорских на херсонесской меди (Голенко, К датировке..., стр. 53).

Приложение III

К ДАТИРОВКЕ ХЕРСОНЕССКИХ МОНЕТ ТИПА: ЗЕВС — МОЛНИЯ

Очень редкие монеты с изображением головы Зевса и молнии А. Н. Зограф, исходя из соображения общего порядка, относил к выпускам 70—40 гг. до н. э. (АМ, стр. 152), мы ранее видели возможность датировать их временем после 44 г. до н. э., но до 25/24 г. до н. э. (Голенко, К датировке..., стр. 51, прим. 20), к подобной точке зрения близок и В. А. Анохин (Монетное дело, стр. 15), по мнению которого, монеты типа: Зевс — молния выпущены перед 24 г. до н. э. Для подтверждения этого мнения В. А. Анохин обращает внимание на отсутствие монограммы имени Παρθένος в основном типе монет и на наличие ее в надчеканке (см. например, АМ, табл. XXXVI, *22*; наша табл. I, *11*), что могло бы свидетельствовать о наложении ее в 25/24 г. до н. э., т. е. в момент объявления Девы царицей города. Этому наблюдению нельзя отказать в тонкости и логичности, но придавать ему решающее значение в вопросе о датировке монет преждевременно. Прежде всего, надчеканки в виде монограммы не присущи исключительно указанной серии монет, они вне связи с «царствованием Девы» присутствуют и на более ранних монетах как серебряных (например, ОК, XIV, *3*, *5—6*), так и медных (типа ОК, XIV, *33—35*; АМ, XXXV, *18*; XXXVI, *10*). Далее, наличие или отсутствие монограмм не служит исключительным признаком

монет «периода царствования Девы». Все монеты (кроме драхм) I в. до н. э. снабжены ими, в то же время одна из ведущих монетных групп времени «царствования Девы»: типа Херсонас — венок (ОК, XVI, *91*; АМ, XXXVII, *7*), отнесенная В. А. Анохиным (ук. соч., стр. 16 слл.) к первой четверти I в. до н. э., лишена монограммы Все сказанное заставляет искать путей для датировки монет типа: Зевс — молния вне связи с надчеканками.

Обращает на себя внимание необычный тип этих монет,— единственный во всем херсонесском чекане I в. до н. э.— первой половины II в. н. э., который не имеет отношения к традиционным местным сюжетам. Исключительность этого типа и редкость самих монет не позволяют отрывать их от многочисленной серии херсонесских монет с изображением той же головы Зевса на лицевой стороне и стоящей в рост Девы — на оборотной (об этих монетах см. Приложение IV). Независимо от решения вопроса о хронологии последних, монеты обеих групп принадлежат смежным группам и нельзя отделять их друг от друга, как то вынужден был сделать В. А. Анохин (Монетное дело, стр. 14 сл.), который допускает в то же время (стр. 14, прим. 40) возможность употребления общего штемпеля лицевой стороны для монет упомянутых групп. Закономерен вопрос, чеканились ли монеты Зевс — молния ранее монет Зевс — Дева или нет. По-видимому, при всех условиях мы можем дать положительный ответ на этот вопрос: монеты Зевс — молния не могут найти себе места в чекане «периода царствования Девы», очень консервативном в отношении типологии. Но вместе с тем отсутствие монограмм на рассматриваемых монетах сближает их с серией типа: Херсонас — венок. Едва ли, однако, мы можем говорить об одновременном выпуске, где монеты Зевс — молния играли роль старшего номинала. Помимо соображений общего порядка, этой возможности противоречит монета из собрания ГИМ (табл. I, *11*), которая по отношению к монетам того же типа (табл. I, *10*; АМ, XXXVI, *22—23*) могла бы быть понята как образец младшего номинала. По-видимому, имела место следующая последовательность монетных типов: Дева — кадуцей, Зевс — молния, Зевс — Дева, причем два последних типа не были разделены значительным промежутком времени.

Приложение IV

К ДАТИРОВКЕ ХЕРСОНЕССКИХ МОНЕТ ТИПА: ЗЕВС — ДЕВА

Монеты типа Зевс — Дева А. Н. Зограф (АМ, стр. 157) отделял во времени от остального чекана «периода царствования Девы» на основании их близости рассмотренным монетам Зевс — молния, которые, в свою очередь, он включал в серию монет, чеканенную в первой половине I в. до н. э. В связи с передатировкой этой меди — знакомой нам меди групп 2, 4, 5, основа для хронологических сближений такого рода теряет под собой почву. В. А. Анохин (Монетное дело, стр. 14 сл.) полностью поддерживает датировку А. Н. Зографа, исходя из общности типов лицевой стороны монет с изображением Девы и молнии. В последних, как мы помним, В. А. Анохин видел эмиссию, непосредственно предшествовавшую 24 г. до н. э. В качестве добавочного аргумента исследователь ссылается на обнаружение в общих археологических комплексах монет Зевс — Дева с оболами «первой элевтерии», с одной стороны, и медью середины I в. н. э., с другой. Но эта совместная находка не может служить целям детальной датировки, поскольку монеты «первой элевтерии» являются оболами, а монеты крупного номинала, как мы знаем, долго задерживаются в обращении (см., например, материалы Патрэйского клада 1950 г., в котором присутствовали ранние понтийские и боспорские оболы, но одновременные им и гораздо менее редкие тетрахалки отсутствовали (Ю. С. Крушкол. Патрэйский клад 1950 г., КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 116 слл.).

Таким образом, датировка монет типа: Зевс — Дева временем около 25/24 г. до н. э. не имеет под собой безусловной базы. Если отрешиться от заманчивой мысли

обнаружить нумизматический памятник первых годов нового херсонесского летосчисления, то наблюдения, к которым мы переходим, позволят видеть, что последняя четверть I в. до н. э.— слишком ранняя дата для интересующих нас монет.

1. Как показал В. А. Анохин, чекан, относимый ко времени «царствования Девы», составляет большую группу монет, очень компактную в хронологическом отношении; разрывы между отдельными сериями монет практически отсутствуют. Единственное исключение в этой связи, если следовать В. А. Анохину, составляют монеты Зевс — Дева, отделенные от остальных более чем двадцатилетним промежутком времени. Имея в виду редкость херсонесской меди I в. до н. э., такой эпизодический выпуск монет, принадлежащих в то же время началу массового чекана, трудно допустить.

2. Чекан «периода царствования Девы» в отличие от монет I в. до н. э. обладает ограниченным репертуаром сюжетов, связанных между собой. Монеты типа Зевс — Дева и типа: Херсонас — Дева или Ника (Анохин, I, *16—17*, II, *6—9* и т. д.) в отношении композиции и отчасти сюжетов типа явно однородны, что не исключает одновременности их чекана. Кстати, одна деталь подтверждает сказанное: на некоторых монетах Зевс — Дева (Анохин, V, *9*) и типа: Херсонас — Дева (Анохин, VI, *4—8*) на лицевой стороне помещена звезда. Эта особенность, указывающая на хронологическое единство монет, заставила отделить от серии Зевс — Дева, датируемой В. А. Анохиным около 24 г. до н. э., одну разновидность монет и отнести ее к чекану около 80 г. н. э. Таким образом, по В. А. Анохину, на протяжении нескольких десятилетий чеканятся монеты одного номинала, но разных типов, причем общность типов не предполагает общность хронологическую.

3. А. Н. Зограф (АМ, стр. 157), говоря о монетах Зевс — Дева в связи с другими монетами этого периода, замечает, что они «несколько большего размера (ср. вес ок. 8 г)». По мнению же В. А. Анохина, все монеты — кроме двух видов младшего номинала — семисы (?),— принадлежащие чекану до 60 г. н. э., представляют один номинал — ассарий. Между тем собранные В. А. Анохиным метрологические материалы (стр. 48) показывают, что средний вес монет Зевс — Дева равен 7,22 г, а вес остальных ассариев колеблется в пределах 4,85—3,79 г. Иными словами, вес последних немногим более веса половины первых. Предположение о катастрофическом падении веса ассариев в начале их чекана едва ли приемлемо. Речь может идти только о монетах разных номиналов.

4. Резюмируя сказанное, нельзя не прийти к выводу о том, что по отношению к другой меди первой половины I в. н. э. монеты Зевс — Дева были старшим номиналом. Это обстоятельство, наблюдения над их типами и невозможность обосновать хронологическую изолированность интересующих нас монет заставляют думать, что они чеканились одновременно с остальными выпусками начала I в. н. э.

И. М. Дьяконов

К ПРОБЛЕМЕ ОБЩИНЫ НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ

(Реплика М. О. Косвену)

ПОСКОЛЬКУ моя статья «Община на древнем Востоке» (ВДИ, 1963, № 1, стр. 16—34, стенограмма доклада на II Всесоюзной сессии по древнему Востоку) [1] носила дискуссионный характер, постольку, очевидно, моим правом и обязанностью является отвечать на вызванные ею критические замечания. Первые такие замечания опубликованы в ВДИ, 1963, № 4 в статье М. О. Косвена «К вопросу о древневосточной общине» (стр. 30—34). Я позволю себе вкратце ответить на эту статью, хотя есть причина, вследствие которой спорить с М. О. Косвеном очень трудно.

Причина эта заключается в том, что замечания М. О. Косвена не опираются на какие-либо источники и факты из истории древнего Востока. При этом М. О. Косвен убежден, будто бы мой доклад посвящен «в основном изложению собственных взглядов и соображений автора» (стр. 34). В этом он заблуждается. Конечно, в моем докладе присутствуют мои взгляды и соображения [2]. Однако мой доклад посвящен не столько изложению моих взглядов, сколько обобщению ф а к т и ч е с к о г о материала, приведенного не только в некоторых моих, но и в десятках других работ, на которые я ссылаюсь, называя имена В. В. Струве, А. И. Тюменева, Л. С. Васильева, М. Л. Гельцера, Ю. Б. Юсифова, Н. Б. Янковской и др. [3]. Чтобы отвергнуть предлагаемую мной картину развития древневосточной общины, мало исходить из схематических построений; не решат вопроса и указания на неточное употребление мной тех или иных этнографических терминов [4]. Казалось бы, необходимо обратиться

[1] Для того чтобы убедиться, что это стенограмма, не требуется текстологических изысканий (см. К о с в е н, стр. 30) — это прямо написано в журнале, см. ВДИ, 1963, № 1, стр. 179. См. там же выступления по моему докладу, которые М. О. Косвен вообще не рассматривает.

[2] А именно, мне принадлежит попытка обобщения данных источников и частных выводов ряда советских исследователей. Это вполне естественно, так как вопрос об обобщении этих данных назрел, а поскольку я занимаюсь этой проблемой с 1937 г., у меня самого накопился, быть может, бóльший материал, чем у многих моих коллег.

[3] Ниже, однако, я буду ссылаться только на наиболее изученный мной самим клинописный материал (преимущественно из Шумера и Аккада III тыс. до н. э. и из Ассирии и Аррапхи II тыс. до н. э.), так как вряд ли целесообразно приводить еще раз ссылки на аналогичный материал других обществ, уже раз приведенный в моем, напечатанном в ВДИ, 1963, № 1, докладе и оставленный М. О. Косвеном без внимания.

[4] Такие погрешности с моей стороны вполне возможны, так как я не этнограф. Однако полагаю, что непредубежденный читатель легко разберется каждый раз в том, о чем идет речь. Но М. О. Косвен систематически влагает в мои слова смысл, которого

к фактическому же материалу и показать, соответствует ли мое объяснение фактов действительному положению вещей. Однако М. О. Косвен не ознакомился с исследованиями, на которые я ссылаюсь, и сущность всех его возражений сводится к простому «этого не может быть». При такой постановке вопроса спора по существу научной проблемы не получится. Покажу лишь на некоторых конкретных примерах, что автор критики не только не считает нужным обращаться к фактам, изложенным в работах, на которые я ссылался, но даже и внимательно прочитать критикуемую им статью.

Одно из главных обвинений, предъявленных мне М. О. Косвеном,— это обвинение в антиисторизме. Он указывает, в частности, на то, что община как соседская, так и семейная имеет свою историю, и что известны формы этих общин, отличные от тех, которые я описываю. В этом, конечно, сомнений у меня нет и не было. Однако мой доклад был посвящен не «вообще» сельской и соседской общине, а — в соответствии с принципом историзма — только конкретным ее формам в древнем обществе стран Востока, преимущественно III—II тыс. до н. э.[5]. Поэтому мне непонятен риторический вопрос М. О. Косвена по поводу моего замечания о деспотической власти патриарха в древневосточной домовой общине: «Разве он (И. М. Дьяконов.— *И. Д.*) не знаком с демократическим типом домашней общины и ее образцом — югославской задругой, столь выразительно охарактеризованной Ф. Энгельсом?» (стр. 33). Почему, с точки зрения историзма, я должен непременно искать ю г о с л а в с к и й тип домовой общины на д р е в н е м В о с т о к е? Мое утверждение базируется на множестве фактов: достаточно указать на буквально сотни документов, свидетельствующих о праве главы семейства продавать и закладывать его членов [6], мало совместимое с предполагаемыми демократическими порядками в доме [7], на право отца заменить выбывшего сына-

---

они никак не могут иметь. Если я, например (стр. 19—20), говорю об «аспектах» общины (т. е. разных ее сторонах), то есть ли основание подставлять здесь понятие об отдельных ф о р м а х общины, как это делает мой критик (стр. 31), и затем спорить с положением, которого я не высказывал? И почему слово «сотоварищество» (т. е. содружество, коллектив) должно непременно означать «образование искусственное» (там же)? Конечно, «всякая сельская община есть прежде всего форма коллективного владения землей» (М. О. К о с в е н, стр. 31). Однако древневосточные материалы показывают, что в дальнейшем община может сохраняться как гражданский коллектив со своим самоуправлением, с определенными обязанностями и правами членов, но при этом только как коллектив, обеспечивающий их право на ч а с т н о е владение землей, в то время как владения землей всей общиной в целом уже нет. Другими словами, гражданский аспект общины с о х р а н я е т с я (не возникает вновь), но аспект общины как коллективного владельца земли исчезает (см. ЗВАХ, ВДИ, 1952, № 3, стр. 267 сл.). Вот почему я счел необходимым ввести понятие аспектов общины. Конечно, такая община с точки зрения первобытного общества теоретически есть община распадающаяся, и, однако, в древнем обществе она реально просуществовала многие сотни лет. Кстати говоря, что такое «гражданская община» понятно любому историку древнего мира, и в этом словосочетании слово «гражданская» — не предикат, а атрибут— М. О. Косвен тоже ошибается в терминологии.

[5] См. мое заключительное слово, ВДИ, 1963, № 1, стр. 193.

[6] Документы о продаже и закладе членов семьи встречаются в Шумере (например, A. F a l k e n s t e i n, Die neusumerischen Gerichtsurkunden, II, Münch., 1956, №№36—38, 45—48, 50, 52—57, 69, 70—73), в Вавилонии (например, J. K o h l e r, P. K o s c h a k e r, F. P e i s e r, A. U n g n a d, Hammurabi's Gesetz, Lpz, 1909, II, 4; III, 744; VI, 1488; G. R. D r i v e r and J. C. M i l e s, The Babylonian Laws, I, Oxf., 1952, стр. 210), в Аррапхе (см. особенно архив Тульпуннайи, опубликованный в AASOR, XVI, 1936, № 14 сл.), в Ассирии (E. E b e l i n g, Keilschrifttexte aus Assur juristischen Inhalts, Lpz, 1927, №№ 17, 28, 31, 46, 60, 61, 66, 70 и мн. др.) и т. д. Этих документов слишком много, чтобы хотя бы приблизительно исчерпать их перечисление в одном примечании.

[7] Разумеется, древневосточная домовая община имеет свою историю, как замечает М. О. Косвен, и на ее ранних этапах встречаются и более демократические формы.

жениха другим женихом из той же семьи, коль скоро уплачен калым за невесту, как это засвидетельствовано в Ассирии II тыс. до н. э.[8], на получение главой семьи львиной доли платы за проданную землю, в то время как прочим членам достаются только малоценные «подарки»[9].

Такой же риторический характер имеет и другое замечание М. О. Косвена: «Что можно сказать о такой, например, тираде: „О праве собственности сельской общины можно говорить только довольно условно, так как само понятие собственности предполагает ее противопоставление отсутствию собственности"?» (стр. 27). Об этой «тираде» можно сказать, что она вытекает из следующих формулировок: «Земельная собственность предполагает монополию известных лиц распоряжаться определенными участками земли как исключительными, только им подчиненными сферами их личной воли». Следовательно, чтобы земля могла рассматриваться как собственность, нужно, чтобы было кого устранить от этой собственности. Собственность есть о т н о ш е н и е между собственником и не собственником. Если же землей владеет все общество, то тут собственности в сущности нет: «...было бы правильно сказать, что существуют семьи, роды, которые еще только *владеют*, но не имеют *собственности*». Формулировки эти принадлежат К. Марксу[10].

М. О. Косвен отводит и выдвинутое в моем докладе положение о том, что на древнем Востоке «патриархальный род и сельская община не являются двумя п о с л е д о в а т е л ь н ы м и ступенями в развитии общества. Они сосуществуют». Отводит он это положение замечанием, что это «утверждение, фактам и рассудку противоречащее» (стр. 32). Так как рассудок — дело субъективное, то обратимся к фактам. Прежде всего установим, что группы лиц, связанных общим происхождением от одного предка по отцовской линии, общим обозначением (патронимия), общим культом и хозяйственно-организационными связями (т. е. то, что вряд ли можно обозначить иначе, как патриархальные роды), засвидетельствованы, например, в Аккаде конца III тыс. до н. э.[11] и у хурритов

Так, мне еще лет десять назад удалось установить, что в сделках о продаже земли в древнем Лагаше XXIV в. до н. э. от имени домовой общины выступают «выборные люди дома», lú šà-pád é (И. М. Д ь я к о н о в, Купля-продажа земли в Шумере, «Доклады советской делегации на XXII Международном конгрессе востоковедов», Секция ассириологии, М., 1954, стр. 5—32; о н ж е, Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер, М., 1960, стр. 63 сл.— ниже ОГСД — Шумер). Но такое положение на древнем Востоке не было длительным: два века спустя в аналогичных документах «выборные люди» уже не упоминаются.

[8] Среднеассирийские законы, табл. А, §§ 30, 42 (русск. пер. в ВДИ, 1952, № 4, стр. 218—220).

[9] Возьмем один пример из многих: при продаже около 3 га земли в древнем Лагаше трое глав отчуждающего землю «дома» Уг получают совместно около 25 центнеров ячменя и многочисленные подарки, а члены «дома» — всего по шести хлебов и немного других продуктов (ОГСД — Шумер, стр. 63). В несколько более позднем «Обелиске Маништусу» (там же, стр. 71 сл.) рядовые члены «дома» привлекаются к сделке только в роли свидетелей, но не получают ничего. Наиболее типична в смысле наличия деспотической власти патриарха ассирийская семья II тыс. до н. э., см. L. A. L i p i n, The Assyrian Family in the Second Half of the Second Millennium B. C., «Cahiers d'histoire mondiale», VI, 1961, 3, стр. 628—645, а также комментарии Я. М. Магазинера к Среднеассирийским законам — ВДИ, 1952, № 4, стр. 242—248 (там же о «неразделенных братьях» — форма большесемейной общины). Однако близкие порядки существовали также в старовавилонской, хурритской, древнееврейской семье и т. п.

[10] К. М а р к с, Капитал, т. III, гл. XXXVII, К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., 2-е изд., т. 25, II, М., 1962, стр. 165; К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., 2-е изд., т. 12, М., 1958, стр. 728. На языке оригинала высказывания К. Маркса звучат еще яснее.

[11] В приведенном выше (прим. 9) случае из древнего Шумера XXIV в. до н. э. «дом Уг» был, по-видимому, непосредственно и домашней общиной: перечисленные

II тыс. до н. э.[12], т. е. в эпоху, когда несомненно уже существовало классовое общество и государство, что никем никогда не подвергалось сомнению [13]. Однако М. О. Косвен утверждает, что «сельская община по общему правилу вырастает из распада родовой общины, т. е. исторически следует за ней. Они не сосуществуют» (стр. 32). Получается, что патриархальный род, хотя может сосуществовать и фактически сосуществует с государством, однако будто бы отнюдь не может сосуществовать с территориальной общиной. Но в действительности территориальная община существует наряду с патриархальными родами как некая самоуправляющаяся организация со своими административными органами (советом старейшин и народным собранием) [14]. Можно указать, что К. Маркс говорил о «нерасчлененном единстве города и деревни» на Востоке [15], поэтому территориальной общиной мы должны считать не только открытое село (тип поселения, не особенно характерный для III—II тыс. до н. э. на древнем Востоке), но и самоуправляющееся укрепленное поселение, условно называемое «городом», жители которого, однако, занимаются преимущественно сельским хозяйством наряду с ремеслом. А наличие в III—II тыс. до н. э. таких укрепленных «городов» с сельскохозяйственным населением и с самоуправлением в виде советов старейшин и народных собраний подтверждается поистине огромным документальным материа-

---

члены его, видимо,—двоюродные братья (глáвы дома) и их родные дети (получатели подарков). В несколько более раннем документе из Адаба (ОГСД — Шумер, стр. 57) землю продает «дом PA.USAN». Но в него помимо одиннадцати взрослых членов входит и целый «дом Дада»,—очевидно, отдельная хозяйственная единица, отдельная домовая община внутри «дома». В «Обелиске Маништусу» времени династии Аккада (XXIII — XXII вв. до н. э.; ОГСД — Шумер, стр. 71) «дом Мезизи» состоит, по-видимому, из четырех отдельных «домов»-потомков, причем продажу земли осуществляет только часть глав одного из домов (Суммухум), но как свидетели привлечены представители всех четырех. В другом случае, зафиксированном в том же документе, о д и н участок продают д е в я т ь домашних общин, происходящих от одного предка (там же, стр. 73). Следует полагать, таким образом, что под термином «дом» (é) подразумевается не только большая семья (и домовая община), но и реальный коллектив более высокого порядка,— очевидно, род. В ряде случаев можно выяснить генеалогию отдельных больших семей внутри рода, а материал других стран древнего Востока показывает и наличие родового общего культа.

[12] См. в Аррапхе родовое поселение, названное по имени патриарха Аршали и включавшее в себя отчленившуюся домовую общину (большую семью) его сына Шукрибшарри, JEN, 625 (Аршали и его община известны и по другим документам); род Пухишенни, засвидетельствованный в ранних документах еще как одна большая семья, но затем распавшийся на ряд больших семей (Техибтиллы, Эшамати и др.), продолжал сохранять свое организационное единство и своего родового главу (см. документы, собранные в JEN); ср. большесемейную общину (dimtu) Итхиб-Укура внутри dimtu его отца Сане (JEN, 404) и мн. др.

[13] Действительно, давно уже были налицо такие признаки государства, как территориальное деление, налоги и повинности, отдельные от народа государственный аппарат и вооруженные силы; уже около тысячелетия существовала письменность и, в числе прочего, фиксировались общегосударственные законы и международные договоры.

[14] Хорошо известно, что патриархальные роды сосуществовали в некоторых античных классовых обществах с полисом. Почему же они не могли сосуществовать с восточной территориальной общиной? Структура древневосточных общин видна на примере древнего Аккада: небольшие участки земли продают домовые общины, состоящие из потомков одного лица (например, дом Суммухум), но к сделке привлекаются и представители других домовых общин, происходящих от общего с данным домом предка (например, дом Ушрар и др.) и, очевидно, входящие в один род (например, Мезизи). Иногда род называется по имени реального предка, иногда — по имени божества или животного. Чем больше участок земли, тем к более отдаленному общему предку восходят «дома», как осуществляющие продажу, так и привлекаемые к сделке. Но если продается очень большая территория, то сделку утверждает уже не «дом», а народное собрание — и не племени, как можно было бы думать, а территориальной общины. См. изложение «Обелиска Маништусу» в ОГСД — Шумер, стр. 72—77,

[15] К. М а р к с, Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., Политиздат, 1940, стр. 13.

лом [16], в том числе для Аккада [17] и для хурритского общества [18]. Часто одни и те же документы свидетельствуют и о наличии внутри такой территориальной общины не только патронимий как пустой оболочки родовых отношений, но и хозяйственных объединений более высокого порядка, чем большесемейная община, т. е. родовых [19].

В условиях сосуществования внутри территориальной общины связанных родством однохарактерных коллективов разных ступеней я не решался говорить о патриархальных «фратрии», «племени» и т. п., так как границы между разными кровнородственными объединениями на древнем Востоке весьма шатки: по документам можно проследить, как «дом» непрерывно разрастается в более крупное объединение, чем большесемейная община, а та в свою очередь дробится на новые «дома» [20]; поэтому я считал возможным говорить о родах разных «порядков», включая сюда и низшую ячейку — большую семью, хозяйственно организованную в домовую общину. Предложенный мною термин может быть удачным или неудачным, но вопрос не в терминологии, а в фактах. Но мой критик на это просто замечает, что у меня фантастические представления о роде (стр. 32). Возможно, М. О. Косвен не знаком с конкретным древневосточным материалом, хотя именно он является предметом спора. Но разве ему неизвестно, как трудно бывает на практике различать патриархальные lineages разных порядков хотя бы у многих современных племен и народов Африки? Однако, поскольку сложность действительной жизни древневосточных родов не укладывается в его схему [21], постольку М. О. Косвен не только отвергает мое положение, но и выводит мои

---

[16] Охватить его здесь, конечно, невозможно. В отношении «городского» самоуправления ограничусь указанием на работы: Th. J a c o b s e n, Primitive Democracy in Ancient Mesopotamia, JNES, II, 1943, стр. 159 сл.; о н ж е, Early Political Development in Ancient Mesopotamia, ZA NF, LII (18), 1957, стр. 91 сл.; ср. также ОГСД—Шумер, стр. 127 сл., а также A. W a l t h e r, Das altbabylonische Gerichtswesen, Lpz, 1917, стр. 45 сл.

[17] О совете старейшин и народном собрании в Аккаде см. ОГСД — Шумер, стр. 77, 130, 137, а также Д. Г. Р е д е р, Военная демократия на древнем Востоке, УЗМОПИ, XIV, 1, стр. 121—122.

[18] Например, собрание граждан сельских общин в деле общины Киссук, упоминаемом ниже в прим. 21; совет старейшин принимает участие в судебных процессах Аррапхи.

[19] Чтобы не умножать ссылок, сошлюсь на уже упоминавшийся «Обелиск Маништусу» (ОГСД — Шумер, стр. 71 сл.). В Аррапхе также все большие семьи и роды входили в территориальную общину, например, в общину Нуза. Территориальные общины в свою очередь могли входить в общины более высокого порядка («город», «ном», «город-государство»), а те — в состав царства, например территориальная община Бас — в «город» Дур-Суэн, Нуза — в Аррапху; для Ассирии см. документы KAJ, 172, 173, 175 и др., проанализированные в РЗОА, стр. 52—53.

[20] Сами аккадцы терминологически не различали «домов» разного «порядка».

[21] Сюда относится и тот факт, который М. О. Косвен называет «совершенно несообразным», что на древнем Востоке (в частности, у хурритов Аррапхи) организация родственных, связанных общим происхождением домовых общин (dimtu, букв. «башня», т. е. по предложенному мной обозначению «род высшего порядка»), могла быть настолько широкой, что охватывала не одно, а несколько «сел» (соседских общин, ālu), в которые могли входить также и неродственные домовые общины. Но отдельное «село» могло также состоять сплошь из родичей, функционально, однако, играя роль соседской общины. Вся эта система входила в состав бо́льшей территориальной общины. См. о сельских общинах, объединенных одной домовой общиной и зависящих от нее, в деле Вантари и общины Киссук, анализированном Н. Б. Янковской в статьях: N. J a n k o w s k a, Zur Geschichte der hurritischen Gesellschaft, «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», I, М., 1963, стр. 229; Н. Б. Я н к о в с к а я, Общинное самоуправление в Угарите, ВДИ, 1963, № 3, стр. 54—55; о целых селах, входивших в ewru (владение большесемейной общины), см. о н а ж е, Землевладение большесемейных общин в клинописных источниках, ВДИ, 1959, № 1, стр. 39 сл. для Алалаха и стр. 44 для Аррапхи.

взгляды... от Б. Г. Нибура и т. п., не допуская, что эти взгляды могут просто базироваться на фактах.

Хотя М. О. Косвен и обвиняет меня в антиисторизме, он не хочет признать, что «домовые общины как семейно-хозяйственные организации людей, живущих материнским родом, древнему Востоку практически неизвестны» (стр. 24 моей статьи). Мне неясно, в чем тут моя ошибка — или материнский род на древнем Востоке должен сосуществовать с отцовским? В таком случае мой критик должен был бы привести конкретные факты существования здесь материнского рода. Но таких фактов нет, поэтому М. О. Косвен (стр. 33) лишь ссылается... на пережитки матриархата в религиозных культах древнего Востока (не указывая, впрочем, что именно он имеет в виду). Однако, казалось бы, разница между пережитками и реальной действительностью была ясна этнографам по крайней мере еще со времен Тайлора. Ведь подобные пережитки восходят к первобытному обществу, у меня же речь идет об эпохе древности.

Не лучше чем с фактами обращается мой критик и с текстом моей статьи. Так, на стр. 33 он намекает на то, что я следую «реакционнейшей патриархальной теории, по которой малая семья является элементарной и исходной общественной ячейкой». Не говоря уже о неуместности метода намеков в научной полемике, внимательное чтение моего текста показало бы М. О. Косвену, что у меня речь идет о совершенно обратном: о том, что в описываемых мной условиях п о л н о с т ь ю господствует еще б о л ь ш а я семья, а «малая» семья пока возникает лишь случайно и временно в момент разделения чересчур разросшейся большой семьи, но по экономическим причинам существовать длительно еще не может [22].

Или, говоря о древневосточном обществе, я замечаю, что древняя община не всегда бывала потомком общины первобытной, что ее существование было обусловлено экономикой самого древнеклассового общества [23]

[22] И. М. Д ь я к о н о в, Община на древнем Востоке, ВДИ, 1963, № 1, стр. 25: «...спорадически возникающие малые семьи, состоящие из одной брачной пары и их детей, еще не представляют собой более поздней ступени развития семьи по сравнению с домовой общиной как основной хозяйственной ячейкой патриархально-родовой организации. Любая большая семья, имеющая характер домовой общины, разрастаясь, доходит в определенный момент... до таких размеров, что совместное хозяйство... становится невозможным. Такая семья распадается на отдельные брачные ячейки, но каждая из них затем вновь вырастает в большую семью... могут сохраниться общий для ряда разделившихся семей патриархальный культ... резервный земельный фонд и даже — в ограниченной степени — обязанности взаимопомощи». Там же, стр. 29: «Чем более интенсивно разделение труда, тем сильнее имущественное расслоение даже в пределах родов, тем больше стимулов к частому дроблению домовых общин, тем чаще возникают малые семьи, пока, наконец, в товаропроизводящих рабовладельческих обществах малая семья в составе одной брачной ячейки не становится правилом». Что тут общего с теорией изначальности малой семьи?

[23] Что домовые общины II тыс. до н. э. существовали на древнем Востоке не в силу пережитков первобытного общества (через тысячу лет после сложения классового общества!), а вследствие современных им экономических причин, совершенно очевидно: семейно-общинная взаимопомощь спасала индивидуальные хозяйства внутри домовой общины в случае стихийных бедствий и, как хорошо засвидетельствовано документами, помогала им — хотя и не всегда бескорыстно — бороться с ростовщиками (см., например, документы из Аррапхи, AASOR, XVI, 69; HSS, V, 19, проанализированные в статье: Я н к о в с к а я, Землевладение..., ВДИ, 1959, № 1, стр. 44 и 46), не говоря уже о создании оросительных сооружений общими силами. Допустим, что в этих условиях, например, заселялись ранее неосвоенные или опустошенные войной земли — разве на этих землях не должны были бы возникнуть общины «заново»? С другой стороны, понадобилась коренная перестройка, чтобы из древней родовой или сельской общины получился античный полис или поздневавилонский самоуправляющийся город. М. О. Косвен утверждает, что полис не является примером заново сложившейся общины: «полис вырастал либо прямо из распадающейся родовой общины, либо из уже сложившейся тем же путем сельской общины» (стр. 32; у меня имеется в виду полис времени послесолоновых Афин). Ср., однако, мнение специалиста-античника, выступавшего в прениях по моему докладу: «На примере Афин мы видим, что между ними (граждан-

и что поэтому она могла складываться и заново или же подвергаться коренной перестройке. На это М. О. Косвен замечает (стр. 32): «Древняя община возникала по общему правилу только из распада родовой общины. „Заново" или в известном смысле искусственным путем община возникала в более поздние времена[24], в условиях восточных деспотий...». Значит, все-таки возникала и именно в тех обществах, которые и являлись предметом моего доклада. Неясно, против чего же здесь возражает М. О. Косвен. Ведь и у меня речь идет о том, что древняя община может возникать *и* заново (наряду с развитием из первобытной) и именно в период образования восточных деспотий.

В нашем распоряжении имеются, таким образом, многочисленные фактические данные по истории общинных отношений на древнем Востоке, не укладывающиеся в готовые схемы, из которых, как кажется, исходит М. О. Косвен. Спорить по существу проблемы будет возможно лишь тогда, когда мой критик найдет время прочесть работы, на которые я ссылаюсь, ознакомится с приведенным в них огромным материалом и предложит свое истолкование известных науке конкретных фактов. Когда спор станет конкретным, я надеюсь к нему вернуться.

ской и сельской общинами.— *И. Д.*) очень большое различие... Непосредственно из этого состояния (родовой и сельской общины.— *И. Д.*) нельзя было перейти к гражданской общине... Между полисом и первобытной общиной общее только то, что и здесь и там существует коллектив, для которого воспроизводство является основной целью. Но это гражданская община, община классовая. Она характеризуется качественно отличными признаками..., ибо полис возникает в совершенно других условиях и на другой качественной основе» (К. К о л о б о в а, ВДИ, 1963, № 1, стр. 187—188).

[24] Что означает «в более поздние времена» мне не совсем понятно — по сравнению с чем они являются более поздними?

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ РАБСТВА

М. Е. Сергеенко

КОЛУМБАРИЙ СТАТИЛИЕВ ТАВРОВ

1

В 1875 г. на Аппиевой дороге под Римом раскопали часть колумбария, принадлежавшего семье Статилиев Тавров. Здесь хоронили их рабов и отпущенников в течение 60—70 лет, начиная с двух последних десятилетий до н. э. и кончая 40—50 гг. н. э. По римскому обычаю над каждой нишей, где стоял сосуд с пеплом умершего, помещалась дощечка с указанием имени, а часто и должности покойного. Таких надписей в этой части колумбария 381 (CIL, VI, 6213—6594). Количество рабов, принадлежавших Таврам, можно по этим надписям вычислить весьма приблизительно. В этом доме умерших рабов в страшные колодцы эсквилинской свалки, конечно, не бросали, но внутри рабской семьи могли происходить передвижения и перемещения: отпущенники могли уехать совсем или случайно оказаться вдали от Рима и вдали умереть; кого-то из рабов можно было услать в пригородные виллы и поместья, а то и дальше в Истрию и под Аквилею, где у Тавров были крупные земельные владения. Германца Доната, одного из охранников старого Тавра, похоронили «товарищи» (sodales — 6221). Было их 130 человек, но в колумбарии имеется только девять надписей с пометкой «германец». Раб Скирт был членом оркестра, капеллы, или ее дирижером (symphoniacus — 6356). В обоих случаях он входил в состав какой-то группы, остальных членов которой в колумбарии нет. В некоторых надписях упомянуто, что такой-то был рабом Сизенны или Корнелии, но нет никакой уверенности, что обстоятельство это неизменно отмечалось; есть надписи «раб Тавра отца», «раб Тавра юноши», но, к сожалению, в четырех поколениях Тавров сыновья — по крайней мере старшие — неизменно именовались «Т. Статилий Тавр». Мы не знаем, оставалось ли место умершего пустым или хозяин замещал его и не одним, а несколькими людьми, не можем установить последовательность смертей, не знаем, наконец, сколько рабов было в живых к тому дню, когда покончил с собой последний из Тавров. Значение этих надписей в другом: они приоткрывают некоторые особенности хозяйственной жизни богатого и знатного римского дома первой половины I в. н. э. Его уклад — это стандартный уклад аристократических семей того времени с некоторыми, конечно, вариациями: иногда беднее, проще (богаче только в императорском доме), иногда с бóльшими претензиями, например у Волузиев. Это и делает колумбарий Статилиев — по своей полноте он единственный — особенно интересным и важным. Кое-что в этих надписях подтверждает известное и по другим источникам, но кое-что неожиданно и ново. Сначала, однако, несколько слов о самих Статилиях.

Человеком, положившим основание богатству и знатности той ветви Статилиев, о которой идет речь, был Т. Статилий Тавр, современник Августа. Принадлежал он, по словам Веллея (II, 127), к роду незнатному; о его молодости ничего не известно. Неожиданно встает перед нами превосходный полководец и человек с ясной трезвой головой, который умеет видеть, выбирать и оценивать. Он не сомневался, что республике пришел конец; после убийства Цезаря он с Антонием, а когда между Антонием и Октавианом начались раздоры, он пошел к Октавиану. Воевал он удачно и счастливо: очистил Сицилию от помпеянцев; в Африке отогнал далеко на юг кочевые племена, тревожившие римских поселенцев; закончил войну в Иллирии. В битве при Акции он командовал сухопутным войском и стремительным натиском опрокинул конницу Антония. Тавр принадлежал к небольшому числу людей, которым Август доверял безусловно, как доверял Меценату и Агриппе. Ему разрешено было держать при себе отряд вооруженных германцев — привилегия членов императорского дома. Когда Август и Агриппа уезжали из Италии, место префекта города занимал Тавр: с 16 по 10 г. до н. э. бессменно; «несмотря на преклонный возраст, он справлялся с этой должностью превосходно», — писал Тацит, на похвалы не щедрый (Ann., VI, 11).

Война в Иллирии принесла Тавру огромные богатства, и он частично использовал их, так же как Агриппа и Меценат, на благоустройство Рима. «Август не препятствовал Тавру и другим отдавать на украшение города военную добычу и преизбыток своих богатств» (Tac., Ann., III, 72). Тавр построил на Марсовом поле первый в Риме каменный амфитеатр. Август отдал ему Помпеевы Сады, которыми по смерти Помпея владел Антоний — огромный парк, спускавшийся по скату Холма садов в долину у его подножия. Принадлежали семье и Скатоновы сады, находившиеся где-то к северо-западу от Эсквилинских ворот. Единственный сын Статилия, член коллегии, ведавшей монетным двором (triumvir monetalis), умер, по-видимому, рано, потому что на этой должности его карьера и оборвалась; он породнился с одной из ветвей старинного аристократического дома, с Корнелиями Сизеннами. От этого брака родилось двое сыновей; оба были консулами, один в 11, другой в 16 г. н. э. Последний в отличие от брата прибавил к своему имени имя Сизенны. Он приобрел особняк, принадлежавший когда-то Цицерону и находившийся на северо-восточной стороне Палатинского холма. Брат его женился на дочери Марка Валерия Мессалы Корвина, знаменитого оратора, покровителя Тибулла. У него тоже было два сына, и оба были консулами, один в 44 г., другой, Тавр Статилий Корвин, в 45 г. Старший покончил с собой в 53 г., не желая ожидать суда, исход которого был заранее известен: обвинение во взяточничестве и чародействе было предлогом для захвата его имущества, в частности парка, о котором мечтала Агриппина. Парк этот (не смешивать с Помпеевым) находился на Эсквилине и был насажен дедом, а может быть и прадедом несчастного консула. К нему примыкала площадь — форум Тавра; она была разбита кем-то из этой семьи и украшена семейным «гербом» — бычьими головами. Все эти подробности позволяют судить о том, каково было состояние Тавров.

Материал, который дают надписи, следует для более удобного рассмотрения разбить по отдельным рубрикам: личная прислуга хозяев, люди, обслуживающие весь дом, и, наконец, управление домами. Границы, может быть, не всегда будут точны и резки, но некоторую систему эти рубрики вносят.

В состав личной прислуги входят: лакеи (cubicularii — «спальники»), цырюльники (tonsores), «ведающие гардеробом» (vestiarii), «сопровождающие» (pedisequi) и носильщики (lecticarii).

Кубикулярий помогал хозяину при одевании и раздевании, оправлял постель, приводил в порядок спальню и вообще прислуживал хозяину. Цезарь, когда его захватили пираты, оставил при себе врача и двух кубикулариев (Suet., Caes., 4, 1). Когда арестованного Цецину Пета отправляли в Рим, его жена Ария просила взять ее с ним на корабль вместо «рабов, которых вы приставите, чтобы подавать кушанья консуляру, одевать и обувать его» (Plin., Epist., III, 16, 7—8). Кубикулярий был персоной среди домашней челяди: он близко стоял к хозяину, знал его вкусы, привычки и слабости и, случалось, отожествлял себя с хозяином. Часто от него зависело, допустить к хозяину посетителя или нет, и Сенека, наблюдатель острый, не зря говорил о «лакейском высокомерии» (supercilium cubicularii — Dial., II, 14, 1). Кубикулариев в надписях названо восемь (6254—6260, 6263—6265); они все — рабы. В трех надписях сказано, при ком эти люди состояли; Афтон был кубикулярием у Тавра-отца, а Клар—у Тавра-юноши, но уточнить, какие это были Тавры, невозможно. Отпущенник Филерот состоял кубикулярием при Корнелии (6264), жене консула 16 г. Об остальных ничего не известно.

Римляне I в. н. э. брились — бороду начали отпускать только при Адриане. Бритье было операцией мучительной: нет стальных бритв, нет мыла. Марциал посвятил искусному брадобрею прочувствованную эпитафию (VI, 52), и он же назвал разумнейшим в мире существом козла: «живет с бородой» (XI, 84, 17—18). Брились и подстригались обычно в цирюльнях, но в богатых домах имелись собственные брадобреи; в колумбарии похоронили двоих (6366—6367); была и «парикмахерша» Эротида (6368), заботам и уменью которой поручались женские головы. Все трое рабы.

Хозяйский гардероб поручен вестиарию: он следил за хорошим состоянием одежды, проветривал ее и укладывал, смазывал от моли оливковым отстоем сундуки, где она лежала. Хозяйской одежды было, конечно, много и в числе ее бывали вещи роскошные. К одежде причислялись и постельные принадлежности; какую ценность они могли иметь, видно из того, что Цицерон, перечисляя вещи Хрисогона, ставит stragulae vestis рядом с серебряной чеканной посудой, статуями и картинами (p. Rosc. Amer., 46, 133). Все три вестиария у Статилиев—отпущенники (6372—6374); может быть, это не случайность: хозяин доверял дорогие вещи людям, которых знал давно и на честность которых полагался.

Когда хозяин или хозяйка выходили из дому, за ними следовали «сопровождающие» (pedisequi). Обычай этот укоренился крепко. Даже Горация, еще бедного человека, в его одиноких прогулках сопровождал раб (Sat., I, 9, 10). Если хозяин был приглашен в гости на обед, такой «сопровождающий» стоял позади него за ложем и держал на руках хозяйские сандалии и плащ — обязанности несложные. У расчетливого Аттика все эти «сопровождающие» были обучены переписыванью книг и выразительному чтению (Nep., Att., 13), но было это столь своеобычно, что Непоту показалось необходимым такое обстоятельство отметить; Цицерон издевался над человеком, у которого один и тот же раб был и поваром и дворецким (in Pis., 67). Статилии похоронили пятерых «сопровождающих». Писида «сопровождала» одну из Статилий, а Логад — Мессалину, мать консула 44 г. Кого «сопровождали» остальные, неизвестно. Все это рабы (6332—6336).

Римляне любили ходить пешком, считали пешие прогулки упражнением для здоровья необходимым, но по делам или в гости люди состоятельные отправлялись обычно в носилках. Носильщиков — 13 (6218, 6301—6313), все рабы. Это большое число отнюдь не случайно; носилки несли, самое меньшее, шестеро; хозяин, хозяйка и кто-нибудь еще из

членов семьи могли иметь каждый своих, только в его распоряжении находящихся лектикариев. Трое из этих рабов так и называются лектикариями Тавра (6303; 6307—6308); один был «лектикарием Сизенны» (6312). Только над носильщиками поставлен надзиратель; он именуется supra lecticarios — исполнял эту должность отпущенник Спинтер (6301).

В Риме не существовало государственной почты для частной переписки, а она у Тавров была, конечно, обширной и выходила за пределы Италии: переписывались с друзьями и знакомыми, находившимися в чужих краях, сносились с управителями своих заморских имений. Надписи упоминают двух письмоносцев (tabellarii); оба рабы; один назван «письмоносцем Тавра» (6342, 6357).

В состоятельных семьях надзор за мальчиками с раннего возраста поручали педагогам, роль которых очень напоминает дядек в дворянских семьях в России XVIII в. Педагог одновременно и слуга и воспитатель. От него требуется не образованность, а преданность и добрые нравы. В колумбарии педагогам поставлено пять надписей и дают они кое-что новое: «дядьку» приставляли не только к мальчикам, но, случалось, и к девочкам; у Мессалины, дочери Тавра, может быть той самой, которая позднее стала женой Нерона, педагогом был раб Гемелл (6327), а у одной из Статилий — отпущенник Забда (6330). Отпущенница Тираннида была «педагогой» (имя для няни, обычно не встречающееся) другой Статилии (6331). Кроме нее и Забды, все педагоги — рабы.

Есть в колумбарии надпись: «Эпафра мальчик. Капсарий» (6245). Капсарий, обычно сверстник своего хозяина-школьника, сопровождал его в училище и нес за ним капсу, круглую коробку, сплетенную из тонких буковых пластинок, где помещались свитки, дощечки и прочие школьные принадлежности [1]. И хозяин и раб направлялись к грамматику или к ритору; дети богатых семей грамоте обучались не в начальной школе, а дома.

В римских образованных кругах, судя по словам Квинтилиана, давно уже шел спор о том, где лучше детям получать образование, дома или в школе. Квинтилиан решительно высказывался за школу, и у него было много единомышленников. Сын Тавра, одного из первых сановников государства, наследник огромного состояния, садится на школьную скамью рядом с сыном отпущенника, «вчерашнего раба» или ремесленника, который отказывает себе во всем, только бы набрать денег на учение сына и вывести его в люди. Обоих одинаково спрашивали, обоим задавали одинаковые упражнения и обоих одинаково пороли. Этот демократизм римской школы времен империи прошел как-то незамеченным даже у исследователей-специалистов.

К личной прислуге следует еще отнести кормилиц (6223—6224) и берейтора Барнея, обучавшего верховой езде сына Сизенны (6352).

Перейдем теперь к рабам, которые обслуживали не только хозяев, а — хотя бы частично — всех, живущих в доме. Они заняты приготовлением пищи и одежды.

Поваров названо трое: два раба и один отпущенник (6247—6249). К «кухонному ведомству» надлежит причислить еще раба-фаршировщика (fartor — 6286) и «засольщика» (salarius — 6347), заготовителя всяких солений и маринадов, тоже раба. Делом фаршировщика было начинять колбасы и приготовлять всякие фарши. Колбасы были любимым кушаньем всех слоев римского населения; их можно было приготовить очень просто, добавив к мясу только чесноку, луку и острых трав, которые росли

[1] Капсарием назывался также раб, стороживший вещи хозяина в бане. Но у Тавров была собственная баня; роскошные термы появились позднее, а в общественные бани, где мылся всякий люд, они вряд ли ходили.

в любом огороде, а можно было взять и очень дорогих заморских специй. Кроме колбас, фарш требовался для таких кушаний, как жареный ягненок или поросенок. Изготовить фарш для господского стола было делом вовсе не простым: надо знать, какие пряности годятся, в каком количестве их брать, что можно смешивать, чего нельзя; надо помнить, чем угодить хозяину и хозяйке. Тут хватало заботы и повару и фаршировщику. Засольщик тоже не сидел, сложа руки. Чего только в римском доме не солили, не мариновали, не сушили и не приливали! и овощи, и фрукты, и разные травы, не говоря уже о мясе. Колумелла посвятил этой отрасли домоводства значительную часть XII книги своего «Сельского хозяйства»[2].

Выпечкой хлеба заняты хлебопеки — pistores: два отпущенника и один раб (6219; 6337—6338). Слово pistor обозначает и мельника и пекаря одновременно; специальности эти разъединились только в IV в. н. э. с появлением водяных мельниц. Если в доме Тавров была своя пекарня, то при ней находилось и помещение, где стояли мельницы; pistores Статилиев и мололи муку и пекли хлебы. Естественно возникает вопрос: только для хозяев? а рабы? Покупают они хлеб? и вообще, где и как едят?

Для ответа есть единственное свидетельство Сенеки (ер., 80,7—8), который говорит, что раб получал на месяц или пять модиев зерна и пять денариев, или поденный рацион. Раб хозяина, живущего в инсуле, чаще всего получал свой паек деньгами и натурой: в квартире нет не то что хлебной печи, но и очага; готовят только на жаровнях; где тут найтись месту для раба? Ему выдадут зерно и деньги, а как устроиться с ними, это уже зависит от его умения и оборотливости. Часто раб, «обманывая свой желудок», откладывал часть этих денег, собирая себе пекулий. Но Тавры жили в особняке, и у них были и мельницы, и пекарня, и, конечно, кухня. Колумелла (1, 6, 21) рекомендовал владельцу имения сложить хлебную печь и устроить пекарню, сообразуясь с числом колонов, которые этой пекарней будут пользоваться (1,6, 21); горячую еду для рабов Катона готовила вилика (143,2); у Колумеллы рабы, вернувшись вечером с поля, садятся за накрытый стол (XI, 1, 19). А у Статилиев рабы носят свое зерно куда-то в чужую булочную и бегают по харчевням? В этом доме, старательно соблюдавшем, насколько возможно, уклад домовитой старины с ее хозяйственными традициями, требовавшими, чтобы хозяин обходился всем своим, рабов отпускали кормиться где-то на стороне, когда была полная возможность собрать их за домашним обедом? Такой порядок не только удерживал рабов дома, уничтожая необходимость отлучаться в поисках еды; он приучал раба к дому, располагал к хозяину — об этом расположении раба к господину, как к элементу необходимому, заговорили уже в конце Республики. Предположение, что рабам готовили горячую пищу дома, что у них была своя кухня и свои стряпухи, думается, не слишком смело и не вовсе необоснованно. Все съестные припасы хранил, выдавал их и вел отчетность по своим кладовым и амбарам «келарь» (cellarius) раб Филолог (6216), в помощники которому дан был «весовщик» (mensor) Лахес, мальчик, умерший 17 лет (6321).

Вряд ли сами Тавры носили, по примеру Августа, одежду, изготовленную дома, но рабов одевали в ткани домашней выработки. Восемь надписей упоминают прях (6339—6346); за ними надзирал, отвешивал им

[2] Может быть, к числу людей, занятых у господского стола, следует отнести и «структора Александра» (6353). В богатом доме имелся человек, обязанность которого состояла в том, чтобы красиво расположить на большом подносе блюда с различными кушаньями и умело разрезать мясо и дичь, особенно кабана — его обязательно подавали на каждом званом обеде. По словам Ювенала (11,135 сл.) и Колумеллы (I, praef., 5), в Риме существовали особые школы, где этому искусству обучались. Был Александр нашей надписи выучеником такой школы? Возможно. Возможно, однако, и другое: в надписи забыли добавить слово: parietarius.

шерсть, назначал уроки, учил их и проверял их работу lanipendus (6300). Была своя ткачиха (6362) и один или два ткача (6360[3], 6361); починкой одежды занимались штопальщицы — их трое — и штопальщик (Sarcinatrix, sarcinator—6349—6351; 6348). Они не только чинили порванное платье; из старой одежды вырезали хорошие куски и шили из них большие одеяла, centones, которыми рабы укрывались. Стирка, а может быть и изготовление сукна были тоже делом домашним. В колумбарии похоронено четверо сукновалов-фуллонов (6287—6290). О том, что представляла собой мастерская фуллонов, можно судить по остаткам этих мастерских в Помпеях. Они требовали много места. Для своей работы фуллоны нуждались не только в разных сортах глины, в обилии воды и большом количестве мочи, но и в специальном оборудовании: в особых загородках, где стояли чаны, в которых они исполняли свой «танец», в больших ваннах для прополаскивания материй; в клетках, на которые натягивали выстиранные тоги, чтобы окурить их серой, в прессах особого устройства.

Все 19 (или 20) человек, занятых изготовлением одежды, рабы и рабыни.

Обувным производством у Статилиев занят был один человек: раб Диомед (6335). Он назван sutor—слово это обозначает сапожника, латающего рваную обувь. Разница между «отделом одежды» и «обувным отделом» (19 человек — и 1) так велика, что чистой случайностью ее не объяснишь. Обувь, очевидно, покупали на стороне — и кожаную и деревянную.

При доме имелся штат мастеровых, выполнявших разные работы, в первую очередь, конечно, мелкий текущий ремонт. Надписи упоминают просто fabri (6283—6285, все рабы); слово это без всякого определения обозначает работников по металлу: кузнецов, слесарей. У Тавров были, вероятно, и те, и другие: поправить запоры, приладить дверные шипы, выковать новую ось или задвижку — в большом доме всегда найдется работа. Fabri tignarii (6363—6365a) в строгом смысле слова плотники: они ведали ремонтом деревянных частей, потолочных перекрытий, полов, поправляли старые сараи, строили новые. Может быть, был среди них и столяр, чинивший двери и делавший простую мебель для рабов. Трое из этих людей рабы, один отпущенник.

Имелись еще специалисты по каменным работам: каменщик faber structor parietarius, отпущенник Никефор (6354); может быть, штукатур (если надпись 6360 следует читать tector) и марморарий. В I в. н. э. стало очень модным облицовывать изнутри стены разноцветным мрамором. Сенека не упустил случая укорить своих современников за это пристрастие к роскоши (epist., 86, 6). Если где-нибудь плиты разошлись, если надо было одну плиту заменить другой, если хозяину захотелось пестро облицевать свою спальню (спальни в римских домах были маленькие), за дело брался марморарий Никефор (6318). Плиты следовало пригнать одну к другой так, чтобы получилась сплошная гладкая поверхность. Марморарий проверял качество своей работы, проводя по стене ногтем (отсюда выражение ad unguem factus — Schol. ad. Pers., 1, 65).

В парках работали топиарии. Их названо два: Саса (6370) распоряжался в «садах», в каком-то из дальних парков, а Феликс (6369), вероятно, в саду, разбитом при особняке, где жили Тавры. Топиарии — это не просто садовники, которые ухаживают за растениями. Это архитекторы, только строят они не из камней и бревен, а создают некий эстетический комплекс из деревьев и кустов. Они рассаживают деревья, комбинируя

[3] В этой надписи стоит tetor. Какую букву пропустил резчик? может быть, «х» — тогда textor «ткач», а может быть «с» — tector «штукатур».

разные породы; иногда вклинивают в парк, как это было в этрусском поместье Плиния Младшего (epist., V, 6, 33), «некое подобие деревни» — фруктовый сад; одевают постройки и деревья вьющимися растениями, так что получается крытая зеленая галерея; особой хитрой обрезкой придают деревьям и кустам вид разных предметов, людей, зверей. Плиний Старший писал, что они создают таким образом целые картины: охоту, флот (XVI, 140). Топиарии должны были пройти основательную школу садоводства и паркового дела; к сожалению, об их обучении ничего не известно. Оба топиария у Тавров рабы.

Топиарии вводят нас в среду образованных рабов. К ним относятся и актеры, музыканты, врачи, секретари, стенографист, переписчики.

Что обед у богатых римлян (и не только парадный) сопровождался чтением, музыкой и небольшими театральными представлениями, это общеизвестно. Музыкантов в колумбарии только один (о нем уже говорилось); актеров (comoedus) двое (6252—6253), все они рабы.

Врачей упомянуто двое; одного схоронили в колумбарии; другой похоронил здесь дочь и сына (6319—6320). Самого врача, несомненно грека, звали Люса (вероятно, Лисий «избавитель», хорошее имя для того, чье дело избавлять от болезней; Люса, может быть, происходил из врачебной семьи, и отец сознательно выбрал это имя). Имена, которые Люса дал своим детям, позволяют в какой-то степени уловить, чего он ждал в будущем и на что надеялся. Придет, конечно, время, когда он будет официально называться «Т. Статилий, отпущенник Статилия, Люса», и сына своего Люса назвал не греческим именем, а римским «Грат»: «Т. Статилий Грат» — мучительного указания на рабское происхождение уже нет. Что cognomen «Грат» в италийских, искони свободных семьях не встречается, это ему невдомек, а если и известно, то расчет у него правильный: кто, кроме заядлых антикваров, это учует? А дочь он назвал милым сердцу, родным греческим словом: «Спуде» («прилежание»)— оно же и хорошо для женщины. Судьба разбила мечты бедняги; умерла девочка, Грат не дожил и до четырех лет.

Ниже врачей, но причастны к врачебному миру: акушерка Статилия Старшей (рабыня Секунда — 6325) и массажисты (unctores — 6376—6382 и 6343) — все семь человек рабы. У Тавров была своя баня, которой ведал банщик Неон (6243); топил ее и содержал в чистоте. Баня и была главным местом, где работал массажист: натирал вымывшегося ароматным маслом, а затем «слегка проходил по телу руками» (Cels., II, 14).

Либрариев надписи называют двоих: один был секретарем Тавра (a manu — 6314), другой переписчиком (6315); оба рабы. Насколько ценился хороший переписчик (буквально «книжник», «занятый книгами») можно видеть из письма Цицерона, который просил Аттика прислать к нему для приведения в порядок его библиотеки «двух человек из твоих книжников» (Att.,IV, 4*b*, 1). Тавр нанял либрария у одного из своих отпущенников. Был при доме и стенографист, актарий Эрот, раб (6224). Что он стенографировал? Служебные отчеты и распоряжения хозяина? Книгу, читаемую нарасхват и настолько редкую, что надо было поскорее ее отстенографировать и только потом отдать в переписку? Возможно, и то и другое. Во всяком случае наличие стенографиста и переписчика свидетельствует о том, что в доме Тавров ценили книгу и мир идей не был закрыт для хозяев.

В управлении домами занято несколько человек. Самое скромное место принадлежит привратнику (ostiarius); в этой должности у Тавров мы встретим мужчину (6217) и женщину, жену или дочь раба Пансы (6326). За порядком в доме смотрел «дворецкий» (atriensis); все должно быть чисто и прибрано; рабы, состоящие под его командой, подметают пол, обметают

стены, колонны и потолки (при высоте римских комнат это не так просто), обтирают статуи, маски предков и мебель, смазывают ее деревянные части для блеска оливковым отстоем, так же как бронзовую и серебряную посуду, которую ставят для украшения, а не для пользования. Так как атрий был наиболее парадной и самой большой комнатой (он занимал обычно около половины всего дома) и работы по уборке здесь было больше всего, то дворецкого и называли atriensis («состоящий при атрии»). Источники I в. до н. э. изображают дворецкого только как лицо, надзирающее за чистотой и порядком, но раньше он ведал всем хозяйством (Plaut., Asin, 59; Pseud., 607—609). Не осталась ли у него от тех времен обязанность следить за одеждой и обувью «городской семьи» и заведовать ее гардеробом? Естественно поручить это дело тому, кто должен смотреть за порядком в доме; можно ли говорить о порядке, если у домашней челяди нет благопристойного вида?

Дворецких в колумбарии шесть (6215, 6250, 6239—6242); один из них был дворецким «в садах», т. е. в особняке, стоявшем в парке, может быть, в том, который стоил жизни консулу 44 г. Все дворецкие рабы.

В надписи 6217 упомянут силентиарий, отпущенник Сизенны. О роли этого человека хорошее представление дает письмо Сенеки: обед — хозяин наедается до пресыщения, вокруг стоят рабы, «которым не то, что заговорить, нельзя пошевелить губами. Розга останавливает всякий шепот; за кашель, чиханье, икоту — а все это не зависит от человека — все равно бьют. Целую ночь стоят немые голодные рабы» (epist., 47, 3—4). Действовать розгой и было обязанностью силентиария; он, вероятно, вообще наказывал провинившихся и был своего рода домашним палачом.

Дворецкий следил за порядком в доме; обязанности инсулария это обязанности управляющих домами и старших дворников. Упомянуто их пять человек (6296—6299; 6215); все рабы, один из них, Эрот, «инсуларий из Помпеевых садов» (6299). Чтобы римский аристократ выстроил в своем парке многоквартирный дом, заселенный жильцами, это немыслимо. Вероятно другое: у Тавров в «Помпеевых садах» была инсула — двух- или трехэтажный дом, где помещались все мастерские,— а мы видели, что у Тавров была и прядильня, и швальня, и прачечная, и пекарня. Тут же жили и работники, при них занятые, и вообще все те, кто не обязан был, по своей должности, находиться непосредственно при хозяевах. Два инсулария, этот самый Эрот и Кердон, жили одновременно. Что у Тавров имелись и дома, населенные съемщиками квартир, в этом можно не сомневаться. С этим источником дохода богатые римляне давно уже освоились. Таврам пришлось поставить особого человека для руководства всем этим домовым ведомством; должность его называлась ad aedificia; ее занимал отпущенник Эрот (6225). Он производил все юридические сделки по купле и продаже домов, оформлял договоры с отдельными квартиронанимателями или с арендатором, снимавшим всю инсулу целиком, получал деньги, принимал доклады от инсулариев. Инсуларий должен следить за состоянием здания и за жильцами, понимать толк в строительных материалах и в ремонтных работах. Он сообщал «ведающему зданиями» о всех неполадках в доме, о жалобах жильцов и состоял при нем в подручных.

В штате домоуправления находились и «амбарщики» (horrearii—6292—6295); их четверо, все рабы. «Амбары» при частных домах это—картинные галереи, склады дорогих предметов, иногда книг [4]. Horrearii исполняли при них обязанности уборщиков и сторожей.

[4] Сенека, в ответ на нетерпеливое требование друга, готов в поисках нужных книг «перетряхнуть весь свой амбар» (epist., 45,1). У Тулла, о завещании которого рассказывает Плиний Младший (epist., VIII, 18, 11), «в амбарах» хранилось множество ста-

Самое высокое место в управлении домом и домашним хозяйством занимал диспенсатор. К нему стекались все счета и отчеты, он получал и выдавал деньги, составлял ведомость расходов и доходов. Цицерон в отчаянии писал Аттику, что он не в состоянии разобраться в своих хозяйственных делах, потому что диспенсатор у него сбежал (Att., XI, 1). У одной из Статилий был свой диспенсатор (6272). В колумбарии их трое: два раба, один отпущенник (6271, 6272, 6266). Этот последний, Т. Статилий Авкт, был личностью примечательной. В колумбарии похоронена вся его семья, и в надписях неизменно упоминаются те родственные узы, которые соединяли покойного с Авктом. Эти надписи, вероятно, составлял он сам в спокойной уверенности, что близость к нему поднимали умершего над остальными. Что внушило ему это чувство? Пост, им занимаемый? Чувство собственного достоинства, выработанного всем внутренним складом этой суровой и суховатой души? Через руки этого человека проходили сотни тысяч; он приобрел себе только одного раба и того сплавил Статилиям. Он пережил всех своих; надпись ему, официальную и сухую, поставила администрация колумбария (6266) — его, видимо, не любили. Он не был даже членом погребальной коллегии, детей не имел, друзьями не обзавелся. Судьба судила ему одиночество; он приложил усилия, чтобы сделать его полным, считая этот жребий единственным, себя достойным.

О том, какие обширные связи были у семьи Тавров, можно судить по наличию должности ad hereditates. Особый человек ведал получением наследств (6291: отпущенник Юкунд). Упомянуть в завещании знакомого и отказать ему хоть малую толику из своего состояния — это в римском обществе того времени акт вежливости почти обязательный. Суммы, завещаемые Таврам, бывали, может быть, вовсе незначительными, но число наследств было так велико, что потребовался человек, который вел бы все дела и ведал всеми формальностями, связанными с их получением. Отчет он представлял диспенсатору, а может быть, сначала самому хозяину.

Видное место в хозяйстве Тавров занимала сдача в аренду и сдача с подряда. Эта форма ведения хозяйственных дел была привычной с давних пор (вспомним Катона), и Тавры шли по давно пробитой, торной дороге. Должность ad locationes занимал раб Зена (6316).

Все документы в подлинниках или копиях: завещательные распоряжения, договоры, условия, отпускные, старые хозяйственные отчеты, брачные контракты, купчие, запродажные — все это хранилось в архиве, которым ведал архивариус — табулярий (6358—6359). У Статилиев один табулярий был раб, другой отпущенник. На это место выбирали людей испытанной честности, в которых были уверены, что их не соблазнит никакая взятка, что они не выкрадут документа, нужного врагам семьи, ничего не подделают и вообще не подведут хозяина. Что они должны быть хорошо грамотными, это само собой разумеется.

В хозяйстве Тавров бросается в глаза одна особенность: у них «все свое». Рим полон булочных и пекарен; у них хлеб пекут дома; во множестве лавок, на Этрусской улице, в Субуре продаются всяческие ткани и готовая одежда,— у них прядут и ткут дома. Старая традиция, еще от тех времен, когда хозяйка сама и пряла и возилась у хлебной печи? Может быть, до некоторой степени. Но, думаю, в еще бóльшей степени желание чувствовать хозяйственную автаркию: «у меня все свое, и я ни от кого не завишу». Марциал наслаждался сознанием, что у него на очаге дрова из собственного леса, и он ест яйца от своих кур (I, 55). У Статилиев

туй. Психея увидела в «изумительно отделанных амбарах» своего неведомого мужа множество сокровищ (Apul., Met., V, 2).

размах, конечно, шире; но обзаводиться собственным персоналом по всем хозяйственным статьям — у них и пекари, и пряхи, и фуллоны, и мастеровые — их заставляло то же самое чувство.

2

Надписи ничего не говорят о быте рабов, но разглядеть некоторые черты их внутреннего облика позволяют.

В этой рабской «городской семье» существуют дружеские связи. Если человеку хочется, пусть очень скромно, почтить память умершего, пусть только выделить его имя надписью, чуть отличающейся от официальных, стандартно-серых, то уже это свидетельствует о том, что оставшемуся в живых не был безразличен покойный. Ставят ли надпись «товарищу по рабству», «сожителю» или «дорогому другу своему» — эти слова говорят о наличии теплого чувства, доброй связи между людьми. Иногда она существует только между двумя, иногда охватывает и бóльшее число людей — есть дружеские кружки. Письмоносца Диомеда «хоронят сожители» (contubernales — 6357), но придверницу Оптату «друзья» (6326); лектикарию Астрагалу поставили надпись «на свои деньги» четверо человек (6306); о памяти лектикария Агафона позаботились трое (6303). Раб, освободившись, не отворачивается от товарища, оставшегося рабом: отпущенник Модест был «дорогим другом» рабу Америмну (6487). Иногда дружба соединяет раба и его викария (6275, 6435). Рабы не только дружат; в этой среде есть идеал дружбы, выраженный совершенно шиллеровскими словами: «быть другом другу» (6548). Настоящий друг верен; дружба и верность это нечто нераздельное. «Каким другом был он другу, какой верности, это засвидетельствовала его смерть» (6275) — эту надпись поставил своему викарию Фавсту диспенсатор Эрот. Что сделал Фавст, чтобы заслужить такие слова? Не знаем, да это и неважно. Важно то, как расценивается его поступок и что в нем дорого и важно. Очень любопытна еще одна надпись (6308): «Юкунд, лектикарий Тавра. Пока жил, муж был, и себя и других защищал. Пока жил, честно жил». Эта фраза неумелая, взъерошенная, по содержанию потрясающа (Моммзен сделал к этой надписи насмешливое примечание: «Похвала, достойная носильщика» — и был неправ). Вот что уважают в рабской среде, вот что значит для этих людей «честно жить»: уметь постоять за себя (чувство собственного достоинства), вступиться за своих, не спрятаться и не дрогнуть перед сильным обидчиком. Когда Сенека писал, что высокая душа может жить и в рабе и в свободном, он не просто повторял стоические азы, а сделал вывод из случаев, которые наблюдал в жизни.

Есть связи между учениками и учителем: Антиоха хоронят ученики — массажисты (6376); дворецкого Феликса—ученик Гилар (6240); кубикулярия Алтера—учитель Астер (6254). Чему учил Антиох, это ясно, но чему учили Астер и Феликс[5]?

В надписях проходят перед нами и семьи рабов. Жены чтят память своих мужей, а мужья жен. Иногда это люди юридически равноправные — отпущенник и отпущенница, раб и рабыня, но бывает, что раб женат на отпущеннице (6250). Есть надписи, в которых родителей поминают дети: дочь (6566), сыновья (6301, 6540). Родители оплакивают детей: врач Люса с женой скорбят над дочерью и сыном (6319); Фавст и Евохия над двумя сыновьями (6441—6442). Сохраняются связи между братьями и сестрами: письмоносца Софрона схоронила сестра (вместе с женой — (6358), отпущенника Гермерота—сестра Евтихида (6541). Евтих

[5] Рабы Тавров (не все) составили и погребальную коллегию. О ней следует сказать в другой связи, и поэтому я здесь на ней не останавливаюсь.

кубикулярий закрыл нишу с пеплом брата, велария, табличкой с изображениями инструментов его ремесла (6258); старика Евтиха похоронили его братья и друг Зена (6371); Никерота брат Гермерот (6468). Иногда помнят о родстве и более дальнем: Ганимед, отпущенник Тавра, ставит надпись фуллону Фавсту «своему родственнику» (cognato suo — 6288), а Гермиона своему дяде, отпущеннику Филадельфу «за родственное его к ней отношение» (6469).

Только в четырех семьях детей похоронили оба родителя — и отец, и мать. Чаще ребенку ставит надпись только мать, иногда даже не упоминая своего имени. Отец умер? был совершенно равнодушен к своему ребенку? а может быть, мать и сама не знает, кто отец?

Бывают случаи, что отец один хоронит ребенка. Остался вдовцом? не был «официально» женат? И тут мы сталкиваемся с рядом надписей-загадок. Это надгробия, которые пишет женщине мужчина или мужчине женщина без всякого указания на то, что их связывало. Это не родные: родственные отношения всегда бывают указаны; скорее всего тут брачная связь. По какой причине о ней не объявляют? Урбана, викария Сосикрата, имела какие-то основания скрывать от хозяина свой союз с Эротом, а Климент, хоронивший Гилару, викарию Ясона, не желал доводить до общего сведения, что связывало его с Гиларой (6224, 6377). Но почему Антерот, написавший на табличке «своей Миленсии» (6404), не назвал ее просто женой? Почему Доната поставила надпись кубикулярию Гликону (6260)? Пряху Мессию хоронил ее земляк Иакинф: связывала их, уроженцев глухой Дардании (6343), только память о далекой родине? Естественно возникает вопрос, почему брачную связь скрывают при жизни и молчат о ней после смерти близкого человека. Посмотрим, кто в открытую говорит о своем браке.

Тут будет и «аристократия»: инсулярий, дворецкий, диспенсатор, личный секретарь хозяина, врач, табулярий, массажист; тут будут и рабы низшего ранга: письмоносец и пряха, засольщик, штопальщица, три пары «без специальности», конечно, не занимавшие высокого места в рабской иерархии. Дело, по-видимому, не в положении раба. В чем же? Хозяин не позволял жениться? но если раб презрел этот запрет, то утаить запрещенный брак было невозможно: так или иначе, но до хозяйских ушей обязательно дошло бы, что этот приказ нарушен, и тут рабу, конечно, не поздоровилось бы. Раб, видимо, просто предпочитал свободную связь, которую захотел — порвал, захотел — сохранил. Брак, заключенный гласно, объявленный, юридически рассматривался как незаконное, ни к чему не обязывающее сожительство, но фактически признавался настоящим браком и разорвать его по собственному произволу было нельзя: существовали тут какие-то неписаные, но строго соблюдаемые правила.

Надписи, особенно надписи, заказанные рабами, скупы на изъявления чувств: не всегда есть деньги заплатить за большую надпись, нет места разлиться в словах и чувствах, нет и слов эти чувства выразить. Имя, должность, иногда возраст умершего, стандартный эпитет — вот и все. Но иногда душа требовала чего-то бóльшего, более яркого, более индивидуального. Заказывают стихи, диктуют резчику свою надпись. Врач Люса написал своему сыну Грату эпитафию в стихах (6319). В неуклюжей, спутанной, не совсем грамотной надписи рабыня, потерявшая мужа и пятилетнего сына, пытается выразить одолевающую ее скорбь: «любовь моя, сладчайший сын мой» обращается она к мальчику; называет мужа «другом ближайшим», себя «несчастной женой». Все это сбивчиво, взлохмачено, но в путанице своей красноречиво передает смятение женской души, не помнящей себя от горя. А вот две совсем других надписи: одна поставлена дворецким Филологом жене (совместно с красильщиком —

colorator — Амарантом, конечно, близким к семье человеком): «Хорошо отдыхай, Гилара. Если умершие что-либо чувствуют, вспоминай о нас. Мы тебя никогда не забудем» (6250); другая Дафнисом (впоследствии отпущенником): «Здесь лежит Фаустиллик, семи лет от рождения. Поставил его тата» (6443), только уменьшительное «Фаустиллик» и не официальное «pater», а так, как звал его мальчик,— «тата» — какая благородная сдержанность строгой скорби!

3

В колумбарии Тавров хоронили и рабов, и отпущенников. Имена последних писали обычно целиком — сразу видно, что их патронами были Статилии; что касается рабов, то имя хозяина (в род. пад.) прибавлялось обычно только в том случае, если умершего хотели как-то выделить: «носильщик Тавра»; «массажист Тавра-сына». Имеется, однако, еще категория рабов, занятых в хозяйстве Тавров, к имени которых присоединено прозвище с окончанием на -anus: Auctianus, Philerotianus и т. д. Уже Моммзен заметил, что это рабы Статилиевых отпущенников и прозвище дано им по имени их владельцев. Почему эти люди работают у Статилиев? может быть, отпущенник послал их, как выполнителей operae, обязательных работ на патрона? но Авкт диспенсатор работал у патрона сам. Приоткрывается другая возможность: отпущенник отдавал в наем своего раба патрону. Зачем эти рабы понадобились Таврам? Специальность некоторых помечена в надписях: повар, фуллон, ткач, ведающий подрядами, переписчик, лектикарий, «сопровождающий». На обе последние должности можно было взять за силу, ловкость, представительность — это дары природные, но ни переписчиками, ни знатоками законов люди не рождаются. Каким образом у «вчерашних рабов» оказались такие мастера, что их услугами захотели воспользоваться в одном из первых домов Рима?

Пересмотрим состав рабов и отпущенников. У Статилия Басса из пяти рабов двое мальчиков: Евфим «раб Басса» (6439) и Константа (6427) — оба умерли маленькими. Среди 19 рабов Посидиппа четверо детей: Кондицион (умер 5 лет), Онисим (умер 7 лет), Январий (умер 14 лет) и Феба (умерла 12 лет). Это не дети Посидиппа (это было бы отмечено); Онисим прямо назван рабом; Феба отпущенницей. Само собой напрашивается предположение, что отпущенник покупает ребенка. Он стóит, конечно, гораздо дешевле взрослого, а умрет, тоже убыток невелик — и обучает его сам хозяин или отдает в учение, которое обходится, надо думать, недорого: эти люди превосходно высчитывали, что выгодно и что убыточно. Обученный раб, «раб-специалист» становился длительно не иссякавшим источником дохода: он работал на хозяина в рабском состоянии и выкупался на свободу кругленькой суммой. Глаголой врач из Ассизи заплатил хозяину 50 тыс. выкупа. Отпущенник шел тут дорогой, проложенной расчетливыми рабовладельцами в стиле Катона или Аттика.

Из отпущенников Таврова дома чаще всего упоминается Посидипп. Сам он у Статилиев уже не работал, но рабов его упомянуто 19 человек; троих он отпустил на волю. Один из них, умерший 21 года, назван verna, т. е. рабом, родившимся в доме своего господина; Посидипп, следовательно, уже больше 20 лет вел свое хозяйство. За это время он составил себе такое состояние, что ему понадобился диспенсатор, и он стал перекраивать свою жизнь по мерке патрона; завел себе повара и кубикулярия. Если у Т. Статилия Тавра есть лакей, почему не иметь лакея Посидиппу? Перед нами из повседневной жизни, не с книжных страниц появляется человек из числа тех, которые доводили до бешенства Ювенала и Марциала, и не их одних.

Другие отпущенники гораздо скромнее: они или еще не успели обзавестись большим штатом, или в нем не нуждаются: два-три раба и все.

В колумбарии Статилиев почти $^1/_3$ надписей (110) поставлена отпущенникам: 99 надписей отпущенникам Статилиев; 11 — чьим-то отпущенникам, работавшим в хозяйстве Статилиев, 22 — отпущенникам статилиевых отпущенников. Почти $^1/_3$ погребенных в колумбарии принадлежит к отпущенникам. Кроме того, в колумбарии имеется 28 надписей викариев, которые принадлежали 25 рабам Статилиев. Думаю, что этих викариев было гораздо больше; осторожности ради беру только тех, при имени которых стоит «викарий». Из 28 викариев 12 женщин — почти половина. Вряд ли случайность. Примечательно и то, что раб не входит в связь с хозяйской рабыней; ему нужен человек, который бы от него целиком зависел и только его бы обслуживал; его «наместница» или «служанка» (vicaria, ancilla) будет вести его нехитрое хозяйство и станет его наложницей. У него есть средства, чтобы приобрести эту служанку и содержать ее и детей, от нее прижитых. И что еще важнее: у него есть уверенность, что викарию от него не отберут, и жизнь, которую он налаживал, не рухнет, взорванная хозяйским капризом. Но как рабу удалось скопить денег на покупку раба или рабыни, откуда он возьмет средства их кормить и одевать? Не являются ли эти своеобразные рабовладельцы рабами, которые, говоря нашим языком, «отпущены на оброк»: получив от хозяина некоторую сумму, они открывают мастерскую-лавку и начинают самостоятельную жизнь. Свой долг, проценты и «оброк» они постепенно выплачивали хозяину, а если доля им улыбалась, то и прикапливали денег на выкуп. Жизнь этих людей подернута таким туманом, что разглядеть можно только общие очертания, какую-то расплывчатую, едва уловимую схему. И так дорог бывает случай, когда этот туман чуть поредел, и перед нами живой человек и живая жизнь, хоть в кусках, хоть в обрывках, но реальная, конкретная — жизнь Хреста, раба Авкта, уже знакомого нам диспенсатора, которого он за ненадобностью пристроил Таврам к их амфитеатру сторожем или придверником (6228). Место было спокойное и нехлопотливое, но в будущем ничего не сулило, и молодой раб, предприимчивый и смелый, решил устроить свою судьбу по-иному. Привалило ли ему какое-то сказочное счастье, и он сразу разбогател, попросил ли он денег у Авкта или через Авкта у самого хозяина, но только он приобрел раба, поставил его на свое место, а сам взялся за какое-то дело на стороне. Оно пошло; он приобрел еще викария (6385); была у него и «служанка», от которой имел он дочь. Женщине этой он внушил глубокое почтение к себе; умершую малютку (девочка умерла 3 лет) она величает «викарией Хреста Авктианова», считая, видимо, это великой честью (6398). Отцом этот удачливый и ловкий человек был прескверным: смерть девочки его нисколько не тронула—не до этой мелюзги! Покорил он не одну свою наместницу: он сумел настолько понравиться Тавру, что тот пожелал иметь его собственным рабом и купил его у Авкта. «Хрест, раб Тавра» приобрел третьего раба (6390), и в конце концов мы застаем «Т. Статилия Хреста» (6406) уже отпущенником.

Наличие рабов-рабовладельцев естественно ставит вопрос, почему хозяин вместо того, чтобы приобретать рабов самому, разрешил обзавестись ими рабу? почему он устраняется от непосредственного распоряжения ими, почему уступает свои права собственному рабу? Он явно слагает на него какие-то свои заботы, какую-то свою тяготу. В чем дело?

Появление рабов, которые являются в то же время и рабовладельцами, растущее число отпущенников, законодательство, заботливое к ним и охраняющее их права,— все это по существу своему настолько противоречит самой сущности рабовладельческого строя, что вызвать эти явления могли

только причины первостепенной важности. Хозяйственная обстановка сложилась так, что раб стал невыгоден, и в самом положении его заметили причины, по каким работа его не могла удовлетворить требованиям современного ему дня.

Уже Катон пришел к мысли, что раба надо как-то заинтересовать в работе и расположить к хозяину. Первый урок «угождения рабу» был дан им; он сам пробил брешь в системе обхождения с рабом, им же предписанной: сытно его кормить, тепло одевать и следить, чтобы все его время было заполнено работой и сном (Plut., Cato mai., 21). Оказалось, что этого мало: рабам, которые смотрят за волами, надо делать какие-то поблажки, «до некоторой степени угождать им» (Cat., 5, 6), чтобы они лучше ухаживали за скотиной. Жена Катона кормит грудью крохотных vernae, надеясь этим создать добрые отношения между своим сыном и его рабами (Plut., Cato mai., 20). Интересно проследить, как рост хозяйственных запросов и некоторое улучшение быта рабов идут рука об руку. Это можно хорошо наблюдать в сельском хозяйстве. В I в. до н. э., когда стране потребовались бóльшие урожаи, а хозяину бóльшие доходы, начинают пересматривать дедовскую агротехнику и впервые отчетливо осознают, какое значение она имеет, как важно, чтобы каждая работа в поле, в саду, в винограднике была выполнена хорошо и старательно. Главный работник в сельском хозяйстве — раб, и чтобы он хорошо работал, надо внушить ему «благожелательность к хозяину». Рабу разрешено завести семью, иметь кое-какую собственность; хозяин вводит награды и поощрения; бичом разрешается действовать только, если слова бессильны (Varr., r. r., I, 17, 5—7). Колумелла, хозяин-рационализатор, создает целую систему обращения с рабом; хозяину вменено в обязанность заботиться не только о пище, одежде и жилье раба: в рабе надо пробудить чувство собственного достоинства, интерес к работе, преданность хозяину (I, 8, 15—19). Без хорошего работника никакие улучшения в хозяйстве невозможны— Колумелла это хорошо понимал, но понимал он также, что превратить раба в такого работника можно только, если хозяин энергично возьмется за улучшение его жизни и будет сам неусыпно следить за тем, что творится в хозяйстве. Ставка в основном была на хозяина (I, 1, 18). Недаром он рекомендовал отдавать имения, куда хозяин заглядывал редко, в аренду колонам (I, 7, 6); недаром так внимательно и подробно остановился на характеристике условий, при которых у хозяина будут сидеть на земле постоянные работящие колоны. Колумелла настаивал на том, что хозяйство может хорошо идти только при непрестанном подъеме агротехники; его современники сознательно отказывались от всяких улучшений в хозяйстве (II, 1, 7; 2, 24; 11, 6—7; III, 3, 4—6). Колумелла метал громы против этих «невежд», но «невежды» гораздо лучше, чем он, фантазер и мечтатель, учитывали реальную обстановку и понимали, что кое-как удержаться со своим хозяйством они смогут лишь, не вводя никаких усовершенствований, потому что усовершенствования эти потребуют только лишних расходов и пойдут прахом при отсутствии неуклонного хозяйского надзора, при пассивном сопротивлении рабов, которых вовсе не так легко воспламенить энтузиазмом к работе, которая потребует от них бóльших усилий, но не принесет им никакой реальной выгоды (Plin., h. n., XVIII, 36—39). Хозяйственная жизнь прорывает себе новое русло — она отвергает раба; ей нужен человек, кровно заинтересованный в хорошей работе. То, что происходило в сельском хозяйстве, происходило, конечно, и в любой мастерской. Что хозяин ее задумывался над тем, как повысить продуктивность работы своих мастеров и ее доходность, это несомненно; что мысль о необходимости заинтересовать раба в его работе материально приходила ему в голову, это доказывает институт пекулия. В этом направлении хо-

зяин и решает действовать: пусть раб заведет собственное дело и приобретет себе рабов — это избавит хозяина от нудной необходимости постоянного и мало достигающего цели надзора за ним — пусть действует на свой страх и риск. Так появляется раб «на оброке». Этот человек держит в руках свою судьбу: от его энергии, работоспособности и разворотливости зависит вся дальнейшая жизнь и его, и его семьи. Хозяин, отпуская, дал ему денег взаймы: он распоряжается ими и с бережностью скупца, и с разумной смелостью делового человека. Он наймет скромную таберну, приобретет одного-двух рабов; будет работать с ними сам до упаду, им не даст спуска — у него не вырвешься из мастерской, не побегаешь зря по городу, но все же человек он свой: сам работает, не разгибаясь, ест ту же еду, за стол посадит рядом с собой. При умении и удаче раб-рабовладелец скоро возвратит хозяину свой долг и начнет набирать денег себе на выкуп. В качестве отпущенника он сохранит ряд обязательств по отношению к своему бывшему хозяину, отныне своему патрону; хозяин избавился от раба, с которым ему стало неуютно. Тут мы подходим к идеологическим причинам, по которым хозяину хотелось отделаться от раба.

У Катона был образованный раб Хилон, которого он отдавал в наймы в качестве учителя. Хилон умер рабом; Катону и в голову не приходило его освободить. А рабовладельцы последнего века Республики неоднократно освобождают рабов «за их образованность», как замечает Светоний (De clar gram. et. rhet., passim). «Славные грамматики и риторы», о которых он повествует, почти все отпущенники. Стало неудобно, чтобы человек, объяснивший «Тимея» и знавший наизусть чуть не всего Гомера, завязывал тебе башмаки. Предки подобной неловкости не чувствовали. Не все рабы, правда, читали Платона и декламировали Илиаду; в большинстве это были люди полуграмотные, но и с ними хозяин как-то утратил прежнюю «простоту» в обращении. Он не может обойтись без раба, он приучен смотреть на него, как на существо низшее, но вокруг него в воздухе носятся какие-то идеи, которые не дают ему прочно держаться на этой позиции. Какой-то чудак садится за стол вместе со своими рабами; это богатый и видный человек, и его громко одобряют (Sen., epist., 47, 1—2). Разгневанная хозяйка ударила изо всех сил зеркалом неловкую рабыню, так что та упала без сознания; этот язва Марциал ославил ее по всему городу (II, 66). Куда ни пойдешь, всюду наткнешься на стоика, и это не только голодные греки в изорванных плащах, всклокоченные и грязные; почтенные отцы семейств, знатные сенаторы говорят о равенстве всех людей; оказывается, что рабы это «младшие братья». Что тут делать? как себя вести? Это душевное настроение подготовлялось давно и постепенно; семена стоического учения, принятого и глубоко усвоенного значительной частью римского образованного общества, упали на почву хорошо обработанную. Над душами своих хозяев старательно потрудились рабы — и рабские восстания, и эпоха гражданских войн, и домашние неурядицы, и беды — все втолковывало господину, что его раб нечто большее, чем простая вещь или рабочая скотина. От этой мысли до признания раба «младшим братом» путь был уже не таким далеким.

Уже в I в. н. э. видим мы первые признаки начинающихся социальных сдвигов в рабовладельческом строе; до смерти ему еще далеко, но могилу ему уже начали рыть, и в работе этой объединились рабовладельцы, сдающие свою землю колонам, отпускающие рабов на оброк и освобождающие их, и государственная власть, осторожно и сознательно покровительствующая отпущенникам *.

* При обсуждении этой статьи ценные замечания были мне сделаны сотрудниками ЛГУ доц. В. В. Штокмар, зав. кафедрой классической филологии А. И. Доватуром и аспирантом Я. Ю. Заборовским.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

НАДПИСИ МЕЧЕНА

Надписи Мечена, высеченные на стенах его гробницы недалеко от пирамиды фараона III династии Джосера, были открыты немецким ученым Р. Лепсиусом во время экспедиции 1845—1847 гг., впервые опубликованы им [1] и хранятся в Берлинском музее. Несмотря на то, что они использовались неоднократно в работах советских ученых (В. В. Струве, В. И. Авдиева, Т. Н. Савельевой и др.), на русском языке полного перевода их нет. В хрестоматии под ред. акад. В. В. Струве [2] дан перевод лишь небольшого отрывка этих надписей. Перевод надписей Мечена, предлагаемый в настоящей статье, выполнен по двум изданиям — Г. Шефера [3] и К. Зете [4].

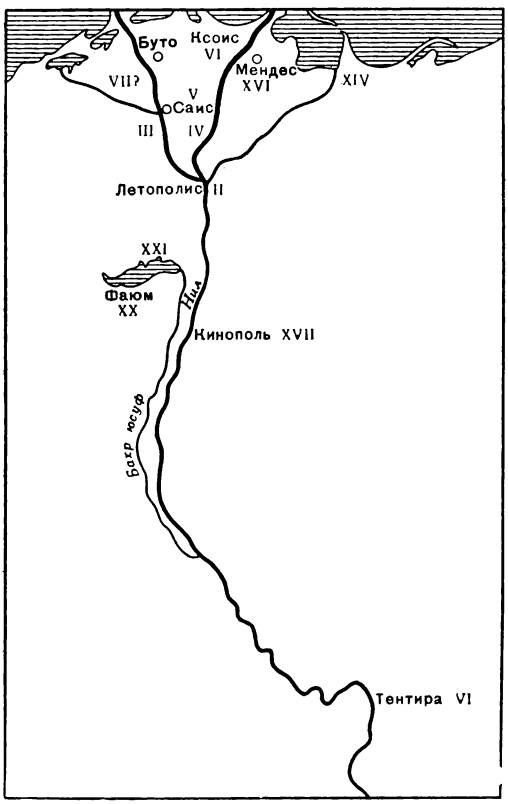


Схема расположения номов, упоминаемых в надписях Мечена

Надписи, высеченные на каменных стенах гробницы отдельными большими кусками, хорошо сохранились. Первая из них (А) находилась на внутренней стене гробницы; здесь перечисляются главным образом титулы должностей, которые исполнял Мечена. В надписи на правой стороне входа (В) изложены основные данные о жизни Мечена. Надпись на левой стороне входа (С) частично повторяет предыдущие надписи, но в ней имеется ряд дополнительных биографических подробностей. Надписи в нише, содержащие перечисление титулов должностей, являются повторением предыдущих надписей с некоторыми вариантами в деталях.

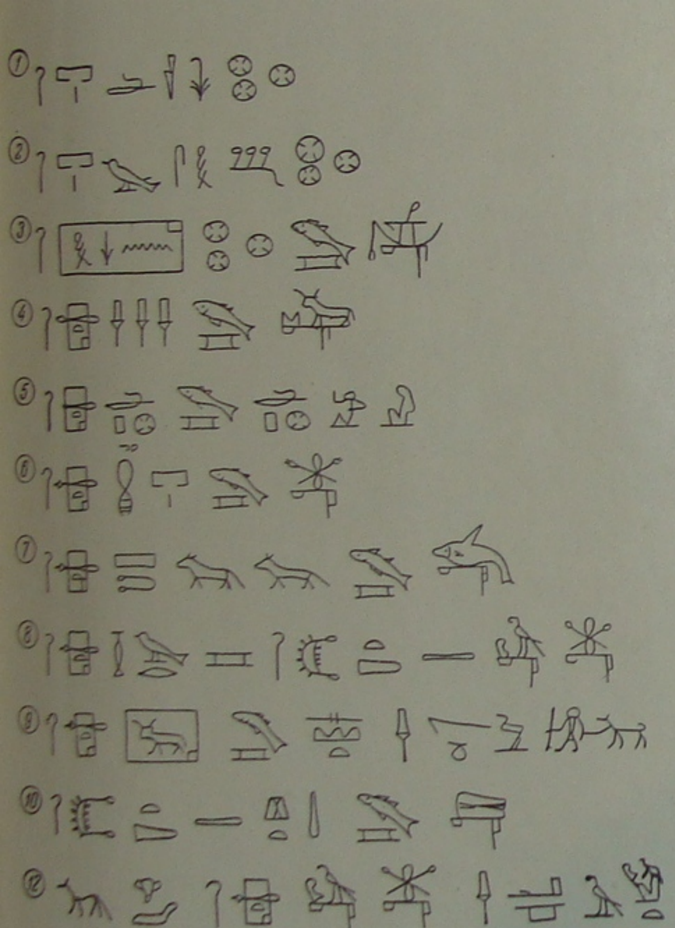
Такое расположение создает известную трудность для перевода и понимания. Трудно установить последовательность отдельных частей

[1] R. Lepsius, Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien, II, B., 1849, 3—7.

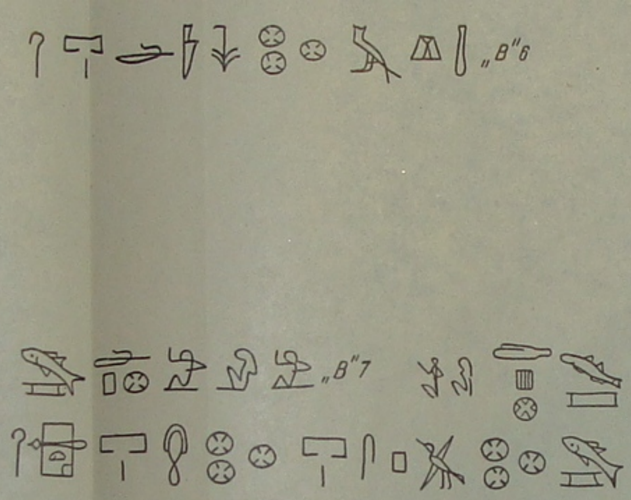
[2] «Хрестоматия по истории древнего мира», т. I «Древний Восток», сост. И. С. Кацнельсон и Д. Г. Редер, под ред. В. В. Струве, М., 1950, стр. 32 слл.

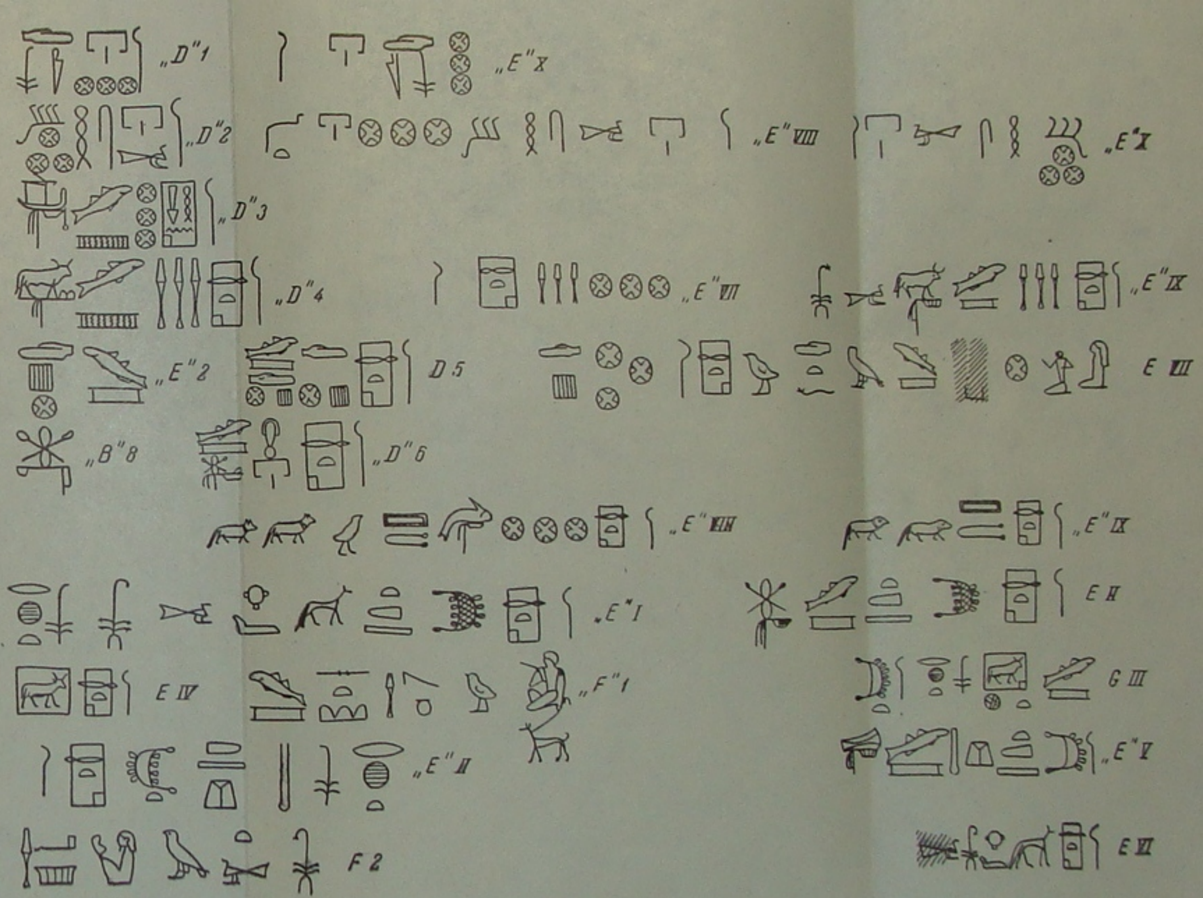
[3] H. Schäfer, Aegyptische Inschriften aus den Kgl. Museen zu Berlin, I, Lpz, 903, стр. 73—87.

[4] K. Sethe, Urkunden des Alten Reiches, Lpz, 1932, стр. 1—6.



Надпись „А"





Варианты из других надписей

Язык надписей отличается архаичностью, краткостью и темнотой. Некоторые строки совершенно непонятны.

Толкование отдельных титулов Мечена вызвало много споров и породило обширную литературу [5].

Титулы Мечена в разных надписях повторяются, но детерминатив «селения» в одних случаях выписан, в других его нет; чтобы убедиться в этом, следует сравнить строки A_4 и E_{VII}; A_6 и B_8; A_7 и E_{VIII} (см. табл.). В ломаных скобках даны восстановления, опирающиеся на другие надписи, в круглых пояснения, требуемые для ясности перевода.

Автор настоящей статьи приносит глубокую благодарность Ю. Я. Перепелкину, взявшему на себя труд ознакомиться с рукописью этой статьи и сделавшему ряд важных замечаний.

Поскольку надписи Мечена являются одним из древнейших текстов такого рода и содержат важные сведения по географии, экономике и государственному строю периода Древнего царства, они представляют собой ценный источник.

А. НАДПИСЬ НА ВНУТРЕННЕЙ СТЕНЕ ГРОБНИЦЫ

Правитель селений «Дом ножевой» (pr dśw) [6],
правитель селений «Дом Сах-ур» (wr śꜣḥ) ⟨личного дома (pr ḏt)⟩,
правитель селений «Усадьба Хесен» (ḫwt ḥśn) [7] (и) номарх Метелитского нома [8],
правитель ⟨селений⟩ большой усадьбы Сехему (śḫmw) [9] (и) номарх Ксоитского нома [10],
правитель большой усадьбы Буто [11], номарх людей Буто,
правитель ⟨селений⟩ большой усадьбы Пер... [12], номарх Саитского нома [13],
правитель ⟨селений⟩ большой усадьбы «Два пса» [14], номарх Мендесийского нома [15],
правитель большой усадьбы Хесур (ḥs wr) (и) правитель полей Ливийского [16] и Саитского нома,
правитель ⟨селения⟩ большой усадьбы «Усадьба коровы» [17], номарх пустыни, руководитель (ḫrp) охотников [18],

[5] Т. Н. Савельева, К вопросу о значении терминов pr, ḫwt и ḫwtᶜꜣt в надписи Мечена, сб. «Древний Египет», М., 1960, стр. 181 слл.; она же, Данные надписи Мечена о характере частного землевладения в древнем Египте в конце III и начале IV династии, сб. «Древний мир», М., 1962, стр. 180 слл. Всю предыдущую литературу вопросов, связанных с пониманием надписей Мечена, см. в этих работах Т. Н. Савельевой.

[6] Название местности — см. Wb, стр. 486.

[7] ḫwt ḥśn — название местности на территории VII — VIII номов Нижнего Египта — H. Gauthier, Dictionnaire des nomes géographiques (далее — DG), IV, стр. 110.

[8] VII ном Нижнего Египта. Позднее он разделился на два нома — «Острога Запада» и «Острога Востока», см. W. Helck, E. Otto, Kleines Wörterbuch der Ägyptologie, Wiesbaden, 1956 (далее — KWÄ), стр. 111.

[9] Название местности — см. Wb, IV, стр. 245.

[10] VI ном Нижнего Египта с главным городом Ксоисом (KWÄ, стр. 111)

[11] Один из важнейших городов; позднее входил в состав VI нома Нижнего Египта (KWÄ, стр. 111).

[12] Pr... — название местности, локализуемой на территории V нижнеегипетского нома (Gauthier, DG, II, стр. 82).

[13] На рубеже III и IV династий этот ном объединил IV и V номы Нижнего Египта (KWÄ, стр. 111).

[14] Название местности (Wb, IV, стр. 559) в Мендесийском номе.

[15] XVI ном Нижнего Египта (KWÄ, стр. 112).

[16] Ливийский или Западный — III ном Нижнего Египта.

[17] Селение «Усадьба коровы» было расположено в Нижнем Египте на границе Ливийской пустыни (см. Gauthier, DG, IV, стр. 51).

[18] Об этом титуле см. H. Junker, Gîza, IV, Wien, 1940, стр. 37.

10правитель полей, которые под жезлом, номарх Летополитского нома [19],
11правитель нома, руководитель земли, начальник поручений Тентиритского (?) Восточного нома [20],
12судья ....., правитель большой усадьбы Ливийского (Западного) и Саитского номов, руководитель «двери Западных» [21].
13Он достал (за) вознаграждение 200 *сечат* [22] пашни у *нисутиу* (njśwtjw) [23] многочисленных.
14Было дано ему пахотной земли 50 *сечат*, (принадлежащих) матери Небсенет.
15 (когда) она делала завещание о том в пользу детей;
16они были введены во владение (букв. было поставлено под них) по грамоте царской (и) всякого (надлежащего) места (т. е. учреждения).
17Правитель усадьбы Хе-Нисут (?) [24] Летополитского нома. Было дано ему пахотной земли 12 *сечат* вместе с его детьми [25]
18 и люди (и) скот.

В. НАДПИСЬ НА ПРАВОЙ СТОРОНЕ ОТ ВХОДА

1Были даны ему вещи (его) отца судьи (и) писца Инпу-эм-анеха, (в числе которых) не было ячменя, полбы, каких-либо домашних (хозяйственных) вещей, (а) люди (и) скот.
2Назначили его во главе писцов места пищи, начальником вещей места пищи (?).
3 Он был назначен счетчиком (nḫt ḫrw), врачом людей нома [26] (?).
4 (Он) был номархом Ксоитского нома, после (того как был) судьей ... Ксоитского нома.
5 Взяли его, судью и счетчика, назначили его начальник(ом) всего царского льна.
6Он был назначен правителем селений «Дом ножевой», носителем жезла [27].
7он был назначен номархом людей Буто.
8Правитель селений большая Усадьба Пер... (и) селений Персепа [28], номарх Саитского нома,
9правитель селений «Усадьба Сенет» (и) полей, что под жезлом,
10правитель селений Пер-шесчет (pr šś<u>t</u>t), правитель селений большой усадьбы Южного озера [29].
11Было создано (поселение) «Поселение Мечена» (Grgt M<u>t</u>n) [30] из (?) данного (?) ему отцом Инпу-эм-анехом.

---

[19] II ном Нижнего Египта с главным городом Летополисом.

[20] VI ном Верхнего Египта с главным городом Тентирой. Брэстед переводил это название как «Восточный Фаюм» (AR, стр. 78).

[21] Возможно, в данном случае имеется в виду название крепости (Wb, I, стр. 164).

[22] Мера площади в 2735 кв. м.

[23] Wb, II, стр. 334. Словарь, однако, не дает значения этого термина. Данное выражение повторяется ниже (стк. 5).

[24] ḥtn nśwt; наименование местности (G o u t h i e r, DG, IV, стр. 54).

[25] По-видимому, земля была дана также и его детям.

[26] Перевод «люди нома» в смысле жители нома (см. Wb, IV, стр. 97).

[27] — «носитель жезла» — титул (Wb, III, стр. 394).

[28] pr śpȝ — название местности. Предполагается, что это селение находилось в XVIII номе Верхнего Египта (G o u t h i e r, DG, II, стр. 126).

[29] Усадьба, расположенная, возможно, у озера, находившегося в пределах XX и XXI номов Верхнего Египта в Фаюмском оазисе (Wb, IV, стр. 397).

[30] Название поселения, основанного Меченом, повторяется в стк. С 4.

C. НАДПИСЬ НА ЛЕВОЙ СТОРОНЕ ОТ ВХОДА

1Руководитель земли (śšm(w) tȝ) [31], правитель нома, начальник поручений в Кинополитском номе [32], начальник гонцов Мендесийского нома.

2Поселение Ба-Сах (bȝ Sȝḥ) — пашни 4 *сечат*, люди, всякие вещи .....

3..... [33] (в) ном(е) Саитском (и в) Ливийском, начальник поручений.

4Он создал 12 (поселений) «Поселение Мечена» (Grgt Mṯn) (в) Саитском ном(е), Ксоитском и Летополитском .....

5Он достал за вознаграждение 200 *сечат* пашни у *нисутиу* (njśwtjw) многочисленных,

6поступали 100 жертвенных порций [34] ежедневно из дома двойника матери царских детей Ни-маат-хеп,

7дом длиною (в) 200 локтей [35], шириною в 200 локтей, построен, (и) оборудован; насажено дерево доброе, выкопан пруд в нем большой весьма, насажены смоковницы (и) виноград, (и)

8было записано об этом в документе царском: име(на) их [36] к тому в документе царском [37];

9посажены деревья (и) виноград (в) очень большом (количестве), вино (в) очень большом (количестве) производилось там.

10 Устроен сад для него размером земли в 12 (?) *сечат* [38] внутри стены, насажены деревья.

11(Деревни): «Приходит возлюбленный ею» (ỉj mr.ś), «Основывает Мечен» (Grg Mṯn), «Место самки крокодила» [39] (ỉȝt msḥt) (?), «Поселение Мечена» (Grgt Mṯn).

НАДПИСИ В НИШЕ [40]

D.

1Правитель селений «Дом ножевой», правитель селений «Дом Сах-ур», правитель селений «Усадьба Хесен» (?) (ḫwt ḫśn) (?), номарх Метелитского нома, правитель ‹селений› большой усадьбы Сехему (śḫmw), номарх Ксоитского нома,

2правитель большой усадьбы Буто, номарх ‹людей› Буто, правитель ‹селений› большой усадьбы Пер..., номарх Саитского нома Мечен.

---

[31] Об этом титуле см. H. J u n k e r, Gîza, Wien, III, 1938, стр. 172; о н ж е, Gîza, V, 1941, стр. 48.

[32] — 17 ном Верхнего Египта (KWÄ, стр. 107).

[33] Трудное для понимания место.

[34] Судя по знакам, возможно, хлеб и пиво.

[35] Египетская мера длины 0,52 м.

[36] Очевидно, деревьев, посаженных Меченом.

[37] Возможно, в виде приложения к записи в «царский документ».

[38] Брэстед перевел обозначение размера площади сада Мечена как 2000 *сечат* B r e a s t e d, AR, I, стр. 78). Такой же перевод данного места дает И. Лурье («Хрестоматия», 1950, стр. 33). Однако переводить так сомнительно, поскольку остальной земли у Мечена было только около 262 *сечат*. Я перевожу «12 *сечат*», принимая во внимание, что в данном случае речь идет об обозначении размера площади, а в таком случае знак, обычно применяемый для обозначения цифры числа 1000, означает «10 *сечат*» (см. A. G a r d i n e r, Egyptian Grammar², стр. 200). В 1956 г. американский египтолог К. Баер высказал мнение, что меры площади в Древнем царстве были не такими, как в Среднем и Новом царстве Египта. Согласно расчетам Баера, сад Мечена занимал площадь $^2/_5$ *сечат* (см. K. B a e r, A Note on Egyptian Units of Area in the Old Kingdom, JNES, 1956, № 2, стр. 115).

[39] Х. Юнкер переводил название этой деревни «Холм Sbk» (J u n k e r, Gîza, III, стр. 79).

[40] К. Зете дает только краткую выборку вариантов этих надписей, поэтому дальнейший перевод мною произведен по изданию Г. Шефера (стр. 80—83).

E.

I. ₁Правитель полей большой усадьбы, судья ..., великий десяти Верхнего Египта, ₂правитель полей большой усадьбы, номарх Саитского нома Мечен.

II. ₁Правитель полей большой усадьбы, носитель жезла, знакомый (?) царя [41], ₂номарх Буто, номарх ‹людей› Буто Мечен.

III. Великий десяти Верхнего Египта Мечен.

IV. Правитель ‹селения› большой усадьбы «Усадьба Коровы» Мечен.

V. Правитель полей, которые под жезлом, номарх Летополитского нома, знакомый (?) царя Мечен.

VI. Правитель большой усадьбы, судья ....., великий десяти Верхнего Египта. (Жрец) *унер* (wnr), жрец Хенти-хема [42] (ḫntj ḫm) Мечен.

VII. ₁Правитель селений Пер... ... селений Персепа,
₂правитель селений большой усадьбы Сехему, правитель селений большой усадьбы Буто,
₃он был назначен номархом людей [Бут]о, Мечен.

VIII. ₁Правитель селений большой усадьбы Месджут, номарх Саитского нома,
₂правитель селений большой усадьбы Сехему, правитель селений «Дом Сах-ур» личного дома [43], великий десяти Верхнего Египта, знакомый (?) царя.
₃Правитель селений большой усадьбы Мендесийского нома «Два пса» (?) Мечен.

IX. ₁Правитель ‹селений› большой усадьбы «Два пса» (?), правитель ‹селений› большой усадьбы «Сехму», номарх Ксоитского нома, великий десяти Верхнего Египта Мечен.

X. ₁Правитель селений «Дом Ножевой»,
₂правитель селений «Дом Сах-ур» (wr Sꜣḫ), знакомый (?) царя Мечен.

F.

₁Номарх пустыни, руководитель охотников,
₂руководитель «Двери западных», великий десяти Верхнего Египта.
₃правитель большой усадьбы, надзиратель дома, заведующий выдачей Мечен.

G.

₁Правитель усадьбы, судья ...., номарх людей Буто, жрец Хенти-хема (ḫntj ḫm),
₂(жрец) *унер* (wnr), великий десяти Верхнего Египта,
₃номарх, (правитель) селения «Усадьба Коровы», знакомый (?) царя, правитель полей Мечен.

НАДПИСЬ ПОД РИСУНКАМИ [44]

Правитель храма Снофру Летополитского нома, руководитель жрецов (ḫrp wʿb.w) [45], знакомый (?) царя Мечен.

НАДПИСИ НА СТАТУЕ [46]

(Жрец) *унер* (wnr), жрец Хенти-хема (ḫntj ḫm) Мечен, жрец заупокойного культа (ḫm kꜣ) царской матери Мечен, великий десяти Верхнего Египта, знакомый (?) царя Мечен.

КОММЕНТАРИЙ

Расположение отдельных надписей принято нами соответственно изданию К. Зете (K. Sethe, Urk., I, 1—7). У Д. Брэстеда эти надписи переведены в иной последовательности: I = B — § 171—172, II = C — § 173, III = A — § 174—175, остальные надписи не переведены (см. AR, I, стр. 77—79).

[41] rḫ nśwt — см. Wb, II, 446.

[42] ḫntj ḫm — божество, которое почиталось в г. Летополисе (Wb, III, стр. 280).

[43] pr ḏt; перевод этого термина как «личный дом» дает Ю. Я. Перепелкин (см. «Всемирная история», т. I, М., 1955, стр. 162).

[44] Издание Г. Шефера, стр. 85 (см. Urk., I, стр. 7).

[45] H. J u n k e r, Gîza, VI, Wien, 1943, стр. 15.

[46] Издание Г. Шефера, стр. 68 (Urk., I, стр. 7).

А 1. В отношении названия pr dśw мы следуем переводу Масперо — Савельевой (см. Савельева, О терминах..., стр. 182; ср. Wb, V, 486), Д. Брэстед, которому следуют И. М. Лурье и Ж. Пиренн, это наименование читал как «Южный Перкед» (AR, I, § 172). В надписи D1 (см. табл.) знаки pr dśw разделены знаком njwt, что, возможно, объясняется стремлением писца более рационально сгруппировать знаки, исходя из наличия площади для письма. Подобная перегруппировка знаков в надписи встречается часто.

А 2. Дополнение в ломаных скобках дается на основании варианта этой строки, в остальном совершенно идентичной, имеющейся в надписи, которая обозначена в публикации Шефера как G VIII. На необходимость отметить этот вариант в переводе нам любезно указала Н. М. Постовская.

А 3. Относительно перевода терминов pr, ḥwt, ḥwt ʿ3t среди египтологов существуют различные точки зрения. Историю вопроса и критический разбор точки зрения Масперо и его последователей см. Савельева, О терминах..., стр. 183—193. Я перевожу ḥwt условно как «усадьба», понимая под этим имение с прилегающими к нему деревнями.

«Большая усадьба» (ḥwt ʿ3t) являлась центром, куда собирались налоги и где жила администрация. Окружающие селения сносили в этот центр поставки по налогам. Слова «селения» в надписях Мечена, следующие за наименованием усадьбы или дома, мною переводятся как самостоятельные слова, на что впервые обратила внимание Т. Н. Савельева (О терминах..., стр. 182). Д. Брэстед в своем переводе принимал знаки, обозначающие слово «селения», за детерминативы.

А 4. Слово «селений» восстанавливается потому, что надпись А имеет пропуски знаков, которые можно восстановить по другим аналогичным надписям, имеющимся в нише. Это обстоятельство до сих пор ускользало от внимания исследователей. Т. Н. Савельева (там же) эту строку перевела как «Правитель великого двора Сехму», но она не учла вариант, имеющийся в надписи E VII, который не позволяет принять такой перевод.

А 5. См. вариант E II_2. Т. Н. Савельева (там же) переводит эту строку так: «Правитель великого двора Деп (и) глава людей Деп». Титул ʿḏ mr она переводит то как «номарх», то как «глава». Брэстед этот титул переводил «местный правитель» (local governor) (AR, I, 78). ʿḏ mr является одним из древнейших титулов, встречавшихся еще в архаических надписях (см. Н. М. Постовская, Начальная стадия развития государственного аппарата в древнем Египте, ВДИ, 1947, № 1, рис. 8, 9 и 10). По мнению Юнкера (Junker, Gîza, III, стр. 95), первоначально этот титул имел значение «надзиратель над постройкой каналов», позднее его носили должностные лица высокого ранга. Словарь дает перевод этого титула как «правитель округа» (Wb, I, стр. 240).

А 6. См. варианты этой строки B 8 и E VIII. Т. Н. Савельева (там же) переводит «правитель великого двора Перми», но перевод этот принять нельзя, так как он не учитывает варианты, где выписано слово «селение»; чтение Перми сомнительно.

Наименование номов дается соответственно греческим названиям с суффиксом «ит» — «саитский», «ксоитский» и т. д. Неверно производить названия номов прямо от названия города — «Саисский», как иногда встречается в литературе, на что обратил наше внимание Ю. Я. Перепелкин.

А 7. Смотри вариант E VIII. Т. Н. Савельева (там же) перевела эту строку «Правитель великого двора (местности) Двух собак (и) номарх Мендеского нома», но в этом переводе не учтен вариант; чтение и перевод названия местности «Двух собак» сомнительны (см. Wb, IV, 559).

А 8. Брэстед переводил — «in the West of the Saitic nome» (AR, I, 78). Мы принимаем перевод Т. Н. Савельевой (там же).

А 9. Смотри вариант G 3. Т. Н. Савельева (там же) перевела: «правитель великого двора Двора коров, глава пустыни (и) начальник охотников». В этом переводе не учтен вариант надписи, неверно переведено «коров»—в надписи нет указателя мн. ч.

А 10. Понимание ʿḥt ḫrt mdw дано Х. Юнкером (H. Junker, Pḥrnfr, ZÄS, 75, 1939, стр. 75). Т. Н. Савельева (там же) переводит: «управляющий подчиненной пахотной землей».

А 11. Чтение наименований номов сомнительно. Эту строку Д. Брэстед переводил «in the Eastern Fayum» (AR, I, 78). Однако оснований для такого перевода нет. Ср. у Савельевой (там же) — «востока Дендерского нома». Дендера — совр. наименование древней Тентиры, поэтому лучше использовать древнее наименование. В примечании к этому месту Т. Н. Савельева кратко пишет: «II ном Нижнего Египта; VI ном Верхнего Египта», но II ном лежал на западе, а не на востоке. «Восточный ном», возможно, — XIV ном Нижнего Египта (KWÄ, стр. 113).

А 12. Т. Н. Савельева (там же) перевела это место иначе: «руководитель врат запада», однако при таком переводе не учитывается знак ỉrj («относящийся» — см. Gardiner, Egyptian Grammar², стр. 447, A 48), следующий за знаком «запад». Чтение этого знака, предложенное Зете, сомнительно, так как оно не учитывает варианты.

А 13. «Достал (за) вознаграждение». Мы следуем переводу Ю. Я. Перепелкина (СВ, VI, 1949, стр. 302), см. Wb, I, стр. 131, где указывается, что это выражение означает «купил».

А 14. Ср. перевод Д. Брэстеда: «There were conveyed to him 50 stat of land by (his) mother Nebsent» (AR, I, стр. 79), также и у Савельевой (Данные надписи Мечена..., стр. 181).

А 15. «Царская грамота» (ʿ njśwt) «служила для введения в права земельного владения и связанного с ним недвижимого и движимого имущества» (Савельева, Данные надписи Мечена..., стр. 183 со ссылкой на работы А. Харари и Х. Гёдике).

Т. Н. Савельева (там же) считает, что данное место связано по содержанию с сткк. 5—10 надписи С и царская грамота утверждает купчую на приобретенные Меченом земли.

А 17. В данном случае имеется в виду заупокойное владение предшественника фараона Снофру. Т. Н. Савельева (О терминах..., стр. 101) транскрибирует это имя как «Ни Сутх (Хуни)». Так же это имя транскрибирует и Х. Гёдике (H. Goedike, The Pharaon Ny Swtḥ, ZÄS, 81, 1956, стр. 18—24). Однако имеются различные написания этого имени, и решить вопрос о чтении его пока затруднительно. Ю. Я. Перепелкин считает, что это имя правильнее читать «Хе Нисут (?)».

В 1. О возможности понимания знака как детерминатива слова tf «отец» см. Gardiner, Egyptian Grammer ², стр. 43, прим. 1.

В 2. Št ḏfȝt «место пищи» —учреждение, где, по-видимому, сосредоточивались продукты питания. И. М. Лурье эту строку переводил так: «он был сделан первым писцом пищевых складов (?), начальником имущества пищевых складов (?)» (см. «Хрестоматия», 1950, стр. 33).

В 3. nḫt ḫrw — титул сельскохозяйственного служащего, см. Wb, II, 319. Ю. Я. Перепелкин предлагает этот титул переводить как «счетчик». Д. Брэстед эту строку оставляет без перевода (AR, I, стр. 77).

В 5. Так же переводил эту строку И. М. Лурье (см. «Хрестоматия», 1950, стр. 33). Д. Брэстед — «he was made overseer of all flax at the king» (AR, I, стр. 77). Сходный титул «начальник льняного двора» имеется в надписи из гробницы Пехернефера (Junker, Pḥrnfr, стр. 63).

В 6. Wb, III, стр. 396 — «носитель жезла». Т. Н. Савельева (там же) переводит «начальствующий».

В 11. ḫntj dj n.f «из (?) данного (?) ему». Перевод сомнителен, предлог ḫntj имеет много различных значений; «перед», «а», «из» и др. (см. Wb, III, стр. 303). Ср. у Д. Брэстеда: «which his father Anubisemanekh presented to him» (AR, I, стр. 77).

С. 4. Обычно начиная с IV династии гробничные надписи содержат наименования поселений, которыми умерший владел при жизни и которые должны были приносить ему заупокойные жертвы. Наименование *гергет* с последующим именем основателя свидетельствует, что в данном случае речь идет о новом селении, находившемся в частном владении. Х. Юнкер считает, что в надписи Мечена мы имеем наиболее раннее

упоминание о *гергет* (Junker, Gîza, III, стр. 78). Подобные названия встречаются и в других надписях. Так, в гробнице Иобтит (ʾIibtjt) указаны 24 деревни, из которых четыре названы по имени основателя (Junker, Gîza, I, Wien, 1929, стр. 225 сл.).

В гробнице Канинисута (Kꜣnjnjśwt) из 30 селений три названы «*Гергет* Канинисут» (Junker, там же, стр. 226). При V — VI династиях эти названия встречаются значительно чаще.

С 6. Ср. у Д. Брэстеда: «mortuary offering to 100 loawes very day from the mortuary temple of mother of king children» (AR, I, стр. 77).

Т. Н. Савельева (Данные надписи Мечена..., стр. 183) переводит: «поставки зала хлебов 100 ежедневно». Однако такой перевод не точен, не учитывает все имеющиеся знаки, точнее следует переводить «100 жертвенных порций».

«А. Харари рассматривает эти поставки не как приобретение Мечена, а как вознаграждение — плату за приобретенное им имущество — в виде доходов от обслуживания заупокойного культа царицы Нимаатхеп» (Савельева, там же, стр. 185), однако, как указала Т. Н. Савельева, такая интерпретация текста неприемлема, поскольку в надписи отсутствует формула, обычная для совершения сделки (rdj... ỉr ḥr). Она ссылается на вывод Г. Юнкера, который считал, что в данном случае речь идет «„о доходе в натуре“ (wḏb-rd), который передается другому получателю из храмовых доходов, хотя технически термин еще отсутствует; неясно при этом, идет ли речь о доходе живым или о заупокойном владении» (Junker, Gîza, III, стр. 5). Т. Н. Савельева, подробно рассмотревшая этот вопрос (Данные надписи Мечена..., стр. 86), предполагает, что «пахотная земля, приобретенная Меченом, с недвижимым имуществом, находившемся при ней, и поставками из заупокойного храма царицы Нимаатхеп, могла составлять материальную основу», обеспечивавшую заупокойный культ царицы и вознаграждение за его выполнение.

С 7. Ср. у Брэстеда — «A house 200 cubits long and 200 cubits wide built and equipped» (AR, I, стр. 78); так же это место перевела Т. Н. Савельева (Данные надписи Мечена..., стр. 183). Это место находит параллель в гробничной надписи Элефантинского номарха Хуф-хер(у): «Построил дом, повесил двери, выкопал пруд, насадил смоковницы» (см. Urk., I, стр. 121).

Е. В. Черезов

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПАПИРУСОВ ПО ИСТОРИИ ЕГИПТА И СИРИИ С КОНЦА III ДО НАЧАЛА VIII в. н. э.

Так называемые переходные исторические эпохи, т. е. эпохи смены одной общественной формации другой, не могут не привлекать к себе особенного внимания исследователей, хотя и представляют большие трудности для изучения. В эти эпохи еще удерживается во многом прежняя структура общества, которая, однако, уже обнаруживает явные признаки разложения и в которой зародыши нового проявляются все более и более. Такой эпохой представляются нам и IV—VIII вв.— длительный период античности, уходящей в прошлое, и первоначального развития элементов феодального строя. Здесь нелегко наметить какую-то резкую грань или тем более привести определенную дату, характеризующую коренное изменение общественного строя [1]. Исследователям приходится внимательно следить за проявлением и постепен-

[1] Мы имеем в виду главным образом восточную часть Римской империи. Могут указать, что для западной части в ее политической истории такой гранью было падение Рима в 410 г. или какая-либо другая дата. Не останавливаясь на вопросе о том-

ным ростом новых общественных отношений, чтобы получить возможность поставить вопрос о том, произошел ли и, если произошел, то когда именно решающий скачок к обществу, основанному на иных принципах, имела ли место социальная революция.

Процесс изменения общественных отношений протекал в чрезвычайно сложной политической обстановке, сначала в рамках единой обширной государственной организации, охватывавшей ряд областей с своеобразными местными условиями и различным историческим прошлым, позднее — внутри государств, образовавшихся на территории Римской империи. Несмотря на коренные перемены, эта организация, унаследовавшая многое из институтов, обычаев и политической практики прежнего времени, обладала, как показало последующее развитие, огромной устойчивостью.

Хотя в интересующий нас период мы не раз наблюдаем широкие социальные движения, разнообразные проявления накопившегося в населении недовольства, вызванного произволом и злоупотреблениями имущих и сильных (magni possessores) и беспощадной фискальной системой Империи, все же в это время не происходит такого социального сдвига, который сопровождался бы политическим переворотом и ясно указывал бы на приход к власти нового класса. В течение долгого времени власть продолжает находиться в руках того же правящего слоя, состав которого лишь постепенно изменяется и принимает иной характер.

Вместе с тем с течением времени в восточных провинциях Империи (особенно в VI в.) все напряженнее становится внешняя обстановка, все труднее приходится ромеям, вынужденным отражать удары извне, пока, наконец, в первой половине VII в. движение арабских племен не отрывает от Империи область, по которой проходили важнейшие торговые пути — Сирию, а также плодороднейшую долину Нила. Но эти племена, имевшие иную социальную структуру, чем основное население Восточной Римской империи, и в дальнейшем, сохраняя и развивая свои исконные учреждения и отношения, заимствуют в значительной мере — и в большом и в малом — у своей предшественницы, Империи, ее административные приемы, право, финансовую систему и пр. Несмотря на военно-политические бури и передвижения армий и населения различных областей на Востоке, несмотря на новые черты в социальных отношениях[1] и на существенные перемены в экономике, непрерывность потока исторического развития обнаруживается во многих сферах жизни и побуждает поставить вопрос об отношении этой непрерывности и — наоборот — известного разрыва с предшествующим, возникновения в процессе развития качественно новых моментов, не наблюдавшихся до того времени.

Понятен поэтому интерес, который вызывают документы, рисующие повседневную жизнь населения юго-восточной части Империи в конце III—VIII в. И в них отражаются иногда крупные политические события эпохи или борьба в области идеологии, но чаще они рисуют нам юридическую практику, быт и нужды широких слоев населения, требования, которые предъявляла к нему администрация, и его, временами неожиданную, реакцию на эти требования. В дальнейшем мы и предполагаем остановиться на некоторых сборниках папирусов, вышедших за последние 10—15 лет и содержащих новые документы по истории Поздней Римской, Ранней Византийской империй и начального периода в развитии халифата.

При изучении таких обычно фрагментарных источников, как папирусы, всегда играет известную роль случайность находок. В этом отношении очень важным бывает наличие с е р и й папирусов и а р х и в о в (ср. архив Зенона или серию папирусов из Тебтюниса для птолемеевского и римского времени, папирусы Гемелла нач. II в. н. э. и др.). Также и для Поздней Римской империи мы располагаем подобными же сериями— каковы, например, для IV в. папирусы из Теадельфии, изданные Жуге, женев-

[1] в какой мере справедливо это положение, скажем лишь, что наши утверждения относятся не к политической, а к социально-экономической истории. Изменения же в области социальных отношений и поселение германских и славянских племен на территории Римской империи происходили в течение долгого периода, и для этого процесса могут быть указаны различные вехи.

ские папирусы и тексты Британского музея, переизданные в 1962 г. с многочисленными новыми чтениями и исправлениями и представляющие архив командира всадников Флавия Абиннэя [2], для VI в.— папирусы, относящиеся к владениям Апиона, небольшая, но интересная серия папирусов Фебаммона [3], монументальное издание папирусов Ж. Масперо, для конца VII— начала VIII в.— документы, изданные Беккером, Ернштедтом, Крамом и др.

К периоду конца III—начала VIII в. относятся и те публикации, которые будут рассмотрены ниже, а именно: Архив Исидора (P. Cairo Isid.)[4] конца III — начала IV вв. н. э.; несколько архивов из Нессаны в Южной Палестине (P. Ness.)[5], охватывающие VI—VII века; собрание папирусов из Аполлонополя Верхнего (Эдфу), рисующие положение в Верхнем Египте в начале VIII в. (P. Apoll.)[6]. Из коллекции Мёртона[7] (I—II т.)— документов разнообразного содержания птолемеевского, раннеримского времени, эпохи Поздней Римской империи и, наконец, ранневизантийского периода, мы остановимся лишь на немногих папирусах, принадлежащих двум последним периодам.

Настоящее сообщение носит преимущественно информационный характер. В нем соответствующие документы не рассматриваются с палеографической или филологической точки зрения, хотя они представляют и в этом отношении значительный интерес. Мне хотелось лишь обратить внимание на ряд источников, иногда первостепенного значения, которые, по-видимому, еще не были использованы в нашей литературе, а также наметить некоторые проблемы общеисторического характера, для решения которых эти источники дают много нового. Естественно также, что каждая новая публикация может быть понята надлежащим образом лишь при сопоставлении с уже известным материалом. Отнюдь не ставя своей целью такое сопоставление, я ограничился лишь немногими экскурсами в область уже накопленных сведений по эпохе конца III — начала VIII вв. н э.

* * *

Прежде всего мы рассмотрим обширный архив Аврелия Исидора. Многие папирусы из этого архива были опубликованы уже довольно давно [8]. Тем не менее выход в свет полного их собрания важен не только потому, что в нем имеются многочисленные [9] не известные до сих пор документы, но и потому,что мы теперь можем изучить архив в целом как исторический источник, можем хорошо представить себе Исидора, его родственников, его деревню и ее обитателей в их повседневной деятельности от последних десятилетий III в. до 324 г.

Исидор, сын Птолемея и Героиды, родился ок. 270 г. (точные данные отсутствуют). Его дед служил в войске, но отец занимался сельским хозяйством. Исидор не

---

[2] The Abinnaeus Archive Papers of a Roman Officer in the Reign of Constantius II coll. and re-edited by H. J. Bell, V. Martin, E. G. Turner, D. van Berchem, Oxf., 1962.

[3] Papyri Michaelidae, being a Catalogue of the Greek and Latin Papyri, Tablets and Ostraca in the Library of Mr. G. A. Michaïlidis of Cairo, Aberdeen, 1955, № 43—50.

[4] The Archive of Aurelius Isidorus in the Egyptian, Museum, Cairo, and the University of Michigan, ed. by A. E. R. Boak and H. Ch. Youtie, Ann Arbor, 1960.

[5] Excavations at Nessana, II, Literary Papyri, Princeton, 1950; III, Non-Literary Papyri by C. J. Kraemer, Princeton, 1958.

[6] R. Rémondon, Papyrus grecs d'Apollônos Anô, Documents de Fouilles de l'Institut français d'archéologie Orientale du Caire, 19, Cairo, 1953.

[7] H. J. Bell and C. H. Roberts, A Descriptive Catalogue of the Greek Papyri in the Collection of Wilfrid Merton, I, L., 1948; R. R. Rees, H. J. Bell, J. W. B. Barns, II, Dublin, 1959.

[8] В «Études de Papyrologie» и других изданиях.

[9] Более половины всех помещенных в этом издании папирусов.

был самым старшим из семи сыновей Птолемея и Героиды, но пользовался, по-видимому, авторитетом у младших братьев. По имущественному положению он принадлежал к средним землевладельцам. Его архив дает возможность проследить изменения в его земельных владениях. В 299 г. эти владения равнялись $53^{59}/_{64}$ арур, в 310 г. он владел 140 ар., в 324 г.— 80 ар. Исидор занимал довольно видное социальное положение в коме, обладал, по-видимому, хозяйственной инициативой, но был сильно обременен литургиями. В разные годы он был κεφαλαιώτης (глава группы жителей комы при выполнении определенной литургии), «стражем полей» (πεδιοφύλαξ), сборщиком подати, ситологом и пр.

Время жизни и деятельности Исидора — начальный период домината, когда в Египте, как и в других провинциях Римской империи, происходил ряд существенных изменений в хозяйстве, податном обложении и социальных отношениях.

Издатели архива предпосылают публикации папирусов главы введения, посвященные «Исидору и его семье», его земельным владениям и «Литургиям Исидора». В этих главах дано обстоятельное изложение данных об Исидоре и тех разнообразных повинностях, которые ему приходилось нести. В настоящем сообщении мы сможем лишь наметить некоторые из проблем, для постановки и отчасти решения которых архив Исидора дает обильный и интересный материал.

Сборник открывается известным эдиктом префекта Египта Аристия Оптата от 16 мая 297 г. В нем говорится, что тетрархи решили установить «спасительный образец» (τύπον τε σωτήριον) взыскания податей и уничтожить наихудший и губительный обычай их взимания, при котором одни получали облегчение, в то время как другие несли тяжелое бремя. Была определена подать с каждой аруры и с каждого человека из сельского населения определенного возраста. Префект, ссылаясь на императорское постановление (διάταγμα) и сопровождающий его бревиарий (βρεουίου), призывает «облагодетельствованных» жителей со всей быстротой делать взносы. Копии императорского постановления и бревиария было решено разослать по всем комам и местечкам как для того, чтобы все могли узнать «щедрость» (μεγαλοδωρίαν) кесарей, так и для руководства сборщиков. Каждый, кто окажется нарушившим эти постановления, рискует головой (κεφαλῇ κινδυνεύσει).

Эдикт Аристия Оптата, опубликованный еще в 1934 г., вызвал оживленную дискуссию и различного рода комментарии. Он стоит в связи с очень сложным и спорным вопросом о реформе податного обложения при Диоклетиане. Египет переживал в то время один из важных и драматических моментов своей политической истории: эдикт был издан тотчас после взятия Александрии Диоклетианом и гибели императора Луция Домиция Домициана.

Едва ли нужно говорить о том значении, которое имеют документы по истории земельного хозяйства и налогового обложения, принадлежащие времени Диоклетиана и Константина. Всем известны ожесточенные споры и многочисленные теории, которые вызывала и вызывает налоговая реформа Диоклетиана. Здесь невозможно излагать историю ее толкования. Укажем лишь, что согласно взглядам одних исследователей именно Диоклетиану обязана своим возникновением система capitatio Поздней Римской империи [10]. Другие доказывали, что она приняла законченные формы много позднее — при преемниках Константина. Третьи убеждены, что Диоклетиан и не думал в период своего пребывания в Египте вводить какую-то новую систему обложения. Иные, наконец, признавая, что Диоклетиан произвел в 297 г. реформу обложения, думают, что эта система не представляла для египетских крестьян большой новизны: как и ранее, они должны были платить земельный и подушный налог [11].

---

[10] F. Lot, L'Impôt foncier et la capitation personnelle sous le Bas-Empire et à l'epoque franque, P., 1928. Ср. W. Seston, Diocletian et la Tetrarchie, P., 1946, стр. 262 сл.

[11] См. новейший разбор взглядов на capitatio — jugatio в кн. J. Karayannopulos, Das Finanzwesen des Frühbyzantinischen Staates, Münch., 1958, стр. 28—43.

Особенно радикальной критике подверг построения своих предшественников Ф. Лот, опубликовавший еще в 1928 г. специальное исследование о системе обложения при Поздней Империи и в Франкскую эпоху, но в новой работе изменивший свои взгляды[12]. Эдикт Аристия Оптата интересен, по его мнению, прежде всего тем, что свидетельствует об отсутствии у Диоклетиана намерения вводить новую систему налогов. Диоклетиан, по мнению Лота, не вводил в Египте единого поземельного и подушного обложения населения — jugatio—capitatio, которое можно обнаружить лишь с конца IV в. В эдикте нет речи ни о caput как единице обложения, ни о подушном налоге. Мероприятия Диоклетиана были направлены к устранению злоупотреблений чиновников. Он ввел лишь jugum как единицу земельного обложения. Но в эдикте прямо говорится о двух объектах обложения: каждой аруры в зависимости от качества земли и каждого человека из сельского населения определенного возраста (P. Cairo Isid., I, 7—8). Нам кажется, что Н. И. Голубцова права, указывая на то, что термин (jugatio—capitatio) мог войти в употребление позднее, чем самый принцип налога, и что налоговая политика Диоклетиана все же проводилась на новых началах по сравнению с предшествующим временем.

Издатель эдикта Бок в 1934 г. усматривал его главное значение в том, что он знакомит нас с «новой системой прямого обложения». Новое заключалось в обложении земли — каждой аруры соответственно качеству земли,— а не в обложении продукта, и в унификации классификации категорий земли и нормы обложения по всей стране. Эдикт также с несомненностью установил существование поголовной подати [13].

В полной публикации архива Исидора этот взгляд издателя несколько видоизменен и развит. Он говорит здесь, что Диоклетиан не вводил новых налогов, но пересмотрел метод взимания существовавших. Ранее (до 287 г.) для каждой деревни устанавливалась определенная квота. Злоупотребления и состояли в несправедливом распределении местными официальными лицами этой квоты между землевладельцами деревни. Сущность реформы Диоклетиана заключалась в том, что он изъял распределение поземельного налога из рук местной администрации и сумму налога поставил в зависимость лишь от количества арур той или иной категории земли, которым владело данное лицо. Кроме того, он установил неизменный поголовный налог на каждого жителя деревень в границах определенного возраста.

Бок, по-видимому, все же не совсем прав, утверждая, что сущность императорского указа сводилась лишь к установлению способа взимания налогов. Изменение единицы обложения (т. е. переход к обложению каждой аруры) не могло не вызвать изменений в самом обложении. Ведь мы имеем лишь краткую формулировку эдикта, тогда как в императорском постановлении и в бревиарии, сопровождавшем его, была подробная роспись налогов, очевидно, представлявшая нечто более сложное, чем установление двух единообразных налогов с аруры и с души. Ответ на вопрос о содержании и характере реформы мы можем получить не в эдикте, но скорее из разнообразных документов, которые имеют отношение к налоговому обложению.

Документ P. Cairo Isid., 62 важен для характеристики политического состояния Египта до окончательной победы войск Диоклетиана в 296/7 г.[14]. Один из вопросов, связанных с этой характеристикой, можно было считать вполне разрешенным уже после публикации III тома Мичиганских папирусов в 1936 г.: это — вопрос о возможности отождествления Луция Домиция Домициана, провозглашенного императором в Египте, и Аврелия Ахилла, «славнейшего правителя» (τοῦ διασημοτάτου ἐπανορθωτοῦ, carissimi correctoris) — точка зрения Вилькена, от которой он впоследствии отказался. Вопрос был решен отрицательно в связи с публикацией интересных писем Па-

[12] F. L o t, Nouvelles recherches sur l'impot foncier et la capitation personnelle sous le Bas-Empire, P., 1955.

[13] «Etudes de Papyrologie,», 2, 1933.

[14] См. мою рецензию на Michigan Papyri, vol. III, ed. by J. G. W i n t e r, Ann Arbor, 1936 — ВДИ, 1940, № 1, стр. 122—126; ср. J. G. W i n t e r, The Family Letters of Paniscos, JEA, XIII, 1927, стр. 59 сл.

ниска Уинтером и его ссылкой на неопубликованный еще тогда каирский папирус. Теперь этот папирус опубликован полностью в Архиве Исидора (P. C. Isid., 62). В нем упоминается ἐπανορθωτής Аврелий Ахилл (стк. 24), а датирован папирус вторым годом правления Луция Домиция Домициана [15].

Другая сторона рассматриваемой проблемы, это — выяснение самого понятия ἐπανορθωτής, и в этом вопросе Вилькен, считавший, что это слово не просто обозначает должность по гражданскому управлению, но имеет более широкое значение, оказался прав. Сейчас признают, что ἐπανορθωτής — высшая имперская должность в Египте, что его юрисдикция распространялась на весь Египет [16].

Особенно интересно, что этот термин был применен к Клавдию Фирму в надписи, найденной в Александрии еще в 1887 г. В этой надписи имя императора, по первому году правления которого датирован этот памятник, было стерто. Вилькен неправильно предполагал, что первоначально здесь стояло имя Аврелиана, но что позднее вместо него было поставлено ниже имя Клавдия Фирма. Однако, как указал уже Уинтер, имя Аврелиана (из 10 букв) стоять не могло: по числу букв должно было быть высечено имя, состоявшее из 8 букв. Притом нет основания считать слова ἐπὶ Κλαυδίου Φίρμου позднейшим добавлением: они вырезаны той же рукой и одновременно с началом надписи. Но Уинтер и останавливается в сущности на опровержении гипотезы Вилькена.

Мне казалось, что можно было пойти дальше. В Пальмире в 273 г. императором был провозглашен Антиох, родственник Зиновии. Можно было предположить, что именно это имя стояло в начале надписи из Александрии. Число вытертых букв (6 и сохранившееся окончание ου) точно соответствует ему. После низвержения Антиоха его имя по понятным причинам было устранено.

Обсуждение вопроса о corrector'е в Египте возобновилось в связи с публикацией папируса Мёртона № 26 — выдержки из протокола экзегета. Дело о назначении опекуна, представленное ἐπανορθωτής'у, было передано потом для разбора муниципальному магистрату. Appendix в I томе папирусов Мёртона представляет целое исследование о личности Фирма, вернее, Фирмов, так как их было три. Новым явилось то, что Клавдий Фирм был ἐπανορθωτής в Египте при императоре Аврелиане в 274 г. С ним тождествен Клавдий Фирм в упомянутой выше надписи.

Публикация P. C. Isid., 62 и P. Mert., 26 заставляют внести поправку в то объяснение, которое было предложено мною в 1940 г. Тогда (это было одно из возможных предположений) можно было думать, что ἐπανορθωτής Клавдий Фирм тождествен с Фирмом-узурпатором. Но представляется невероятным, как это убедительно показано в комментарии к P. Mert., 26, чтобы Аврелиан оставил у власти в Египте претендента и тот удержал бы эту власть до 274 г. Притом нам неизвестно, был ли узурпатором К л а в д и й Фирм.

Однако автор приложения, справедливо настаивая на этих соображениях, все же во всем своем изложении исходит из представления о том, что в SHA в вопросе о Фирмах отсутствует какая-либо существенная путаница. Между тем это маловероятно, если учесть общий характер этого источника и приемы его авторов. Слова в жизнеописании Аврелиана (SHA, XXVI, 32): sibi Aegyptum sine insignibus imperii, quasi ut esset civitas libera vindicavit [17]— биограф относит к узурпатору. Но скорее их можно было бы отнести к Клавдию Фирму ἐπανορθωτής'у, если учесть характер

[15] Ср. теперь также P. Michael., 24, 296 г. н. э.

[16] P. M e r t o n, II, стр. 158; З е л ь и н, ук. рец., стр. 126.

[17] В русском переводе (ВДИ, 1959, № 4, стр. 234) эта фраза передана так: «Появился некий Фирм, который, не имея никаких законных знаков власти, завладел Египтом, словно последний был независимым государством». В приведенном переводе, как нам кажется, этим словам придается не вполне подходящий смысл. Фраза скорее говорит о том, что Фирм, не имея знаков империума, овладел Египтом, как если бы последний был свободной общиной, т. е. здесь скорее выступает противоположность понятий imperium и civitas libera. Характеристика власти Фирма более соответствует полномочиям ἐπανορθωτής как высшей гражданской должности.

должности последнего. Вероятно, такие же полномочия, какие имел Клавдий Фирм ἐπανορθωτής, принадлежали и Ахиллу в правление Луция Домиция Домициана [18] или Тетрику в Галлии: это были полномочия первого лица после императора, которое пользовалось известной самостоятельностью в управлении отдельной областью. Для Ахилла такой областью была Фиваида, где жил Паниск, куда последний призывал приехать брата своей жены: «Многократно мы призывали его, чтобы он пришел к ἐπανορθωτής Ахиллу, и он не пришел (P. Michig., 217, стки. 23—24).

Помимо двух ценных документов общего характера, на которых мы останавливались, в архиве Исидора мы находим целую сокровищницу детальных сведений о положении египетской комы конца III — начала IV в. до н. э.

Жизнь Исидора, его семьи и многочисленных других лиц, упоминаемых в документах архива, связана с местечком Каранида, расположенным в ливийской пустыне, уже за пределами орошаемой котловины Фаюма, неподалеку от озера Биркет Карун, Мёридова озера греческой традиции. Берега этого большого бассейна — 40 км в длину и 10 км в ширину в самом широком месте — противоположны по своему характеру: в то время как на юг от него плодородная земля подходит к самому озеру, на северо-запад и восток тянется холмистое и скалистое пустынное пространство. Каранида и находилась в самой северной части Фаюма к востоку от озера, на холме, современное название которого — Ком-Ушим, между древними поселениями Диме и Бакхиадой, в Гераклидовом округе [19]. Местными божествами были Пнеферос и Петесух. Каранида, по-видимому, занимала центральное положение среди окружающих местечек — Патсонтис, Керкесуха, Псенарпсенесис и др.[20]. Как и в других местностях Египта в эпоху Ранней империи здесь были οὐσίαι, т. е. императорские домены, возникшие из конфискованных земель крупных частных владельцев [21].

В конце III в. н. э. участки отдельных владельцев были разбросаны нередко в нескольких мелких местечках (τόποι). Исидор, например, в одной из своих деклараций перечисляет пять местечек на территории комы (в ее окрестности), в которых он владеет землей.

Земледелие в Карaниде было возможно благодаря искусственному орошению [22]. Возделывали пшеницу, ячмень, эмер, фасоль. Были сады и участки, засаженные маслинами. Жители держали — и нередко в немалом количестве — ослов, лошадей, верблюдов, свиней, овец, быков (P. Cairo Isid., 74: 60 упряжек). В документах часто идет речь о сборе сена от 1 до 10 сарган с человека [23], о доставке мяса, свиней определенной упитанности (P. Cairo Isid., 44) и т. п. Зерно отправлялось на караванах ослов в гавань на Ниле. Для экономической истории Египта этого времени имеют значение обильные данные о ценах на зерно, вино, мясо, одежду. Поучительно их сопоставление с ценами, установленными эдиктом о ценах Диоклетиана в 304 г. Цена сена, например, оказывается в 2 $^1/_2$ раза выше цены сена в эдикте. Насколько можно судить по опубликованным текстам, значительная часть земли оставалась необработанной. Издатели произвели тщательный подсчет, из которого видно, что, например, по P. Cairo Isid., 11, в коме и ее округе (гориодиктии) незаселенной земли около трети, по P. Cairo Isid., 5, положение еще менее благополучно: незаселенной земли — около

[18] М. Бенье (M. B e s n i e r, L'Usurpateur Achilleus et le titre de «corrector», «Acad. des Inscr. et Belles Lettres, C. R.», 1929) полагает, что Фирм и Ахилл в противоположность Тетрику и другим correctores приняли титул не от императоров. Но сказанное выше показывает, что это утверждение неправильно. См. З е л ь и н, ук. рец., стр. 126.

[19] Фаюм уже в птолемеевскую эпоху был разделен на три части или округа (μερίδες): Полемона, Темиста и Гераклида.

[20] K. W e s s e l y, Topographie des Fayûm (Arsinoites nomus) in griech.—röm. Zeit., «Denkschr. der Akad. der Wiss., Phil.-hist. Klasse», 50 B., Wien, 1904, стр. 82.

[21] W e s s e l y, ук. соч., стр. 84.

[22] P. Cairo Isid., 3, 13; 3, 18; 4,11 и т. д.

[23] P. Cairo Isid., 10; 13; 16; 17.

половины. При определении границ соседних участков часто встречаются указания такого рода как: ἄσποροι, χέρσος.

Помимо собственных владений, жители комы получали от администрации так называемую ἐπινέμησις, т. е. землю для принудительной обработки в различном размере — от $^{13}/_{64}$ ар. до $9^{41}/_{64}$ ар.

Папирусы архива сообщают важные сведения о населении комы. Оно состоит из двух основных категорий: граждан (πολῖται) и деревенских жителей (κωμητικοί). Благодарной задачей было бы изучение социального состава этого населения, главным материалом для чего могут служить податные декларации. Начало этому изучению положил Бок в небольшой, но поучительной статье [24]. Первые два раздела архива содержат декларации о земле, списки ее владельцев с принадлежащими им участками и другие документы, относящиеся к податному обложению. Кома с конца III в. приобретает большее значение в этом отношении. Вокруг деревни была расположена территория комы (ὁριοδεικτία). Папирусы обычно тщательно отмечают, где находится данное владение: в коме или за ее пределами.

Упоминаются различные разряды земель — царская и частная, обработанная, неорошенная, заброшенная, засаженная деревьями (δενδρική). Наиболее интересен вопрос о царской земле. Вилькен в свое время высказал предположение, что в то время как частная земля находилась в полной собственности ее владельца, участки царской земли были лишь владением, по отношению к ним государство еще сохраняло в какой-то мере право верховной собственности. Этому различию, по его мнению, соответствовало различие между терминами κεκτῆσθαι (в первом случае) и ἔχειν (во втором случае), которые мы встречаем в папирусах. Однако архив Исидора указывает на то, что различия между царской и частной землей к этому времени стерлись. Издатели справедливо отмечали, что в документах этого архива по отношению к обеим категориям земли применяется один и тот же термин — κεκτῆσθαι (P. Cairo Isid., стр. 39) и что участки, как те, так и другие находились в полной собственности владельцев.

Жалобы и заявления жителей египетской деревни представляют собой интересный исторический источник. Вспомним, например, многочисленные, исходящие от разных лиц и различные по содержанию жалобы земледельцев Керкеосириса в позднептолемеевскую эпоху. Жалобы из архива Исидора носят более узкий характер: они в большинстве случаев принадлежат ему самому (15 из 18) или его родственникам. Тем не менее содержание их характеризует в какой-то мере и общее положение в деревне. Эпиграфом к ним можно было бы взять слова из заявления, поданного Аврелией Таэсион и Аврелией Кириллутой 5 сентября 296 г. «многообразны формы человеческого своекорыстия» (P. Cairo Isid., 62, стк. 5: πολύτροποι τυγχάν[ου]σι τῶν ἀνδρῶν πλεονεξίαι). В этой жалобе говорится о различных способах, с помощью которых мачеха после смерти мужа пыталась оттягать часть имущества его детей, то побуждая своего отца похитить 17 овец из стада, теперь принадлежащего детям, то заявляя, что их отец остался ей должным 1 мину золота, то уверяя, что он предоставил ей половинную долю прав на рабыню как компенсацию за ее приданое (P. Cairo Isid., 62, 12 сл.). В некоторых других (63; 64) также идет речь о присвоении наследственного имущества.

Исидор жалуется на поджог зерна на гумне (65, 4 сл.), на нападение (в его отсутствие) на его дом, когда женщины, находившиеся в доме, подняли крик и только таким образом предупредили дальнейшее расхищение имущества. В другой раз какие-то пришельцы (ξένοι) совершили нападение на его жилище в конце августа 296 г., в беспокойные месяцы правления Домиция Домициана (P. Cairo Isid., 139). Ряд жалоб Исидора связан с землей и литургиями, как, например, жалоба на потраву, когда у Исидора из 80 арур оказались засеянными лишь 7, но и на них скот поел все посевы (P. Cairo Isid., 78; 79), заявления о присвоении земли (76), об аренде и т. д.

Поданные потерпевшими жалобы посылались обычно от одного представителя администрации к другому, и разбор дела затягивался иногда на несколько лет. Ха-

[24] A. E. R. B o a k, Politai as Landholders at Karanis in the Time of Diocletian and Constantine, JEA, 40, 1954, стр. 11—14.

рактерно, например, то положение, в котором оказался Исидор, взявший однажды в аренду 25 арур земли у двух братьев — Кастора и Аммониана на условии издольщины — получения половины урожая [25]. Исидор доставил семена, уплатил за наем быков для пахоты и жнецов для сбора урожая и, кроме того, дал ссуду братьям деньгами и натурой. Все эти затраты должны были быть возмещены из половины урожая владельцев земли (т. е. Кастора и Аммониана). Произошло другое: после сбора урожая братья пришли и унесли его весь целиком.

И вот начинается (в 314/315 г.) дело. Исидор подает жалобу стратегу (он же exactor civitatis) и управителю пага (praepositus pagi), а затем и самому наместнику провинции (praeses Aegypti Herculiae). Наместник возвратил петицию со своей резолюцией, чтобы стратег разобрал дело. Исидор вторично обратился к стратегу. Как будто дело решено. Кастор и Аммониан возвратили долг Исидору за исключением 32 артаб пшеницы и 18 арт. фасоли. Их родственник, Томис, поручился за то, что быки будут возвращены Исидору, гарантировав, что тот получит от него трех быков в случае, если Кастор и Аммониан не выполнят своего обязательства.

Однако все эти обещания не были выполнены: Исидор не получил ни зерна, ни быков. Тем временем один из братьев, Кастор, умер, другой счел за лучшее бежать (P. Cairo Isid., 76, 14: ἐν ἀναχωρήσει τυγχάνει). Получившие по наследству их имущество Томис и его брат Деметрий ничего не дали Исидору. Снова — уже в 318 г.— Исидор подает жалобу наместнику, снова тот отсылает ее praepositus pagi; снова потерпевший обращается с заявлением к последнему.

Мы не знаем, чем дело закончилось, но и то, что нам известно о нем, дает ясное представление об отношениях владельцев земли и арендаторов и о тех осложнениях, которыми так богата история земельных отношений III—IV вв. н. э. В общем из жалоб Исидора явствует, что жизнь его протекала не очень спокойно, в особенности, если мы вспомним, что он почти каждый год нес бремя нелегких повинностей.

За период от 296 до 324 г. нам известно значительное число арендных договоров (30 с лишним). Новейшая работа, посвященная аренде земли в Египте,— И. Геррмана «Исследования аренды земли в праве греко-египетских папирусов»[26],— дает обстоятельное описание юридических форм договора, условий аренды, особенностей участков, сдаваемых в аренду, форм арендной платы и проч. К сожалению, автор рассматривает проблему аренды лишь с формально-юридической точки зрения, вовсе не интересуясь исторической обстановкой и условиями жизни арендаторов в эти годы, которые были временем крупных изменений во всех областях жизни и, в частности, в сфере землевладения и землепользования. Мы ведь можем предполагать, что менялись не только формы договора — ὑπόμνημα или χειρόγραφον,— но могли измениться и мотивы, побуждавшие к съемке земли, положение арендаторов и проч. А об этих мотивах можно судить лишь тогда, когда будет выяснено существо арендных отношений в это время, социальный характер арендаторов и владельцев земли, их экономическое положение, основные категории земельных владений, влияние фискальной политики на аграрные отношения и пр.

В архиве Исидора мы находим семь договоров об аренде, полных или в отрывках и ряд данных об аренде в документах иного характера. Условия аренды различны: помимо обычной ежегодной платы встречаются случаи, когда плата вносится вперед (98), а также издольщина (74). По сравнению с эллинистическим и римским (I—II вв. н. э.) периодами арендная плата представляется довольно низкой: 20 артаб за 10 арур (99, 296 г.), 9 ½ арт. за 4 ар.(100, 296 г.), т. е. около 2 арт. за 1 ар., тогда как в предшествующие времена такая плата взималась обычно при сдаче в аренду малоплодородной земли. Было бы, конечно, неосторожно на основании только этих известий делать какой-либо общий вывод ввиду даты упомянутых договоров: 296 г. был смутным годом

[25] P. Mert., vol. II, 91; P. Cairo Isid., 74; N. Lewis, Two Petitions for Recovery, JJP, II, 1948.

[26] J. Herrmann, Studien zur Bodenpacht im Recht der graeco-aegyptischen Papyri, Münch., 1958.

в жизни населения Египта. Но сводка данных по аренде, которую приводит Герман в конце своей книги в таблице, не расходится с тем, что мы узнаем из договоров и других документов архива Исидора.

Арендатор, как и ранее, берет на себя различные работы — полевые и по поддержанию в порядке ирригационной системы: сооружение бассейнов, орошение, пахоту, бороньбу, поддержание насыпей и пр.[27] Интересно заявление об аренде трех жителей комы Караниды (103), согласно которому они берут для обработки 5 арур «частной» земли, теперь принадлежащей деревне, а ранее находившейся во владении Нила, сына Касиана. Владелец, по-видимому, умер или в бегах, или же его земля была конфискована за неуплату налогов. Арендная плата не устанавливается: арендаторы лишь обязуются выполнять все повинности по взносу пшеницы, ячменя, денежным платежам и анноне.

В арендных договорах (99, 100, 101) владельцы земли принадлежат к высшей социальной прослойке египетского населения: это —лица, занимающие или занимавшие городские должности, и «граждане» (πολῖται), т. е. жители полиса, а не комы. Один из них, Аврелий Немесин (100) бывший экзегет, а в момент составления договора — булевт Арсиноитополя, другой (99) — Зоил — член притании и экзегет; муж Аврелии Птолема из Арсиноитополя, у которой Исидор арендует землю (114, 1 сл.),— гимнасиарх (ср. 115). Аврелия Серенилла (101) входит в категорию ἀ[ρχό]ντων καὶ πολειτῶν (9, стк. 32, 36, 55). Можно предполагать, что едва ли отмеченное явление носит случайный характер. «Граждане» жили в городе, а землю, которой они владели в коме, сдавали в аренду таким обитателям Караниды, как Исидор, т. е. обладавшим известным достатком и занимавшим определенное социальное положение.

Значение архива Исидора в целом как источника, рисующего положение Египта в начальный период домината, очень велико. Специальное его изучение с привлечением серий папирусов последующего времени может помочь выяснению процесса развития земельных отношений в Египте в это время и дальнейшей судьбы египетской комы в IV в., что имеет существенное значение и для понимания материала, который содержат документы византийской эпохи, правда, относящиеся к другим местностям Египта — Оксиринхскому ному (папирусы Апиона) и коме Афродито́ (папирусы, изданные Масперо). Многое и тогда сохранялось от времен домината, но вместе с тем произошли и коренные изменения в соотношении социальных сил в связи с направлением, которое приняло экономическое развитие Египта.

Задача изучения этого взаимодействия старинной традиции и мощного влияния новых тенденций усложняется тем, что Египет в византийскую эпоху, как впрочем и в предшествовавшие периоды, нельзя рассматривать изолированно. И на нем, как и на других провинциях, отражалась политика центральной власти, и его положение было связано с положением соседних областей и в частности с тем, что происходило в соседней Сирии, входившей в результате административной реформы Диоклетиана, как и Египет, Киренаика, Аравия и Месопотамия, в диоцез Oriens. Поэтому новые тексты из Южной Палестины — папирусы Нессаны — не могут не представлять большого интереса и для исследования византийско-арабского Египта.

* * *

Обращаясь к ним, мы сразу переходим от конца III — начала IV в. н. э. к концу VI. Нессана (совр. Auja el-Hafir) — маленькое местечко в Южной Палестине на границе с Египтом, основанное набатеями, недалеко от г. Газы. Раскопки этого поселения производились в 1936 г., и плодом их являются документы издания «Раскопки Нессаны». Второй том посвящен литературным находкам, третий — документальным источникам.

Письменные памятники Нессаны интересны не только содержанием, но также датой и местонахождением: они относятся к последнему столетию византийского господства в Сирии и к первому столетию арабского завоевания и были найдены не в Египте, как большая часть источников этого рода, а на юге Палестины, маленькой

[27] P. Cairo Isid., 101, 5 сл.; ср. 98, 11 сл.

страны с пестрым составом населения и со сложной,насыщенной драматическими событиями социальной, политической и военной историей.

Южная Сирия, Палестина и северные части Аравийского п-ова испытали много изменений с того времени, как Помпеем была образована провинция Сирия. Мы не имеем возможности последовательно изложить эти перемены, но не можем не напомнить о состоянии Палестины и прилежащих к ней с юга областей в VI—VII вв. В 358 г., согласно сообщению Либания,Палестина была разделена в административном отношении на две части: собственно Палестину (Palaestina) и Palaestina Salutaris. Около 400 г. происходят новые перемены: из собственно Палестины были образованы две провинции: Palaestina Prima и Palaestina Secunda, а Palaestina Salutaris стала Palaestina Tertia. В связи с Нессаной нас и интересует эта Палестина Третья. Ее территория охватывала Негеб к югу от территории Элевтерополя, часть Синайского полуострова и южную часть прежней провинции Аравия до Эланитского залива [28].

Во главе Палестины Третьей стоял ἡγεμών или ἄρχων (лат. praeses). Города и местечки этой провинции были многочисленны, хотя большей частью и незначительны. От некоторых из них дошли интересные исторические памятники. Из этих городов и укрепленных местечек назовем следующие: г. Биросаба (Bīr es-Seba, греч. Βηροσσάβα), первоначально деревня в окрестностях Элевтерополя; здесь был открыт известный эдикт, содержащий тариф анноны, вычисленной в звонкой монете (SEG, VIII, fasc. I, 282); Элуса (Khalasa), об основании которой не сохранилось сведений, но которая в начальный период существования Палестины Третьей была главным центром гражданского управления провинции; Харахмуба (Charachmuba, El-Kerak, позднейший Кириакополис) — крепость, ранний центр христианства (P. Ness., 35, 12); Августополь, местоположение которого не установлено [29], но который был, по-видимому, значительным и богатым городом; Петра, когда-то пышная столица царства набатеев, давно уже утратившая политическое значение, но продолжавшая оставаться важным центром гражданского управления, экономической и религиозной жизни.

Через эти города проходили караванные пути далее к югу в г. Эла, расположенный на берегу залива и служивший местопребыванием префекта X легиона (Fretensis) и епископа, а оттуда далее в Счастливую Аравию и царство Аксум. Эти торговые сношения имели большое значение для восточной части Римской империи.

Об экономической жизни Южной Сирии и в частности Palaestina Tertia мы знаем меньше, чем о Северной Сирии [30]. Условия жизни тут были иные, более беспокойные. Но все же здесь можно проследить миграцию населения к югу и растущее использование плодородных участков земли (P. Ness., стр. 17).

Административное деление Палестины на три части не совпадало с военным. Во главе трех Палестин стоял один военачальник — dux, которому были подчинены начальники отдельных отрядов, стоявших по крепостям и городам, а также и префект X легиона, находившийся на самой южной границе провинции (см. выше). Но в финансовом отношении деятельность дукса и его подчиненных контролировалась высшим чиновником финансового ведомства — викарием.

Восточная Римская империя и в Сирии применяла тот способ обороны, который мы встречаем и в других ее областях: систему нескольких линий крепостей с постоянно находившимися в этих крепостях гарнизонами. Линии обороны в Палестине Третьей были направлены против воинственных кочевых арабских племен, этих «пенителей пустыни», по выражению одного из исследователей [31],и против самаритян. Для этого недостаточно было иметь легионеров: для успеха в борьбе с набегами нужны были гораздо более подвижные, хорошо знакомые с местностью отряды.

[28] F. M. A b e l, Géographie de la Palestine, II, 1938, стр. 177 сл.

[29] Джонс предположительно отождествляет его с г. Эбодой (A. H. M. J o n e s, The cities of the Eastern Roman Provinces, Oxf., 1937, стр. 294).

[30] Ср. G. T c h a l e n k o, Villages antiques de la Syrie du Nord, I, P., 1953, стр. 55 сл.

[31] A b e l, ук. соч., II, стр. 178.

В городе Элии (Aelia) стояли всадники — Mauri Illyriciani, у реки Иордана — cohors Secunda Cretensis, в местечке Хермула — equites scutarii Illyriciani, в Эбоде был лагерь (P. Ness, 39). В Биросабе были расположены equites Dalmatae, в Мампсисе и Элусе — военные отряды лимеев, в Биросамисе — equites Thamudeni Illyriciani [32]. Часть крепостей была построена еще при Веспасиане против цветущего и сильного царства набатеев, но они сохранились и позднее, когда это царство в начале II в. н. э. перестало существовать. Таким образом, получалось несколько линий укрепленных постов. Первая линия проходила от г. Элии по направлению к крепости Хермула. Посты, расположенные между Средиземным и Мертвым морем (Меноис — Биросаба — Малеата — Тамар) составляли вторую линию обороны. Третья линия проходила от южного берега Мертвого моря далее на юг до г. Элы, т. е. до залива Красного моря [33].

Арабы давно проникали в Палестину и Сирию и селились здесь. В VI в. часть их служила Сасанидам — это были Лахмиды с центром в г. Хира,— часть же (династия Гассанидов) пользовалась покровительством византийских императоров и оказывала им деятельную поддержку в борьбе с Ираном. В течение V—VI вв. всего этого было достаточно, чтобы отражать набеги бедуинов, по естественным условиям легко проникавших в Негеб. Воины в крепостях занимались хозяйством на своих участках, отлучались и даже переселялись в местечки по соседству и постепенно превращались в землевладельцев средней руки, для которых на первом плане стояли их хозяйственные интересы (P. Ness., стр. 42).

В культурном отношении Сирия имела большое значение и в ранневизантийский период, как и в предшествующее время. Не раз указывалось, что эта страна всегда была ареной столкновения враждебных сил, что естественные и исторические условия служили помехой для ее политического объединения, что власть над ней (или над ее частями) постоянно оказывалась в руках пришлых завоевателей. В то же время Сирия (и Палестина) была страной, через которую пролегали важные торговые пути. Они соединяли области с различными природными условиями, находившиеся на разных ступенях экономического и культурного развития [34]. Через ее города и местечки проходили купцы и воины, пилигримы и проповедники, в них селились люди различного происхождения и профессий, оставлявшие известный отпечаток на жизни местного населения, знакомившие его с обычаями и образом мысли людей других стран. В истории культуры Сирию характеризуют многообразные формы синкретизма, сочетание иногда совершенно гетерогенных форм культуры и религии. Недаром указывалось, например, что такое типично синкретистическое мировоззрение, как гностицизм, прочно утвердилось в Сирии [35].

Еще до походов Александра Македонского Сирия и Палестина имели оживленные сношения с эллинами. В эллинистическую эпоху здесь получают широкое распространение греческий язык, эллинистические социальные и политические формы, синкретистические культы. Эллинизация вызвала реакцию, в Палестине началось народное движение в защиту старинных верований. Неоднократные восстания Иудеи при римлянах оказались безуспешными, в Палестине твердо установились администрация, военная и финансовая организация Империи, а вместе с тем и формы господствующей идеологии.

Во II в. до н. э.— I в. н. э. свой вклад в сокровищницу человеческой культуры внесли набатеи, оставившие замечательные памятники архитектуры города, через

[32] Данные о расположении военных частей см. у M. A v i - Y o n a h, Map of Roman Palestine, Jerusalem, 1940 и P. Ness., 39, прим. к стк. 1—8.

[33] A b e l, ук. соч., II, стр. 180 сл.; 319 сл.

[34] J o n e s, ук. соч., стр. 227 сл.

[35] H. Ch. P u e c h, Numenius d'Apamée et les théologues orientales au second siècle, Mélanges Bidez, II, Bruxelles, 1934, стр. 749 сл. Пюш убедительно характеризует значение Апамеи с этой точки зрения, но Апамея была лишь главным центром религиозно-философского синкретизма; она поддерживает связи с другими городами Сирии и Палестины (например с Иерусалимом).

который пролегал караванный путь [36]. Во II и сл. веках н. э. население Сирии и Палестины обращается к христианству. Позднее Сирия (подобно Египту) становится страной монастырей, здесь множится число аскетов, в стране происходит ожесточенная борьба различных религиозных направлений. Все это сочетается с традиционными формами старой культуры, в населении продолжают жить прежние религиозные идеи, навыки и обычаи. Мы видим, с одной стороны, страстное стремление к подавлению плоти, к осуществлению идеалов аскетизма и, с другой стороны, жажду развлечений, пышных праздников, наслаждение радостями жизни. Невдалеке от роскошной Антиохии с ее парками, садами, чудными постройками, с ее утонченной культурой, спасались суровые отшельники, сорок лет пребывает на своем столпе Симеон Стилит, пользовавшийся известностью в пределах всей Империи.

На юге Палестины, в Газе, епископом был Порфирий (ок. 395—419), ранее также отшельник в Египте, интересное жизнеописание которого, составленное Марком Диаконом, дошло до нас [37], и в то же время этот город в V—VI вв. был одним из центров риторики, следовавшей древним традициям, подражавшей образцам классической древности, хотя и насыщенной новым содержанием. Уроженцами Газы были старейший представитель местной школы софистики, риторики и философии — Эней (ок. 430—490). Захарий Схоластик (VI в.), Прокопий (465—528), автор панегирика императору Анастасию и «Монодии, оплакивающей землетрясение в Антиохии», а также многочисленных других сочинений. Учеником и преемником последнего был Хорикий (VI в.). Газа процветала и позднее (до персидского завоевания в начале VII в.).

V—VI века были временем ожесточенных религиозных споров. Сирия была областью, где эти споры находили особенно благоприятную почву. На смену гностицизму пришли несторианство и монофизитство. Главной ареной деятельности еретиков была Антиохия, но их влияние чувствовалось во всей стране. Иерусалим и вообще места, связанные с евангельскими рассказами, неотступно привлекали к себе верующих [38]. В Сирии процветала монашеская жизнь. Уже в IV в. Василий Великий совершал путешествия в Египет и Сирию для ознакомления с монастырями и отшельничеством. Можно предполагать заранее, что в связи с изменением условий социальной жизни и идеологии сложились и новые запросы к книге, новые требования к воспитанию.

Естественно возникает вопрос: что дает новая публикация текстов из Нессаны для ознакомления с культурной жизнью этого времени? С этой целью нам придется обратиться прежде всего к литературным папирусам Нессаны. Самый подбор дошедших до нас литературных памятников и их характер позволяют судить о читательских интересах в скромном уголке Южной Палестины в VI—VII вв.

Литературные папирусы Нессаны не дают никакого представления о кипучей духовной жизни блестящих центров образованности того времени, находившихся в Сирии и Месопотамии: города, славного своими риторами — Газы, средоточия изучения права, legum nutricis — Берита, родины известных историков — Кесарии, или крупного центра христианской теологии, арены деятельности главы монофизитов, Якова,— Эдессы. Перед нами скромная литература монастырской школы, предназначенная для лиц, посвящающих себя жизни клирика: отрывки из Евангелия от Иоанна и посланий апостола Павла, фрагмент теологического трактата, вопросы и ответы о природе христианской веры, содержащие толкование каждого положения и анафематствование тезиса, отрицающего это положение. Интересен текст апокрифических письма Авгари к Христу и ответа Христа — рукопись — VI—VII вв. (P.Ness.,II,7).Эти памятники, как известно, дошли до нас в рукописи 1032 г., у Евсевия и в надписи из Эдессы. Папирус из Нессаны позволяет лучше разобраться во взаимной связи и относительной ценности этих элементов традиции.

[36] M. Rostovtzeff, Caravan Cities, Oxf., 1932, стр. 32 сл.

[37] T. Sinko, Literatura Grecka, t. 3, część 2, Wrocław, 1954, стр. 292 сл.

[38] R. P. Genier, Vie de S. Euthyme le Grand, P., 1909.

P. Ness., II, 6 — мартирий одного из самых популярных христианских святых — Георгия Каппадокийского. Повесть о нем появилась в V или в конце IV в. на греческом языке и была вскоре переведена на латинский и восточные языки. В ближайшие 100—200 лет после ее появления некоторые эпизоды легенды, казавшиеся церкви сомнительными или неприемлемыми, были переработаны: устранены чудеса в доме вдовы, описание казни царицы Александры, сокращено число мучений и воскресений Георгия. Эти эпизоды, однако, оставались в версиях на восточных языках и в частности на коптском, где Георгий трижды умирает и дважды воскресает [39]. Соответствующие, иногда очень мелкие отрывки на саидском наречии в совокупности дают все же представление о характере коптской версии и позволяют сравнить их с фрагментами на богайрском диалекте, причем между теми и другими обнаруживаются довольно большие различия, не говоря уже об отличии от греческого текста [40].

Легенда о Георгии нашла в новое время многочисленных и авторитетных исследователей. У нас в XIX в. появились труды А. В. Кирпичникова [41] и А. Н. Веселовского, посвященные ее судьбам в позднейшее время. Крумбахер [42] в своем основательном, преимущественно текстологическом исследовании подверг суровой, но несколько односторонней критике как труды упомянутых русских ученых, так и попытки мифологического и исторического толкования этой легенды в работах зарубежных специалистов (Гутшмидта и др.). Разрушая эти построения, Крумбахер, однако, в сущности не дает ничего взамен, ограничиваясь требованием положить в основу изучения детальный анализ текстов.

Папирус из Нессаны интересен тем, что в нем сохранилась старинная форма легенды на греческом языке, которую поучительно было бы сравнить с другими текстами и прежде всего с основным греческим папирусом из Афин и с коптским и сирийским вариантами.

Что касается образцов светской литературы, сохранившихся в папирусах Нессаны, то они очень характерны: нет ни Гомера или Гесиода, ни трагиков, ни лирики, но лишь отрывки из Энеиды и подробный (слово за словом) комментарий к ней на греческом языке. Издатели в связи с этим напоминают о деятельности Иеронима в Палестине, об его энтузиазме по отношению к великому языческому поэту, «почти христианину», и высказывают догадку о том, что перед нами один из многих потомков тех копий, которые когда-то были сделаны в монастыре в Вифлееме, в результате усилий Иеронима. Копия поэмы из Нессаны изобилует ошибками, написана безграмотным писцом, хотя потом она и была исправлена знающим язык человеком. Вообще, нужно сказать, что и деловые тексты из Нессаны, принадлежавшие людям, стоявшим сравнительно высоко по своему общественному положению, написаны нередко малограмотно. Едва ли в этой их особенности можно видеть сознательное предпочтение народной фонетики стеснительным традициям классического обучения, как склонны считать издатели.

В общем литературные тексты Нессаны, не давая ничего особенно нового и оригинального, важны для историка византийской образованности, по многим вопросам развития которой не существует еще единого мнения [43].

Но, конечно, наиболее интересны из письменных памятников Нессаны многочисленные и иногда уникальные документальные папирусы. Эти папирусы, дошед-

[39] W. Till, Koptische Heiligen- und Martyrerlegenden, II. Teil, Roma, 1936, фгм. A, стр. 17, 24—25; 45 (Ryl. 91).

[40] Till, ук. соч., стр. 84.

[41] А. Кирпичников, Св. Георгий и Егорий Храбрый, Исследование литературной истории христианской легенды, СПб., 1879. О взглядах Кирпичникова на основу легенды и на начало культа Георгия см. ук. соч., стр. 84; 116 сл.

[42] K. Krumbacher, Der heilige Georg und die griechische Überlieferung, «Abh. d. Bayer. Ak. d. Wiss., phil.-hist. Kl.», 25, 3, 1911.

[43] Ср. N. H. Baynes and H. St. L. B. Moss, Byzantium. An Introduction to East Roman Civilization, Oxf., 1949, гл. VII (написана G. Buckler), стр. 200 сл.

шие до нас в общем в печальном состоянии, делятся в хронологическом отношении на две группы [44]: до арабского завоевания и первого века хиджры. В дальнейшем и будут рассмотрены сначала документы византийской эпохи, которые по своему содержанию тесно связаны друг с другом, а затем и папирусы после арабского завоевания.

В Нессане был размещен отряд так называемых «преданных феодосийских воинов» (καθοσιωμένοι Θεοδοσιακοί). Это был военный пост в пустыне, задачей которого была охрана путей. Эта военная организация была создана в середине V в. и просуществовала до конца VI (582—590 гг.), когда прекратилось поступление субсидий из Византии. Однако и позднее жители Нессаны, упоминаемые в документах, продолжают называть себя воинами лагеря и лояльными феодосийцами (P. Ness., 29). Отряд (ἀριθμός, numerus) состоял из 200 чел. и был приспособлен для передвижения в пустыне, для чего использовались верблюды: воины были dromedarii. Верблюдов для армии и церкви должно было поставлять население (P. Ness., 35).

Воины носят отчасти греческие и римские, но главным образом арабские имена, и некоторые данные — позднее более частые — указывают на существование старинной племенной организации [45]. Архив имеет официальный характер: он содержит дела «воинов из лагеря Нессана». Но самые эти дела касаются чисто частных интересов: это — брачные договоры, договоры о разводе, о разделе недвижимости, о продаже, о ссудах, уступке (παραχώρησις) и проч. Воины давно превратились в землевладельцев. Некоторые покинули лагерь и уже много лет живут в другом местечке, расположенном неподалеку (Ринокорура). Все же они продолжают считаться воинами лагеря. Их потомки занимаются другими профессиями: среди них, например, мы встречаем священника и золотых дел мастера (P. Ness., 30, 3).

В лагере есть судебные органы, происходят регулярные судебные сессии под председательством скриниария (scriniarius) с участием подчиненного ему помощника или секретаря (optioprincipalis). Лишь после 590 г. разбор дела бывших воинов переносится в ближайший административный центр — город Элусу (P. Ness., 29).

Главные занятия населения Нессаны — земледелие и рыболовство. О последнем свидетельствуют как один из папирусов — P. Ness., 47, где речь идет о приеме 80литр рыбы σκάρου, 20 больших голов,— так и находки большого количества рыбных костей. Воины владеют нередко несколькими участками. Например, в договоре о разделе земли (P. Ness., 16) у каждого из контрагентов— один из них, по-видимому крупный землевладелец,— по пяти участков. Эти участки переходят по наследству [46]. Договаривающиеся считают нужным упомянуть старинный обычай раздела земли бросанием костей, хотя этот обычай теперь, очевидно, уже реального значения не имеет [47]. Участки иногда довольно значительного размера, как,например, в папирусе P. Ness., 31, где владение состоит из двух частей: а) обработанной земли и виноградника, расположенного на северном склоне холма, и б) «сухого» сада (ξηροκῆπος) — на юге. В той части территории, где воины владели участками, были, как показало археологическое исследование, расположены виноградники. В 1961 г. вышло в свет дополнение к папирусам из Нессаны под заглавием: «Агрикультурный режим Нессаны и Центрального Негеба», глава из подготовляемого к печати нового тома «Раскопок Нессаны» [48]. Эти раскопки бросают новый свет на сельское хозяйство в засуш-

[44] Издатель выделяет в них четыре архива: военный архив VI в.; церковный архив начала VII в.; архив Георгия, сына Патрика,и архив, «отражающий полностью арабскую точку зрения».

[45] P. Ness., 28 ἐκ τῶν υἱῶν ζαμζαμα (т. е. Djudhām).

[46] Например, братья-воины Авраамий и Абу-Зонайн уступают участок посевной земли другому воину из их отеческого имения (P. Ness., 24, 569 г.).

[47] P. Ness., 21, 19—20: ἐκλαχμοῦ τοίνυ[ν καὶ πε]ισσοβοχίας; 22, 10.

[48] O. Brogan, заметка в «Palestine Exploration Quarterly» (July-Dec., L., 1962, стр. 146 сл.) об издании «The Ancient Agricultural Régime of Nessana and the Central Negeb, by Ph. Mayerson (Colt Archaeol. Inst.), The British School of Archaeology in Jerusalem, 1961.

ливых районах. Уже набатеи, вероятно, применяли ряд приемов, чтобы сохранить влагу. По мнению исследователей [49], определенные виды виноградной лозы способны произрастать на очень засоленной почве. Бедуины всегда использовали Негеб в сельскохозяйственных целях. Победа ислама не означала перерыва в этом отношении. P. Ness., 82 — отчет об урожае зерновых культур с указанием посева пшеницы, ячменя, арака и количества полученного зерна. Папирус содержит интересные данные о сельском хозяйстве в Южной Палестине, обладавшей столь своеобразными особенностями климата, почвы и орошения. Эти данные приведены в систематической форме в комментарии к папирусу.

Термины экономического и юридического характера, которые мы встречаем в папирусах Нессаны в связи с сельским хозяйством, те же, что хорошо нам знакомые термины в египетских документах. Все имущество обозначается термином τὰ ὑπάρχοντα (P. Ness., 22,8; 23,14). Земля бывает двух категорий: пригодная к посеву (σπορίμη, P. Ness., 21; 23,5) и необработанная, запущенная (χέρσος, P. Ness., 23). Единицей земельной площади служит καβία, т. е. участок, который может быть засеян одним кабом (καβ) зерна (=4 секстариям).

Папирусы позволяют бросить взгляд и на другие особенности в экономической жизни Нессаны. На участках сооружались постройки разного назначения. На одном, например, участке было шесть построек. Одна из них обширная с верхним этажом. В нижнем помещении находилось 96 кроватей и оставалось еще большое свободное пространство. Это караван-сарай, который обслуживал караваны, проходившие через Нессану. Караваны, вероятно, направлялись далее на юг, в Элу, которая служила станцией на пути из Палестины еще далее — в Южную Аравию или обратно для торговли благовониями (P. Ness., 51). Ринокорура, о которой упоминалось выше (P. Ness., 15), была укрепленным пунктом и в то же время эмпорием для торговли с Аравией.

Папирусы Нессаны дают ценный материал и для истории права в ранневизантийскую эпоху. Право, действовавшее в Южной Палестине в это время, интересно сопоставить, с одной стороны, с римским правом (кодексом Юстиниана, новеллами), а с другой, с восточной юридической практикой, о которой сообщают такие памятники, как египетские папирусы или сборник сирийско-римского права конца V в. Мы коснемся лишь одного вопроса, по которому памятники Нессаны содержат существенные данные: вопроса об имущественных отношениях между супругами при заключении брака и при расторжении его.

Со времени появления замечательного труда Миттейса [50] историки права продолжали разрабатывать в различных направлениях проблему сочетания и взаимодействия права имперского и местного. Дуализм, обусловленный этим сочетанием, в системе норм, которые регулировали тот или иной из юридических институтов, сказывался в разное время по-разному. Но все же процесс эллинизации и ориентализации римского права непрерывно развивался, несмотря на попытку Диоклетиана установить единообразие. «Наилучшим образом установленный факт,— говорит автор ценной статьи о продаже по коптскому праву, Булар,— это — жизненность египетских институтов в области греческого частного права» [51]. То же самое можно было бы повторить и по отношению к сирийскому праву.

Очень сильно влияние обычного права проявилось в сфере регулирования имущественных отношений при заключении брака [52]. Дар жениха (ἔδνα) отцу невесты, ее опекуну или ей самой был народным обычаем на Востоке. Возможно, он был свя-

[49] B r o g a n, ук. соч., стр. 148.

[50] L. M i t t e i s, Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des Römischen Kaiserreichs, Lpz, 1891.

[51] L. B o u l a r d, La vente dans les actes coptes, «Études d'Histoire juridique offertes à P. F. Girard par les élèves», II, P., 1913, стр. 2.

[52] R. T a u b e n s c h l a g, Geschichte der Rezeption des römischen Privatrechts in Aegypten, «Opera minora», I, Warzawa, 1959, стр. 284.

зан с вавилонским выкупом (Tirḫatu) и появился в Египте в VI в.[53] Законодательное оформление он получил в новеллах Юстиниана (97 и 98). Долгое время содержание 97 новеллы признавалось юристами нового времени нелепым: считали, что условие ἰσόπροικον, т. е. полной равноценности приданого (dos) и дара жениха (donatio ante nuptias), могло быть осуществлено лишь в исключительных случаях. Сборник сирийско-римского права и папирусы из Египта ранневизантийского времени показали, что эти сомнения не обоснованы. Папирусы Нессаны вновь подтверждают применение новелл Юстиниана, вновь знакомят нас с тем своеобразным процессом, когда обычное право Востока находило себе доступ в императорские постановления, а эти постановления, фиксируя те или иные варианты обычного права, в свою очередь оказывали влияние на юридическую практику в восточных провинциях Империи.

Согласно Сирийскому сборнику V в. дар мужа равен приданому в западных провинциях и составляет лишь половину приданого в восточных [54]. В новелле 97 Юстиниана легализирован и сделан обязательным восточный обычай (дар мужа), но размер его устанавливается согласно тем порядкам, о которых в Сирийском сборнике сообщается, что они господствуют на Западе, т. е. что donatio ante nuptias должно быть совершенно равно приданому (dos).

Папирусы Нессаны свидетельствуют, что эти нормы находили применение и в Южной Сирии. Приданое составляет долг мужа жене и ее наследникам (ὄφλημα προικιμαῖον, P. Ness., 18, стк. 19, 20, 20). В то время как согласно юридической теории приданое было собственностью мужа, в юридической практике и воззрениях обитателей восточных провинций Империи оно было собственностью жены, и это воззрение нашло себе выражение в Кодексе. Из чего состояло приданое, показывает перечисление в P. Ness., 18 (стк. 25—39). В договоре также определяется распоряжение имуществом того и другого рода (т. е. приданым и даром жениха) в случае смерти одного из супругов. Рассматриваемый договор заключен уже после брака и таким образом подтверждает постановление Кодекса Юстиниана (C. J., 5, 3, 20), разрешавшее дар мужа после заключения брака.

В папирусах из Нессаны не отразились крупные политические и военные события истории Византии второй половины VI—начала VII в., которые были связаны преимущественно с взаимоотношениями между Византией и Ираном [55]. В 604 г. началось вторжение войск персидского царя Хосроя II под предводительством Ромизана, прозванного «вепрем государства» (Шахрбараз). В течение нескольких лет ряд городов в византийских владениях в Месопотамии и Сирии — Дара, Эдесса, Бероя, Антиохия (611 г.), Дамаск (613 г.)— перешел в руки персов. Наконец, войска Шахрбараза вступили в Палестину, раздираемую внутренними распрями, и осадили Иерусалим. После трехнедельной осады город был взят, началась ужасающая резня.

В ближайшие годы персы направились в Египет, захватили Александрию (619 г.). Это были последние успехи державы Сасанидов. Не прошло и 20 лет, как арабы нанесли сокрушительный удар персам, и Сирия и Палестина перешли в руки победителей.

Папирусы из Нессаны молчат обо всем этом. Тексты того времени, когда поселение оказалось под властью арабов, в основном относятся уже к концу VII в., т. е. к периоду, когда власть завоевателей упрочилась. Эти тексты различного содержания рисуют примерно такие же отношения, с какими мы знакомимся по наиболее многочисленным и богатым источникам самого начала VIII в.— по документам комы Афродито и Аполлонополя (см. ниже). Остановлюсь лишь на некоторых из папирусов Нессаны, относящихся к этому времени.

---

[53] R. Taubenschlag, Keilschriftrecht im Rechte der Papyri der römischen und byzantinischen Zeit, «Opera minora», I, стр. 465.

[54] K. G. Bruns und E. Sachau, Syrisch-römisches Rechtsbuch aus dem fünften Jahrhundert, Neudruck der Ausgabe, Lpz, 1880, II. Teil, 1961, стр. 58, § 40.

[55] Н. В. Пигулевская, Византия и Иран на рубеже VI и VII веков, М.—Л., 1946, стр. 3; 191 сл.; bel, Histoire de la Palestine, II, P., 1952, стр. 389 сл.

Среди них следует прежде всего выделить ряд энтагий (P. Ness., 60—67) конца VII в. (675—689 гг.), т. е. приказов эмира о реквизиции тех или иных продуктов или о присылке людей. Подробнее о системе обложения при арабах мы будем говорить ниже в связи с папирусами из Аполлонополя. Сейчас же отметим только, что в текстах из Нессаны идет речь о поставках пшеницы, растительного масла и об уплате денег. Энтагии Нессаны все одного образца и позволяют сделать расчет, показывающий размеры и сроки обложения. P. Ness., 69 свидетельствует, что система налогов в Палестине при арабах была такой же,как в Египте: в нем говорится о продуктах, которые собирали для пайка арабских войск (араб. rizḳ, греч. ῥουζικόν, P. Lond., IV, 1335, стк. 5). Одним из основных налогов была подушная подать (P. Ness., 70, стк. 6 ἐπικεφάλεα), которая была заимствована с некоторыми упрощениями из податной системы Византии и взималась на основе домовой переписи (κατ' οἰκίαν ἀπογραφή).

Сбором налогов ведал диойкет (P. Ness., 70, 74, 68), который, как думал Белл, был главой пагархии [56]. Так же как и в соответствующих египетских документах, в энтагиях и письмах, направляемых диойкету, мы читаем строгие предупреждения о том, чтобы не было просрочки в доставке требуемого налога: «Прими меры к тому, чтобы не было промедления ни на один час в доставке подушной подати и чтобы ее было достаточно для второго очередного взноса в Газу».

Но не только о налогах писали в приказах. В марте 684 г. (?) эмир требует от управителя Нессаны присылки человека в качестве проводника некоему Абуль Мугура, направляющемуся с благочестивыми целями на «святую гору» (Синай), к монастырю св. Екатерины. Проводник должен был быть вольноотпущенником: часто это был раб, принявший ислам и освобожденный (72, 4: μαυλε).

Исключительный интерес среди папирусов этого периода представляет P. Ness., 75. Система податного обложения, установленная арабами, тяжело ложилась на плечи местных жителей. Этот момент в свое время особенно выдвинул в своей работе Белл, который, впрочем, заметил при этом, что не сохранилось ни одного призыва к смягчению этой системы. Теперь, как полагает издатель папирусов Нессаны, этот пробел заполнен P. Ness., 75. Из него мы узнаем, что от 50 до 100 чел. стремились встретиться с эмиром (?). Это были землевладельцы, на которых падало бремя налогов и владения которых были расположены в окрестностях Нессаны и Собиты, находившейся на расстоянии 7 миль от первой.

Система обложения была, по-видимому, общей для всей провинции, или даже для всей Сирии. Значение папируса № 75 заключается в том, что он подтверждает наличие сильного недовольства тяжелой налоговой системой, о чем нам известно теперь также и из египетских документов. К этому недовольству не могли остаться глухими представители высшей администрации — оно представляло слишком серьезную опасность для государства — и поэтому они, настойчиво требуя доставки налогов и грозя карами местным чиновникам, в то же время столь же настойчиво указывали им на необходимость внимания к жалобам населения.

Среди папирусов периода после арабского завоевания особое место занимает P. Ness., 56. Этот папирус относится к началу 687 г. и представляет собою договор об освобождении сына монаха Кирина от обязанности работать на лицо, носящее арабское имя Аль-Асуад. Документ написан на плохом греческом языке и на арабском. Первый текст писал архидиакон, и папирус — одно из свидетельств дальнейшего упадка греческой культуры в Южной Палестине в рассматриваемый период. Первый исследователь P. Ness., 56 Э. Швабе истолковал его как манумиссию (manumissio inter amicos). Он считал, что сын Кирина был продан отцом в рабство. Однако и Вестерман и одновременно с ним опубликовавший свою заметку о папирусе польский ученый Фаленцяк[57], пришли к выводу, что толкование Швабе неверно. Для manumissio inter amicos, согласно кодексу Юстиниана, необходимы пять свиде-

[56] P. Lond., IV, 1384, стк. 8 и 1343, стк. 22.

[57] W. L. Westermann, The Paramone as General Service Contract, JJP, II, 1948, стр. 9—50; J. Falenciak, Note: P. Colt. inv. Nr. 13, 306 — Release from παραμονή, там же.

телей, а в папирусе 56 — лишь один. Кроме того, непонятно, по мнению Вестермана, почему,— поскольку контрагенты связаны с церковью,— в этом случае перед нами не manumissio in ecclesia. В тексте нет ни одного термина, который указывал бы на рабство или на освобождение от него (δοῦλος, δουλεία, οἰκέτης, ἐλευθερία и т. д.). Стоит лишь одно слово ἐλυτρώσατο, которое,однако, может быть истолковано различным образом. Как Вестерман, так и Фаленцяк полагали, что в папирусе речь идет об освобождении не от рабства, но от παραμονή (хотя этот термин в тексте и отсутствует)[58].

Вестерман (ук. соч., стр. 24) определял сущность παραμονή как договор о работе общего характера, т. е. без спецификации этой работы: парамонарий должен был находиться под рукой у своего патрона и исполнять всякую работу в границах требований, обычно предъявляемых к свободным работникам. Как правило, это были, по его мнению, обязанности, связанные с домашней работой и неквалифицированный труд в сельском хозяйстве. В этом отношении παραμονή отличается как от труда раба при сдаче его в наем или для обеспечения долга,так и от труда свободных, отрабатывавших проценты по займу или основную сумму долга (антихресис) или заключавших договор об ученичестве.В договоре такого рода, как παραμονή, содержится ограничение свободы работника, а именно свободы передвижения, поскольку он не имел права идти, куда ему вздумается.

Общий широкий исторический вывод Вестермана в этой статье недостаточно им обоснован: он полагает, что всякое использование принудительного труда и при общественных работах,и в государственных монополиях следовало образцу общих трудовых обязательств, каким была παραμονή. Для такого вывода необходимо было бы самое основательное исследование восточной (прежде всего египетской) практики, а также актов, содержащих условие о παραμονή в дельфийских манумиссиях. Но в данной связи нас интересует не столько этот общий вывод, сколько понимание данного случая в его исторической обусловленности. Характерны уже сами действующие лица: обязавшийся за сына отец — монах монастыря св. Сергия, а его контрагент — арабский поселенец. Кирин получил аванс в размере 50 солидов, вернув который, он и возвращает для себя и для сына возможность идти, куда захочет. Интересна оговорка Аль-Асуада о том, что ни он сам, ни его наследники и преемники теперь не будут иметь претензий к монаху и его сыну.

Нам кажется, что дальнейшее изучение παραμονή должно идти по несколько иному пути, чем тот, который избрали в свое время Кошакер и Вестерман. Конечно, анализ содержания термина, встречающегося в документах различного рода (манумиссиях, договорах об ученичестве и проч.) и совершенно различного времени, выявление близости этого содержания в разнородных источниках всегда будут поучительны, но, думается, важно обратить внимание и на другую сторону изучаемого явления: на определяющую роль исторической обстановки, которая была совсем иной в Дельфах II в. до н. э., в египетской коме IV—V вв. н. э., или, наконец, в Южной Сирии первого века хиджры, и причины, которые вызывали к жизни юридические акты, имевшие нечто сходное по своему содержанию, были также неодинаковыми. Парамонарии VI—VII вв., например, в Египте, «сдававшие себя в наем» (BGU, 310, 7: μεμισθωκέναι ἑαυτον) и становившиеся в результате подобного договора familiares нанимателя, выступают на ином социальном фоне, чем отпущенные на свободу рабы с условием παραμονή в дельфийских манумиссиях. С этой точки зрения и интересно было бы сопоставить P. Ness., 56 с аналогичными документами византийско-арабского Египта, рассматривая их не изолированно в юридическом аспекте, но в связи с характером и процессом развития социальных отношений в этот период.

Впрочем, это пожелание можно высказать по отношению не только к этому папирусу, но и ко всем текстам из Нессаны, так как лишь таким путем мы имели бы возможность определить для Сирии местные особенности, а вместе с тем проследить

[58] Впрочем, понимание παραμονή у них различно: в отличие от Вестермана польский ученый видит в данном случае παραμονή-антихресис.

преемственность тех или иных форм отношений. С другой стороны, папирусы из Нессаны, рисующие картину постепенной арабизации местечек Южной Палестины, делают еще более понятным в одном отношении события, которые неоднократно вызывали удивление историков: легкое завоевание Египта небольшим войском под предводительством Амру ибн-Эль-Ас в начале 40-х гг. VII в. Конечно, эту легкость приходится объяснять прежде всего внутренними причинами: состоянием Египта перед падением там византийского господства, но при этом имел известное значение и характер военного строя арабского войска. Кони у арабов в то время были еще очень редки, и большею частью как в путешествиях, так и на войне для передвижения использовали верблюдов. Такие отряды воинов на верблюдах, способные к быстрым переходам, вероятно, были подобны тем, о которых сообщают нам папирусы из Нессаны.

* * *

История перехода владений Восточной Римской империи в Азии и Африке под власть арабов—Сирии в 635—636 гг. и Египта в 640—642 гг.— давно привлекала внимание исследователей. Увлекательно написанная книга Батлера [59], в которой использованы преимущественно арабские и греческие литературные источники, сохраняет значение для политической истории Египта до настоящего времени. Но совершенно новые перспективы в изучении социально-экономического строя, административной организации Египта в первом веке хиджры и отношений местного населения с новой властью открыли публикации греческих, коптских и отчасти арабских папирусов за последние полвека.

В настоящее время материал источников по истории Египта в VII — нач. VIII в. значительно пополнился. К арабским папирусам времени Курру ибн Шарика, изданным Беккером [60], прибавились пять новых, опубликованных Эбботом с интересным введением и комментарием к ним [61]. Для социальной истории и изучения развития права имеют большое значение публикации и разработка коптских юридических документов в новейшее время (Крам, Ернштедт, Тилль, Штейнвентер, Шиллер)[62]. Очень существенно то, что помимо огромного и бесценного комплекса греческих документов из комы Афродито [63], мы имеем теперь многочисленные тексты совсем из другой местности Египта — папирусы из Аполлонополя в Верхнем Египте, рассмотрение содержания которых и составляет задачу последующего изложения [64]. До сих пор папирусы из Афродито, т. е. оттуда же, откуда до нас дошли и замечательные документы VI в., изданные Ж. Масперо [65], составляли основной, а по многим вопросам и почти единственный документальный материал на греческом языке по истории Египта нач. VIII в. Папирусы из Аполлонополя (P. Apoll.) относятся к тем же годам, что и документы из Афродито (нач. VIII в.), но происходят из местности, расположенной гораздо южнее — из древнего Эдфу.

На основании опубликованного им материала Белл во «Введении» к IV тому

[59] A. Butler, The Arab Conquest of Egypt, Oxf., 1902.

[60] C. H. Becker, Papyri Schott—Reinhardt, I, Heidelberg, 1906; он же, Arabische Papyri des Aphroditofundes, ZA, XX (1907), стр. 68—104.

[61] N. Abbot, The Kurrah Papyri from Aphrodito in the Oriental Institute, Chicago, 1938; ср. P. E. Kahle, Bala'izah, Coptic texts from Deir El-Bala'izah in Upper Egypt, I, L., 1954.

[62] См. литературу в кн. A. Steinwenter, Das Recht der koptischen Urkunden, Münch., 1955.

[63] Greek Papyri in the British Museum (далее — P. Lond.), IV, ed. H. J. Bell with an Appendix W. E. Crum, 1910; V, ed. H. J. Bell, 1917; Papyri russischer und georgischer Sammlungen, hrsg. von G. Zereteli, IV, Tiflis, 1927, ред. П. В. Ернштедта (далее — P. Ross.-Georg., IV).

[64] R. Rémondon, Papyrus grecs d'Apollônos Anô, Cairo, 1953.

[65] Papyrus grecs d'époque byzantine, ed. J. Maspero, Cairo, I — 1911; II—1913; III—1916.

папирусов Британского музея и в других работах [66], поставил ряд общих вопросов о характере Византийского государства, об администрации Египта при Омейядах, о системе налогового обложения и проч. Он видит в Византии государство, основанное на подчинении массы провинциального населения, на применении системы бесконечных литургий и беспощадной фискальной эксплуатации. Египетское крупное имение воспроизводило порядки бюрократической империи, часть которой оно составляло [67]. Византийские принципы администрации и налогового обложения были восприняты и стали применяться не менее последовательно и строго преемниками византийцев — арабскими завоевателями [68].

При чтении работ Белла у читателя возникает идея непрерывности (в указанных областях) исторического процесса, преемственности в деле организации управления Египтом. Упомянутые выше сборники текстов действительно позволяют поставить этот вопрос: тексты из Афродито́ относятся к VI и к началу VIII в., а папирусы из Эдфу дают возможность учесть местные особенности и изучить, с другой стороны, те моменты, которые оказываются общими для различных местностей Египта.

Эдфу когда-то, уже в глубокой древности, играл большую роль как один из главных храмовых центров Египта, как средоточие культа Гора. Известны также многочисленные тексты из Эдфу птолемеевского времени, а франко-польские раскопки познакомили нас с его вещественными памятниками, рисующими историю самого поселения на протяжении нескольких веков [69]. В результате раскопок Французского института восточной археологии в Каире появились и те греческие документы, о которых будет идти речь в дальнейшем.

Они были найдены вместе с коптскими в глиняном кувшине в один метр вышиной примерно в сотне метров на юго-запад от западного пилона храма Эдфу. Там, вероятно, как полагает издатель, находилось бюро пагарха или его жилище. Папирусы сильно пострадали во время перевозки и от химических процессов, связанных с долговременным пребыванием кувшина в ссебах, т. е. в земле с перегноем.

И греческие, и коптские тексты представляют собою архив одного лица — Папаса, греческие — его служебную переписку, счета и частную корреспонденцию, коптские — лишь частные письма. Папас — крупный землевладелец и пагарх Аполлонополя в 703—714 гг. Высшая инстанция, с которой он постоянно имеет дело, это, главным образом,— топотерет, т. е. заместитель и помощник эмира Фиваиды или Фиваиды и Аркадии: слияние этих областей относится именно к этому времени [70]. Сохранились многочисленные письма к Папасу нотариев топотерета — Элладия, Феодора, Илиаса (P. Apoll., 9; 1—17 и др.). С другой стороны, пагарху приходится сноситься и сотрудничать с местными силами — епископом, куриалами, корпорациями possessores.

Интерес рассматриваемой публикации прежде всего в том, что она знакомит нас с жизнью одного из местечек Фиваиды, правда, давно уже потерявшего прежнее значение, с отношениями между представителями центральной власти и местной администрацией. Перед нами одна из многих пагархий, положение которой представляется более типичным, чем положение Афродито, являвшейся автопрагией и находившейся гораздо ближе к главному центру новых властителей Египта — Фустату. Пагархи Афродито непосредственно сносились с представителями центральной администрации, тогда как пагарх Аполлонополя (как и большинство других) был подчинен правителю Фиваиды — эмиру (σύμβολος) или его заместителю (топотерету).

[66] H. J. Bell, The Administration of Egypt under the ʿUmmayyad Khalifs, Byz. Z., 1928, стр. 278—286; он же, Egypt from Alexander the Great to the Arab Conquest, Oxf., 1948.

[67] Bell, Egypt..., стр. 123—124.

[68] Bell, The Administration..., стр. 282, прим. 1.

[69] Fouilles franco-polonaises. Rapports Tell-Edfou, I—III, Le Caire, 1937—1938.

[70] L. Mitteis und U. Wilcken, Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, I, 1, Lpz—B., 1912, стр. 90.

Документы архива Папаса носят, примерно, такой же характер, как тексты из Афродито: это — приказы эмира Фиваиды или чаще топотерета о доставке людей, провианта, дерева и т. д. в Фустат, требования об уплате налогов, сопровождаемые угрозами строгой кары пагарху в случае их невыполнения, не менее настойчивые требования о выдаче беглецов из Фустата и других местностей, пытавшихся укрыться в Аполлонополе,и т. д. В целом они содержат интересный материал, позволяющий составить представление о состоянии одной из пагархий в период, когда Египет находился под управлением Курру ибн Шарика (709—714 гг.).

Курру ибн Шарик, араб из сирийского города Киннасрин, уже до эмирата занимал важную должность одного из катибов, т. е. государственных секретарей или советников халифа. В правление халифа Валида он был назначен эмиром Египта.

Первое столетие хиджры было трудным временем для этой страны [71]. Положение особенно обострилось при предшественнике Курру — эмире Абд-Аллахе, этом «диком звере», как его называет «История патриархов». В 705 г. уровень подъема Нила оказался ниже обычного, увеличилась нужда населения, начался голод, а подати взыскивались тем не менее беспощадно, притом в увеличенном (на 60%) размере, жестоким эмиром. Умерших не хоронили до тех пор, пока деревня не уплатит за них подати. Происходило массовое бегство из ком, но беглецов разыскивали, клеймили им руки и лоб и отправляли в незнакомую им местность. Начались эпидемии (которые не прекращались и впоследствии — от одной из них в 714 г. погиб и сам Курру со всей своей семьей). Абд-Аллах был отозван и на его место назначен Курру ибн Шарик.

О нем сложилось дурное мнение как у позднейших мусульманских писателей, так и у христианских авторов. «О Боже,— восклицает один из первых, рассказывая о времени его управления,— мир полон угнетения и насилия, дай освобождение народу!».Церковный писатель называет этого эмира самым дурным из божьих созданий, плохим администратором, злым и несправедливым, тираническим, безнравственным и развратным [72].

Вьет, автор работы, специально посвященной арабскому Египту, замечает, что Курру сразу дал почувствовать свою тяжелую руку. Без сомнения неумолимый, прибавляет автор, он был, вероятно, очень беспристрастен, так как ему резко враждебны как мусульманская традиция, так и христианские летописи [73]. Эббот защищает Курру, указывая на то, что документальный материал до некоторой степени противоречит приведенной характеристике, но защита эта в сущности сводится к констатированию того, что Курру осуществлял известный совет Тиберия: не сдирать шкуры с овец, но стричь их. Что касается этого рецепта, то и документы свидетельствуют, что Курру усердно проводил его в жизнь. Эббот в своих целях ссылается на интересный папирус (Ross.-Georg., IV, 16) о запрещении Курру пытки негашеной известью λεπτάριον) и уксусом. Впрочем, мотивировка приказа, достаточно утилитарная, очень характерна. В письме к пагарху говорится, что нет другой пытки хуже, чем эта: она делает пытаемого неизлечимо больным, и неспособным к труду (стк. 3—5).

Однако вопрос заключается не в том, добрым или злым был тот или иной эмир или халиф, а в том, каково было положение населения и каковы основные черты политики правительства, независимо от тех вариантов, которые можно наблюдать при проведении этой политики различными лицами. В этом отношении папирусы Аполлонополя очень интересны.

В дальнейшем мы рассмотрим данные этого архива, касающиеся: 1) организации управления, 2) системы реквизиций и литургий, методов административного воздействия и реакции на них населения, 3) характера социальных отношений и в частности

---

[71] A b b o t, ук. соч., стр. 58 сл.; G. W i e t, L'Egypte arabe de la conquête arabe à la conquête Ottomane 642—1517 de l'ère chrétienne (G. H a n o t a u x, Histoire de la nation Egyptienne, IV [s. a.]), P., стр. 1.

[72] A b b o t, ук. соч., стр. 63—64.

[73] W i e t, ук. соч., стр. 49.

вопроса о значении крупного землевладения в Египте в это время и 4) положения страны.

Административное деление Египта в период IV—начала VIII в. во многом неясно [74]. В общем, к концу этого периода наблюдается тенденция к укрупнению как отдельных округов, так и пагархий. Сливаются, по-видимому, уже в первые годы VIII в. Фиваида и Аркадия и, с другой стороны, Египет и Аугустамникум. В особом положении находится в это время так называемый Лимитон, пограничная полоса к югу от Фиваиды. Этой полосой ведает не эмир, но особое лицо. Увеличиваются и размеры пагархии [75]. Пагарх играет большую роль в сфере податного обложения и вообще в жизни местного населения; в то же время он сам даже в мелочах зависит от эмира.

В руках последнего сосредоточены судебные, административные, фискальные и полицейские функции. Он часто находится в Фустате, столице Египта, или в Антинополе и пагарху чаще пишет от имени эмира его заместитель (топотерет). Эмир принимал участие в распределении податного бремени среди местного населения, но и пагарх в этом отношении играл большую, часто решающую роль. Переписка Папаса и драгоценна тем, что позволяет хорошо представить себе компетенцию и вообще положение пагарха как главного представителя власти на местах в начале VIII в.

Это положение характеризуется большой ответственностью перед вышестоящими: в документах Аполлонополя (так же как и в текстах, изданных Беллом и Ерштедом) встречается угроза, что пагарх может поплатиться головой в случае неисполнения приказа (P. Apoll.,9,3; P. Ross.-Georg., IV, 11, 10—11). В то же время от пагарха во многом зависели благосостояние и вообще судьба населения пагархии. В общем сходные по характеру методы применялись представителями центральной власти по отношению к пагарху и пагархом — по отношению к подчиненным ему людям — деревенским диойкетам, старостам, морякам (ναῦται), слугам (παιδία), его собственным δοῦλοι и ко всему населению: требования доставлять то, что предписывается, «тотчас и немедленно» (P. Ross.-Georg., IV, 9, 7; εὐθέως καὶ παραχρῆμα), строгие приказы и угрозы или уговоры не пренебрегать приказаниями, чтобы не навлечь на себя опасность. В случае укрытия, например, лиц, нужных для флота (καλαφάται, конопатчиков), бежавших в пагархию, пагарху и укрывателям грозит штраф в 1000 солидов или даже смертная казнь (P. Apoll., 9; ср. P. Ross.-Georg., IV, 11). В P. Apoll., 6 эмир пишет, что будет очень удивлен, если найдет пагарха в его местности, так как он уже трижды предлагал Папасу явиться в Фустат и дать отчет. Издатель не без основания замечает, что «злая воля» пагархов носила в этом отношении систематический характер. В другом случае нотарий сообщает (P. Apoll., 27, 3) о посылке эмиром специального курьера, мотивируя это тем, «что до сих пор ничего не было сделано, о чем стоило бы говорить». Соседний с Папасом пагарх Платон, обращаясь к первому за содействием, пишет о получении им «угрожающего письма» (P. Apoll., 38, 3).

Несмотря на то, что строй византийского Египта в последние века его существования и строй державы Омейядов не походил на систему учреждений Римской империи даже в IV—V вв., названия старинных должностей муниципального устройства все еще сохранялись. Папирусы из Аполлонополя упоминают куратора (P. Apoll., 66, 1), дефензора (46, 5), куриалов (75, 4). Другой вопрос — во что превратились эти должности в совершенно иной исторической обстановке.

Наряду с ними, мы читаем о многочисленных агентах центрального правительства и эмира, который нередко не довольствовался передачей приказов через обычную администрацию и отправлял специальных нарочных для ускорения исполнения приказа или для приема собранных с населения продуктов или изделий. Специальный курьер от эмира носит название берендария (P. Apoll., 27). Говорится о прибытии арацинов —«Верных» (37, 10; τῶν πιστῶν), Моагарита для передачи золота (22 ½ со-

[74] M. Gelzer, Studien zur byzantinischen Verwaltung Ägyptens, Lpz, 1909, стр. 3 сл.

[75] A. C. Johnson and L. C. West, Byzantine Egypt: Economic Studies, Princeton, 1949, стр. 100.

лидов, 2, 4) и т.д. Иногда предстоит приезд самого эмира (8, 4) на юг, подобно ἐπιδημίαι высоких должностных лиц византийского времени. В пагархии действуют свои мелкие чиновники: различного рода сборщики (42, 5; 42, 8; 75, 9; 75, 11), арабы, которым сдаются продукты или сырье, реквизированное в пагархии (94, 5), хартуларий (25,2) и др.

Пагархия уже не может сама всегда справиться с теми заданиями, которые ставит перед ней центральная власть. На состоянии ее населения и на деятельности пагарха тяжело отражается общая политика халифов. И из текстов Аполлонополя (так же как из папирусов Афродито́) видно, что все подчинено интересам войска и флота. Новый халиф, Валид, мечтал о широкой завоевательной политике, и Египет должен был служить ее материальной основой, доставляя корабли, оружие, провиант для войска и экипажей флота. Система так называемых κοῦρσα принимала все большие масштабы и требовала все больших расходов и людей. Помимо больших гаваней в Вавилоне, Александрии и других, были небольшие верфи и склады, обслуживавшие транспорт по Нилу, по которому с юга шли нужные для центрального правительства грузы. Эти верфи также находились в ведении государства.

Вопрос о системе налогов в первом веке хиджры очень сложен, решение его не однозначно. В этом отношении он сходен с проблемой податного обложения в Поздней Римской империи [76]. В общем, налоги, взимавшиеся с немусульманского населения, разделялись на две категории: обычные сборы на специальные нужды (δημόσια) и экстраординарные сборы (ἐξτραόρδινα). Δημόσια в свою очередь были двоякого рода: денежные сборы (χρυσικὰ δημόσια) и налог зерном (ἐμβολή). Денежную форму имел поземельный и подушный налог, а также так называемый «расход» (δαπάνη). Поземельное обложение основывалось на прежних принципах, хорошо известных из практики эллинистического и римского времени: размер налога обусловливался видом растений, добротностью почвы и степенью ее орошения. Техника взимания ἐξτραόρδινα была такова. Суммы, предназначенные для уплаты этих налогов и определяемые государством, оставались в пагархии. По мере надобности государство из них уплачивало за определенные продукты или материал, и так длилось до тех пор, пока вся намеченная сумма не была исчерпана.

Папирусы Аполлонополя дают живое представление об ἐξτραόρδινα. Правитель Фиваиды требовал от пагархии разнообразных поставок натурой или деньгами и прежде всего для удовлетворения нужд войска и флота, козьего и коровьего молока для флотского персонала (P. Apoll., 2), дерева для топлива в кузницах, выделывавших гвозди для кораблей (3 и 36), две с половиной тысячи мер (κνίδια) вина (10, 5), корабль для поездки нотария топотерета (15), золота (16), строительного леса для постройки дворцов или мечетей в новой столице (4), одежды для моряков и служащих центральных учреждений и т. д.

Понятно, что помимо материалов требовались и люди различных специальностей. В Египте и при арабах мы наблюдаем ту же практику литургий и тот же способ сопротивления тяжелым требованиям государства, что и при предшествовавших режимах. Каждый пагарх Фиваиды и Аркадии, например, должен был послать определенное число рабочих-специалистов (конопатчиков) для работы в арсенале Вавилона (P. Apoll., 9). Другие отряды посылались в «ангарию» [77] на работу, по-видимому, имевшую отношение к транспорту, для которой характерно определение термина, даваемое «Свидой» ἀνκαρία ἡ δημόσια καὶ ἀναγκαία δουλεία.

Как и в предшествующие века, требовалось много труда для поддержания оросительной системы, для очищения и углубления каналов (P. Apoll., 27: ἀνακάθαρσις и ἀνόρυξις). 1 февраля 713 г. нотарий Илиас пишет Папасу о работах на канале Латополя (P. Apoll., 26). Людей посылали на эти работы в принудительном порядке, вознаграждения они не получали. Особенно нуждалось правительство в специализи-

[76] D. C. Dennet, Conversion and the Poll Tax in Early Islam, Cambr., 1950, стр. 1 сл.

[77] P. Apoll., 12, 6 и прим. к стк. 6.

рованных рабочих (τεχνῖται), или, как говорится в одном из писем Курру ибн Шарика (P. Ross.-Georg., IV, 6): «Мы постоянно нуждаемся в плотниках и конопатчиках для поддержания в хорошем состоянии кораблей (τῶν καράβων), акатий (легкие суда.— *К. З.*) и дромонариев, так же как и для других различных потребностей государства.. Они (рабочие-техники.— *К. З.*) на пользу и населению хоры». Далее следует приказ организовать подготовку мастеров в пагархии, чтобы выпустить этих мастеров опытными и достаточно знающими дело.

Из документов Аполлонополя видно, что пагархи были очень затруднены в удовлетворении этого рода требований и иногда вынуждены были обращаться за помощью к соседям. Пагарх Латополя Платон отправил вместо трех мастеров-конопатчиков во флот двух швейников и одного сборщика провианта. Понятно, что высшие власти не удовлетворились ими и настаивали на своем требовании (P. Apoll., 38). В другом папирусе (29) речь идет о доставке ремесленников на верфи Вавилона и при этом настойчиво подчеркивается, что нельзя посылать просто рабочих (ἐργάται) вместо мастеров-специалистов (τεχνῖται).

На усиленные требования правительства, на приказы о поставке или закупке определенных товаров, на тяжелые литургии, отрывавшие людей от родных мест на неопределенный срок и заставлявшие их жить на севере Египта или даже в Сирии. население реагировало так же, как и раньше: бегством в другие пагархии, где беглецов не знали, где они были чужаками (ξένοι). Многочисленные и яркие известия о беглецах содержат P. Lond., IV и P. Ross.-Georg., IV. Тексты из Аполлонополя лишь дополняют эти данные. С 704 г., когда были установлены периодические κοῦρσα, уклонение от повинностей принимает все большие размеры, а хозяйственное положение Египта ухудшается.

В папирусе 13 различаются две категории разыскиваемых конопатчиков: а) беглецы (φυγόντες) и чужаки (ξένοι). Первые, это — уроженцы пагархии, убежавшие со своего местожительства. Чужаки — беглецы из других пагархий, стремившиеся найти убежище в Аполлонополе. Обнаруженных беглецов — моряков и рабочих во флоте — арестовывали; они должны были уплатить штраф в 3 солида каждый и затем отсылались на место покинутой ими работы. Житель Аполлонополя, найденный за пределами своей пагархии, по приказу эмира отсылался на родину [78]. В общем и при арабах, как и при господстве Византии, из населения Египта выжималось все, что требовалось для высшей политики: для κοῦρσα, т. е. военных экспедиций, строительства дворцов и мечетей в главных центрах государства — в Фустате, Вавилоне, Дамаске. В папирусе Аполлонополя, где идет речь о бежавших из флота καλαφάται, мы читаем приказ топотерета захватить их и отправить на специальных кораблях [79]. В фрагментарном, к сожалению, тексте (P. Apoll., 45) говорится о плаче, поднятом теми, кого сажали на корабль (стк. 2).

Тексты из Аполлонополя содержат некоторые данные и по социальной истории. Принадлежавшие магнатам (magni possessores) крупные земельные владения, о которых в свое время сообщили нам такие интересные сведения папирусы Апиона [80], продолжали существовать и в начале VIII в. Папирус 76 представляет список лиц, подлежащих обложению подушной податью согласно расчету на фискальное caput (ὄνομα). Среди них многочисленны те, на которых приходится лишь $^1/_6$ caput (всего 116), но наряду с ними отмечены два лица, каждое из которых представляет целое caput. Встречается (P. Apoll., 30, 1) термин buccellarii, который обозначал воинов на службе у частных лиц. Он является свидетельством самостоятельности и могущества владельцев больших имений [81]. Пагархи не только располагали властью над насе-

[78] P. Apoll., 7; P. Lond., IV, 1518.

[79] P. Apoll., 9, 12: τὰ ἐξα λεπτικὰ σκάφη. Впрочем, еще более красочный материал содержит P. Lond., IV.

[80] E. R. Hardy, The Large Estates of Byzantine Egypt, N. Y., 1931.

[81] Ср. ранее: букцелларии у августалов, Gelzer, ук. соч., стр. 33—34; Johnson and West, ук. соч., стр. 218 и 226 сл.

лением пагархии, но и имели в непосредственном подчинении людей, находившихся в полной от них зависимости (см. ниже).

Общераспространенным термином, обозначавшим земельные владения, было слово μηχανή, т. е. имение, в котором было сакиэ. Производились землемерные работы, при которых применялись различные способы для приближенного вычисления земельной площади (P. Apoll., 73).

Пагарху приходилось иметь дело не только с представителями центральной администрации, но и с местными чинами. Одно письмо, возможно, написал епископ, обладавший некоторыми судебными полномочиями (P. Apoll., 41). В присутствии епископа и другого представителя античной старины — дефензора — выдвигали поручителей (46, 5).

Дух эпохи, как нам кажется, очень ярко выразился в папирусе, содержащем какой-то частный счет расходов пшеницы и ячменя. Издатель рассчитал в процентах величину этих расходов, причем получилось, что, например, на содержание крестьян и ремесленников шло 6,5%, на хлебопекарню — 13,25%, а на благотворительность — 75,50%, более 269 артаб пшеницы и 2863,4 арт. ячменя на сумму более 100 солидов. Зерно шло на hospitium, на помощь беднякам, на дотации благочестивым учреждениям, на обеспечение заупокойных служб после смерти благотворителя и т. д.

Состав населения пагархии был пестрым в социальном, этническом и религиозном отношениях. Данные, конечно, отличаются отрывочным и случайным характером, но все же представляют известный интерес. В списке подлежащих обложению (P. Apoll., 75), например, упоминаются моряки и клирики, куриалы, сборщики податей, различного рода ремесленники: швейники (πλουμάριοι), плотники, мастера керамических изделий разного рода — изготовляющие кувшины (κουφοκε(ραμέων)) или горшки (λεπτοκε(ραμέων)), — маслоделы, торговцы особым видом бобов (ὀρβαροπο(λῶν)), рыбаки, земледельцы, работавшие по найму (γεωργοὶ μίσθιοι), пастухи, служители (παιδία) и т. д.

В текстах не раз говорится о рабах (ἀνδράποδα). В частности, в папирусе 51 речь идет об отправлении в Вавилон рабов-христиан (τὰ χριστιανὰ ἀνδρ[άπο]δα). В VIII в. в халифате рабство процветало, причем рабов нередко обращали в новую веру — ислам. Рабами, впрочем, владели и христиане[82]. Кроме рабов-христиан были и рабы-язычники, негры с юга, из Судана. Еще в лондонских папирусах мы находим известие о рабах эмира (ἀνδράποδα τοῦ Συμβούλου), прибывших (вниз по Нилу) из «страны негров» в его имение (οὐσία) (P. Lond., IV, 1447, 17). P. Apoll., 15 представляет собою последний греческий папирус, где упоминаются блеммии, почти в течение половины тысячелетия (с середины III в. н. э.)[83] неоднократно вторгавшиеся в Южный Египет. В византийскую эпоху приходилось уже платить блеммиям ежегодную дань и даже учредить общий культ Исиды на о. Филе. Но и это не помогало, и в IV в., и в последующее время блеммии внушали ужас населению Фиваиды[84]: они доходили уже до Антэополя и разорили его.

В 652 г. после успешного похода арабов до Донголы был заключен мирный договор с Нубией: наряду с другими обязательствами нубийцы должны были ежегодно доставлять 360 рабов обоего пола, в числе которых не должно было быть ни детей, ни стариков[85]. Нубийцы стали доставлять, согласно договору, черных рабов в Египет[86]. Позднее снова начинались стычки, вторжения блеммиев, карательные экспедиции арабов в Нубию, потом снова происходило возобновление bakt'a (т. е. мирного договора). Эдфу был одним из этапов на долгом пути рабов через

---

[82] P. Apoll., 66. Раб, оставленный в залог, проданный христианам и бежавший потом.

[83] Wilcken, Grundzüge..., стр. 30.

[84] Там же, стр. 69.

[85] Wiet, ук. соч., стр. 31.

[86] P. Apoll., 85, 10; 87, 3; 97 A, 7.

Асуан в Фустат, и в обязанности пагарха входила доставка провианта (овощей) для их прокормления (P. Apoll., 85, 10).

Кроме ἀνδράποδα мы находим в Египте этого времени и δοῦλοι. На этих δοῦλοι (они принадлежат Папасу) падает повинность по закупке в пределах пагархии требуемых правительством вещей. О распределении этой повинности говорится в P. Apoll., 79. Издатель считает, что δοῦλος в отличие от ἀνδράποδον не раб в юридическом смысле (P. Apoll., стр. 172), а скорее слуга (un serviteur, un domestique), но прибавляет, что на деле разница между ними была минимальной. По-видимому, термин δοῦλος сохранял более широкий смысл, чем ἀνδράποδον. Прилагательное δουλικός употребляет и сам пагарх в письме к топотерету (P. Apoll., 10): в нем ясно противопоставляются топотерет — «владыка» Папаса (ὁ δεσπότης μου) и ἡ δουλικὴ πόλις, о котором ходатайствует пагарх.

Положение этого «полиса» рисуется печальным. Папас пишет о крайне стесненном его положении (стк. 13: τὴν πανστένωσιν τῆς δουλικῆς πόλεως). Об этом же свидетельствуют и другие папирусы рассматриваемого собрания. Из пагархии систематически изымали людей, наиболее квалифицированных в том или ином ремесле, в целях, о которых говорилось выше, а с оставшегося на месте населения продолжали взыскивать налоги различными способами. Нередко к этому присоединялся неурожай, а вместе с ним голод и дороговизна. В 710—711 г. «такое бедствие» постигло пагархию (P. Apoll., 65). Издатель пишет о нарушении равновесия между требованиями правительства и силами населения. Но едва ли такое равновесие вообще существовало когда-либо в греко-римском Египте: требования обычно превышали возможности жителей (в частности и в византийскую эпоху).

Но, конечно, в отдельные периоды страна, разоряемая своими администраторами, чувствовала более тяжкое бремя, чем в другие. В нач. VIII в. к экономическим затруднениям присоединялись религиозные гонения и политическая неустойчивость. Пагархам приходилось обращаться за помощью к соседям, которые, впрочем, находились в подобном же положении. Каранида или Теадельфия должны были иногда забирать ослов в других комах для транспорта зерна, поступавшего натурального налога (ἐμβολή — P. Apoll., стр. 64). В письме нотария Илиаса мы читаем: «Я знаю нужду и малолюдность вашей пагархии», но тем не менее он настаивает, чтобы все было сделано для уплаты δημόσια. Платон, пагарх соседнего с Эдфу Латополя, обеспокоенный, очевидно, получением новых сообщений (ἄλλας ἀποκρίσεις) «от господина нашего всепрославленного эмира» и тем, что к нему направлены эмиром четыре сарацина для взимания требуемого, пишет, что это сам сатана привел его (в такое положение), что он никогда не был так удручен и стеснен, как в настоящий момент. Он всердцах желает своему «наипрославленному» владыке наглотаться воды Нила.

И в этих жалобах, просьбах и выражении недовольства и во всем том, о чем говорилось выше, мы слышим знакомые мотивы. Это — те мотивы, которые звучали много веков до этого времени в петициях и других документах II в. до н. э., и в текстах Ранней Империи и в папирусах конца III—IV вв., и, наконец, в сообщениях времени Юстиниана и его преемников. Значит ли это, что ничто существенным образом не изменилось, что мы имеем дело с повторением все тех же явлений? Стараясь понять экономические условия, о которых говорят нам папирусы интересующего нас периода, мы невольно вспоминаем те впечатления от административной практики, которые в известной мере отразились на трудах таких исследователей, как Вилькен или Белл. Они сводятся к утверждению, что арабы, насколько возможно, сохранили административную и фискальную систему своих предшественников. Действительно, сходство часто бывает разительно, но исчерпывается ли констатацией этого сходства задача исследователя? Не должен ли он, следя за непрерывностью исторического развития, указать и на его дискретность, на наличие скачков в этом развитии?

При решении различных исторических проблем один из методических приемов заключается в том, чтобы пытаться найти уже в предшествующем такие антецеденты,

которые свидетельствуют, что новое обусловлено в какой-то мере (иногда в большой) этим прошлым. Подобная точка зрения представляется вполне законной: она определяется нашим стремлением к историческому пониманию данного явления. Достаточно вспомнить, какие исторические перспективы открыло в свое время исследование о колонате Ростовцева, проследившего его корни на восточноэллинистическом материале, начиная с эпохи Птолемеев, или,— если взять пример из другой области,— работа Айналова, который доказывал, что византийское искусство во многом следовало образцам и приемам изображения эллинистического времени.

Вопрос только в том, достаточно ли указания на связь, на сходство, в иных случаях даже на тождественность явлений, на взаимозависимость изучаемых явлений и тех, что наблюдались в предшествующие периоды, т. е. достаточно ли признания непрерывности исторического процесса без учета того, что, несмотря на подмеченную нами связь, мы в то же время можем почувствовать и обнаружить известную прерывность этого процесса, скачки, которые, если воспользоваться образом из области физики, заставляют переходить те или иные элементы этого процесса на новые орбиты. При этом мы имеем в виду не только ту проблему, которая уже много лет стоит в центре внимания наших историков— проблему перехода от античной рабовладельческой формации к феодальной. Мы думаем, что для правильного ответа на этот вопрос необходимо сначала исследовать характер развития, его непрерывность или скачкообразность, так сказать, в малом масштабе — по отношению к отдельным элементам экономической, социальной и политической жизни, и притом в различных областях Империи. Только решение этих более мелких вопросов может подготовить условия и для понимания всего сложного, многоэтапного процесса в целом.

В этом отношении тот материал, который содержится в папирологических источниках III—VIII вв., рассмотренных в настоящем сообщении, оказывается обильным и ценным. Несмотря на лакуны (из обзора выпадает V в.), мы можем при условии привлечения одновременных текстов, изданных ранее, довольно последовательно, с начала домината и вплоть до конца первого века хиджры изучить развитие комы, полиса, муниципальных учреждений, деятельности фиска, социальных отношений, рабства, взаимоотношений этнических групп, государственного строя и проч.

Само собой разумеется, что мы ни в какой мере не могли ставить подобные задачи в настоящем сообщении. Но трудно удержаться от того, чтобы не напомнить положение, отправляясь от которого мы можем, как думается, прийти в результате специального исследования к правильному решению. Это положение сводится к отрицанию исключительности обеих точек зрения, с которых можно было бы пытаться объяснить исторический процесс: как тезиса о том, что все повторяется, что перед нами лишь главным образом заимствование, лишь все та же несколько видоизмененная вековая историческая практика, что закон истории — это ее непрерывность, так и положения о том, что политический или военный переворот, как ураган, сметает прошлое и процесс идет в совершенно новом направлении.

Как и в космосе, мы и в истории всегда можем найти промежуточные звенья, которые доказывают, говоря словами Энгельса, «что в природе (а также и в истории.— *К. З.*) нет скачков *именно потому*, что она слагается сплошь из скачков» [87].

Мне и хотелось в заключение моего изложения еще раз привлечь внимание к одной из основных проблем исторического познания, для постановки которой мы находим такой интересный материал в сложной, пестрой и богатой событиями истории IV—VIII вв. н. э.

К. К. Зельин

[87] Ф. Энгельс, Диалектика природы, М., 1952, стр. 217.

БОРЬБА ПЛЕМЕН ПОДУНАВЬЯ И СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ С РИМОМ В 275—279 гг. н. э.

События войн на Дунае 275—279 гг. н. э. неоднократно привлекали внимание ученых [1], однако главным образом в работах общего характера, где обычно дается лишь схематическое изложение хода военных действий с преимущественным вниманием к вопросам хронологии. Немецкие буржуазные ученые, не останавливаясь порой перед искажением фактов, и на примере этих войн стараются доказать ведущую роль готов и других германских племен [2]. Такое состояние историографии рассматриваемого вопроса и отсутствие в то же время специальных исследований побуждают вернуться к нему и попытаться нарисовать более полную картину военных событий 275—279 гг. и определить возможных их участников.

Войны 275—279 гг. явились продолжением той упорной борьбы, которую начиная с 30-х гг. III в. вели с Римом многочисленные племена, населявшие области к северу от Дуная. На Верхнем Дунае против Империи выступали германские племена, на Среднем — сарматы и квады, нижний Дунай стал сферой экспансии гето-фракийских племен, вестготов, западных алан. В войны на Дунае активно включилось население Северного Причерноморья: сарматы, остготы, бораны и др. Все эти племенные группы переживали эпоху разложения родо-племенного строя и война для них являлась отраслью народного производства [3]. Стремление к захвату культурных земель и добычи, ненависть к вековому врагу варваров — Империи — являлись причинами постоянных выступлений против Рима.

Уже в период наивысшего обострения кризиса III в. варвары нанесли Империи ряд тяжелых поражений на Дунае, захватив большую часть провинции Дакии [4]. Аврелиан, хотя и одержал несколько побед в Иллирике и Фракии, тем не менее был вынужден оставить Дакию. Достигнутые им на Дунае успехи (SHA, vita Aurel., 41, 8), как показало ближайшее же будущее, оказались непродолжительными. Нападениям варваров подвергались также германские и африканские провинции; опасными врагами по-прежнему были персы. Внутреннее положение Империи все еще оставалось тяжелым [5]. Все эти обстоятельства благоприятствовали возобновлению варварами войн с римлянами. Первыми выступили племена, обитавшие на берегах далекой Меотиды.

В историографии новое вторжение относят обычно ко времени похода Аврелиана на восток [6] против персов. В жизнеописании императора Тацита сообщается, что причерноморские варвары «собрались под тем предлогом, что будто бы по призыву Аврелиана они пришли подать помощь нашим в Персидской войне, если бы того

---

[1] E. Dannhäuser, Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Probus, Iena, 1909; Э. Гиббон, История упадка и разрушения Римской империи, М., 1883—1886; E. Wietersheim, Geschichte der Völkerwanderung, Lpz, 1880; Fr. Altheim, Niedergang der alten Welt, Frankfurt am Main, 1952; I. Egger, Die Barbareneinfälle in die Provinz Rätien und deren Bezetzung durch Barbaren, Archiv für Österreichische Geschichte, Bd. 90, Hft 1, Wien, 1901.

[2] B. Rappaport, Die Einfälle der Goten in das römische Reich, Lpz, 1899, стр. 101, 103; Fr. Altheim, Niedergang der alten Welt, т. II, стр. 73 слл.; он же, Römische Geschichte, B., 1958, т. III, стр. 108 сл.

[3] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1952, стр. 169 сл.

[4] А. Д. Дмитрев, Падение Дакии, ВДИ, 1949, № 1; Ю. К. Колосовская, К истории падения римского господства в Дакии, ВДИ, 1955, № 3.

[5] Е. М. Штаерман, Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи, М., 1957, стр. 484.

[6] Wietersheim, ук. соч., стр. 241.

потребовала необходимость» (SHA, vita Tac., 13,3)[7]. Известно, что римляне широко использовали в своих войнах контингенты варваров, и Аврелиан, готовясь к войне с персами, мог обратиться за помощью к племенам Приазовья. Возможно, что он добился их согласия на поставку вспомогательных отрядов после успешного завершения войн на Дунае. Но во время своего марша на восток Аврелиан, как известно, был убит. Соглашение с варварами, если оно действительно существовало, таким образом, расторгалось.

В то же время обстановка внутри Империи и на ее границах крайне осложнилась. Теперь со смертью Аврелиана они обратили собранные силы против Малой Азии, полагая, что не встретят сильного и организованного сопротивления. Собравшиеся для похода против персов варварские контингенты оказались ненужными [8]. Германцы прорвали рейнский лимес и захватили ряд крупных и богатых городов [9]. В Риме тревожились за безопасность Иллирика и за целостность восточных провинций. Между тем государство оставалось без носителя верховной власти. Наступившее довольно длительное междуцарствие было чревато новыми междоусобиями. Прошло немало времени, пока на императорский трон был возведен престарелый Тацит. Как известно, смерть Аврелиана относят на сентябрь месяц 275 г. [10]. Подготовку к походу варвары, по всей вероятности, могли развернуть еще летом 275 г., когда стало известно о предстоящей войне с персами. Возможно, что еще до того как Тацит стал императором (ноябрь 275 г.), их флот достиг берегов Малой Азии.

Западноевропейские буржуазные ученые и эту войну считают делом одного лишь германского племени остготов: Б. Раппапорт предположительно добавляет германцев-герулов (ук. соч., стр. 101). Мнение Гиббона (ук. соч., I, стр. 414), который уже много лет назад признал аланский характер вторжения, было предано забвению.

Основанием для того, чтобы считать войну 275—276 гг. предприятием только германских племен, является легенда на монетах Тацита: victoria Gotthi(ca) [11]. Однако на монетах Тацита встречается и легенда: Victoria Pontica aug(usta) (Cohen, Tac., 168), что указывает на место одержанной победы — провинция Понт — и, возможно, на племена, которые были побеждены в этой войне. Следует иметь также в виду, что термин «гот» в это время носил не столько этнический, сколько собирательный характер и употреблялся как синоним варвара Северного Причерноморья. Так, император Клавдий II именуется Готским, а одержанная им победа — победой над готами (Cohen, VI, Claud., 308); между тем современники определяли побежденные им народы как Scytharum diversi populi, в число которых входили герулы, бастарны и собственно готы. Греческие историки III и IV вв. н. э. в качестве обобщающего термина употребляли наименование «скиф» или просто «варвар».

Более поздние авторы — Зосим и Зонара, сообщая об этом походе, также не называют готов, но говорят лишь о «скифах». Поскольку в их распоряжении была традиция, идущая от Дексиппа, то термин «скиф» сохраняет за собой свое старое традиционное значение. Для Дексиппа «скифы» — это задунайские варвары вообще, безотносительно к их этнической принадлежности. Вместе с тем известно, что Дексипп в случае, когда выступало какое-то одно определенное племя, называл его, прибавляя нередко слово «скиф» (например «ютунги-скифы», HGM, т. I, ч. 22, стр. 90). Флавий Вописк — автор жизнеописания императора Тацита, у которого термины «гот», «гот-

---

[7] В этом месте и во всех других используется перевод SHA С. П. Кондратьева (ВДИ, 1960, № 1).

[8] Это происходило где-то в зоне Боспора, ибо уже появление варваров на подступах к Понту явилось началом войны (Zonar., XII, 28).

[9] L. Schmidt, Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung, Die Westgermanen, II², Münch., 1940, стр. 17 сл.

[10] Pareti, Storia di Roma e del mondo romano, VI, Torino, 1961, стр. 108

[11] H. Cohen, Description historique des monnaies frapées sous l'Empire Romain², P., 1880—1892 (далее — Cohen), VI, Tacitus, 157; ср. также 164.

ский» были в постоянном употреблении, в данном случае не называет готов, но упоминает о «многих варварах с Меотиды» — a Meotide multi barbari — или просто о «меотидах» (SHA, vita Tac., 13, 2—3). Очевидно, и в этом случае мы видим заимствование у Дексиппа или обобщение, вызванное многочисленностью и этнической неоднородностью напавших на Империю племен.

Какие же это были племена? Письменные источники и материалы археологии свидетельствуют, что территории вокруг Азовского моря были населены аланами, сарматами [12] и собственно скифами. В ходе войн III в. здесь появились остготы, герулы, бораны. Очевидно, этот конгломерат племен и принял участие в походе.

О том, какое из племен явилось ведущим, судить очень трудно. Моисей Хоренский (II, 73) сообщает, что варвары напали под руководством некоего Ардашира. Относительно правомерности упоминания этого имени в связи с походом были высказаны некоторые сомнения; как известно, имя Ардашир — часто встречаемое у персидских царей. Однако в III—IV вв. персы никогда не вторгались в провинцию Понт. Вместе с тем Моисею Хоренскому была известна история Малой Азии, и вряд ли он допустил здесь ошибку. Можно предположить, что имя Ардашир носил один из главных вождей варварских отрядов, какой-нибудь сарматский или аланский князь. Все эти свидетельства, хотя и крайне немногочисленные, дают нам возможность предполагать коалиционный характер вторжения 275—276 гг. Большая глубина вторжения и длительность борьбы, отмеченные для этого похода, как правило, имели место лишь при объединении и совместном выступлении нескольких племен.

Поход начался с того, что варвары, переправившись через Азовское море, вышли в Черное через Керченский пролив. Возможно, что Боспорское царство и на этот раз оказалось вынужденным предоставить им свои корабли или не смогло оказать противодействия. Ослабленное борьбой с варварами в 230—260 гг. н. э. на своих собственных границах, оно переживало большие внутренние трудности.

Варвары пошли, по-видимому, знакомой им по предыдущим походам дорогой вдоль восточного берега Черного моря, направляясь против малоазийских провинций.

Неожиданное для римлян возобновление морских походов в то время, когда внимание их сосредоточилось на внутриимперских делах и отношениях с Персией, обеспечило варварам фактор внезапности. Их судам удалось беспрепятственно достигнуть Фасиса. О появлении варваров у Фасиса сообщает лишь один Зонара. По его словам, «скифы... переправились через реку Фасис и напали на Понт» (Zonar., XII, 28). Он ничего не говорит об их попытке овладеть Фасисом; по-видимому, варвары ограничились пока блокадой города. Высадившись в районе Фасиса, они обошли его, форсировали р. Фасис и двинулись в глубь римских владений. Очевидно, их суда также продолжали движение вперед, а затем крейсировали где-то у берегов Понта.

В провинциях Понт и Вифиния варвары не встретили, по-видимому, существенного сопротивления, так как они проникли затем в Галатию, Каппадокию и достигли пределов отдаленной Киликии. На этот раз вторжением были захвачены восточные и центральные части Малой Азии. Столь глубокое проникновение варваров имело тем более тяжелые последствия, что в результате него оказалось прерванным сообщение с Сирией, Арменией и Озроеной. Все эти события, несомненно, способствовали прекращению затянувшегося междуцарствия. После длительных переговоров выбор сената и армии пал на Тацита.

Укрепление центральной власти создало предпосылки для организации эффективной обороны. Почти все источники единодушно свидетельствуют о возглавленном Тацитом наступлении римлян. Из беглых заметок древних авторов можно было бы

[12] К. Ф. Смирнов, Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии, сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 195; Б. В. Лунин, Очерки истории Подонья — Приазовья, кн. I, Ростов-на-Дону, 1949, стр. 79 сл.; Н. В. Анфимов, Племена Прикубанья в сарматское время, СА, XXVIII, 1958, стр. 65; В. И. Абаев, Сармато-боспорские отношения в отражении нартских сказаний, СА, XXVIII, 1958, стр. 59 сл.

заключить, что римляне наступали одной армией, во главе которой стоял сам император. Но сообщение Моисея Хоренского о том, что «Тацит пошел против Ардашира в район Понта, а своего брата Флориана с большим отрядом послал в Киликию» (II, 73), дает основание предполагать, что одна армия действовала в Понте, а другая в глубинной провинции Киликии. Наступление в Киликии должно было восстановить связь с востоком, изолировать незадолго до этого выступивших против Рима исавров, остановить дальнейшее продвижение варваров. Главный удар, по-видимому, наносился в Понте: здесь действовал с армией сам император; на это же указывает уже упоминавшаяся легенда монеты. Главной целью римлян, как можно заключить из Зосима (I, 64, 2), было полное истребление варваров.

О том, как проходило наступление римлян, имеются очень скудные данные. Возможно, что вначале армия Тацита потерпела неудачу. Моисей Хоренский сообщает, что «Ардашир разбил Тацита» (II, 73). По сообщению Зосима, наступление в целом развивалось успешно для римлян (Zosim., I, 63, 1). Римская армия имела возможность опереться на поддержку своего флота.

Очевидно, решительные успехи в борьбе с варварами были одержаны еще при жизни Тацита. В жизнеописании императора говорится, что он «подавил их (варваров.— *А. Р.*) с умом и доблестью» (SHA, vita Tac., 13, 2). Об успехах Тацита свидетельствует также Зонара: «Схватившись с ними, Тацит... большую часть истребил, остальные же старались спастись бегством» (Zonar., XII, 28). Победы Тацита отразились также в легендах монет: Victoria Gotthica; Victoria Pontica [13]. Так, на аверсе одной из монет Тацит изображен в боевом облачении, реверс монеты имеет легенду: Victoria Gotthi и изображение богини Победы. Другая монета также несет изображение богини победы с венком и пальмовой ветвью в руках, у ее ног сидит пленный со связанными за спиной руками. Судя по беглым заметкам письменных источников и нумизматическим данным, варвары понесли большие потери как убитыми и ранеными, так и пленными. Victoria Pontica, как я уже отмечал, дает нам также указание одновременно и на театр военных действий. Моисей Хоренский саму гибель Тацита связывает с местностью Sanni в Понте: Zania Pontica, II, 73, в чем с ним согласен и Малала (XII, p. 301), хотя по другим сведениям Тацит погиб не здесь. Двойное упоминание о Sanni, однако, заслуживает внимания. Не исключено, что император был в Sanni, находившемся на северо-востоке Понта. Его пребывание здесь свидетельствует о том, сколь большой район захватило вторжение, если император во главе преследующей варваров армии оказался в крайнем северо-восточном пункте провинции.

В Понте был достигнут значительный успех, так как Тацит счел возможным предоставить завершение войны Флориану, а сам направился в Европу (Zosim., I, 63, 1), где к этому времени резко ухудшилось военное положение на Рейне. Но на пути в Европу он стал жертвой солдатского мятежа: «погиб от собственного войска» (Syncell., p. 721).

Войну с варварами успешно продолжал провозглашенный цезарем Флориан. Однако восточная армия провозгласила императором Проба. Под властью последнего оказались Египет и Сирия. Флориан был вынужден направиться в Тарс и начать борьбу с Пробом. С ним, несомненно, ушла и бóльшая часть войска, занятого войной с варварами. Используя дезорганизацию, наступившую у римлян, варвары погрузились на корабли и начали отступление на север, к берегам Меотиды (Zosim., I, 64, 2; Zonar., XII, 28). Их преследование (очевидно, после некоторого промедления, вызванного сложившейся обстановкой) взял на себя римский флот [14]. Это преследование завершилось победой в Боспоре, ἐν τῷ Βοσπόρῳ (Zosim., I, 64, 2). Речь может идти только о Боспоре Киммерийском. Римляне, однако, не смогли развить и закрепить свой успех, «оставив победу над скифами в Боспоре наполовину незавершенной»

[13] C o h e n, ук. соч., т. VI, Tacitus, 157; ср. также 158 сл.; 164, 168.

[14] Боеспособность его была, очевидно, невелика. Флот состоял главным образом из кораблей приморских городов: C. G. S t a r r, Roman Imperial Navy, N. Y., 1940, стр. 196.

(τὴν κατὰ τῶν ἐν τῷ Βοσπόρῳ Σκυθῶν νίκην ἡμιτελῆ καταλελοιπώς — там же). Предстоящее столкновение Флориана с Пробом, а затем и гибель Флориана сделали это невозможным.

Поражения варваров в Понте и Боспоре имели реальное значение и для Боспорской державы. Найденная в Керчи мраморная база с посвятительной надписью времени боспорского царя Тейрана (275/276—279/280 гг.) сообщает, что памятник этот был воздвигнут в честь «богов небесных, Зевса Спасителя и Геры Спасительницы за победу царя Тейрана и вечное пребывание [его] и за царицу Элию» (IOSPE, II, 29). Не без основания считают, что речь идет о крупной победе, значительность которой отмечает этот специально сооруженный памятник. По предположению В. Ф. Гайдукевича, боспорский царь, воспользовавшись неудачами варваров, предпринял против них успешные военные действия [15]. По мнению Витуччи, окончательное завершение войны связано с деятельностью нового императора Проба, который очистил Малую Азию от остававшихся там еще отрядов варваров [16].

Вопрос о продолжении Пробом борьбы с племенами Приазовья представляется достаточно сложным. По-видимому, о какой-то победе его над ними сообщает надпись 276 г., где император именуется «готским» (CIL, XI, 1178 b; XII, 5467). На аверсе одной из монет Проба император изображен в доспехах, с лавровым венком на голове. Реверс монеты имеет легенду «Victoria Gothic» и изображение богини Победы, у ног которой сидит пленник со связанными за спиной руками. Эти данные эпиграфики и нумизматики датируются 276—277 гг. и в хронологическом отношении вполне могут быть связаны с интересующими нас событиями. Что касается их локализации, то, учитывая все сказанное ранее, они могли происходить только из Малой Азии. В самом деле, ни один из литературных источников не сообщает о боях на Нижнем или Среднем Дунае в начале правления Проба. Напротив, известно, что вскоре после прихода к власти Проб устремился в Галлию, где повел длительную и упорную борьбу с германскими племенами. Вполне вероятно, что до своего марша на запад он провел экспедицию против остававшихся в Малой Азии разрозненных отрядов варваров. Борьба завершилась окончательной победой римлян и захватом новых пленных. Это произошло, по-видимому, уже осенью 276 г.

Во время борьбы в Малой Азии прирейнские германские племена захватили почти всю Галлию [17]. В руках варваров оказались десятки галльских городов и огромная добыча (SHA, vita Prob., 13, 5). Поэтому, завершив борьбу в Малой Азии, Проб двинулся на спасение галльских провинций. Биограф Проба сообщает о стремительном марше императора, о быстро одержанных им блестящих успехах (там же, 13, 6—7). Однако темп описанных событий был гораздо более медленным. Римской армии пришлось проделать огромный путь из Азии в Европу, немало времени ушло и на подготовку к новой большой войне. Перед императором стояла другая насущная задача — укрепить римские позиции в самой Италии и в балкано-дунайских областях. Поэтому активные действия в Галлии Проб мог начать не ранее весны 277 г.[18]. Основной базой похода служили иллирийские провинции.

Пробу пришлось вести бои с коалицией германских племен, среди которых были франки, аламанны [19] и семноны. Кампания 277 г., по-видимому, не привела к решительному успеху, хотя римляне методически очищали Галлию от германских отрядов.

Между тем племена Подунавья подготовились к новой большой войне. Очевидно, вследствие потерь от вторжений 269—272 гг. они не смогли выступить одновременно с племенами Меотиды в войне 275—276 гг. Но в глубине варварского мира не прекращалось брожение; происходили постоянные передвижения племен. На Верхнем Дунае

---

[15] В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 456 сл.

[16] G. Vitucci, L'imperatore Probo, Roma, 1952, стр. 35.

[17] F. Dahn, Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker, B., 1881, стр. 229.

[18] Dannhäuser, ук. соч., стр. 47; Vitucci, ук. соч., стр. 38 сл.

[19] Wietersheim, ук. соч., стр. 243.

появились бургунды и вандалы (Zosim., I, 67, 1). В Большую Венгерскую низменность шел приток новых групп сарматов [20]. Оставление римлянами Дакии дало возможность варварам использовать ее территорию как базу для вторжений непосредственно в дунайские провинции Империи. Племена Подунавья использовали также то обстоятельство, что главные силы римской армии были заняты войной в Галлии и на Рейне. На Верхнем Дунае выступили силингские вандалы и бургунды (Zosim., I, 67, 1), на Среднем Дунае — сарматы, о боях с которыми упоминается в биографии Проба (SHA, vita Prob., 16, 2). Участие сарматских племен засвидетельствовано некоторыми данными археологии. В сарматском погребении Кечкемет на территории Венгерской Народной Республики были найдены три монеты императора Проба. Две из них выбиты на монетном дворе в Сискии [21]. Кроме сарматов с римлянами здесь воевали и какие-то другие племена (ceteri gentes — SHA, vita Prob., 16, 2), по-видимому, ближайшие соседи сарматов — маркоманны и квады [22].

Менее ясен вопрос о противниках Рима на Нижнем Дунае. В биографии Проба названы geticos populos — «гетские народы» (SHA, vita Prob., 16, 1). Очевидно, здесь имеются в виду геты и родственные им племена — тирагеты, возможно, и карпы. Раппапорт пытался опровергнуть участие в борьбе местных племен (ук. соч., стр. 103), произвольно подменяя термин «гет», приводимый источником, термином «гот». Уже Даннхойзер отверг это отождествление гетов с готами (ук. соч., стр. 59). Несомненно, что какая-то часть гетских племен продолжала обитать в междуречье Дуная и Днестра, что находит подтверждение в данных археологии [23]. Последовавшее вскоре за описываемой войной переселение Пробом на римскую землю 100 тысяч бастарнов (SHA, vita Prob., 18, 1) позволяет предположить, что в борьбе приняло участие и это кельто-фракийское племя. В этой войне участвовали, конечно, и некоторые восточногерманские племена. Из нумизматических источников известно о победе Проба над гепидами; среди племен, переселенных после войны на землю Империи, названы вестготы (SHA, vita Prob., 18, 2).

Наши источники ничего не сообщают о времени, когда началась дунайская война Проба. Маловероятно, чтобы вторжение варваров произошло осенью 276 г. или зимой 276/277 г. Основные римские силы в этот период находились в балкано-дунайских провинциях, что, очевидно, не могло остаться неизвестным для варваров и не считаться ими благоприятным для выступления. Маловероятным представляется и начало войны в 278 г., когда на Рейне были уже одержаны победы [24]. Вероятнее всего придунайские племена начали свои вторжения вскоре после ухода римской армии в Галлию, т. е. летом 277 г. Из замечаний наших авторов можно установить, что сначала они прорвались в Мезию и Фракию (SHA, vita Prob., 16, 2—4), а затем в Рецию (там же, 16, 1). Исходя из этого, можно полагать, что вторжение захватило все провинции Нижнего и Среднего Дуная.

Однако Пробу удалось уже нанести ряд поражений германцам, вытеснить их с территории Галлии (Eut., IX, 17), вернуть города и захватить большую добычу. По свидетельству SHA (Prob., 15, 3), германцы потеряли сотни тысяч людей.

---

[20] I. H a r m a t t a, Studies on the History of the Sarmatians, Budapest, 1950, стр. 55 слл.

[21] L. H u s z a r, Das Münzmaterial in den Funden der Völkerwanderungszeit im mittleren Donaubecken, «Acta Archaeologica», Bd. V, fasc. 1—2, 1954, стр. 82.

[22] На территории Чехии, Моравии, Силезии обнаружено значительное количество монет императора Проба: «Nálezy mincí v Čechach, na Moravě a ve Slezsku», Praha, 1955, т. I, стр. 156 слл., 267 слл.

[23] B. M i t r e a, Problema populaţiei geto-dace în Muntenia în secolului al IV-lea e. n., Studii şi referate privind istoria Romîniei, 1954, стр. 112 слл.; см. также Г. Б. Ф е д о р о в, Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э., МИА, № 89, М.,1960, стр. 231 слл.

[24] Монеты 278 г. свидетельствуют о каких-то победах римлян: C o h e n, Prob., 300, 539. В надписи 279 г. Проб назван Germanicus maximus — CIL, VIII, 11931.

Часть армии была оставлена для продолжения борьбы с германцами на Рейне [25], а остальные силы вместе с императором направились на Дунай (Zosim., I, 68, 1). Судя по всему ходу военных действий, план римлян сводился к тому, чтобы рядом последовательных ударов нанести поражения основным группировкам варваров. Наступление производилось с севера на юг, вдоль линии Дуная и большой военной дороги Колония Агриппина — Аргенторат — Сирмий — Эск, соединявшей Галлию с побережьем Черного моря.

Начало военных действий ознаменовалось боями с бургундами и вандалами. Зосим, единственный автор, который сохранил сведения об этих событиях, все внимание уделяет описанию решающей битвы и ее последствий (I, 68, 1—3). Но можно предположить, что ей предшествовали стычки, в ходе которых римляне потеснили варваров, сосредоточивших, наконец, все силы на правом берегу какой-то реки в Реции с тем, чтобы здесь противостоять армии Проба (Zosim., I, 68, 1) [26].

Подошедшая к реке римская армия не решилась с ходу напасть на варваров. Как свидетельствует Зосим, римские силы по численности уступали войску противника (Zosim., I, 68, 1). Тогда Проб, решив, очевидно, бить врага по частям, прибегнул к военной хитрости. Ему удалось (возможно, путем ложного отхода или действий кавалерии) спровоцировать варваров на переправу через реку. Когда значительные их силы оказались на римском берегу реки, император атаковал их. Непереправившаяся часть смогла быть лишь свидетелем битвы. Германцы понесли жестокое поражение: одни из варваров были убиты, другие взяты в плен (Zosim., I, 68, 2).

Потерпев поражение, германцы запросили мира. По условиям мирного договора они должны были вернуть захваченное имущество и пленных, но не выполнили обязательств, удержав часть добычи. По-видимому, они рассчитывали безопасно достичь границы. Император устремился за отступавшими варварами и нанес им новый удар. Их вождь Игилл вместе с уцелевшими германцами был взят в плен.

Успех римлян в борьбе с бургундами и вандалами обезопасил границы Реции (SHA, vita Prob., 16, 1), обеспечил придунайской армии связь с Галлией [27]. Взятые в плен варвары были зачислены в состав римской армии и направлены в Британию. Там они приняли участие в подавлении какого-то восстания (Zosim., I, 68, 3).

Теперь Проб мог приступить к борьбе с сарматами и их союзниками. В западноевропейской буржуазной историографии роль сарматских племен в описываемой войне считается крайне незначительной. По мнению Даннхойзера, с сарматами происходили небольшие битвы, и содержание военных действий составляли римские рейды против германцев (ук. соч., стр. 59).

Небольшое сообщение биографа Проба, казалось бы, подтверждает это мнение. В нем говорится, что «в Иллирике он так разгромил сарматов и другие племена, что почти без войны отобрал назад все, что они награбили» (SHA, vita Prob., 16, 2). Но разгром сарматов и их союзников сам по себе должен быть связан с боями. «Почти без войны» можно понимать лишь в том смысле, что разбитые сарматы предпочли выдать добычу, не дожидаясь вторжения римлян в занимаемые ими области. Биограф неоднократно подчеркивает заслуги Проба в борьбе с сарматами [28]: «К чему говорить о

---

[25] D a n n h ä u s e r, ук. соч., стр. 49.

[26] Считают, что то была река Лех: D a n n h ä u s e r, ук. соч., стр. 57.

[27] Возможно, что победы на Рейне и Верхнем Дунае повлекли за собой частичное возвращение римлянами так называемых десятинных полей — agri decumates — области между Дунаем и Рейном, захваченные варварами в 60-х гг. III в. Хотя ни один автор не говорит об этом прямо, упоминание в биографии Проба об оттеснении германцев далеко от берегов Рейна (SHA, vita Prob., 18,3) позволяет это предположить. Стратегическое значение этого района (клин в глубине римских владений) несомненно понуждало римское командование «срезать» его, сняв тем самым и угрозу с коммуникаций между Иллириком и Галлией.

[28] Ср. также C o h e n, Prob., 505, где Проб назван восстановителем Иллирика.

сарматах, готах, парфянах, персах, обо всем Припонтийском крае? Везде имеются яркие следы доблести Проба» (SHA, vita Prob., 12, 5). На первом месте среди побежденных Пробом народов названы именно сарматы и уже затем готы и персы. В гладиаторском бою по случаю триумфа императора сражалось, по словам того же автора, «много блеммиев... много германцев и сарматов» (там же, 19, 2).

Победа римлян над бургундами и вандалами, успех в борьбе с сарматами создали предпосылки для завершения войны. В жизнеописании Проба это изображено как заключительный этап борьбы на Дунае, как некая военная прогулка: император «направил путь по Фракиям и принял в подданство или в дружбу все гетские народы, напуганные молвой о его деяниях и подавленные могуществом страшного имени» (SHA, vita Prob., 16, 2—4). Вполне возможно, что после поражения германцев и среднедунайских сарматов часть племен на Нижнем Дунае предпочла заключить мир. Однако в целом биограф явно приукрасил положение вещей. Можно думать, что имела место и специальная экспедиция против гепидов, о чем свидетельствует монета с изображением трофея и двух пленных над легендой victoria gep(idica) (Cohen, Prob., 755).

Ход военных действий на Нижнем Дунае может быть представлен, по-видимому, следующим образом. Базируясь в Паннонии и особенно на Сирмии, важной крепости и узле дорог, римляне с боями продвигались через Верхнюю Мезию по направлению к Сердике, где впоследствии отмечено присутствие императора [29]. Наиболее вероятным маршрутом их движения была известная дорога: Виминакий — Наисс — Сердика. Достигнув Фракии, они и ее очистили от варварских отрядов и, наконец, закончили поход экспедицией против гепидов. Тем временем были успешно завершены и военные действия на Рейне. В надписях Проба именовали Verus Germanicus, панегиристы прославляли его необыкновенные доблести [30]. Точные хронологические грани римского наступления наметить довольно трудно. Завершилось оно в 279 г., когда Проб прибыл в Сердику (Cohen, Prob., 459). Но о времени начала наступления мнения расходятся. Витуччи (ук. соч., стр. 48) склонен считать, что римляне начали войну летом 279 г. Раппапорт (ук. соч., стр. 103) все наступление относит к 278 г. Даннхойзер датирует поход на бургундов и вандалов летом 278 г., а борьбу на Среднем и Нижнем Дунае переносит на 279 г. (ук. соч., стр. 60 сл.).

Наиболее реальной представляется хронология, предложенная Даннхойзером. Протяженность театра военных действий, многочисленность противника не могли не повлечь за собой длительный характер войны, затянувшейся на весь год, с 278 по 279 г. Значительные римские силы оставались еще на Рейне, в прикрытии нуждалась и граница с Персией, что, в свою очередь, ограничивало возможность наступления для римлян на Дунае и задерживало, таким образом, начало их активных действий.

Война 277—279 гг. является одной из самых значительных в длинной серии дунайских войн III в. н. э. В этой войне варвары Подунавья выступили в контакте с прирейнскими германскими племенами, поставив тем самым Империю в критическое положение. Занятость римских войск на рейнском и дунайском фронтах создала благоприятные условия для восстаний в восточных провинциях и усиления Персии.

Весь четырехлетний промежуток (275—279 гг. н. э.) Империя выдерживала войны сначала с варварами Северного Причерноморья и Меотиды, затем с придунайскими народами и германцами на Рейне и в Галлии. Эти войны причинили тяжелый урон основным военно-хозяйственным районам Империи. Вторжения 275—279 гг. носили коалиционный характер. В них приняли участие контингенты этнических групп, населявших области Подунавья и Северного Причерноморья (германцы, сарматы, гето-фракийцы).

А. М. Ременников

---

[29] Возможно, что в этот период произошло столкновение с готами (M a l a l a, XII, p. 302; M o s. C h o r., II, 76).

[30] O. F i e b i g e r, Inschriftsammlung zur Geschichte der Ostgermanen, Denkschriften Ak. d. Wiss. in Wien, Phil.-hist. Kl., Bd. 70, Abh. 3, 1939, стр. 20, № 27.

МЕТРИЧЕСКАЯ ЭПИТАФИЯ III в. н. э.
(К IOSPE, I², 716)

В эпиграфическом лапидарии Херсонесского музея есть фрагмент мраморного надгробия, опубликованный В. В. Латышевым в IOSPE, I², 716. Как указал автор, он был найден в 1911 г. за западной оборонительной стеной Херсонеса [1] и сильно пострадал от огня. Судя по размерам и форме фрагмента, края которого отбиты и округлены, он, вероятно, был вторично использован в качестве крышки для пифоса.

Высота плиты 34 см, ширина 31 см, толщина 9,5 см. Вверху сохранилась часть рельефа, возможно, складки длинной одежды от фигуры сидящей в кресле женщины. Под рельефом — остатки греческой надписи (высота букв 1,3—1,9 см). В. В. Латышев указывает, что с левой стороны плиты, где видна и часть рамки, обрамлявшей надпись, буквы читаются достаточно хорошо, а с правой стороны и внизу с о в е р ш е н н о п о г и б л и (prorsus perierunt) из-за коррозии поверхности камня.

При внимательном осмотре памятника удалось прочитать еще ряд слов, вырезанных в правой и особенно в нижней части плиты. Кроме того, мы обнаружили, что надпись была обведена красной краской — деталь, не отмеченная В. В. Латышевым. Вероятно, это объясняется тем что лично он не видел плиту и издал ее по недостаточно точным и подробным описаниям и воспроизведениям. Этим же можно объяснить отсутствие какой-либо датировки надписи. С аналогичными фактами мы столкнулись и при изучении надписи IOSPE, I², 715, также включенной в раздел Addenda. Располагая лишь краткими сведениями, В. В. Латышев принял постамент с остатками посвятительной надписи и следами от статуи за надгробную плиту, но воздержался от восстановления текста [2].

Таким образом, мы еще раз убедились в необходимости тщательного изучения и проверки всех памятников, оригиналы которых остались недоступными В. В. Латышеву.

Осторожно очистив и промыв поверхность плиты, мы заметили, что даже в тех местах, где камень сильно поврежден, в углублениях букв сохранились следы краски. Это неожиданно дало дополнительный источник для восстановления текста.

Квадратная Ω и Σ, A, Λ и Δ с удлиненной правой гастой, формы K P, M, N и другие особенности шрифта позволяют датировать надпись III в. н. э. [3].

По сохранившемуся нижнему краю плиты и вновь выявленным нижним строкам можно установить, что надпись состояла из восьми строк.

В. В. Латышев предложил следующее восстановление пяти строк надписи, представляющей собой стихотворную эпитафию, написанную элегическим дистихом:

1 [Τὴ]ν ἐν δόμοισιν - - - - - - - - - - - - - - - - - -
[καὶ τὴν] ἐν λέκτροι[ς στεργ]ο[μένην γαμέτιν·
τῇδε] σύνευνον Διογ[ένους - - - - -
σεμνῶς καὶ κ[αθαρῶς? - - - - - - - - - - - - -
5 τρ(ε)ῖς ἐτέων [δεκά]δ[α]ς - - - - - - - - - - - - - -
- - τε - εδε - - - - - ο - - - - - - - - - - -

Сейчас в конце стк. 2 читается ONΘ, в конце стк. 3 — EN, в стк. 4 видно OΣ, несколько вертикальных черточек и Σ, в стк. 5 — ΛEK. Δ. ΣK, в стк. 6 после TE ясно выступают ΛEΣAΣA, затем менее четко NXPO, в стк. 7 — KEPAKAI, далее, видимо, ΦIΛTA, в конце стк. 8 — ΠAPOΔE.

[1] Ср. Архив ГХМ, д. 104, л. 7, № 486, опись находок за 1911 год. Сведения о времени и месте находки этого памятника, помещенные в ОАК за 1913—1915 гг. (1918, стр. 71), ошибочны и относятся к другой надписи — IOSPE, I², 715.

[2] См. Э. И. С о л о м о н и к, Эпиграфические заметки. Посвящение Деметре, СХМ, II, 1961, стр. 36 сл.

[3] Ср. IOSPE, I², 584; А. И. Б о л т у н о в а и Т. Н. К н и п о в и ч, Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре, Сб. «Нумизматика и эпиграфика», III, М., 1962, стр. 26 слл. и табл.

Таким образом, весь текст с новыми дополнениями и поправками представляется в следующем виде:

1 [τὴ]ν ἐν δόμοισιν - - - - - - - - - - - - - - - - - -
[καὶ τὴν] ἐν λέκτροις - - - - οθν - - - - - - - -
τῇδε] σύνευνον Διογέν[ους - - - - - - - - - - - - -
σεμνῶς καὶ κοσ[μίω]ς - - - - - - - - - - - - -
5 τρ(ε)ῖς ἐτέων δεκ[α]δ[α]ς κ[αὶ - - - - - - - - - - -
[ἐκ]τελέσασαν χρό[νον - - - - - - - - - - - - -
[γλυ]κερὰ καὶ φιλτά[τη - - - - - - - - - - - - -
[χαίρετε] παροδε[ῖται - - - - - - - - - - - - -

Дополнение, предложенное В. В. Латышевым для конца стк. 2, не соответствует буквам OΘN. Возможно, здесь стояла какая-либо форма от θνήσκω — θνητός.

Благодаря чтению в конце стк. 3 букв EN имя супруга погребенной Διογένης, дополненное В. В. Латышевым, получает полное подтверждение. Это имя неоднократно встречалось среди должностных лиц Херсонеса римского времени [4].

В конце стк. 4 после K читается OΣ; поэтому предположительное дополнение κ[αθαρῶς] не может быть принято. Мы заменяем его словом κοσ[μίω]ς, которому соответствует несколько следующих вертикальных черточек (вероятно, от M, I и квадратной омеги). Это наречие хорошо сочетается по смыслу со стоящим рядом σεμνῶς, характеризуя честность и скромность умершей. Оно встречается в Херсонесе на мраморном саркофаге из базилики 1935 г.[5]. Ср. также выражение ζήσασα κοσμίως на женских надгробиях римского времени из Вифинии [6].

В стк. 5 выявилось несколько новых букв в слове δεκάδας, а после него K и косая черточка вверху; это дает основание дополнить союз καί.

В стк. 6 мы дополняем XPO как χρό[νον] (в смысле χρόνον τοῦ βίου — время или срок жизни) и соответственно выбираем для глагола приставку ἐκ-, которая хорошо размещается на краю плиты (кроме того, небольшая косая черточка перед T вполне подходит для K). Все выражение: ἐκτελέσασαν χρονον, к которому мы еще вернемся, находит прямую аналогию в другой стихотворной эпитафии из Херсонеса [7].

В стк. 7 мы дополняем два прилагательных женского рода в превосходной степени — γλυ]κερὰ καὶ φιλτά[τη. Эпитет γλυκερός (сладчайший) известен на многих метрических эпитафиях II—III вв. н. э. из Афин, Рима, Византия, Ларисы и других центров [8]. Эпитет φιλτάτη (милейшая, любимая) встречается на надгробиях того же времени [9].

В конце стк. 8 более мелкими и небрежно выполненными буквами (буквы имеют разный наклон, строка не соблюдена) написано ΠΑΡΟΔΕ, которое смело можно дополнить как παροδε[ῖται, а перед ним поставить χαίρετε, получив формулу, известную на херсонесских надписях первых веков н. э. [10].

---

[4] IOSPE, I², 359, 361, 386; КСИИМК, XV, 1947, стр. 58 слл.; ВДИ, 1960, № 3, стр. 154 слл.

[5] Г. Д. Белов, Херсонесские рельефы, ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 269.

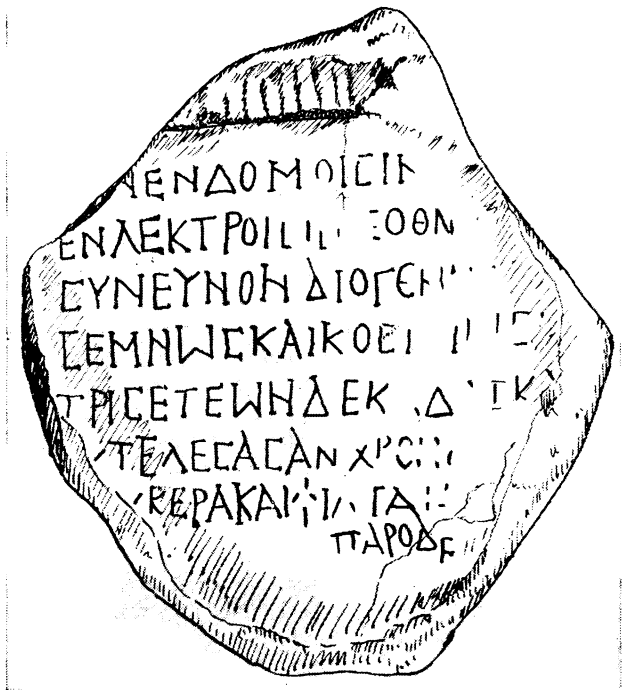
[6] F. K. Dörner, Inschriften und Denkmäler aus Bithynien, «Istanbuler Forschungen», 14, B., 1941, № 135, 137, 138. Ср. также CIG, III, 6663. Эпитет σεμνή ср. на двух метрических эпитафиях из Рима II и III вв. н. э., W. Peek, Griechische Grabgedichte, B., 1960, №№ 359 и 406.

[7] IOSPE, I², 485.

[8] Peek, ук соч., № 267, 273, 293, 310, 342, 389, 401, 402.

[9] Там же, № 351 (Рим); J. Stoian, Tomitana, Bucureşti, 1962, стр. 206, табл. LIX (Томы). Обе надписи стихотворные.

[10] IOSPE, I², 485 и 486; Белов, ук. соч. Ср. также нашу расшифровку монограммы на херсонесском надгробии II в. н. э., найденном в 1961 г. (Сб. «Нумизматика и эпиграфика», V, в печати).



Прорись надписи IOSPE, I² 716, (после очистки)

Обращение к прохожим появляется уже на ранних греческих эпитафиях [11]. Чаще всего оно стоит в прозе в конце текста (прозаического или стихотворного) [12], но иногда включено в стихи [13].

Примерный перевод сохранившегося фрагмента надписи следующий:

> Такую-то . . . . . в доме . . . . . на брачном ложе . . . . . здесь супругу Диогена [скрывает земля], честно и скромно [прожившую] . . . . . три десятка лет и [столько-то] . . . . . исполнившую время [жизни] . . . . Сладчайшая и милейшая (или любимая.—*Э. С.*)
> . . . . . Прощайте, прохожие . . . . . .

Среди херсонесских надписей II—III вв. н. э. есть несколько метрических эпитафий [14]. В римское время пышные и длинные стихотворные эпитафии, как и богатые рельефные украшения надгробий, получили широкое распространение во всем антич-

---

[11] R. Lattimore, Themes in Greek and Latin Epitaphs, Urbana, 1942, стр. 231.

[12] IOSPE, II, 261, 363; G. Mihailov, IGB, II, № 494, 688, 744, 813, 820, 828; Stoian, ук. соч., стр. 200, № 4; стр. 205 сл., № 7; стр. 206, № 9.

[13] Peek, ук. соч., № 234, 284, 288, 305, 319, 326, 371, 428, 429, 432. Возможно, в рассматриваемой надписи последняя строка также была стихотворной. Для соблюдения размера А. А. Белецкий предложил в этом случае вставить перед словом παροδεῖται восклицание ὦ, которое встречается в ряде приведенных выше надписей.

[14] IOSPE, I², 479, 485, 516, 519, 527; ВДИ, 1938, № 3, стр. 77 сл., № 8; Э. И. Соломоник, Новые эпиграфические памятники Херсонеса, Киев, 1964, № 58.

ном мире [15], причем все больше внимания стали уделять описанию личных качеств человека и его занятий, воспевая ум, образование, верность, любовь и т. п. [16].

Имя погребенного, как правило, ставили в именительном или родительном падеже, редко — в дательном [17]. Но если это справедливо для прозы, то в стихотворных надписях, как видно из многочисленных примеров, часто использовали аккузативную конструкцию [18]. Примеры этому есть и в Херсонесе [19].

После имени умершего в винительном падеже обычно следуют выражения: γαῖα καλύπτει, ἔχει τάφος, ἔχει τόδε σῆμα и др. [20] Одно из них могло быть в утраченной части данной надписи.

Обращает на себя внимание еще следующий момент: в винительном падеже выдержаны лишь первые шесть строк; затем, вероятно, следует обращение к умершей, а в последней строке — обращение умершей к проходящим мимо ее могилы. Диалогической формой достигались живость и выразительность стиха, чувство непосредственного общения с умершим, которое соответствовало и религиозным верованиям античной эпохи. В лучших образцах этого рода эпитафия превращалась в драматический диалог между живым и мертвым, полный чувств и философских мыслей.

В языке рассматриваемой надписи весьма богат набор высокопарных слов и поэтических выражений, заимствованных из эпоса (ср. λέκτρον [21], σύνευνος, γλυκερά [22] и способ обозначения возраста: τρεῖς ἐτέων δεκάδας... [23]).

По содержанию особый интерес вызывают слова: ἐκτελέσασαν χρόνον «исполнившую время...» в стк. 6, которые вряд ли заменяют обычное ζήσας ἔτη... «проживший столько-то лет». Это выражение, скорее всего, отражает представления древних о продолжительности человеческой жизни, зависевшей, по их мнению, от судьбы и воли богов.

Начиная с гомеровской религии, Мойры обозначали судьбу или богинь, которые прядут нить жизни человека и определяют его смерть [24]. В императорском Риме процветали астрологические учения, и люди стали верить, что продолжительность или время (χρόνος) жизни определяется положением звезд при рождении человека [25]. Таким образом, «исполнить время жизни» — значит выполнить предначертание судьбы, умереть в назначенное время.

Поскольку в Херсонесе найдено немало стихотворных эпитафий и посвящений, можно предполагать, что там были местные поэты. Это подтверждается и агонистиче-

---

[15] A. G. Woodhead, The Study of Greek Inscriptions, Cambr., 1959, стр. 44.

[16] Peek, ук. соч., стр. 35; Lattimore, ук. соч., стр. 299 сл.

[17] Woodhead, ук. соч., стр. 44.

[18] Peek, ук. соч., № 19, 112, 295, 318, 409, 413; эпитафии, начинающиеся со слов Τήν π Τον (см. указатель, стр. 358); Mihailov, IGB, I, № 229 (=ВДИ, 1959, № 4, стр. 120).

[19] IOSPE, I², 482, 527; ср. также IOSPE, I², 508 (в прозе).

[20] Peek, ук. соч., № 252, 294, 296.

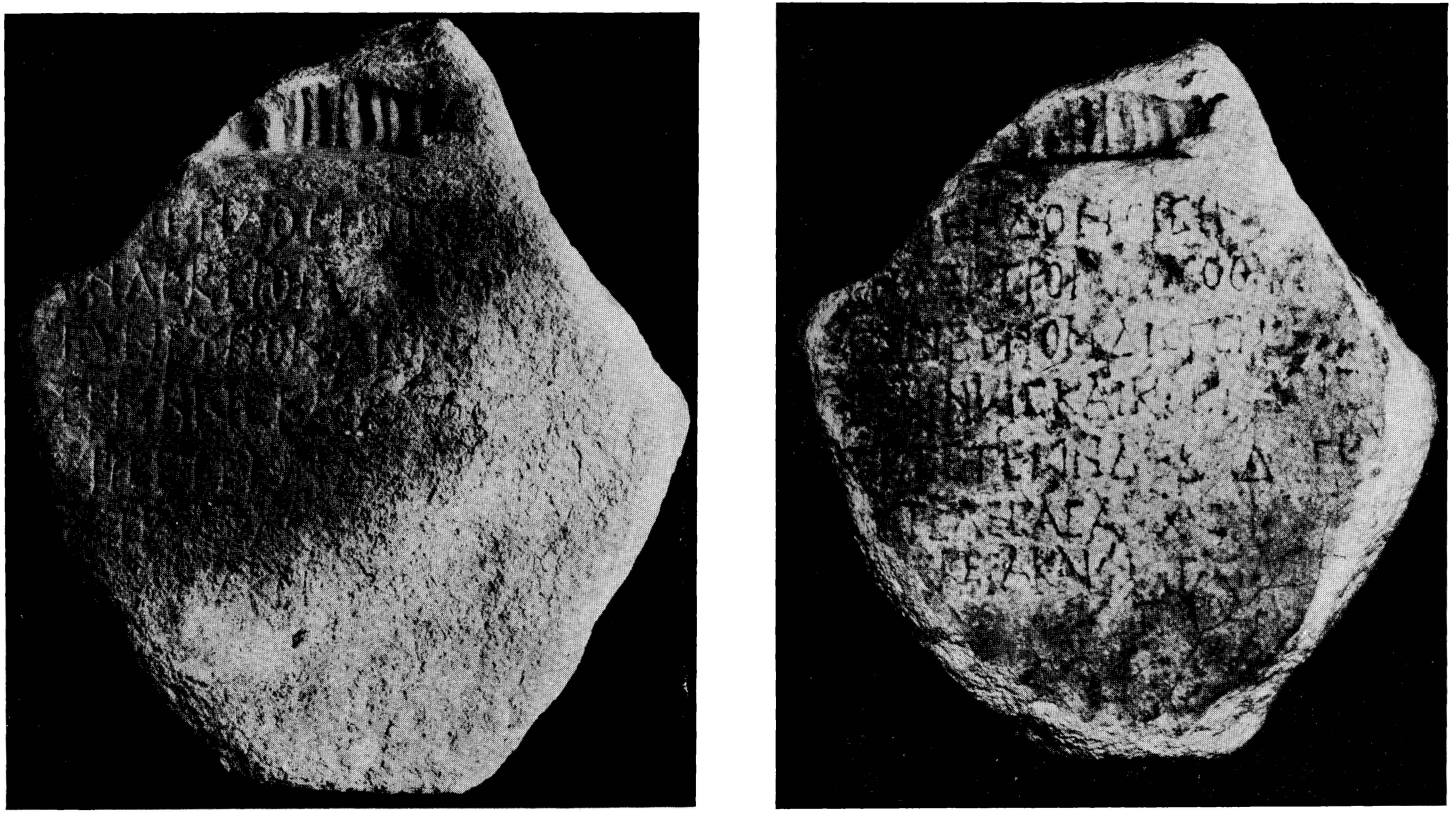
[21] Ср. это слово на двух стихотворных эпитафиях римского времени из Фригии и Киликии (Peek, ук. соч., № 331, 412).

[22] Примеры см. выше, прим. 8.

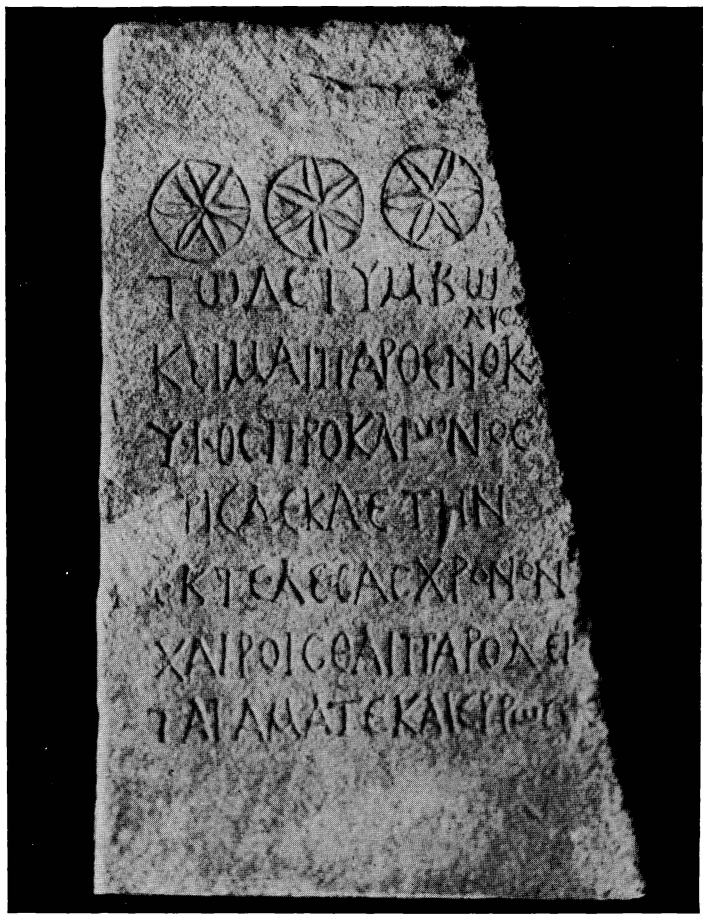
[23] Peek, ук. соч., № 105, 246, 328, 385.

[24] Отражение этих представлений в стихотворных эпитафиях первых веков н. э. см. Peek, ук. соч., № 304, 305, 316, 388, 389.

[25] A. Bouché-Leclerq, L'astrologie grecque, P., 1889, стр. 404; Э. Бикерман (E. Bikerman, The Orphic Blessing, «Journal of the Warburg Inst.», II, 1939, стр. 370) убедительно показал отражение астрологических представлений в одной из боспорских надписей I в. до н. э.— I в. н. э. Умерший Гекатей назван μεσοχρόνιος, что по астрологической терминологии обозначает человека, которому по положению звезд при рождении предопределена средняя продолжительность жизни.



Плита с надписью, IOSPE, I², 716. Слева — до очистки, справа — после очистки



Надгробие с надписью, IOSPE,I² 485
(фотография памятника публикуется впервые)

ской надписью первых веков н. э., где среди видов мусических состязаний названа ἐπίγραμμα,— соревнование авторов эпиграмм, т. е. стихотворных эпитафий и других небольших поэтических произведений [26].

В большинстве случаев метрические эпитафии римского времени сочиняли не профессиональные поэты, а скромные ремесленники, которые употребляли штампованные формулы и свободно нарушали стихотворный размер.

Эпитафия IOSPE, I², 485 во многом сходна с рассматриваемой. Она написана стихами, содержит редкое выражение: ἐκτελέσας χρόνον, аналогичное обозначение возраста и в заключительных строках обращение к прохожим. Поэтому вполне возможно, что обе надписи, датируемые III в. н. э., были составлены одним автором, хотя выполнены разными резчиками.

В верхней части стелы IOSPE, I², 485 вырезаны три окружности с вписанными в каждую шестью лепестками, причем по расположению и характеру исполнения их трудно принять за обычные орнаментальные розетки.

Ф. Кюмон в специальном исследовании, посвященном надгробным символам римского времени, показал, что многие из них носят астральный характер и связаны с учениями о бессмертии души [27].

В Греции восточные представления о жизни после смерти были заимствованы еще пифагорейцами, а во времена Демокрита получили широкое распространение [28]. В императорском Риме, особенно в III в. н. э., влияние восточных культов достигло своей вершины [29]; они находились под покровительством императоров и пользовались наибольшим успехом среди солдат, чиновников и интеллигенции [30]. Небесные светила считали покровителями мертвых, а луну и звезды—местопребыванием душ умерших. На посвящениях и надгробиях из Малой Азии часто встречается имя бога луны Мена и изображение луны и звезд [31]. Эти символы проникли затем в Европу и были широко известны в римских провинциях.

Богатый материал, собранный Ф. Кюмоном, позволяет правильно понять и объяснить изображение на херсонесском надгробии. Приведем некоторые примеры из его книги: табл. XVI, 1 — фрагмент вазы из Амиса с маской Александра-космократора, луной и тремя звездами, табл. XVI, 2 — посвятительный барельеф из Аттики с изображением Мена и трех звезд, рис. 47 — латинское надгробие из Нима с изображением луны и трех дисков, рис. 50 — латинское надгробие ветерана из Карнунта (Паннония) с изображением луны и двух шестилепестковых «розеток», рис. 54 — латинское надгробие из Испании с изображением луны и трех шестилепестковых «розеток». Кюмон указывает, что первоначально в Азии три звезды обозначали великую триаду — Син, Шамаш и Истарь, т. е. Луну, Солнце и Венеру, но позже на Западе утратили это значение и стали изображать просто звезды [32].

Три звезды на надгробии из Херсонеса хорошо сочетаются с предложенным выше толкованием текста. Слова поэта и символы, видимо, выражали общие идеи о жизни

---

[26] IOSPE, I², 433; М. М. К у б л а н о в, Из истории культуры Северного Причерноморья, сб. «Древний мир», М., 1962, стр. 570 сл.

[27] F. C u m o n t, Recherches sur le symbolisme funéraire des Romains, P., 1942, passim.

[28] C u m o n t, Recherches..., стр. 183; S. L u r i a, Demokrit, Orphiker und Ägypten, «Eos», LI, 1961, стр. 29—32. Интересно отметить, что в комедии Аристофана «Лягушки» пародируются орфико-пифагорейские учения о загробном мире (см. там же, стр. 35).

[29] F. C u m o n t, Die orientalischen Religionen im römischen Heidentum, Lpz — B., 1914, стр. 15 сл.; R. L a t t e, Römische Religionsgeschichte, Münch., 1960, stp., 342.

[30] Е. М. Ш т а е р м а н, Мораль и религия угнетенных классов Римской империи, М., 1961, стр. 288.

[31] C u m o n t, Recherches..., стр. 205 слл.

[32] Там же, стр. 209.

и смерти человека: по звездам определялся срок его пребывания на земле, на звезды возвращалась его бессмертная душа.

Итак, мы впервые можем констатировать проникновение в Херсонес модных в то время учений о бессмертии души и связанных с ними астральных символов. Путь же восточных влияний на Херсонес мог быть двояким: непосредственно из Малой Азии через города Южного Причерноморья и из западных римских провинций вместе с прибывшими туда легионерами [33].

Э. И. Соломоник

[33] О проникновении в Херсонес других восточных культов и астральных символах на надгробиях римских легионеров мы будем говорить в другой работе.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К. М. КОЛОБОВА, Древний город Афины и его памятники, Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1961, тираж 2200 экз., цена 1 р. 72 к.

Книга К. М. Колобовой, несомненно, — значительное явление в советской исторической науке. Трудно определить форму этой книги. Как справедливо указано в предпосланной ей краткой аннотации, это не учебное пособие и не монография в точном значении этого слова. Название книги «Древний город Афины и его памятники» достаточно хорошо определяет ее содержание. История Афин не как города-государства, а как собственно города, история жизни человека на данной территории, его строительной деятельности, история отдельных важных памятников прослеживаются К. М. Колобовой с древнейших времен до IV в. до н. э. Именно этим вопросам уделяет автор основное внимание, а события политической и экономической истории привлекаются им лишь в той мере, в какой это необходимо для объяснения изменений в жизни города, его развития и роста. При этом К. М. Колобова одинаково полно и широко использует и свидетельства, сохраненные нам античными авторами, и аттические мифы, и богатые материалы, доставленные археологическими работами, проводившимися в Афинах как в прошлом столетии, так и — особенно широко — в последние десятилетия, начиная с 30-х гг. нашего века. Раскопки в Афинах дали настолько обширные и интересные результаты, что даже простое их обобщение и изложение в хронологической последовательности позволило бы создать важную и полезную книгу, такую, как, например, вышедшая в 1953 г. работа: J. C. Hill, The Ancient City of Athens, L., 1953.

Книга К. М. Колобовой выгодно отличается от этой и подобных ей работ тем, что она является не просто собранием фактов, но историей жизни города в самом широком смысле этого слова. Автор, часто на основании самых незначительных свидетельств источников, восстанавливает различные стороны городской жизни, обряды и обычаи, удачно связывая их с данными, добытыми археологией. Перед читателем предстают живые, мастерски написанные картины жизни и быта античных Афин; в этом отношении особенно интересны главы, посвященные Пирею, Агоре, улицам Афин, театру Диониса. Как нам представляется, в таком удачном соединении чисто фактических археологических данных со свидетельствами других источников, в воссоздании на этой основе картины жизни и развития древнего города Афин и заключается основная ценность рецензируемой книги. Этот опыт является первым в своем роде, бесспорно удачным, заслуживающим изучения как новый жанр, если можно так выразиться, исторической литературы. Ни в чем не снижая научные достоинства своего труда, К. М. Колобова сумела превратить его в увлекательный рассказ о жизни и быте афинян, об афинских памятниках, рассказ, который, несомненно, полезен не только для специалистов, но и для всех интересующихся древней историей.

Автор излагает материал в хронологическом порядке. Большая часть книги посвящена Афинам классического времени — V и IV вв. до н. э.— периоду, о котором сохранилось много больше сведений и исторических, и археологических, чем о всей предшествовавшей эпохе, значительно более протяженной во времени.

Чтобы получить полное представление о рецензируемой работе, рассмотрим последовательно отдельные ее главы, останавливаясь одновременно на некоторых недочетах, встречающихся в ней несмотря на все ее достоинства. Укажем сразу, что большая часть этих недочетов приходится именно на первые главы книги, посвященные Афинам II и первой половины I тыс. до н. э., может быть, в силу уже отмеченной их краткости, не позволившей автору осветить отдельные

проблемы и положения столь же широко и полно, как в главах об Афинах классического периода.

Глава I посвящена Афинам II тыс. до н. э., главным образом позднеэлладского периода. Начало ее отведено критическому анализу аттических мифов, связанных с установлением культов Афины, Посейдона, Эрехтея на Акрополе, с аттическими царями и героями. Автор убедительно показывает, что в этих древнейших аттических преданиях нашли отражение религиозные представления микенского времени, а также некоторые культы, сохранившиеся и в последующий период,— например, культ быка на Акрополе. Переходя к конкретному рассказу о поселении микенского времени на Акрополе, автор описывает Пеларгикон с его двумя входами, западным и северо-восточным, дворец афинских басилеев, остатки стен и колонн которого сохранились под фундаментами храма VI в. до н. э., так называемого Гекатомпедона, а также интереснейшее сооружение, связанное, несомненно, с угрозой дорийского нашествия на Афины,— подземный колодец, расположенный на склоне Акрополя к северо-западу от Эрехтейона, куда вел подземный проход из крепости. Как нам кажется, в этом разделе следовало бы кратко упомянуть также о маленьком позднемикенском святилище у западного входа на Акрополь, открытом здесь при работах по реставрации пиргоса, на котором стоит храм Ники Аптерос [1]. Существование на одном и том же месте с позднемикенского времени святилища в виде небольшого поросового алтаря, смененного затем алтарем архаического периода и храмом в V в. до н. э., является важным доказательством преемственности культов II и I тыс. до н. э. в Афинах.

На последних страницах этой главы рассказывается о некрополе позднеэлладского времени. Автор справедливо указывает, что основное поселение в Афинах в этот период ограничивалось территорией Акрополя и его склонов, а территория Агоры и примыкающих к ней холмов была занята некрополем. Правда, находка колодца в 1952 г. на Агоре, между храмом Арея и алтарем 12 богов, позволяет предположить, что рядом с некрополем существовало какое-то небольшое поселение [2]; остатки домов здесь, естественно, не могли сохраниться ввиду интенсивности строительства на Агоре в позднейшие периоды. Что касается описания самого некрополя, то К. М. Колобова подробно останавливается на характеристике камерного склепа, открытого на северном склоне Ареопага в 1939 г., как на примере такого рода погребальных сооружений. Об индивидуальных могилах рядового населения почти ничего не сказано, за исключением двукратного упоминания, что это были «погребения в сосудах» (стр. 20—21). К сожалению, автор не расшифровывает этого понятия. Нам известны погребения в сосудах с кремацией, но они относятся к несколько более позднему времени; в крупных сосудах также нередко хоронили маленьких детей. Рядовые же погребения микенского некрополя в Афинах представляют собой обычные захоронения ямного типа; тело умершего клали или в простую грунтовую могилу, или в могилу, обложенную плитами известняка. Перекрывались обычно и те и другие каменными плитами [3]. Такие индивидуальные погребения сопровождались инвентарем, состоявшим из немногочисленных украшений и расписных сосудов. Так, именно в таком погребении XV в. до н. э. была найдена в числе других десяти одна из лучших микенских ваз, происходящих с Агоры,— чаша с лилиями [4]. Кстати, К. М. Колобова слишком ограниченно указывает дату микенского некрополя Афин — 1300 — 1200 гг. до н. э. (стр. 19). Тем самым создается представление, что он современен упомянутым выше позднемикенским постройкам на Акрополе; в действительности он существовал значительно дольше: древнейшие грунтовые могилы относятся к XV в. до н. э. (например, указанная могила девушки с чашей с лилиями [5]), камерные же гробницы в большинстве своем датируются XIV в.[6].

Совсем мелкое замечание по I главе: найденный в камерной гробнице 1939 г.

[1] P. Lemerle, Chronique des fouilles, Athens, BCH, 1936, т. 60, № 2, стр. 455; 1938, т. 62, № 2, стр. 289.

[2] H. A. Thompson, Excavations in the Athenian Agora, 1952, AJA, 1953, т. 57, № 1, стр. 24.

[3] H. A. Thompson, Excavations in the Athenian Agora, 1951, Early Burials, «Hesperia», 1952, т. XXI, № 2, стр. 104 сл.; L. Talcott, Athens, A Mycenaean Necropolis under the Agora Floor, «Archaeology», 1951, т. IV, № 4, стр. 223 сл.

[4] E. P. Blegen, Archaeological News, Greece, 1950—1951, AJA, 1952, т. 56, № 2, стр. 122.

[5] См. прим. 4. H. A. Thompson, Excavations in the Athenian Agora, 1953, Early Tombs beneath the Stoa of Attalos, «Hesperia», 1954, т. XXIII, № 1, стр. 57—58.

[6] H. A. Thompson, Excavations of the Athenian Agora, Twelfth Season: 1947, «Hesperia», 1948, т. XVII, № 3; E. D. Townsend, A Mycenaean Chamber Tombs under the Temple of Ares, «Hesperia», 1955, т. XXIV, № 3, стр. 187 сл.; см. прим. 3.

сосуд из слоновой кости является не ларцом, а пиксидой цилиндрической формы; рельефное изображение двух грифонов, нападающих на трех ланей (рис. на стр. 21), украшает не крышку, а стенки этой пиксиды. На круглой же ее крышке изображен один грифон. Ручками пиксиды служат две симметрично расположенные фигурки лежащих львов [7].

В главе II речь идет об Афинах XI—VIII вв. до н. э.— наименее исследованном периоде, от которого сохранилось мало археологических памятников (за исключением погребений). Тем более интересны приводимые автором сведения относительно процесса объединения Аттики вокруг Афин, происхождения знатных афинских родов, установления в Афинах власти родовой знати. Рассматриваемый период, как указывает автор, является периодом быстрого роста города к северу и западу от Акрополя, что, очевидно, было следствием резкого увеличения населения Афин за счет притока беженцев из Пелопоннеса, вытесненных оттуда дорянами. Думается, однако, что автор слишком осторожен, полагая, что в начале этого периода границами города служили северные склоны Ареопага, а территория Агоры была занята только некрополем. Находки субмикенских и протогеометрических колодцев в районе Одеона, т. е. в центре Агоры, а также к западу от нее, доказывают существование здесь уже в это время жилых построек [8], бок о бок с которыми продолжали хоронить умерших, несмотря на распространение некрополя на берега Эридана, в район Внешнего Керамика, а также и в другие районы Афин, например, на территорию Олимпейона [9]. Рассмотрению этих погребений посвящена большая часть II главы, причем автор подчеркивает изменение характера погребального обряда — переход от трупоположения к кремации; распространение кремации автор связывает с дорийским нашествием, но указывает, что вопрос этот не решен окончательно (стр. 31).

Это мнение, до недавнего времени широко распространенное и принятое большинством исследователей, теперь оспаривается. С одной стороны, как отмечает сама К. М. Колобова, в этом случае остается непонятным отсутствие кремации в районах Пелопоннеса, захваченных дорянами, и распространение кремации в Аттике, т. е. там, где дорян не было. С другой стороны, новейшие раскопки, в частности в Перати (в Аттике), показали, что обряд кремации здесь появляется еще в позднемикенское время — наряду с могилами с трупоположением на некрополе Перати найден целый ряд погребений с кремацией, сопровождающихся характерной керамикой ПЭ III *C* периода[10]. Таким образом, происхождение этого обряда пока еще не установлено; вряд ли он может быть связан с дорянами. Впрочем, следует заметить, что сведения о раскопках в Перати появились в археологической литературе лишь в последние годы и, очевидно, не могли быть известны автору рецензируемой работы в период написания книги.

Археологический материал опровергает также утверждение автора о том, что в XI—X вв. до н. э. обряд кремации полностью вытесняет старый обряд трупоположения, к которому снова начинают возвращаться лишь в конце IX — начале VIII вв. (стр. 27). Раскопки на Агоре свидетельствуют, что обряд трупоположения все время существует рядом с кремацией. Так, например, ямные погребения с трупоположениями субмикенского и протогеометрического времени были найдены в 1951 г. в северной части Агоры [11], в 1953 г. протогеометрические могилы в виде ям, выложенных каменными плитами, были вскрыты под северной частью стои Аттала [12].

Может быть, следовало бы подробнее остановиться на субмикенском периоде, в Аттике датирующемся первой половиной XI в. до н. э. Этот интереснейший период хорошо известен по погребениям некрополей Керамика и Агоры и позволяет проследить непрерывность традиций, связывающих микенскую эпоху с последующей, в частности в вазописи. В книге же он лишь упоминается в связи с протогеометрическим периодом и характер его остается неясным.

Большой интерес представляет подробный рассказ об обряде погребений с кремацией, а также об обрядах пышных погребений знати в геометрическую эпоху, нашедших отражение в росписи дипилонских сосудов. Это сопоставление, проделанное автором, представляется нам чрезвычайно удачным, равно как и использование росписи геометрических ваз VIII в. до н. э. со сценами морских и сухопутных сражений для характеристики Афин этого времени в целом. Некоторое сомнение вызывает только тезис

[7] AA, 1940, т. 55, стб. 161, рис. 28; AJA, 1939, т. 43, № 4, стр. 583, рис. 12.

[8] H. A. Thompson, Excavations of the Athenian Agora, 1940—1946, «Hesperia», 1947, т. XVI, № 3, стр. 202—204.

[9] BCH, 1940—1941, т. 64—65, стр. 238.

[10] CA, 1962, № 1, стр. 331.

[11] Bleegen, Archaeological News, Greece, 1950—1951, стр. 122.

[12] Thompson, Excavations in the Athenian Agora, 1953, стр. 58.

автора о возрождении микенских форм в росписи аттических геометрических сосудов. Определенные традиции микенской керамики как в технике, так и в орнаментике сохранялись и в субмикенской, и в протогеометрической керамике и дожили до геометрической; однако самые принципы геометрической орнаментики, особенно в изображении людей, как нам представляется, иные, чем в микенский период. Если микенские живописцы шли от изображения живого человеческого тела, подвергая его геометризации и схематизации, то вазописцы геометрического периода идут от геометрических фигур, подчиняя им формы тела человека и животного, что связано с особенностями мировоззрения этого периода. К тому же следует учесть, что в аттической вазописи микенского периода вообще полностью отсутствуют изображения людей и животных, ее росписи были исключительно орнаментальными [13]. Первое изображение животного — лошади — появилось в Аттике на протогеометрической амфоре X в. до н. э.[14]. Отмеченное автором стремление более реалистично передать движения и позы людей, появляющееся в позднегеометрическом стиле конца VIII в. до н. э., свидетельствует о начале нового этапа в развитии греческого искусства, и к этому этапу, датирующемуся в основном уже VII в. до н. э., положение автора о возрождении в искусстве микенских традиций может быть отнесено в большей степени.

В III главе рассматривается чрезвычайно интересный и важный период в истории Афин — возникновение и развитие рабовладельческой демократии в VII—VI вв. до н. э. К. М. Колобова показывает, как исторические события этого времени находят отражение в различных памятниках города, открытых при археологических раскопках. Важным свидетельством смуты Килона и очищения города после нее является комплекс вотивных предметов, обнаруженный на Ареопаге близ дома геометрического периода. С законодательством Солона связаны первые общественные сооружения, воздвигнутые на Агоре, у подножья Колонас Агорайос, и положившие начало превращению Агоры в политический центр Афин. Большого развития достигает городское строительство при Писистрате и Писистратидах, когда на Агоре, на ее западной и южной границах, возникают новые сооружения, а на Акрополе обносится колоннадой старый храм Афины. Любопытны сведения о деятельности Писистратидов по упорядочению планировки города и ведущих к нему дорог, в частности о постановке герм. Переходя к характеристике городской жизни периода реформ Клисфена, К. М. Колобова сообщает в высшей степени интересные и важные данные о делении города на демы, что позволяет уточнить его границы и топографию. В этот период Агора окончательно превращается в центр политической жизни города, о чем свидетельствуют новые общественные здания, воздвигнутые на ней. Все сведения, касающиеся жизни Афин VII—VI вв. до н. э., использованы автором с исчерпывающей полнотой, интерпретированы весьма ярко и убедительно. По изложенному материалу можно сделать лишь несколько мелких замечаний.

Давая в начале главы характеристику аттической керамики VII в. до н. э., автор справедливо отмечает ее своеобразие; однако трудно согласиться с утверждением, что аттическая керамика занимает «очень скромное место по сравнению с другими центрами» (стр. 46). Аттические вазы, найденные при раскопках Агоры и Керамика, а также некрополя Вари (Анагироса) близ Афин [15], исследованного в конце 30-х гг., являются новым свидетельством того, что аттическая вазопись, напротив, занимает одно из ведущих мест в греческой керамике VII в., особенно второй половины века.

На стр. 46 отмечено, что с распространением города на район Агоры и близлежащих холмов здесь соответственно сокращается район некрополя. Может быть, тут следовало бы остановиться на интересной проблеме, которой уделяли много внимания исследователи Агоры, а именно, на существовании погребений рядом с жилыми домами в районе Агоры и особенно к юго-западу от нее вплоть до конца VI в. до н. э., когда, видимо, вступил в силу закон о запрещении хоронить умерших в пределах городских стен [16]. Впрочем, погребения маленьких детей

[13] F. H. Stubbings, The Mycenean Pottery of Attica, BSA, 1947, т. XLII, стр. 1—75.

[14] R. Desborough, Protogeometric Pottery, Oxf., 1952, табл. 5, № 560.

[15] Вазы VII в. до н. э. из раскопок Агоры и Керамика опубликованы в отчетах об этих раскопках. О вазах из Керамики см. AA, 1934, т. 49, стр. 196 сл.; 1943, т. 58, стр. 339 сл.

Вазы из раскопок Вари опубликованы в AA, 1937, т. 52, стр. 121 сл.; 1939, т. 54, стр. 224 сл.; 1940, т. 55, стр. 126 сл.; BCH, 1937, т. 61, стр. 451, табл. 33—34; 1939, т. 63, табл. 49—51. Полностью эти вазы изданы S. Papaspividi-Kavousu в последнем томе «Corpus Vasorum Atticorum» Афинского национального музея.

[16] R. S. Young, Sepulturae intra urbem, «Hesperia», 1951, т. XX, № 2, стр. 67 сл.

встречаются рядом с домами и под ними и в классический период.

Несколько неясно изложен вопрос о знаменитом писистратидовом фонтане, Эннеакруносе. На стр. 51 так назван фонтан, открытый в юго-западной части Агоры. Позже, возвращаясь к этому вопросу, автор предположительно называет Эннеакруносом юго-восточный фонтан, открытый в 1952 г. (стр. 254). Между тем вопрос этот был положительно решен еще в 1954 г., когда археологические исследования этого района доказали, что временем Писистратидов датируется именно юго-восточный фонтан, а открытый ранее юго-западный, несколько поспешно названный Эннекруносом, в действительности датируется V в. до н. э.[17].

Также не вполне четко изложена проблема существования храмов на Афинском Акрополе в архаический период (стр. 74—75). Как справедливо указывает автор, этот трудный вопрос не решен окончательно, несмотря на целый ряд исследований, посвященных ему. Главным препятствием является невозможность раскопок на территории, занятой Парфеноном. Однако большинство ученых склоняется к тому, что термин «Гекатомпедон» следует отнести к храму Афины, фундаменты которого открыты к югу от Эрехтейона. Так, кстати, обозначено и на приведенном на стр. 75 плане, тогда как в тексте автор утверждает, что Гекатомпедоном назывался другой храм («Прапарфенон»). В связи с этим вопросом следовало бы упомянуть о великолепных архаических фронтонах, найденных на Акрополе в так называемом «Персидском мусоре». Самое число их доказывает существование здесь в архаический период нескольких храмов и сокровищниц. По поводу найденных на Акрополе скульптур надо сказать, что ко времени до смерти Писистрата (527 г. до н. э.) относится не 7 (как указывает автор в прим. 12 на стр. 57), а значительно большее число статуй [18], не говоря уже о многочисленных фронтонных группах. Ошибочно утверждение, что мраморные скульптуры появляются в Афинах впервые только в период тирании (стр. 78). Еще в конце VII в. до н. э. была создана великолепная статуя Куроса, голова и руки которого были найдены на Дипилонском некрополе, а также курос, фрагменты которого были найдены на Агоре [19]; можно было бы назвать целый ряд других мраморных скульптур, относящихся к дописистратовскому времени. Отметим, что начало краснофигурного стиля в аттической вазописи датируется не серединой VI в. до н. э. (стр. 77), а временем около 530 г.

Большая часть книги посвящена Афинам классического периода. Глава IV названа «Афины в период греко-персидских войн», однако ее содержание выходит за пределы первой половины V в. до н. э. В этой главе собран важный и малоизвестный материал по фортификационным сооружениям Афин — укреплениям Акрополя, Длинным стенам, соединившим город с его гаванью, Пиреем и другим. Особенно интересными нам представляются сведения о Пирее, его топографии, устройстве военной и торговой гавани, корабельных доков, знаменитом пирейском Арсенале. Описания этих построек, данные автором на основе тщательного анализа сообщений древних авторов, дополняются живо нарисованной картиной деловой жизни афинского порта. Должное внимание уделено и планировке Пирея, построенного по Гипподамовой системе, и отдельным памятникам города. К сожалению, сведения об этом немногочисленны, так как в Пирее почти не ведется археологических раскопок.

В этой же главе рассматривается вопрос об улицах Афин и жилых домах граждан. Строго научное изложение известных нам сведений и здесь дополняется живыми сценами повседневной жизни городских улиц. Может быть, следовало бы еще только отметить устойчивость топографии афинских улиц, хорошо прослеженных в районе Агоры и прилегающих участков города. Действительно, направление основных магистралей, идущих по склонам Акрополя и Ареопага и пересекающих Агору, установилось еще в микенскую эпоху и без существенных изменений сохранилось вплоть до конца существования античного города, а в некоторых случаях — и до наших дней.

Во второй части книги, посвященной Афинам второй половины V и IV вв. до н. э., материал располагается по несколько иному принципу, чем в предыдущих главах, а именно, не в хронологическом порядке, а по отдельным районам и памятникам города. В наибольшей по объему V главе рассказывается об Акрополе классического времени, когда на нем воздвигаются сохранившиеся до наших дней прославленные произведе-

[17] T h o m p s o n, Excavations in the Athenian Agora, 1952, стр. 29 сл.; о н ж е, Activities in the Athenian Agora, 1954, «Hesperia», 1955, т. XXIV, № 1, стр. 52—53.

[18] H. P a y n e, Archaic Marble Sculpture from the Acropolis, L., 1936.

[19] E. B. H a r r i s o n, Fragments of an Early Attic Kouros from the Athenian Agora, «Hesperia», 1955, т. XXIV, № 4, стр. 290 сл.

ния греческой архитектуры — Парфенон, Эрехтейон, Пропилеи, храм Ники Аптерос. Перед нами возникает широкая картина жизни афинского Акрополя эпохи Перикла. Как и в других главах, здесь использованы самые различные источники — литературные, эпиграфические, археологические. На основе этих сведений подробное описание и анализ сохранившихся памятников архитектуры дополнены важнейшими данными по истории их создания и функционирования. Именно поэтому таким свежим и интересным является рассказ о памятниках Акрополя, о которых написано столько книг и исследований, что, казалось бы, трудно сказать о них что-то новое. Этот рассказ включает данные и о культовых обрядах, происходивших на Акрополе, прежде всего о праздновании Великих Панафиней. Значительное внимание уделено вотивным памятникам, поставленным на Акрополе; в основу этого раздела положены сообщения Павсания, Плутарха и других авторов. Этот материал значительно реже привлекал внимание исследователей, тем более ценна большая работа, проделанная автором по его обобщению. Весьма важен также раздел об Эрехтейоне, особенно благодаря характеристике верований и обрядов, связанных с этим храмом и примыкающими к нему святилищами.

По этой главе можно сделать лишь несколько мелких замечаний. Не совсем удачной представляется характеристика особенностей архитектуры Парфенона — некоторые его свойства, типичные для всего дорического стиля в целом, определены как индивидуальные особенности этого храма, например кривизна его линий (стр. 120). Неверно, что никто из античных скульпторов не создавал таких монументальных хрисоэлефантинных скульптур, как Фидий (стр. 129). По сообщениям источников (Paus., II, 27, 4) известно, например, что Поликлет сделал статую Геры из золота и слоновой кости для храма богини в Аргосе. В этих же материалах работали и другие скульпторы, в том числе Алкамен, ученик Фидия. Находка 1938 г. в Дельфах остатков хрисоэлефантинных скульптур VI в. до н. э.— голов трех статуй в натуральную величину из слоновой кости и золотых пластин одежды с рельефными изображениями — дает некоторое представление об этой технике античных скульпторов. Совсем незначительное уточнение: на восточном фронтоне Парфенона не сохранилось ни одной подлинной скульптуры — все они были сняты Эльджином и находятся в Британском музее, кроме нескольких фрагментов в музее Акрополя. Все установленные в настоящее время на этом фронтоне скульптуры являются отливками с оригиналов, в том числе и головы коней Гелиоса и Селены.

В главе VI К. М. Колобова рассказывает об Агоре классического периода, когда после греко-персидских войн на ней возводится целый ряд общественных зданий, прежде всего Толос, затем стои — Царская, или Зевса, и Пестрая, Булевтерий и другие сооружения, известные по описаниям Павсания и прочих авторов. Эти описания позволили без особого труда идентифицировать найденные при раскопках Агоры фундаменты большинства указанных зданий (за исключением Пестрой стои, находящейся в северной части Агоры, которая осталась нераскопанной из-за проходящей здесь железной дороги Афины — Пирей). Автор подробно описывает эти памятники и характеризует их роль в жизни города. Большое место уделено Гефестиону, причем приводится подробная аргументация в пользу именно того определения этого храма, ранее считавшегося храмом Тезея. В заключение дана очень живо написанная картина торговой жизни Агоры, ставшей в V—IV вв. до н. э. центром мелочной торговли в городе.

Эта глава представляет очень большой интерес для читателя, равно как и две следующие, посвященные памятникам, сохранившимся у юго-восточной стороны Акрополя,— театру Диониса, Асклепейону и улице Треножников. Данное в главе VII описание театра Диониса по существу перерастает в историю греческого театра с характеристикой ранних этапов его эволюции. Подробный анализ архитектуры театра Диониса соединен автором с рассказом о постановках античных трагедий и комедий, об особенностях игры актеров и хора, о декорациях античных театров и т. д. Завершается эта глава очень важным экскурсом о своеобразии античного театра в целом.

В маленькой VIII главе речь идет о находящихся близ театра Диониса улице Треножников и святилище Асклепия. От улицы Треножников сейчас сохранился лишь памятник Лисикрата, кратко описанный в книге. Начатые недавно раскопки в этом районе открыли фундаменты некоторых других памятников, обрамлявших эту улицу. Лучше сохранилось святилище Асклепия, раскопанное еще в конце прошлого века на южном склоне Акрополя, над стоей Эвмена. Описание остатков этого храма и помещений для больных удачно дополнено кратким рассказом о методах лечения, применявшихся в этом святилище, основанном на комедии Аристофана «Плутос».

Темой последней, IX главы книги является самый знаменитый из афинских некрополей, внешний Керамик, примы-

кавший к Дипилонским воротам. Такое разделение материала вполне закономерно. С конца VI в. до н. э. погребения в черте города были запрещены законодательством, но уже за несколько веков до этого основная масса захоронений производилась на некрополях за пределами городских границ. К. М. Колобова рассказывает об эволюции аттических надгробных памятников, начиная с VI в. до н. э., и особенно подробно останавливается на прекрасных надгробных рельефах конца V—IV вв. до н. э. К сожалению, совсем не освещенным остался вопрос о погребениях VII в. до н. э., интересных своей своеобразной, нигде, кроме Афин, не встречающейся конструкцией. Это те самые камерные гробницы, вернее, прямоугольные надгробные сооружения из сырцового кирпича, увенчанные расписными сосудами, о которых упоминается в приведенной на стр. 304 цитате из книги К. Каро, а также в тексте на стр. 306, без уточнения даты. Своеобразны также жертвенные канавы или желоба, обычно двойные, в которые складывались жертвоприношения умершим. Несколько неточностей допущено автором в этой главе. Надгробные статуи куросов появляются на некрополе Керамика еще в конце VII в. до н. э; к этому же времени относятся и древнейшие каменные стелы [20]. На стр. 310 сказано, что первое из семейных погребений на некрополе близ святилища Тритопатеров относится к 450 г., но в таком случае нельзя считать, что этот некрополь возник в начале IV в. до н. э. Книга К. М. Колобовой снабжена подробнейшей библиографией, включающей очень большое число работ как на русском, так и на иностранных языках. Ценность этой библиографии весьма велика, но она была бы еще больше, если бы были выделены наиболее существенные работы; сейчас же они теряются среди большого количества работ второстепенных. Может быть, вообще не следовало бы включать в список литературы работы явно устаревшие, например книги и статьи по искусству, вышедшие еще в середине XIX в. Зато, несомненно, должны быть указаны журналы, где публиковались отчеты о новейших раскопках в Афинах за последние десятилетия, прежде всего о раскопках Агоры («Hesperia») и Керамика (AA), так как эти отчеты являются пока основным источником наших сведений об этих работах. Следовало бы также назвать такие монументальные работы по аттическому искусству, как, например, книгу H. Payue, Archaic Marble Sculpture from the Acropolis, L., 1936 (новое издание — 1950 г.) или R. Heberdey, Altattische Porossculte, Wien, 1919 и ряд других.

Автор очень скупо делает ссылки на свои источники. В некоторых случаях хотелось бы подробнее узнать, откуда взят изложенный в книге материал.

Книга К. М. Колобовой иллюстрирована фотографиями и рисунками, дающими реконструкции отдельных памятников. К сожалению, качество воспроизведения рисунков и фотографий оставляет желать лучшего. Некоторые фотографии, как, например, изображение Парфенона или театра Диониса, устарели и не отражают сегодняшнее состояние этих зданий, подвергшихся реставрации. Несомненно, книга должна была бы быть снабжена общим планом Афин; многочисленные планы отдельных участков античного города его не заменяют.

Почти все сделанные нами замечания, как видно из текста рецензии, незначительны. Они ни в коей мере не могут снизить общую высокую оценку этого фундаментального труда, имеющего большое значение не только для советского, но и для зарубежного антиковедения. Книга К. М. Колобовой является по существу лишь первой частью исследования, посвященного древнему городу Афинам. Надо надеяться, что автор ее продолжит важную и нужную работу и напишет вторую книгу об Афинах эллинистического и римского периодов.

Н. А. Сидорова

[20] G. M. A. Richter, Archaic Attic Gravestones, Cambr., 1944, стр. 14 сл.; AA, 1938, т. 53, стб. 599 сл.

«Очерки истории римской литературной критики», М., Изд-во АН СССР, 1963, 310 стр.

«Очерки», написанные коллективом научных сотрудников сектора античной литературы Института мировой литературы АН СССР, как отмечается во введении, не претендуют на охват всей истории предмета, но дают обзор некоторых существенных моментов развития античной критической мысли.

В древности под литературной критикой подразумевались история и теория литературы, критика и эстетика, т. е. все литературоведение в целом. В таких аспектах авторы сборника и рассматривают критическую деятельность древних писателей. В большинстве статей книги характеристика эпохи и места писателя в ней предпосылается конкретному анализу его критической деятельности и оценке его творчества.

Книге предпослана краткая вступительная статья Ф. А. Петровского «Литературная критика в античном мире», где дается периодизация и краткая характеристика истории древней критики.

Интересная статья Л. А. Фрейберг «Очерк развития литературной критики в древней Греции» служит необходимым введением в историю римской критики. После краткого обзора истории вопроса Л. А. Фрейберг раскрывает (что очень важно для всей книги «Очерков») значение терминов «грамматика» и «грамматик», «филолог» и «критик», имевших различное значение в разные периоды античности. Дальше автор прослеживает развитие критики, начиная с безыменных аэдов, рапсодов, актеров, писцов и библиотекарей, анализирует интересные данные о первых эстетических и поэтических теоретиках; разбирает работы схолиастов. В статье отмечены большие заслуги Аристотеля в разработке литературоведческой терминологии, его «Поэтика» рассматривается как обобщение явлений литературной жизни классической Греции с позиций художественного реализма в отличие от умозрительной теории идеалиста Платона.

Основательно разобрана критическая деятельность литераторов эллинистического периода: здесь мы встречаем имена как хорошо известные (из которых иные стали даже нарицательными — Аристарх, Зоил), так и малознакомые. Автор статьи отмечает, что первое огромное библиографическое сочинение древности «Таблицы» Каллимаха в 120 книгах создало основу для изучения истории литературы, показывает достижения эллинистической филологии, соединившей эстетическую оценку литературных произведений с их экзегетическим толкованием, но отмечает и слабости эллинистической критики, утратившей глубину и способность к большим теоретическим обобщениям, что было вызвано общим кризисом греческой демократической системы и исчезновением острого и злободневного литературного творчества. Обзор заканчивается «Моралиями» Плутарха.

Статья сочетает достоинства филологического исследования и справочника по истории греческой критики. Из замечаний сделаем лишь одно. Говоря о Лонгине, Л. А. Фрейберг неудачно определяет «возвышенное» как высокий стиль (стр. 38), но ведь «возвышенное» у Лонгина не риторический термин, а понятие эстетики [1].

Основной раздел книги открывается статьей Е. А. Берковой «Начало римской литературной критики», в которой исследуется одна из основных проблем истории критики второй половины III — первой половины II в. до н. э.— «использование греческой художественной литературы для развития и укрепления римской национальной поэзии». Автор статьи отмечает, что в Риме в доцицероновскую эпоху литературные занятия не были в почете, теоретических работ не было, а критическая деятельность проявлялась в литературной практике.

В статье обращено особое внимание на те явления древнейшей римской литературы, в которых всего нагляднее отразилось творческое преломление греческих образцов и новаторство римлян. Так, Ливий Андроник выполнил первый в европейской литературе художественный перевод и ввел прочно вошедший в римскую литературу принцип вольного перевода; Гней Невий первый применил прием контаминации, Квинт Энний дал первый в римской литературе образец литературной критики и ввел в римскую поэзию гекзаметр; Луцилий создал жанр сатиры. Много места в статье уделено критическому подходу к оригиналу у комедиографов Плавта и Теренция.

Автор статьи подчеркивает, что переводчики свободно обращались со своими образцами и считались авторами, а перевод с греческого считался оригинальным трудом, и только уже вторичная обработка с латинского считалась плагиатом (стр. 52—53). Автор пишет о нововведении Теренция в прологах, которые являются первыми латинскими поэтическими произведениями, написанными без влияния греческих образцов.

Нам кажется, что для полноты характеристики римской доцицероновской критики следовало бы оценить деятель-

[1] См. И. М. Нахов, Выдающийся памятник античной эстетики, сб. «Из истории эстетической мысли древности и средневековья», М., 1961, стр. 151.

ность грамматических и риторических школ, которых много было в Риме в конце II в. до н. э. Ведь школы эти способствовали не только распространению риторического образования и появлению блестящих ораторов, но и подготовили в какой-то мере появление теоретических работ Цицерона по риторике. И что особенно важно: с этого времени почти все отрасли литературы, особенно прозы, развивались под влиянием теории красноречия. В этой связи необходимо было остановиться и на анонимной «Риторике к Гереннию» (упомянутой лишь во вводной статье Ф. А. Петровского на стр. 5) — первом доцицероновском теоретическом сочинении, написанном на латинском языке и примыкавшем к школе «римских риторов» — демократическому направлению в ораторском искусстве конца II — начала I в. до н. э. К тому же с этой работой явно перекликается и юношеское сочинение Цицерона «De inventione».

К уже отмеченной выше в общем верной характеристике доцицероновского времени, когда занятия литературой не были в большом почете, хотелось бы, однако, добавить, что уже Луцилий (180—102 гг. до н. э.), представитель высшего общества, официально и открыто вступил на путь литературной деятельности; он высоко ценился у современников и был похоронен за счет государства, чего удостоивались лишь немногие государственные деятели и полководцы.

И. П. Стрельникова, написавшая статью «Цицерон как критик римской поэзии», оказалась в трудном положении, так как незадолго до этого появились две статьи, посвященные тому же вопросу [2].

Отмечая те стороны литературы, которые Цицерон ценит как гражданин-патриот: воспитательное значение литературы, ее практическое воздействие на ум человека и ее развлекательную функцию (как отдохновения от трудов), анализируя традиционный вопрос о соотношении ars и ingenium, автор находит в литературоведческой деятельности Цицерона черты, не отмеченные в указанных статьях.

Удачна попытка автора показать на конкретном анализе эклектичность художественных воззрений Цицерона и его склонность к идеалистической эстетике Платона. Интересно объясняет автор статьи особенности критических суждений Цицерона, обусловленные не только ограниченностью его социально-философских взглядов, но и общим уровнем эстетической критики, находившейся под сильным влиянием критики риторической.

Но объявляя Цицерона первым в истории римской литературы теоретиком ораторского искусства (стр. 56), автор статьи упускает из вида упомянутую нами выше «Риторику к Гереннию». В статье есть и другие неточности. Говоря о полемике Цицерона со старыми римлянами по вопросу о занятии литературой, И. П. Стрельникова цитирует (стр. 60) высказывание Цицерона о том, что литературные занятия он считает более достойными, чем, например, «пирушки или игру в кости» (p. Arch., VI, 13). Но при таком сравнении достоинства литературных занятий оказываются весьма сомнительного свойства, а ведь Цицерон приводит и гораздо более веские аргументы в пользу высказанного им положения. Нам представляется излишне растянутым изложение полемики современных ученых относительно молчания Цицерона о Катулле и относительно толкования отзыва Цицерона о Лукреции, однако эта часть работы, не имеющая прямого отношения к теме, занимает половину всей статьи (стр. 75—95). Указывая на то, что Цицерон воспринимает мифические события Троянской войны как реально происходившие (стр. 62), следовало бы указать, что такое восприятие было обычным для его времени: мифы о людях считались реальной историей в отличие от мифов о богах, подтверждением чего могут служить хотя бы взгляды Лукреция [3]. На стр. 68 автор пишет: «Мы узнаем из речи „За Архия", что он (Цицерон) и сам надеялся стать героем такого эпоса и сочинял исторические поэмы о своем консульстве и о походе Цезаря в Британию». Стилистическая ошибка исказила здесь смысл до нелепости, ведь речь «За Архия» была произнесена в 62 г. до н. э., а Цезарь совершил два похода в Британию в 55 и 54 гг. до н. э.

Тема статьи М. Л. Гаспарова «Композиция „Поэтики" Горация» важна для книги, поскольку нельзя до конца понять эстетическую систему Горация без удовлетворительного анализа композиции «Ars poetica», а этого до сих пор не было сделано, несмотря на обширную исследовательскую литературу по данному вопросу. Автор сопроводил свою статью полным прозаическим переводом «Поэтики». Основные положения автора таковы: «Поэтика» эклектична, что свойственно философии века Августа; Горацию принадлежит только отбор и групп-

[2] Ф. А. Петровский. Литературно-эстетические воззрения Цицерона, «Цицерон. Сборник статей», Изд-во АН СССР, М., 1958; С. А. Ошеров, Римская литература в оценке Цицерона, сб. «Цицерон (2000 лет со времени смерти)», М., Изд-во МГУ, 1959.

[3] См. Ф. А. Петровский, Мифологические образы у Лукреция, Лукреций, О природе вещей, т. II, М., 1947, стр. 163—180.

пировка основных положений, которые сами по себе представляют общие места поэтической техноrрафии — этим достигается внутренняя связь и единство разнородных частей поэтической теории Горация, и это позволяет его системе занять особенное место в истории античной поэтики; в «Поэтике» соединяются в сложном сочетании черты трех жанров: эпистолярной «беседы» (sermo), теоретического учебника (τέχνη) и художественного произведения (poema).

Следует отметить необыкновенную тщательность и чрезвычайную научную добросовестность исследования, которые, впрочем, иногда переходят в излишнюю логическую изощренность, затрудняющую восприятие материала, а чрезмерная сложность схемы композиции «Поэтики» вряд ли дает возможность назвать ее стройной (стр. 150).

Нельзя не пожалеть также, что за пределами данной книги остался анализ самой «Поэтики» Горация, единственного латинского трактата по теории литературы.

Т. И. Кузнецова в статье «Литературная критика Квинтилиана» показывает, что Квинтилиан рассматривал литературу с точки зрения оратора. Его сочинение — это разбор рекомендательного литературного чтения для будущего оратора. Автор отмечает, что Квинтилиан был первым официальным профессором красноречия в учрежденной Веспасианом государственной риторской школе (тем самым риторика была поставлена на службу императорам). Из статьи видно, что критика Квинтилиана была направлена не на содержание, а на особенности формы. Видя упадок красноречия, но не сознавая его истинных причин, он сводил социальную тему к узко специальной.

Говоря о том, что Квинтилиан в списке философов называет стоиков Зенона, Хрисиппа, Клеанфа великими, а материалистам Гераклиту и Демокриту вовсе не уделяет внимания из-за тяжеловесности их стиля (стр. 165), автор статьи смещает акценты: ведь не все эти стоики были блестящими стилистами, а из упомянутых материалистов один Гераклит действительно славился темнотой языка, о Демокрите же этого сказать нельзя. Дело здесь, очевидно, не в стиле философов, а в материалистическом мировоззрении, неприемлемом для Квинтилиана. Нельзя согласиться и с тем, что у Квинтилиана принижено значение Цицерона как философа (стр. 178). Ведь Цицерон никогда и не был оригинальным философом, но лишь популяризатором философских учений, при этом иногда искажавшим подлинники. В статье есть и некоторые противоречия. Так, на стр. 183 автор говорит, что Квинтилиан «одарен чувством исторической перспективы», а на стр. 187, что он «лишен исторического чутья».

Статья И. П. Стрельниковой «Полемика Марциала с мифологическим эпосом и ученой александрийской поэзией» знакомит читателя с литературными нравами эпохи Марциала и раскрывает его литературные взгляды на основании тех многочисленных эпиграмм, которые рисуют интенсивную культурную жизнь в столице и отражают ожесточенную полемику по актуальным вопросам поэзии. Автор статьи справедливо отмечает, что моральный упадок того времени был благодатной почвой, на которой расцвела сатира Марциала и Ювенала, объединенных к тому же общностью литературных взглядов. В статье показано также, что в основных вопросах соотношения формы и содержания, таланта и искусства, жизненности и подлинности художественного произведения поэтика Марциала перекликается с «Поэтикой» Горация. Марциал ценил истинных эпических поэтов, таких, как Гомер и Вергилий, но он же обрушивает огонь своей критики на эпигонов мифологистов и на формалистов, подражателей александрийской поэзии. Сам Марциал представлял в литературе прогрессивную реалистическую тенденцию в противоположность реакционному идеалистическому направлению Стация.

Трудно, однако, согласиться с утверждением автора, что Марциал ценил Вергилия как признанного певца империи, и, желая быть благонамеренным гражданином, опасался выступать против официально почитаемого певца в век классицизма (стр. 198—199). Нам кажется, что Марциал ценил Вергилия прежде всего как настоящего поэта. Следовало бы обратить внимание и на то, что хотя Плиний Младший, Марциал, Ювенал, Тацит — все говорят об упадке литературы (стр. 193), но сами имена, названные автором статьи, свидетельствуют об обратном.

В статье «Плиний Младший как литературный критик» М. Е. Грабарь-Пассек исходит из того, что поскольку «установить литературные вкусы и взгляды всех известных нам античных авторов — дело весьма нелегкое», то «каждый памятник, дающий ясное и полное представление о литературных вкусах и воззрениях его автора, обладает большой ценностью» (стр. 229). Это побуждает автора высоко оценить письма Плиния Младшего, принимавшего живое участие в литературной жизни своего времени. Набрасывая общую картину этой литературной жизни, автор отмечает, что открытие общественных библиотек и особенно устройство публичных чтений, получивших широкое распространение во времена империи, имело большое значение, так как иного способа получить оценку литера-

турного труда не существовало (стр. 239). Как подчеркивает автор статьи, Плиний высоко ценит эту критическую школу, полезную и для опытного, и для начинающего писателя, особенно ее коллективный характер, делавший ее важной формой ознакомления общества с современным литературным творчеством. Это нужно отметить, так как исследователи обычно представляют рецитации с отрицательной вслед за Марциалом и Ювеналом или с комической вслед за Петронием стороны. Но, отмечает автор статьи, «Плиний далеко не восхищен и не ослеплен достоинствами и поведением слушателей, присутствующих на этих чтениях».

Сам Плиний как критик, по наблюдению М. Е. Грабарь-Пассек, отличается монотонностью, бледностью и известным дилетантизмом. Ценно наблюдение относительно того, что Плиний понял, как сужение общественных интересов, наметившееся со времени Августа, мешало развитию интереса к литературным занятиям.

В другой статье «Литературные взгляды Марка Корнелия Фронтона» М. Е. Грабарь-Пассек приходит к выводу о том, что хотя Фронтон и не был крупной величиной, но как яркий представитель аттикизма, типичный выразитель вкусов и взглядов своего времени, он очень интересен для истории литературы. Разбираемые в статье оценки писателей, принадлежащие Фронтону, касаются лишь формальной стороны их творчества.

Обстоятельная статья Т. И. Кузнецовой «Элементы литературной критики в „Аттических ночах" Авла Геллия» охватывает все стороны критической деятельности известного литературного компилятора древности. Оценивая деятельность Геллия как типичное явление II в. н. э., когда изменившиеся социально-политические условия привели к снижению общего идейного уровня литературы, нашедшему выражение в аполитичности и в архаистических тенденциях, автор статьи замечает, что такая тяга к древности, «уводя писателя и тем более критика от насущных нужд действительности.., в итоге приводила к постепенной деградации литературы» (стр. 282). В подобных условиях понятен повышенный интерес Геллия к стилистике и к грамматике, особое пристрастие к языковым раритетам, к устаревшим формам и редким словам, на чем, собственно, и основывается его эстетический критерий оценки писателей. Интересна попытка автора показать эстетическую терминологию Геллия, однообразную и ограниченную (стр. 279).

В статье есть и досадные противоречия. Например: «Устарелые формы и редкие слова для него преимущественный критерий эстетической оценки писателя» (стр. 275), но ниже: «Критерием оценки писателя для Геллия служит чистота и правильность его словаря» (стр. 277). Дальше: «Суждения Геллия... нередко касаются наиболее характерных качеств писателя» (стр. 279), а ниже: «он часто останавливается на малозначащих деталях стиля, оставляя без внимания главное» (стр. 280).

Статья Т. А. Миллер «Литературная критика поэзии в период „языческого возрождения". Сервий, Макробий» дает краткую характеристику так называемого «языческого возрождения», когда классические образцы, в особенности поэзия Вергилия, считались непререкаемым авторитетом и когда подводился итог филологической работе предшествующих поколений. Фундаментальный комментарий Сервия к Вергилию, вобравший в себя работы многих предшественников, был одним из такого рода трудов. Макробий в своих «Сатурналиях» использует творчество Вергилия как орудие для защиты римской языческой культуры с ее религией, философией и литературой от угрозы забвения. Т. А. Миллер приходит к выводу, что и Сервий, и Макробий исходят из одних эстетических критериев, преследуют ту же цель восхваления и оправдания Вергилия и дают целую энциклопедию античной философии, которая в IV в. н. э. вела уже сознательную борьбу с христианством. Статью хорошо дополняют приложенные к ней переводы отрывков из Сервия и Макробия.

Поскольку книга «Очерков» останавливается на наиболее значительных этапах развития критической мысли римлян, то по составляющим ее статьям можно проследить определенные тенденции этой эволюции. У многих писателей встречается такое же отношение к поэзии, как у Аристотеля и Горация. Рано установившийся культ классицизма закрепляется затем у Сервия и Макробия. Литературная критика носит риторическую окраску, и большинство критиков останавливается лишь на оценке языка и стиля, не затрагивая содержания произведений. Исключение составляют лишь Цицерон и Марциал. Нам кажется, что книга «Очерков» значительно выиграла бы, если бы она завершалась заключением, которое обобщало бы выводы из отдельных статей.

Несмотря на отдельные недостатки, книга «Очерков» — первая книга на русском языке, так широко трактующая вопросы античной литературной критики,— оставляет хорошее впечатление и найдет, мы надеемся, широкий круг читателей среди специалистов и любителей античной литературы.

З. А. Покровская

D. LOTZE, Lysander und der peloponnesische Krieg («Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse», Bd. 57., Hft. 1), B., 1964, 98 стр.

Д. Лотце — автор хорошо известной работы о правовом положении зависимого сельского населения в древней Греции [1]. Новое большое исследование Д. Лотце — на этот раз из области политической истории — свидетельствует, что автор остается верен своему направлению: в истории античного общества его интересуют прежде всего сложные, спорные вопросы, решение которых имеет принципиальное значение для правильного понимания социального и политического развития древнего мира. В частности, тема нынешнего исследования Д. Лотце имеет самое непосредственное отношение к важнейшему вопросу о путях развития греческого полиса в позднеклассическую эпоху.

В предисловии (стр. 5—6) Д. Лотце кратко останавливается на мотивах, побудивших его обратиться к разбору деятельности Лисандра. Несомненно, отмечает он, что заключительный этап Пелопоннесской войны тесно связан с именами двух выдающихся полководцев — Алкивиада и Лисандра. Однако, если политическая карьера Алкивиада неоднократно становилась предметом специального рассмотрения, то о Лисандре этого сказать нельзя: им интересовались меньше, и его роль в политической жизни Спарты часто оценивали просто по аналогии с Алкивиадом. Между тем, при ближайшем рассмотрении оказывается, что по сравнению с Алкивиадом Лисандр был еще прочно связан с традиционной спартанской системой. Разумеется, подчеркивает Д. Лотце, в его цели не входит дать законченный портрет Лисандра — для этого, кстати, и нет достаточного количества материала. Автора интересует другое — «понять значение его (Лисандра.— *Э. Ф.*) фигуры как в рамках спартанского порядка, так и в общегреческом развитии, которое вело к победе монархии над полисом. Заложить для этого надежную основу и таким путем исключить опасность изоляции великой личности от его общественного окружения» — такова, заключает автор, ближайшая цель его исследования (стр. 6).

Д. Лотце ограничивает свое исследование последними годами Пелопоннесской войны — временем, когда деятельность Лисандра может быть прослежена лучше всего. При этом оказывается совершенно невозможным трактовать о Лисандре, не касаясь в то же время фактического хода событий и особенно вопросов хронологии. Анализ этих последних приобретает настолько самодовлеющий характер, что приходится вывести их за рамки рассказа о Лисандре и поместить в особые приложения.

Основная часть работы посвящена Лисандру и состоит из четырех глав. В главе I (стр. 9—23) дается подробный анализ политической обстановки, сложившейся к моменту выдвижения Лисандра (конец 408 г.). Затем автор переходит к последовательному разбору деятельности Лисандра на посту командующего спартанским флотом в 407 — начале 406 г. Особенно интересен анализ политических действий Лисандра, его усилий, направленных на консолидацию сил олигархии в городах Малой Азии и Архипелага (стр. 17—19). Касаясь сообщений Диодора и Плутарха о переговорах, которые вел Лисандр в Эфесе с лидерами олигархических группировок различных городов [2], автор замечает, что опора на олигархов была традиционной политикой Спарты. Однако, справедливо подчеркивает он, в действиях Лисандра можно отметить новые черты: «раньше никто еще, по-видимому, не приходил к мысли объединить все эти силы и заставить их служить составной частью широко задуманного плана. Здесь уже дают о себе знать позднейшие стремления Лисандра придать олигархическому господству по возможности даже единую организацию, именно в виде декархий, ибо такое единообразие предполагало каким-то образом более тесное сотрудничество между олигархами различных городов, некое преодоление партикуляризма» (стр. 18). Что касается мотивов, побуждавших Лисандра к такого рода действиям, то здесь, замечает автор, могли действовать как соображения военного порядка — заручиться поддержкой и обеспечить себе финансовую помощь состоятельных слоев населения на весь остаток войны,— так и более далекие политические планы, рассчитанные на объединение слабых в каждом отдельном городе олигархов и создание единого антидемократического фронта. Как эти усилия по сплочению сил олигархии вокруг спартанского полководца могли быть совместимы с признанием Спартой персид-

[1] D. Lotze, Μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δούλων. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jahrhundert v. Chr., B., 1959. Книга была положительно оценена советской критикой; см. рец. Л. Н. Казамановой в ВДИ, 1961, № 2, стр. 139—141; ср. также Я. А. Ленцман, Рабство в микенской и гомеровской Греции, М., 1963, стр. 68 сл.

[2] Diod., XIII, 70, 4; Plut., Lys., 5.

ского господства над городами Малой Азии, какие расчеты мог возлагать Лисандр на создаваемую им организацию олигархов и какие соглашения у него могли быть по этому поводу с Киром, — все это вопросы, на которые мы, к сожалению, не находим ответа в источниках.

В этой же главе, несомненно, заслуживают внимания рассуждения автора о мотивах, побудивших Лисандра перенести свою ставку из Милета в Эфес (стр. 15), а также реконструкция битвы при Нотии с учетом нового фрагмента «Оксиринхского историка» (стр. 19—23).

В следующих двух главах — II и III (стр. 24—61) — подробно рассматривается деятельность Лисандра в последние годы войны, когда он, будучи формально эпистолеем, т. е. заместителем наварха, фактически продолжал командовать спартанским флотом. Тщательный анализ источников позволяет автору не только дать более полную картину сражения при Эгоспотамах (стр. 31—37), но и прийти в ряде случаев к новым и оригинальным выводам. Так, например, весьма убедительно звучит предположение об истинных причинах, побудивших Лисандра казнить 3000 афинян, взятых в плен при Эгоспотамах: поскольку бóльшую часть пленных моряков составляли, по-видимому, феты, их казнью Лисандр стремился ослабить позиции афинской демократии и облегчить олигархам путь к власти (см. стр. 36, ср. также прим. 6 на стр. 31). При таком истолковании поступок Лисандра оказывается не просто варварским актом мести, но логическим звеном в длинной цепи мероприятий, направленных на создание во всей Греции единой системы олигархических государств во главе со Спартой. Впрочем, подчеркивая целеустремленность и значительность усилий Лисандра, автор всячески предупреждает против преувеличения его политической и военной роли (см., например, полемику с Мунро на стр. 44); подробнее, однако, о правильной оценке Лисандра автор будет говорить в главе IV.

Наиболее интересным местом этой части работы является подробное рассуждение об обстоятельствах возникновения культа Лисандра (стр. 52—56). Тщательно исследовав сохранившиеся свидетельства, Д. Лотце приходит к выводу, что культ Лисандра на Самосе был одним из первых примеров прижизненного воздания божественных почестей в древней Греции. Д. Лотце основывается при этом в значительной степени на работе Габихта [3], наблюдения которого он не только систематизирует применительно к Лисандру, но и дополняет собственным анализом. В работе правильно подчеркивается необходимость рационалистического подхода к обстоятельствам, обусловившим воздание Лисандру божеских почестей: не абстрактные религиозные мотивы и не какие-либо личные достоинства Лисандра определили решение самосских аристократов учредить Λυσάνδρεια; главную роль сыграли здесь политические заслуги спартанского полководца перед самосской олигархией. Не следует также преувеличивать роли самого Лисандра в создании собственного культа: «Действующим лицом здесь был не Лисандр — действующими лицами были самосские олигархи» (стр. 54). Тем не менее, отмечает автор, «знаменательным для характеристики общественного положения Лисандра является то, что благодарность самосцев была направлена на него как на одного человека, а не на государство, на службе которого он состоял. Развитие Пелопоннесской войны повлекло за собой то, что государство часто стало отступать на задний план по сравнению со своим полководцем» (стр. 54—55).

Все это, разумеется, совершенно правильные замечания. Автора можно упрекнуть лишь в одном — в излишнем ограничении себя формальной схемой Габихта. Правильное, но слишком общее положение о том, что побудительным толчком к героизации или обожествлению того или иного деятеля были его заслуги перед государством, а не личные достоинства, следовало в данном случае дополнить совершенно необходимым социальным выводом: история с культом Лисандра позволяет лучше понять, как «заслуги» позднейших эллинистических правителей перед своим классом и государством приведут к их официальному обожествлению.

Большой теоретический интерес представляет четвертая глава работы — «Лисандр и спартанская система господства» (стр. 62—71), в которой дается общая оценка исторической роли Лисандра. В буржуазной литературе существует определенная тенденция изображать Лисандра в конце Пелопоннесской войны как подлинного повелителя Греции [4]. Автор подвергает сомнению справедливость такого представления. Он внимательно прослеживает изменения в политическом положении Спарты в конце V в. Сопоставляя растущую гегемонию Спарты в Пелопоннесском союзе с отношением ее к новым союзникам — бывшим членам Афинской архэ, Д. Лотце приходит к закономерному выводу: до-

[3] Chr. H a b i c h t, Gottmenschentum und griechische Städte, Münch., 1956.

[4] Ср. W. J u d e i c h, Kleinasiatische Studien, Marburg, 1892, стр. 6—9; U. K a h r s t e d t, Lysandros, RE, Hb. 26, 1927, стб. 2504 сл.; Ed. M e y e r, Geschichte des Altertums, т. V, 1902, стр. 7, 13; K. J. B e l o c h, Griechische Geschichte, 2-е изд., III, ч. 1, 1922, стр. 1 сл.

говоры, оформившие полную политическую зависимость новых союзников от Спарты, не были плодом усилий одного лишь Лисандра, но отражали давно уже сложившуюся тенденцию в политике Спартанского государства — превращать своих союзников в подданных. Роль Лисандра нельзя преувеличивать также в деле установления союзных взносов: необходимость этой меры осознавалась даже его противниками в Спарте [5]. Вообще, подчеркивает Д. Лотце, великодержавная политика Спарты диктовалась обстоятельствами, а не прихотями одного лица. Соответственно и методы проведения этой политики (политическая и военная гегемония, союзные взносы, гарнизоны с гармостами во главе) не были кем-то изобретены, но сложились стихийно, в силу необходимости. Для правильного понимания роли Лисандра, указывает Д. Лотце, важным является то, что даже система гармостов, обычно связываемая с его именем, не была им изобретена: гармосты были и до Лисандра; остались они и после него. Таким образом, деятельность Лисандра была закономерным этапом в спартанской политике. Соответственно не следует преувеличивать политические масштабы так называемого «падения» Лисандра [6]. Во всяком случае, справедливо полагает Д. Лотце, никакого существенного поворота в спартанской политике после Лисандра не заметно (см. прим. 6 на стр. 67; ср. также стр. 70).

Но что же все-таки составляет «заслугу» Лисандра? «Как собственное творение Лисандра в рамках спартанской системы господства следует... рассматривать декархии. Он хорошо сознавал, что форма симмахии, даже безусловной, в сущности не годится для того, чтобы составить основание державы. Спарта не могла открыто пренебречь лозунгами автономии после того, как с их помощью она довела до конца борьбу против афинского господства. Лучшим связующим материалом были при этих обстоятельствах классовые интересы олигархических кругов в формально автономных государствах и их вытекающее отсюда безусловно преданное Спарте настроение. Это осознал Лисандр, — из принципиального ли убеждения или вследствие практической интуиции — вопрос, по-видимому, следует оставить открытым» (стр. 68).

Эти правильные положения предопределяют общий вывод автора: не следует преувеличивать личное значение Лисандра, как это делают некоторые буржуазные исследователи. Значение Лисандра покоилось на том, что он правильно понимал практические задачи, стоявшие перед Спартанским государством в конце Пелопоннесской войны, ясно видел недостаточность применявшихся методов обеспечения политического господства и потому стремился дополнить их новыми. Он не был гениальной натурой и не пытался, как Алкивиад, сделать из своего государства орудие собственного честолюбия. Он всеми силами хотел лишь одного — укрепить свое государство, обеспечив ему поддержку родственных социально и духовно кругов в других греческих городах. «Трагедия» Лисандра, если о такой можно говорить, не сводилась, таким образом, к конфликту между личностью и государством; она была порождена несоответствием политических методов и цели. Его действия, предугадывавшие в какой-то степени будущую политику эллинистических правителей, не могли обеспечить на долгое время противоестественное господство отсталой Спарты над Грецией. «Как ни был проницателен Лисандр, когда дело шло о соблюдении интересов Спарты,— замечает Д. Лотце,— он тоже был поражен той специфической слепотой, которая была присуща давно уже ставшей анахронизмом военной касте на Эвроте; он не понимал, что система, покоившаяся в сущности лишь на использовании военной власти, не годилась для того, чтобы взять на себя создание более обширного политического объединения, которого требовало дальнейшее развитие. Деятельность Лисандра — в хорошем, как и в дурном — нераздельно связана, таким образом, с судьбой спартанской общины» (стр. 71) [7].

[5] В русской литературе на закономерность установления Спартою союзных взносов обращал внимание еще Ф. Ф. Соколов, Дань лакедемонских союзников (см. «Труды Ф. Ф. Соколова», СПб., 1910, стр. 263—270).

[6] Справедливость традиционного представления о «падении» Лисандра уже была подвергнута сомнению; см. R. E. Smith, Lysander and the Spartan Empire. Cl. Ph. 43, 1948, стр. 145—156.

[7] В связи с этим становится понятным, с какой осторожностью следует трактовать вопрос о Лисандре как предшественнике эллинизма. Отдельные моменты (межполисное объединение консервативных элементов, культ сильной личности), несомненно, предвосхищают уже эпоху эллинизма, но приписывать Лисандру «мысли о создании огромной монархии, единственно обеспечивавшей при тогдашних условиях широкую международную торговлю» (Э. И. Соломоник, Кир Младший, «Уч. зап. ЛГУ», № 80, серия ист. наук, вып. 10, 1941, стр. 177), едва ли возможно. О сообщении Плутарха (Lys., 3), в котором Э. И. Соломоник хочет видеть свидетельство того, что Лисандр ориентировался «на торговые слои общества», см. исчерпывающие разъяснения Д. Лотце (стр. 15).

Критика субъективистских представлений западных буржуазных ученых, преувеличивающих роль личности в истории,— несомненно, сильнейшая сторона работы Д. Лотце. Основные выводы автора не вызывают возражений, и можно только пожалеть, что он не продолжил своего исследования и не рассмотрел конец карьеры Лисандра, ограничившись формальным в данном случае рубежом — окончанием Пелопоннесской войны.Между тем разбор смутного предания о планах каких-то реформ,- вынашивавшихся Лисандром (см. Plut., Lys., 24 слл.), а также обстоятельств его «падения», возможно, помог бы решить щекотливый вопрос о том, как именно сочетались у Лисандра заботы о спартанской великодержавности с личными честолюбивыми устремлениями. Пока же этот вопрос оставлен автором без ответа (см. стр. 68 сл.).

Наш обзор будет неполным, если мы не охарактеризуем, хотя бы кратко, помещенные в конце книги приложения. Первое из них, посвященное хронологии событий 410—406 гг. (стр. 72—86), было написано автором, по его признанию, «для собственного уяснения» и ставит целью подтвердить правильность аргументов Белоха в защиту хронологии Додвелла [8].

Более оригинальный характер носит второе приложение (стр. 87—98), в котором Д. Лотце пытается заново определить время назначения в Афинах комиссии Тридцати. Исходя из Ксенофонта, у которого говорится о 8 месяцах кровавого террора (Hell., II, 4, 21),и опираясь на расчеты Белоха, который датирует падение Тридцати рубежом 404/3 г.[9], автор относит назначение Тридцати к весне 404 г. Считая, вслед за Белохом, что Лисандр посетил Афины дважды — первый раз для принятия капитуляции, а второй раз, с Самоса, для содействия рвавшимся к власти олигархам [10]— Д. Лотце, однако, сильно сдвигает события: вторичный визит Лисандра и назначение Тридцати он датирует не летом 404 г., а концом апреля (упоминаемое Плутархом [Lys., 15] вступление Лисандра в Афины 16 мунихиона), соответственно перенося сроки капитуляции Афин к более раннему времени — к середине марта [11]. Нельзя отказать этой схеме в остроумии: она как будто бы дает возможность удачно совместить свидетельства Лисия (XII, 71 слл.; XIII, 17) и Диодора (XIV, 3, 4—5) с хронологическими показаниями Ксенофонта в четвертой главе II книги «Греческой истории». В этой схеме нет места только одному — рассказу Ксенофонта об избрании Тридцати в начале третьей главы (§ 1—2). Более доверяя в данном случае Диодору, по которому вторичный визит Лисандра в Афины состоялся лишь после падения Самоса, Д. Лотце склоняется, в конце концов, к тому, чтобы объявить этот рассказ Ксенофонта об избрании Тридцати позднейшей вставкой. Однако мы уже имели случай отметить неоправданность такого предположения [12]. На наш взгляд, не стоило слишком буквально полагаться на Диодора, источником которого мог быть плохо понятый Лисий. Текст Лисия допускает возможность предположить, что вторичный приезд Лисандра в Афины состоялся не после, а во время осады Самоса, а в таком случае прибегать к помощи интерполяций для объяснения Ксенофонта становится уже необязательным.

Как бы то ни было, эти хронологические экскурсы, несомненно, будут полезны для всякого, кто интересуется хронологией последних лет Пелопоннесской войны. В целом же книга Д. Лотце — превосходный пример строго фактического исследования. Автор проделал большую работу, которая, несомненно, будет способствовать более ясному представлению о путях развития греческих полисов в IV в.

Э. Д. Фролов

---

[8] B e l o c h, ук. соч., II, ч. 2, 1916, стр. 241—254.

[9] Там же, III, ч. 2, 1923, стр. 209 сл.

[10] Там же, стр. 20—4209.

[11] Эту дату,— впрочем, исходя из совершенно иных соображений,— предлагал уже J. A. R. M u n r o, The End of the Peloponnesian War, Cl. Q., 31 (1937), стр. 32—38.

[12] См. нашу рецензию на книгу У. Хакль «Die oligarchische Bewegung in Athen am Ausgang des 5. Jahrhunderts v. Chr.» в ВДИ, 1964, № 1, стр. 171.

«The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century», Essays ed. by A. Momigliano, Oxf., 1963, 222 стр., 16 рис.

Рецензируемый сборник состоит из восьми очерков: А. Джонс, Социальные основы борьбы между язычеством и христианством (стр. 17—37); И. Фохт, Язычники и христиане в семье Константина Великого (стр. 38—55); Э. Томпсон, Христианство и северные варвары (стр. 56—78); А. Момильяно, Языческая и христианская историография IV в. н. э. (стр. 79—99); А. Барб, Пережитки магии (стр. 100—125); А. Марру, Синесий Киренский и александрийский неоплатонизм (стр. 126—150); П. Курсель, Антихристианская полемика и христианский платонизм: от Арнобия до св. Амвросия (стр. 151—192); Х. Блок, Возрождение язычества на Западе в конце IV в. (стр. 193—218). Эти восемь очерков, которым в книге предшествует написанное А. Момильяно введение, представляют собой лекции, прочитанные крупнейшими западными специалистами в Варбургском институте (Лондон) в 1958/1959 учебном году,— и хотя каждый из них создавался независимо от других и каждый автор сам выбирал предмет своей лекции, все же книга связана единством темы.

Нужно ли специально говорить о том, какой интерес для нашего времени имеет переломное IV столетие, когда умирал старый порядок и рождалось новое мировоззрение, которому предстояло господствовать на протяжении многих столетий,— ибо, конечно, не с I в. н. э. и не с деятельностью иудейских сектантов в Палестине и диаспоре, а с IV в. и с догматическими спорами, с придворными интригами, с организационными исканиями тех лет связано рождение христианской церкви; у ее колыбели стоят не Христос и Павел, но Афанасий, Василий, Амвросий и иные «отцы» IV столетия. Х. Блок пишет: «В эпохи, подобные нашей, легче понять сходные исторические периоды, когда разрушались давно утвердившиеся традиции и ценности, а один кризис сменялся другим» (стр. 193).

Несмотря на актуальность (я чуть было не сказал злободневность) проблемы, несмотря на обилие общих и частных исследований, наука все еще далека от понимания тех перемен, которые совершались в римском обществе IV в. под влиянием побеждавшего христианства. «Пока еще никто не дал,— замечает Момильяно (стр. 6),— реалистической оценки влияния христианства на структуру языческого мира». Никто до сих пор не дал, пусть так,— но что предлагает сам Момильяно, отталкиваясь от богословов типа А. Гарнака и Э. Трэльча? Сперва мы находим у него констатацию экономического спада империи, упадка «буржуазии» и возрастания роли крупных земельных собственников (стр. 9), затем — замечание о том, что империя IV в. была основана на насилии (стр. 7), далее — наблюдение над тем, как церковь привлекала к себе талантливых людей (стр. 10), хотя она и не представляла собой здорового организма (стр. 11). После этого Момильяно обращается к политике церкви — к умелому подчинению монашества церковной иерархией (стр. 11 сл.), к использованию варваров (стр. 14). Неужели это мы должны рассматривать как «реалистическую оценку» того колоссального переворота, который произошел в IV в.?

Да и основательны ли те наблюдения, которые кладет Момильяно в основу своих рассуждений? Конечно, церковь привлекала в IV в. талантливых людей, предоставляя им широкое поле деятельности, но и за пределами церкви мы встретим в IV столетии немало одаренных ораторов, писателей, политиков: Либаний и Аммиан Марцеллин, Претекстат и Симмах, Арбогаст и Юлиан. Обе стороны выдвигали сильные личности, это было свойством времени, а не специфической чертой церкви.

И тезис о возрастании крупной собственности в IV в. все-таки еще не доказан. Где, действительно, гарантия, что доля крупного землевладения теперь выше, чем в I—II вв.? Момильяно ссылается на ламентации Амвросия и Иоанна Златоуста (стр. 8), но разве мы не можем бросить на другую чашу весов известные слова Плиния Старшего о шести собственниках I в. н. э., владевших половиной провинции Африки?

У нас нет твердых данных и для того, чтобы говорить об экономическом спаде — во всяком случае для востока империи. Автор «Expositio totius mundi» имел перед глазами государство с широко развитыми торговыми связями, а археология служит надежным свидетелем хозяйственного процветания городов Малой Азии, Сирии, Балканского полуострова. Я не склонен идеализировать деспотический режим Диоклетиана и его преемников, но все же он скорее связан со стабилизацией, нежели с хозяйственной разрухой.

Более детально тот же вопрос о причинах победы христианства рассмотрен в специальной статье Джонса. Главной социальной опорой христианства были, согласно Джонсу, низшие и средние слои городского населения: ремесленники, торговцы, мелкие чиновники (стр. 21, ср. стр. 33): еще к началу IV в. они составляли незначительное меньшинство — в сельской местности (кроме Египта и Африки) преобладало язычество (стр. 18

сл.), армия была по преимуществу языческой (стр. 24), сенат — во всяком случае на Западе — отдавал свои симпатии старой религии (стр. 28). Установление домината, продолжает Джонс, связано с перестройкой правящей группировки; Диоклетиан и Константин создали «новую имперскую служилую знать», вышедшую «из низших и средних классов», выскочки не были связаны религиозными традициями и охотно принимали ту веру, которую исповедовал монарх. «В этой революции,— заключает свою статью Джонс,— поддержка, оказанная христианству императорским правительством, без сомнения, была главнейшим фактором. Но показательно, что религиозный переворот совпал с социальными переменами, выдвинувшими на передний план выходцев из низших и средних классов» (стр. 37).

Безусловно, и Момильяно, и Джонс уходят далеко вперед от чисто богословской постановки вопроса, велика их заслуга в попытках найти земные причины победы христианства, нащупать связь христианства с определенной социальной средой. Но если мы пойдем за Джонсом и признаем в государственной политике главнейший фактор (a major factor) торжества новой религии, разве мы не сведем огромный общественный переворот к вульгарной случайности: Константин и его наследники поддерживали христианство, и придворные раболепно принимали культ нового бога?

Как бы предвидя подобное возражение, Джонс защищается на стр. 36: «Было бы тяжкой несправедливостью представить всех новообращенных из рядов господствующего класса IV в. лицемерными оппортунистами». Нет, не в этом дело — более важная причина (a more portent cause) состояла в возрастающем уважении к христианству.

Итак, наряду с «главнейшим фактором» действует еще и «более важная причина». Но разве эта «более важная причина» — «возрастание уважения к христианству» — сама не нуждается в объяснении? Кстати сказать, трактуя об уважении к христианству, английский ученый вовсе запутывается в противоречиях: на стр. 20 сл. выступление Юлиана против христианских профессоров оказывается свидетельством того, что образованному человеку было трудно принять новую веру — на стр. 30 сл., напротив,тот же самый факт используется как доказательство наличия большого числа христианских учителей.

И еще одно замечание: если мы примем вместе с Момильяно, что IV столетие было временем роста крупной земельной собственности, как мы сможем согласовать это с тезисом Джонса об изменении состава господствующего класса за счет притока выходцев из низов? Во всяком случае такое противоречие заслуживает внимания.

Объяснение причин победы христианства не принадлежит, на мой взгляд, к наиболее сильным страницам сборника. Напротив, весьма удачной представляется мне мысль о силе язычества в IV в., об его упорном сопротивлении христианству,— мысль, проходящая через ряд статей (Х. Блока, А. Джонса, А. Барба и др.). Мы, действительно, иногда чересчур примитивно придаем обращению Константина решающее значение в смене идеологии господствующего класса — на самом деле процесс был более длительным и более сложным. Армия долгое время оставалась языческой, и еще Кодекс Феодосия (VII, 20, 2) сохранил множественное число «боги» в аккламации ветеранов: dei te nobis servent, лишь в Юстиниановом кодексе (XII, 46,1) замененное единственным: Deus... servet (стр. 24). Общественные магические действия признавались необходимыми, даже когда частные магические обряды были объявлены незаконными (стр. 109 сл.). Валентиниан I был терпим к языческим культам: в частности, 367/368 г. был восстановлен Porticus Deorum Consentium с его священными фигурами на римском форуме (стр. 195). Решительный натиск Феодосия I на «отеческие верования» вызвал языческую реакцию: «много христиан потеряло прежнюю уверенность в себе и возвратилось к язычеству» (стр. 81). Языческие псевдомонеты — contorniates — продолжали выпускать вплоть до 410 г. (стр. 202). В Вифинии V в. встречалось еще немало язычников в деревнях (стр. 18, прим. 3).

Я привожу лишь отдельные примеры, взятые из разных очерков: все они свидетельствуют о том, что вплоть до конца IV в. язычество оставалось серьезной силой. В той или иной форме — откровенного неоплатонизма Прокла или религиозного индифферентизма Паллада и Прокопия — оно доживает до V—VI вв.

Одна из интереснейших проблем — христианство и варварский мир — затронута в специальном очерке Томпсона, который приходит к любопытному выводу: до 476 г. ни одно из крупных германских племен (кроме ругов) не приняло христианства, находясь вне римской территории; да и после 476 г. до смерти Юстиниана в 565 г. только одно племя — лангобарды — обратилось в новую веру. Напротив, сразу же после вторжения варвары становились христианами. «По-видимому, переход границ империи и расселение в качестве земельных собственников на римской земле с необходимостью вело к разрыву с язычеством и обращению к римской религии» (стр. 77 сл.). Это обстоятельство, по мнению

Томпсона, свидетельствует о связи истории религии с политической историей (стр. 78).

Две борющиеся идеологии IV в. не могли не оказывать влияния друг на друга. Проблема проникновения язычества в христианство рассмотрена в двух специальных статьях. Марру посвятил свой очерк первому неоплатонику, принявшему крещение,— Синесию; напротив, Курсель останавливается на влиянии платонизма на христианских писателей, прежде всего на Амвросия. Тезис о влиянии языческой философии на христианское богословие не нов и, пожалуй, односторонен, ибо увлечение им ведет к забвению принципиальной разницы обеих идеологий. Поэтому мне кажется более значительной статья Момильяно, который прослеживает и те элементы, которые были заимствованы христианскими историками из языческих хроник, во вместе с тем подчеркивает, что христиане отвернулись от Фукидида и Тацита, от лучших традиций античной историографии (стр. 87 сл.). Момильяно стремится выяснить отличительные черты христианской историографии: он видит их в стремлении Евсевия приводить как можно больше аутентичных документов и как можно меньше сочиненных речей (стр. 89 сл.), избежать конкретных анекдотов из жизни героев (стр. 90 сл.), в преклонении перед авторитетом, а не перед разумом (стр. 91). Казалось бы, речь идет о разнородных и случайных признаках, но это не так: пренебрежение конкретной плотью событий тесно связано с основными принципами христианской эстетики, а пренебрежение к речам, к игре человеческой мысли вытекает, в конечном счете, из робости разума — не умственная деятельность, а факт, закрепленный документом, становится основным объектом истории. Однако надо заметить, что «документы» христианских хронистов далеко не всегда аутентичны, но подчас куда больше плод вымысла, нежели речи Фукидида.

А. П. Каждан

ИЗ ИСТОРИОГРАФИИ О ФАЮМСКОМ ПОРТРЕТЕ

Фаюмский портрет — замечательное и единственное в своем роде явление в мировой истории искусства, но в изучении его остается еще много неясного и неразрешенного. Современное состояние изучения этой проблемы освещено в работе Хильды Залоссер, подводящей итоги предыдущих исследований [1].

История науки о фаюмской портретной живописи прошла три фазы. Первая началась в конце 80-х гг. прошлого века, когда фаюмские портреты впервые были найдены в районе Фаюмского оазиса и ошибочно отнесены к птолемеевской эпохе. Год спустя после первых случайных находок фаюмских портретов, в 1888 г. появилась работа египтолога старшего поколения Г. Эберса [2].

Ошибочность отнесения фаюмских портретов к эпохе эллинизма доказали уже в конце XIX в. палеографические исследования В. Вилькена, прочитавшего так называемые этикетки на мумиях с портретами и правильно отнесшего эти портреты к первым векам нашей эры. Атрибуцию эту подтвердили и замечательные раскопки Фл. Питри, произведенные им в Хаваре [3]. Наконец, окончательная датировка фаюмских портретов эллинистическо-римским периодом (I—III в. н. э.) была закреплена в трудах Ц. Эдгара [4]. Раскопки Фл. Питри и «Каталог» Эдгара знаменовали второй этап изучения фаюмских портретов и в целом художественной культуры эллинистическо-римской эпохи. Этап этот отличался всесторонним изучением иконографии и техники и первым подведением итогов атрибуции фаюмских портретов. Стилистический же анализ этих памятников, раскрытие их художественного образа характеризуют третий этап. Конец XIX и первая четверть нашего века отмечены большим подъемом науки искусствоведения и применением методов стилистического анализа к изучению разных эпох мировой художественной культуры и, в частности, истории древневосточного ис-

[1] Hilde Zaloscer, Porträts aus dem Westen-Sand. Die Mumienbildnisse aus der Oase Fayum, Verlag von A. Schroll, Wien — Münch., 1961.

[2] G. E b e r s, Eine Gallerie antiker Porträts, Münch., 1888; о н ж е, Antike Porträts. Die hellenistischen Bildnisse aus dem Fajjum, Lpz, 1893.

[3] W.M. Fl. Petrie,Hawara, Biachmu and Arsinoe, L., 1889; о н ж е, Kahun, Gurob and Hawara, 1890; о н ж е, Roman Portraits and Memphis, 1911 и др.

[4] C. C. E d g a r, On the Dating of the Fayoum Portraits, JHS, XXV, 1905; о н ж е, Graeco-Egyptian Coffins, Masks and Portraits (Cat. Gén. du Musée du Caire, XXVI),Cairo, 1905.

кусства. Этим новым требованиям отвечали исследования П. Буберля [5] и монография советского ученого А. С. Стрелкова, не только подытожившая весь предыдущий опыт изучения фаюмского портрета, но поставившая новые, более широкие задачи в исследовании и художественно-историческом осмыслении живописи эллинистическо-римского периода [6].

Со времени появления этой работы прошло свыше 25 лет, на протяжении которых публиковались неизвестные нам памятники из малоизученных маленьких музеев и частных собраний Западной Европы и Америки, уточнялись датировки многих известных уже раньше памятников, наконец, производились рентгеновские съемки.

Особое внимание на данном этапе изучения фаюмского портрета заслуживают работы Х.Дрерупа и Е.Кош де ля Фертэ[7]. Первого из этих исследователей интересуют больше широкие искусствоведческие проблемы, в частности, вопросы стилистической периодизации эллинистическо-римской портретной живописи. Второй больше внимания уделяет вопросам атрибуции, решать которые стало возможным на данной ступени развития науки о фаюмском портрете [8].

В рецензируемом исследовании Х. Залоссер поднимает широкий круг вопросов как исторического, так и художественно-технологического характера.

Существенным вопросом является проблема генезиса, исторического сложения и развития фаюмского портрета. Три основных слагаемых видит автор в процессе образования египетской энкаустической живописи: древнеегипетское художественное наследие, искусство Греции эллинистического периода и, наконец, римское портретное искусство (в основном скульптурный портрет). Устанавливая связь фаюмского портрета с древнеегипетским искусством, Х. Залоссер, так же как и предшествовавшие исследователи, останавливается на известной эдикуле № 33269 из Каирского музея с портретом девочки [9]. Автор правильно расценивает этот портрет как ритуальный, на что указывают венок на голове и жертвенные дары, написанные на нижней части рамы. Действительно, изображения подобных сосудов и гроздей винограда встречаем мы и во многих настенных росписях. Следует согласиться также с тем, что подобная эдикула, своего рода алтарик с глубоко вставленным в раму портретом, был несомненно отделен от мумии и висел на стене. Следовательно, как мне представляется, и в этом обычае протягивается нить к прошлому: вспоминаются так называемые «запасные» скульптурные головы в гизехских погребениях времени IV династии, стоявшие рядом с мумией. Головы эти автор упоминает и даже воспроизводит одну из них (рис. 9), не делая, однако, при этом сравнении всех вытекающих отсюда выводов. Автор в известной степени прав, усматривая различие двух типов портрета: фаюмских времени первых веков нашей эры и египетских скульптурных портретов прошлого, создававшихся тысячелетиями. В последних, как указывает Х. Залоссер, не было «единственности индивидуального бытия». Эти ритуальные портреты оставались вне индивидуализации и пребывали в некоей «мифологической сублимации». Утверждение же личности, ее единичной неповторимости появилось в римском искусстве и в известном смысле с соответствующими поправками было перенесено и на фаюмские портреты.

Это утверждение, в известной мере правильное, требует, однако, существенного уточнения. Разумеется, те же «запасные» гизехские головы более условны по сравнению с фаюмскими портретами, в них превалирует типология, некое единство типологического образа, в фаюмских же портретах индивидуализация портретного образа заходит гораздо дальше. И все же различие это обусловливается эпохальными особенностями эллинистической художественной культуры, а не касается самого существа художественного образа; любой из фаюмских портретов остается ритуальным, связанным с мумией, и самый подход к осмыслению портретной индивидуальности остается по сути дела тем же. Это касается хотя бы вопроса передачи возраста в египетском искусстве. Конечно, начиная уже с Древнего царства существовали изображения юношей, людей среднего и преклонного возраста, и все же излюбленным родом изображения, связанным с религиозно-магическими представлениями, был некий вневозрастной идеальный образ, в большинстве случаев юный, опять-таки как в тех же гизехских скульптурных головах с их застывшими на лице улыбками. Х. Залоссер приводит интересные данные об аналогичной трактовке возраста и в фаюмских портретах. Так, например, известный портрет мужчины из музея в

[5] P. Buberl, Die griechisch-ägyptischen Mumienbildnisse der Sommlung Th. K. Graf, Wien, 1922.

[6] А. С. Стрелков, Фаюмский портрет, М.— Л., 1936.

[7] H. Drerup, Die Datierung der Mumienporträts, «Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums», XIX, Paderborn, 1933; E. Coche de la Ferté, Les Portraits Romano-égyptiens du Louvre, P., 1952.

[8] E. Coche de la Ferté, Du nouveau sur les portraits de la famille gréco-égyptienne de Pollias Soter, «La Revne des arts», P., 1954 № 3.

[9] Edgar, ук. соч., табл. XLIII.

Копенгагене изображает здорового человека в расцвете его сил; в том же среднем возрасте находится и некий Деметрий на портрете из Бруклинского музея (Zaloscer, табл. 17, 21), хотя письменные источники свидетельствуют, что они умерли стариками. Автор, приводя интересные данные, не всегда их использует. Конечно, фаюмский портрет есть новое качество, новое стилеобразование, характерное для эллинистическо-римского этапа развития этого искусства, которое все же в основе своей было древнеегипетским. Поэтому для современной науки важно и интересно установить не только отличие фаюмского портрета от скульптурного древнеегипетского портрета (это делалось неоднократно), но и сходство, историческую преемственность.

Вторым компонентом в сложении памятников из Фаюма считалось римское портретное искусство, в основном римский скульптурный портрет. Проблема взаимосвязи фаюмского портрета с римскими ритуальными обычаями помещения портретов в атриумах интересовала науку уже с конца XIX в. Много внимания было уделено учеными, особенно со времени Фл. Питри, и вопросу о датировках фаюмских портретов, которые устанавливались, исходя из сличения париков и ювелирных украшений с синхронными римскими скульптурными портретами. Сами по себе эти данные иконографии не могут, разумеется, служить критерием для датировки. На это неоднократно указывалось, и с этим, конечно, нельзя не согласиться. Атрибуция столь сложного явления, как фаюмский портрет, складывается из совокупности признаков: учета всех возможных данных иконографии, анализа стиля и, наконец, изучения археологических данных находки. Удачным является противопоставление автором рецензируемого труда художественных образов фаюмских портретов римским портретам и, в частности, известному парному помпейскому портрету Теренция Нерона с женой из музея в Неаполе. Изображения на этом портрете принадлежат, по словам автора, нашему миру, они живут в реальном пространстве; их жесты и повороты, весь строй композиции вполне жизненны, но вместе с тем эта правдоподобность очень отлична от всецело иератического образа на фаюмских портретах. Последние по-своему тоже реальны, но их правдоподобие не выходит за пределы в основе своей ритуального образа. Не в меньшей мере отличны фаюмские портреты и от римской портретной скульптуры, в раннем своем периоде связанной с портретом imagines, с точным повторением модели, своего рода протоколированием, откуда возникло употребление восковой маски. Жаль только, что в данном контексте автор не воспользовался понятием «веризма», введенным Кашниц-Вейнбергом по отношению к раннеримскому портрету, тем более, что одна из работ этого ученого упоминается в рецензируемой книге (стр. 54). В целом же фаюмская энкаустическая живопись и римский скульптурный и живописный портрет с точки зрения стиля и художественного образа представляют собою очень различные явления (Zaloscer, стр. 34 и 89).И с этой точки зрения следует признать, что проблема романизации фаюмского портрета преувеличивалась в ряде западноевропейских работ и, наоборот, решалась убедительно в русских дореволюционных и советских исследованиях, в частности в неоднократно упомянутой здесь работе А. С. Стрелкова.

Фаюмский портрет, однако, отличен и от античного искусства. По сравнению с последним он более конкретизирован. В фаюмских портретах больше подчеркнут, например, этнический тип модели, специфика физиономики. Греческие портреты, по мнению Х. Залоссер, в целом все же идеальные портреты, героизированные. В изображениях поэтов, государственных деятелей, воинов показываются ум, величие, благородство и т. д., а не индивидуальное своеобразие. Даже эллинистический портрет все еще является носителем идеи. Таковы возвышенные портреты Александра Македонского и даже в изображениях нищих и уродов в александрийских терракотах передаются лишь идеи старости, уродства и т. д., а не индивидуальное воплощение этих черт в каждой отдельной модели. Подытоживая свои мысли, автор считает римскую портретную пластику историей, греческую же — мифом. Таким образом, по мысли Х. Залоссер, ни один из трех компонентов в сложении фаюмского портрета (древний Египет, античная Греция и Рим), взятые порознь, не являлись действенными. Египетский энкаустический портрет представляется автору неким «сплавом». Основной задачей исследователя и является поэтому раскрытие художественного своеобразия фаюмского портрета. Подобная постановка вопроса, казалось бы, не вызывала возражения, если бы последующие рассуждения и мысли автора не ставили под сомнение все ее собственные доказательства и даже в какой-то мере научное познание как таковое. Как думает Х. Залоссер, решающим моментом в раскрытии произведения искусства является личное отношение зрителя к тому или иному художественному образу. И не находятся ли поэтому подобные оценки в противоречии с «придуманными историками схемами» и с самой «реальной жизнью со всей ее противоречивостью»? Отсюда и скептическое отношение автора к самой возможности установления объективно-до-

стоверной стилистической периодизации фаюмского портрета (стр. 30 сл.). В данном пункте ошибочно смешиваются два вопроса: вредность формалистической науки, оперирующей отвлеченными от жизни схемами, и необходимость подлинно научного исторического осмысления, основанного на раскрытии законов диалектического развития. Если мы откажемся от раскрытия этих законов, то мы тем самым откажемся и от самой возможности познания фаюмского портрета как интереснейшего и замечательного явления в мировой художественной культуре. Ведь только подлинно научное познание и позволит определить и оценить во всей глубине своеобразие и прелесть того или иного художественного образа. К счастью, мимоходом брошенные Х. Залоссер мысли о подходе к оценке художественного произведения находятся в противоречии с рядом ее же собственных доказательств, в частности, с показом развития иконографии фаюмского портрета. И наоборот, автор ошибается, когда пытается показать расхождение индивидуальных поисков художника с общепринятой и. казалось, бы неопровержимой стилистической периодизацией фаюмских памятников. Лучшим тому примером служит разбор автором портрета юноши из музея в Вене (Zaloscer, табл. 47). Портрет этот является типичным образцом той условной характеристики образа с ее плоскостной и сухо графической трактовкой формы, которая типична для портретов не раньше конца II и в основном III в. Памятник из Вены стилистически очень близок еще к одному портрету юноши из ГМИИ (№ 5787 — Стрелков, стр. 124 сл., табл. XXIII, см. также портрет № 5742,табл. XXIV). В обоих случаях те же приемы условной трактовки формы параллельными штрихами. Эти особенности всеми без исключения исследователями считались типичными для поздней фазы развития фаюмского портрета III в. А. С. Стрелков находил и совершенно правильное историческое обоснование этому абстрактному иератическому портретному образу, пришедшему на смену реально живописному, эллинистически сочному, характеризовавшему портреты конца I и II вв. А. С. Стрелков связывал этот процесс с отходом от язычества и интересом к христианской идеологии. «Третий век,— писал он,— есть критический период в истории не одного только Египта: это эпоха тяжелого кризиса античного общества, знаменующаяся в конце столетия образованием империи Диоклетиана, которая стоит ближе к феодальной Византии, нежели к империи Флавиев или Антонинов» (Стрелков, стр. 39 и 44). Совершенно иначе подходит к истолкованию портретного образа юноши из музея в Вене Х. Залоссер. Признаки условности и схематизма она объясняет неумелостью художника и ремесленностью работы. Ведь в конце концов исполнителем портрета мог быть и дилетант, или даже сам гробовщик. Отсюда неожиданный и ничем не обоснованный вывод: портрет почему-то автор относит к раннему периоду, где он попадает в совершенно иное и ничем с ним не связанное окружение. Для этого достаточно сравнить портрет из Вены с двумя ранними портретами юношей из ГМИИ (Стрелков, табл. III и фронтиспис).

Разумеется, везде и во все века работали и художники, и ремесленники, конечно, в провинциальном фаюмском портрете III в., написанном где-нибудь вдалеке от Александрии, могли наблюдаться и известные архаизмы, т. е. подражание живописно-иллюзионистской манере конца I и начала II в. Но объяснить художественную манеру и приемы письма, характерные для III в.,у исполнителя портрета раннего периода, да кроме того еще и «дилетанта», просто невозможно. Подобная атрибуция вызывает недоумение и у рецензента книги Х. Залоссер К. Парласка [10].

Рождение фаюмского портрета как нового качества в процессе развития древнеегипетского искусства происходило, разумеется, во взаимодействии с римской и греко-эллинистической культурой. Взаимодействие это отмечала и Х. Залоссер на ряде примеров, но она при этом обошла важнейший, с нашей точки зрения, вопрос о восточном эллинизме. Этот исторический этап в развитии художественной культуры в разных странах Переднего Востока интересовал русскую науку уже со времени Д. В. Айналова и продолжает изучаться в советском востоковедении. Д. В. Айналов, как писал А. С. Стрелков, осветил эту проблему в работе «Эллинистические основы христианского искусства» (СПб, 1900), где утверждается, что Египет и Малая Азия, продолжающие оставаться чисто эллинистическими в римский период, являются той почвой, на которой возникло искусство Византии (Стрелков, стр. 63, прим. 13). А. С. Стрелков ставил вопрос о «восточноэллинистической» школе в фаюмских портретах и с полной правомерностью относил к этой школе портрет пожилого мужчины из ГМИИ № 4290 [11]. Напомню, что за четверть века до исследования А. С. Стрелкова о том же портрете № 4290 писал и другой крупнейший русский ученый Б. В. Фармаковский: «Они (т. е. портреты раннего периода, конца I — начала II в.— *В. Ф.*),

[10] K. Parlasca, OLZ, 58, 1963, № 9/10, стр. 451—455.

[11] Стрелков, стр. 48; М. Э. Матье, В. В. Павлов, Памятники искусства древнего Египта в музеях Советского Союза, М., 1958, табл. 115.

очевидно, представляют отзвук живописи великих мастеров эллинистической эпохи. Их концепция и стиль, в основах чисто эллинистические, ведут свое происхождение из эллинистического Египта, вероятнее всего, из Александрии. Термин „эллинистические", который применял к фаюмским портретам Г. Эберс, в этом смысле имеет, бесспорно, свои основания»[12]. С последними словами Фармаковского нельзя не согласиться, ибо, если в его время вопрос о датировке фаюмских портретов I—IV вв. н. э. был уже твердо решен, то, с другой стороны, проблема эллинистической основы оставалась в силе, и поэтому Х. Залоссер не следовало бы в историографической части ее книги (стр. 12) отнестись с такой насмешкой к работам старейшего египтолога Г. Эберса. Последний, как известно, датировал фаюмские портреты тотчас же после их находки птолемеевской эпохой[13]. Разумеется, первоочередной задачей является изучение стилистически-локальных черт фаюмского портрета. Но ведь этот оригинально своеобразный вариант складывается в процессе эллинизации позднеегипетского искусства, и, следовательно, требуется установление специфики каждого восточноэллинистического варианта в отличие от других стилеобразований. «Нам думается,— писал А. С. Стрелков,— что в этом отношении недостаточно оценивается весь процесс в целом, происходивший на всей территории античных воздействий, имевших место еще в эпоху походов Александра и его преемников» и далее: «если под этим углом зрения мы взглянем на историю фаюмского портрета, то станет в достаточной степени ясно, что происходит не какой-то специальный, связанный с одним Египтом процесс, а наоборот, Египет этого времени участвует в сложном, многоэтапном процессе, образующем переход от античного общества к феодальному» (Стрелков, стр. 60). К приводившимся в свое время вариантам восточноэллинистического искусства (росписи Дура-Европос, Пальмиры, Мирана и других мест) нужно было бы прибавить и тот огромный материал, который дали современные открытия на всем протяжении Переднего Востока, Средней Азии, Хорезма, наконец, Нубии. Здесь имеются в виду происходящие по сей день открытия поздних коптских росписей с их наслоениями восточноэллинистической культуры[14]. И вообще коптское изобразительное искусство, в особенности же ткани III—IV вв. с большой силой и выразительностью продолжают эту восточноэллинистическую линию развития, в чем легко убедиться, сравнив, например, головку богини Тюхе на ткани из ГМИИ с рядом фаюмских портретов (Матье и Павлов, Памятники, табл. 134).

Что же касается римского скульптурного портрета, то связь его с фаюмским живописным портретом касалась главным образом некоторых иконографических элементов и ритуального обычая помещения портретов в атриумах. Стилистически же влияние римского искусства и в особенности скульптурного портрета на египетско-греческую художественную культуру было незначительно.

Ценность рецензируемой книги повышают хорошо выполненные и смонтированные таблицы (48, из них 12 — цветных). Еще более существен показ деталей, позволяющих судить об особенностях техники. Так, например, увеличенная верхняя часть лица юноши в портрете № 6154 из ГМИИ (табл. 18) хорошо показывает посадку глаз и особенности трактовки зрачка в фаюмских портретах. Еще более наглядно показана фактура энкаустической живописи в портрете молодой женщины из Лувра. Памятник этот прекрасно корреспондирует на развороте с портретом юноши из нашего Музея (табл. 19). С исключительной наглядностью прослеживается фактура восковой техники в портрете мужчины средних лет из музея в Каире (табл. 32). Здесь очень многообразен характер и рисунок мазков в лепке лица, видны «накипи» еще теплой краски, застывшей целыми кусками на лбу и над левой бровью. Подобная точная передача фактуры, свидетельствующая о достижениях современной макрофотографии, особенно важна в показе фаюмских портретов, где многие вопросы энкаустической техники и по сие время остаются неясными. Между тем именно в фаюмских портретах принципиально новые особенности раскрытия образа находятся в полном контакте и с новыми техническими возможностями как восковой живописи, так и энкаустической темперы.

В рецензируемом исследовании вопросам техники отводится должное место. Однако, излагая все выдвинутые до сих пор точки зрения, автор в конечном счете не знакомит нас с собственными взглядами на технику фаюмского портрета и прежде всего на методы так называемого «вжигания». Дело в том, что со времени ранних работ принято было думать, что фаюмские портреты выполнялись техникой «вжигания»[15]. Мнение

[12] Б. В. Фармаковский, Портрет из Фаюма «Памятники Музея изящных искусств», вып. I—II, 1911, текст, стр. 58.

[13] G. Ebers, Eine Gallerie antiker Porträts, Münch., 1888; он же, Antike Porträts. Die hellenistischen Bildnisse aus dem Fajjum, Lpz, 1893.

[14] Например, K. Michalowski, New Discoveries at Faras in Nubia, «Archaeology», 15, 1962, № 2, стр. 112—120.

[15] O. Donner von Richter, Über technisches in der Malerei der alten

о «вжигании» сложилось главным образом на основании толкования соответствующего места у Плиния (XXXV, 41). Как думали первые исследователи фаюмской живописи, написанный энкаустический портрет подносился к жаровне, во всяком случае к горячему источнику, после чего производилось сглаживание поверхности живописи. Фактура портрета при этом приобретала глянцевитый характер. Х. Залоссер отрицает возможность подобного «вжигания». По ее мнению, такой метод исключен после лабораторного обследования ряда фаюмских портретов рентгеном, а в равной мере и после многих макросъемок. Мне же думается, что ни рентгенография, ни макрофотография не сняли вопроса горячего способа обработки. Следовательно, вопрос сводится не к отрицанию «вжигания», а к уяснению способа использования горячей техники, т. е. к правильному истолкованию текста Плиния. Конечно, способ окончательного разглаживания поверхности теплого красочного слоя и тем самым его нивелировки в фаюмских портретах был отвергнут наукой уже давно, до современных открытий рентгенографии и, следовательно, возвращаться к этому вопросу не было никакой надобности. Процесс «вжигания» сводился, конечно, к употреблению теплой и очень густой энкаустической массы краски, накладываемой не только кистью, но и разогретым металлическим инструментом — кавтерием. Об этом говорят как броски густой запекшейся краски, так и маслянисто-блестящий характер фактуры на ряде фаюмских портретов, в особенности ранних — конца I и первой половины II в. Яркий тому пример — портрет бородатого мужчины № 3705 из ГМИИ [16]. Но окончательного разглаживания красочного слоя не производилось, фактура продолжала оставаться неровной, очень многообразной, и факт этот ни в какой мере не снимает вопроса о «вжигании». Х. Залоссер ограничилась лишь изложением разных точек зрения на технику фаюмской живописи, не дав при этом достаточно развернутого объяснения по ряду вопросов.

Но другие проблемы в книге Х. Залоссер решаются достаточно полно и интересно. Таков, например, издавна интересовавший науку вопрос о ритуальном или же светском характере фаюмских портретов. Существенны и поиски автором новых данных, подкрепляющих датировки фаюмских памятников. В этом смысле особенно интересна гипотеза Кош де ла Ферте о членах семьи Полиуса Сотера, изображенных на ряде портретов и позволяющих их датировать временем императора Адриана: Полиос Сотер был правителем Фив при этом императоре [17]. Если подобное утверждение в целом пока гипотетично, то все же и в этом случае датировка приведенных портретов из Лувра едва ли вызовет сомнение. К этому же времени — первой половине II в. относится, по моему мнению, и погребальная пелена № 4229 из ГМИИ (Матье и Павлов, Памятники, табл. 120). Больше того, близость портрета на пелене с луврскими портретами позволяет предполагать их принадлежность, если не к одной мастерской, то во всяком случае к одному и тому же стилистическому кругу искусства.

Науку о египетском искусстве и, в частности о фаюмских портретах, интересует в настоящий момент уже не только общие закономерности развития, но и отдельные направления, школы, а в ряде случаев даже художники [18]. Искусство фаюмского портрета также доказывает несостоятельность не так давно еще распространенной теории «имперсональности» древнеегипетского искусства.

Несмотря на ряд недостатков, работа Х. Залоссер содержит и положительные черты. В книге разбросаны интересные и тонкие замечания, касающиеся не только эстетической оценки фаюмского портрета в целом, но и отдельных памятников. Современная искусствоведческая проблематика учтена Х. Залоссер, несмотря на популярную форму исследования.

В. В. Павлов

insbesondere in deren Enkaustik, Münch., 1885; Fl. Petrie, Hawara, Biachmu, and Arsinoe, L., 1889; H. Blumner, Technologie and Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römer, Lpz, 1875—1887 и др.

[16] В. В. Павлов, Фаюмский портрет, ж. «Художник», 1962, № 9, цветная табл.

[17] E. Coche de la Ferté, Du nouveau sur les portraits de la famille greco-egyptienne de Pollius Soter, «La Revue des arts», P., 1954, № 3.

[18] М. Э. Матье, Роль личности художника в искусстве древнего Египта, ТОВЭ, IV, 1947.

НОВАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ЕГИПТОЛОГИИ
(1961—1963 гг.)
(Краткие аннотации)

Публикации

М. Аминджанова, Два сосуда из египетского стекла в собрании Самаркандского музея. «Научные работы и сообщения Отделения общественных наук АН УзССР», 1961, 2, стр. 280—283. Публикация двух небольших сосудиков, приобретенных у местных жителей; происходят, по мнению автора, из Египта, возможно, греко-римского времени.

А. А. Карцев, Новые архивные данные о собраниях египетских древностей в России, КСИНА, 46, 1962, стр. 259—269. В статье приводятся сведения о приобретении коллекций египетских древностей для России, почерпнутые из архивных документов, относящихся к 1821—1909 гг. (ЦГИАЛ). Особенно интересны документы, касающиеся египтологических коллекций Руадзе, Кастильоне, Дроветти и др.

М. А. Коростовцев, Путешествие Ун-Амуна в Библ. Египетский, иератический папирус № 120 Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве, М., 1960, 134 стр., 16 табл. Исследование, посвященное папирусу № 120 ГМИИ, содержащему текст «Путешествие Ун-Амуна в Библ». Автор дает факсимиле текста, воспроизведение иероглифической транскрипции этого текста, выполненной А. Гардинером, с рядом своих исправлений, свой новый перевод (стр. 26—30), описание папируса (стр. 18—25), подробный исторический (стр. 34—61) и филологический (стр. 62—86) комментарий. Введение (стр. 5—17) посвящено происхождению, исторической и литературоведческой оценке этого произведения, его датировке и истории его изучения. М. А. Коростовцев доказывает, что этот текст представляет собой подлинный официальный отчет Ун-Амуна о своем путешествии, изложенный в литературной форме, и подчеркивает его историческое значение. Специальная глава посвящена глагольным формам, встречающимся в исследуемом тексте (стр. 87—109). Приложены указатели и библиография. *Рец: Н. С. Петровский*, НАА, 1961 № 6, стр. 188—190.

М. А. Коростовцев, «Размышления Хахаперрэсенба» (памятник египетской литературы), КСИНА, 57, 1961, стр. 41—45. Первый перевод на русский язык изданного Гардинером иератического текста, написанного на деревянной доске (Брит. муз. № 5645), который по палеографическим данным относится к XVIII династии, но, по всей вероятности, восходит к Среднему царству (время Сенусерта II). В комментарии дана подробная аргументация перевода. В заключение М. А. Коростовцев дает литературоведческую оценку этого текста: это не «поучение», а «собрание слов», т. е. сборник изречений, автор которого стремился к оригинальности и создал произведение, подобного которому в египетской литературе более нет; в частности, особенностью его является идеализация не прошлого, как обычно, а будущего.

М. А. Коростовцев, Египетский иератический папирус № 1116 Государственного Эрмитажа (Пророчество Нефферти), КСИНА, 44, 1961, стр. 45—58. Полный перевод на русский язык Эрмитажного папируса № 1116 B recto, представляющего собой копию «мессианского» литературного текста, сделанную в начале царствования Тутмоса III; не дошедший до нас оригинал ее, вероятно, восходит к Среднему царству. Перевод выполнен автором по иероглифической транскрипции, опубликованной В. С. Голенищевым в 1913 г. (V. Golénischeff, Les papyrus hiératiques de l'Ermitage Impérial, 6—8; pl. XXIII—XXV); он сопровождается подробным филологическим комментарием, в котором М. А. Коростовцев уточняет значения многих неясных слов, грамматических форм и литературных оборотов, попутно выдвигая ряд новых гипотез в области изучения лексики египетского языка.

М. А. Коростовцев, Иератический папирус 127 из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина, М., 1961, 72 стр., 10 табл. Публикация иератического папируса, приобретенного В. С. Голенищевым в Каире в 1891 г. Автор дает фотокопии текста с параллельной иероглифической транскрипцией (стр. 60—70) и переводом, которые обоснованы в «Примечаниях к транскрипции» (стр. 9—13), «Палеографических примечаниях» (стр. 14—16), «Филологическом комментарии» (стр. 17—46) и «Грамматических замечаниях» (стр. 47—49). В реальном комментарии (стр. 50—57) автор устанавливает, что этот памятник времени XXI династии, найденный близ Аль-Хибе в Верхнем Египте, представляет собой школьную копию литературного произведения, созданного раньше XIX династии,— письма верховного жреца Гелиополя (wr mȝj) к «царскому писцу» Pȝrʿms, в котором отразилась какая-то междоусобная война в Египте в период XX династии. По палеографическим данным, как устанавливает М. А. Коростовцев, копия этого произведения написана одновременно с «Ономастиконом» Голенищева и «Отчетом Ун-Амуна». *Рец: И. С. Кацнельсон*, НАА, 1962, 3, стр. 219—221.

М. Коростовцев, An Unpublished Ancient Egyptian Literary Text, Труды XXV МКВ, М., 1962, т. I, стр. 85—88. Сообщение о папирусе 127 из коллекции ГМИИ им. А. С. Пушкина, подготовленном автором к публикации (см. предыдущую анн.).

И. Г. Лившиц, Фрагменты саркофага князя Хаф-Мина, ИИКНВ, 1961, стр. 369—373. Публикация двух фрагментов деревянного саркофага, поступившего в ГМИИ в 1911 г. в составе коллекции В. С. Голенищева (I,1a,5334 и I,1a,5335). Из надписей на саркофаге видно, что он принадлежал крупному чиновнику конца Древнего царства Ḥ'j.f-Mn(w), он же Tjj, носившему титулы ḥ3tj-' śmr w'tj ḥrj-tp njśwt ỉmj-r3 wp.wt mr.t.

I. G. Livchitz, Nouveaux documents sur l'histoire de l'égyptologie, CHM, VI, 1961, 3, стр. 605—627. Публикация двух интересных для истории египтологии документов: 1) доклад о иероглифической системе Шампольона, написанный в 1825—1826 гг. советником русского посольства в Риме Станиславом Коссаковским для русского посла А. Я. Италинского (из Отдела рукописей Ленинградского отд. ИВАН СССР, полка 3, досье 2, № 46, 44 стр.); 2) письмо Ж. Ф. Шампольона к Ст. Коссаковскому от 25/VI 1825 г. (из Отдела рукописей Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, досье 35). То же на русском языке—ПС, 2 (64/65), 1956, стр. 115—126; 3 (66), 1958, стр. 151—170.

И. Г. Лившиц, Фрагмент саркофага с отрывком из «Текстов пирамид», ДМ, стр. 130—138. Публикация фрагмента деревянного саркофага ГМИИ I, 1a, 5333, поступившего в музей в составе коллекции В. С. Голенищева, относящегося к Среднему царству. Имя владельца саркофага не сохранилось, но на нем имеется надпись, содержащая заключительную часть (§ 195) 220-го изречения «Текстов пирамид», обращенного к богине Нейт.

И. Г. Лившиц, Плита из пирамиды фараона Пепи I, ЭВ, XV, 1963, стр. 3—5. Публикация плиты из коллекции В. С. Голенищева, поступившей в ГМИИ в 1911 г. (ГМИИ I, 1б, 317), которая была частью стены одного из помещений пирамиды Пепи I. Надписи на ней содержат отрывки из Текстов пирамид — 328 (§ 537a); 262 (§ 327 b, 329 b—c, 331 c, 332 b—c, 333 c, 334 a, 336 b—c); 706 (§ 2208) и 707 (§ 2209) не имеет параллелей в других пирамидах. Автор приводит транскрипцию, выполненную В. С. Голенищевым.

И. Г. Лившиц, Рисунки на фрагменте саркофага Хевит, ЭВ, XVI, 1963, стр. 3—6, 1 илл., 1 табл. Первая часть публикации фрагмента боковой стенки деревянного саркофага Ḫwjt, жрицы Хатхор, происходящего из Верхнего Египта (ГМИИ, I, 1a, 5310); саркофаг относится к I переходному периоду. Как гласят надписи над девятью рисунками фрагмента, они представляют собой перечень заупокойных даров: ḥ3tt 'š и ṯḥnw; 3tt и ḥnk(j)t; wrš; 'nḫ m33; ṯb(w)t(j); wśḫ; š'wtj и ḥsmnjj; b3ḥ(j)t; ḫrj ḫntt m śntr.

Й. М. Лурье, И. А. Лапис, Источники по древнеегипетскому налоговому обложению времени Нового царства, ВДИ, 1961, 2, стр. 181—260; 3, стр. 169—220; 4, стр. 189—221. Первый перевод на русский язык учетных документов, полностью или частично связанных со сбором податей, главным образом рамессидского времени (папирус Вильбура А и Б, Туринский налоговый папирус, фрагменты литературных и школьных текстов, относящихся к этой области). Введение написано И. М. Лурье.

М. Э. Матье, Эрмитажная скульптурная группа Аменемхеба, ДМ, стр. 154—155. Публикация скульптурной группы № 740, поступившей в Гос. Эрмитаж в 1852 г. Группа, относящаяся к XVIII династии, изображает владельца гробницы № 4 в Дра-Абуль-Негга — вельможу Аменемхеба, его мать Кало и жену Таисеннеферт. Надписи на статуях содержат интересный исторический материал: титулы Аменемхеба — «верховный царский писец, любимый царем, наследный князь, градоначальник Фив и Гермонтиса, начальник закромов храма Амона в Карнаке, правитель храма Аменхотпа I на западе Фив» — наводят на мысли об общем управлении храмов Фив и Гермонтиса, а титулы его жены — «начальница затворниц Хатхор, владычицы Инерти (Гебелейна)» — подкрепляют это предположение об административных связях Фиванского нома. М. Э. Матье удалось установить, что под именем Хатхор-Исиды Нефетхернебес скрываются не две богини, а одна в тройном образе — синкретическая богиня фиванского некрополя, у которой может быть был еще неизвестный нам храм в Карнаке или в Инерти.

«Путеводитель по Музею изобразительных искусств им. А. С. Пушкина», ч. I. Искусство древнего мира, М., 1962, 130 стр., илл. Краткий очерк о египетской культуре и описание египетских экспонатов Отдела древнего Востока ГМИИ, составленные С. И. Ходжаш и Р. Д. Шуриновой (стр. 13—51).

Р. И. Рубинштейн, Стела одного из «10 великих Юга» Ии-Сенеба, ВДИ, 1961, 3, стр. 107—111. Публикация известняковой стелы ГМИИ № 1a 5649, происходящей может быть, из Абидоса, относящейся, по-видимому, к самому началу XIII династии (Среднее царство). Она содержит перечень жертвенных даров для wr mḏw(?) šm'w 'Ỉỉ-śnb с изображением ряда его родственников.

Р. И. Рубинштейн, Стелы Ментухотепа и Ини-О (из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина), ДМ, стр. 171—179. Публикация фотографий двух стел Среднего царства — ГМИИ № 1^{1a}, 5601 и 1^{1a} 5605. Первая принадлежит Mntwḥtp'y (начало XII династии), который, судя по совокупности данных, относился к средним классам и жил в Фивах; вторая принадлежит ỉrj-p'ṯ ḥ3tj-' śmr w'tj ḫrj-ḥb 'Inj-'3.

Р. И. Рубинштейн, Собрание рукописей Отдела Древнего Востока ГМИИ им. А. С. Пушкина, «50 лет ГМИИ», стр. 52—58. Описание египетских рукописей из коллекции В. С. Голенищева, поступившей в музей в 1911 г.; характеристика содержания главных папирусов коллекции: «Гимна царским диадемам», «Московского математического папируса», «Путешествия Уну-Амона», «Ономастикона» Голенищева и отдельных фрагментов. Указатель опубликованных текстов.

С. И. Ходжаш, Статуэтка везира Пасера, ДМ, стр. 191—195. Публикация маленькой кубической статуи № 1295, поступившей в ГМИИ в 1924 г. Она изображает сидящего Пасера — везира, «начальника города» и владельца гробницы в Абд-аль-Курне, который жил при Сети I и Рамсесе II.

«Хрестоматия по истории Древнего Востока», под ред. В. В. Струве и Д. Г. Редера, М., 1963, 544 стр. Первый раздел «Хрестоматии»—«Египет» составил И. С. Кацнельсон. Краткая характеристика египетских первоисточников в начале раздела принадлежит перу Д. Г. Редера. В разделе «Египет» помещено 50 наиболее важных и известных исторических, правовых и религиозных текстов в переводах О. Д. Берлева, В.В. Вертоградовой (античные авторы), И.С.Кацнельсона, В. И. Петровской, Н. С. Петровского, Д. Г. Редера, Т. Н. Савельевой и В. В. Струве. Материал расположен в хронологическом порядке; перед описанием каждого памятника имеется небольшой исторический комментарий и указание на издания источников.

В. В. Шеворошкин, Статуэтка Исиды с египетско-карийской надписью, ВДИ, 1964, № 2, стр. 128—134. Публикация бронзовой статуэтки сидящей Исиды (Гос. Эрмитаж, № 288) с египетско-карийской надписью на ее цоколе: $_1$'Ist dí 'nḫ $_2$|avkaĩ-$_3$s:slrat $_4$los, которую автор интерпретирует: «Исида, дай чтобы жил Авкан; Слара — это (сдел)ал».

«Древняя Нубия», под ред. Б. Б. Пиотровского, М.— Л., 1964, 260 стр., илл. Результаты работы археологической экспедиции АН СССР в ОАР. Первая глава, написанная Б. Б. Пиотровским, содержит очерк древней истории Северной Нубии; вторая глава, написанная В. П. Любиным, посвящена памятникам нижнего палеолита в районе Дакки—Коштамны. Перу А. В. Виноградова принадлежит третья глава о себильской культуре в районе Дакки. Н. Я. Мерперт и О. Г. Большаков дали описание раннединастического поселения Хор-Дауд; кремневые орудия из Хор-Дауда описаны С. А. Семеновым. А. В. Виноградов посвятил также две главы могильникам, раскопанным в районах селений Курта и Западная Коштамна. Заключительная глава Б. Б. Пиотровского посвящена древнеегипетским надписям, найденным в районах селений Дакки и Вади-Алаки.

Из 44 надписей 26 опубликованы ранее Я. Черным, остальные публикуются впервые (фото, иероглифическая транскрипция, перевод и краткий комментарий). Надписи краткие, содержат только имена и титулы участников древних экспедиций в золотые рудники.

А. В. Виноградов, Советская археологическая экспедиция в Нубии. СЭ, 1962, № 6, стр. 150—155. Сообщение о раскопках в районе Дакки и описание современной нубийской деревни (архитектура, население, оросительная система).

И. С. Кацнельсон, Советские археологи в Асуане, «Азия и Африка сегодня», 1962, 8, стр. 44—45. О работе советской археологической экспедиции Института археологии и этнографии АН СССР под руководством Б. Б. Пиотровского в районе Дакки.

Б. Б. Пиотровский, Археологическая экспедиция в Нубии, ВАН, 1962, № 8, стр. 88—91. Сообщение о первом сезоне работы советской экспедиции в районах Дакки (на левом берегу Нила), Хор-Дауд и Вади Алаки (на правом). Открыто 575 ям с сосудами хозяйственного назначения, относящихся к архаическому периоду Египта; найдено много палеолитических и неолитических орудий, остатки крепостей римского и византийского времени, а также засвидетельствовано большое количество наскальных надписей всех эпох.

Б. Б. Пиотровский, Нубийская археологическая экспедиция Академии наук СССР (1961—1962 гг.), ВДИ, 1963, № 2, стр. 185—188. О работе первой советской экспедиции в Нубии в районе от Герф-Гусейна до Махаррака (за исключением Кубана) в течение первого сезона раскопок (с 1 декабря 1961 г. по 31 марта 1962 г.). Советские археологи открыли 575 хозяйственных ям, нашли много кремневых орудий, обнаружили первобытные наскальные изображения, иероглифические и другие надписи разных исторических эпох. Производилась также разведка в Вади-Алаки.

Р. И. Рубинштейн, Памятники Древней Нубии. Раскопки в Дакке, «Творчество», 1963, 5, 22 стр. Очерк о работе советской экспедиции под руководством Б. Б. Пиотровского в 1961 г. в районе Хор-Дауда.

Р. И. Рубинштейн, Новейшие археологические открытия в Египте, «Высшая школа», 1962, 72 стр., илл., карта. Научно-популярный обзор раскопок последних десятилетий.

Э. А. Сымонович, Египетские вещи в могильнике Неаполя Скифского, СА, 1961, № 1, стр. 270—273. Сообщение о древнеегипетских амулетах, обнаруженных в Восточном могильнике в 1956—1957 гг.: в могиле № 36 было найдено 10 предметов — пронизки, подвески и 1 бусина с лицом Горгоны; в могиле № 58 — 1 подвеска; в могиле № 71—1 бусина с таким же лицом. Автор предлагает египтологам заинтересоваться этими бусами, техника выполнения которых — нитяная стеклянная мозаика — является до сих пор уникальной.

История

В. И. Авдиев, Экономические и культурные взаимодействия Египта и соседних стран в II—I тысячелетиях до н. э., ДМ, 1962, стр. 25—31. В обзоре обобщены многочисленные реальные данные, свидетельствующие о широком и разностороннем влиянии древнеегипетской культуры на окружающие страны — Нубию, Сирию, Финикию, Средиземноморские острова, материковую Грецию микенского времени и Рим; в статье рассматриваются также элементы обратного воздействия переднеазиатской и главным образом греческой культуры на Египет Нового царства и поздней эпохи, отразившегося в религиозном синкретизме, стиле искусства, языке и т. д.

В. И. Авдиев, Развитие египтологии в ОАР, ВДИ, 1964, № 2, стр. 156—170. Обзор научной деятельности египетских ученых—археологов и египтологов—главным образом за 40-е и 50-е гг.

W. I. Awdiew, Die Entstehung von Handels- und Kulturbeziehungen zwischen den Ländern des Nahen Ostens vom 4. bis 3. Jahrtausend vor unserer Zeitrechnung,«Sozialökonomische Verhältnisse im Alten Orient und klassischen Altertum», B., 1961, стр. 25—46. Доклад, прочитанный автором в 1954 г. на XXIII Международном конгрессе востоковедов в Кембридже.

V. I. Avgyijev, Az ókori kelet kutatásának 40 éve, a szovjetunióban, Budapest, 1960, 73 стр. Перевод на венгерский язык книги В. И. Авдиева «Советская наука о древнем Востоке за 40 лет», М., 1958, 102 стр.

М. А. Коростовцев, Писцы древнего Египта, М., 1962, 175 стр. Основная цель монографии заключается в попытке дать ответ на вопрос о том, каким социальным слоям, а в отдельных случаях и каким конкретным лицам обязаны своим развитием письменность и литература древнего Египта на всем протяжении его истории. С этой целью автор, используя обильный материал источников, выясняет вопросы распространения грамотности и образованности, общественного положения их носителей, системы образования и преподавания, существования библиотек, архивов и своего рода научных учреждений — центров развития культуры («дом жизни»). Опираясь на исследования Гардинера, Вольтена и Вергота, автор дает подробный обзор источников по этой проблеме. Специальная глава посвящена выяснению авторства литературных и научных произведений и даже изобретений. В двух последних главах рассматривается вопрос о том, насколько египтянам были знакомы языки соседних народов, а последним — египетский, а также о значении этих факторов для истории развития культуры. В «Приложении» даны переводы ряда египетских текстов, характеризующих положение писцов и систему образования.

М. А. Коростовцев, Древний Египет и народы Африки южнее Сахары, ВДИ, 1963, № 4, стр. 12—29. Не считая возможным отрицать несомненное сходство некоторых обычаев и воззрений древних египтян и народов Центральной и Западной Африки, автор ищет причины этого сходства в глубине доистории и подвергает критическому анализу разные взгляды на проблему позднего влияния Египта. Отвергая антинаучную «хамитскую теорию» Фробениуса, поддерживаемую расистами, М. А. Коростовцев приходит к выводу, что сходство это можно объяснить существованием в древнейшие эпохи общего культурного субстрата, из которого постепенно выросли самостоятельные культуры этих стран. Разница в их уровне является следствием неравномерности развития, вызванной различием географических и социально-экономических условий. Позднейшие заимствования (экспедиции в Пунт, Напату, Мероэ) тоже имели место, но никогда не играли решающей роли.

М. А. Коростовцев, С. И. Ходжаш, Востоковедная деятельность Порфирия Успенского, «Ближний и Средний Восток», М., 1962, стр. 121—130. Описание жизни и трудов архимандрита Порфирия (середина XIX в.). Авторы статьи привлекают внимание египтологов к интересным замечаниям о некоторых древнеегипетских памятниках и к сведениям о существовавших в то время пережиточных обычаях коптов, которые содержатся в путевых записках этого раннего русского востоковеда («Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 году», «Второе путешествие... в 1850 году», «Книга бытия моего», дневник третьего путешествия в 1860—1861 гг.).

Н. М. Постовская, Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917—1959 гг.), М., 1961, 438 стр. Монография подробно освещает историю зарождения и развития советской школы изучения древней истории Ближнего Востока. Первая глава посвящена периоду ее зарождения. Во второй главе автор показывает, как в ходе многочисленных дискуссий старшее и младшее поколения историков

древнего Ближнего Востока училось применению марксистского метода исследования к изучению древних обществ. В третьей главе монографии характеризуются первые достижения советской школы в изучении источников, социально-экономической истории, идеологии, культуры и науки различных обществ древнего Ближнего Востока. Четвертая глава посвящена общественной и научной деятельности советских специалистов в рассматриваемых отраслях науки во время Великой Отечественной войны, системе научных учреждений, занимавшихся изучением древнего Востока, и подготовке кадров в послевоенные годы; здесь же автор подробно излагает содержание работ советских ученых, вышедших в свет в 40-х гг. Наиболее обширная пятая глава посвящена работам 50-х гг. Излагая содержание каждой книги и статьи, автор с помощью пересылок позволяет проследить развитие взглядов советских ученых по всем изучавшимся проблемам, а в итоговых и вводных замечаниях к главам характеризует вклад советских ученых в развитие той или иной отрасли науки о древнем Ближнем Востоке в целом. Особое внимание уделяется изложению аргументации авторов (со ссылками на источники). В конце книги дан алфавитно-систематический указатель рассмотренных трудов. *Рецензии*: *М. А. Коростовцев*, ВАН, 9, 1962, стр. 153—154; *И. Д. Амусин*, ВИ, 1963, 3, стр. 157—160; *М. Л. Гельцер*, «Советская библиография», 1962, № 6, стр. 59—60.

Д. Г. Редер, *Древнейшие упоминания Египта в клинописных текстах*, КСИНА, 46, 1962, стр. 36—44. Несмотря на то, что некоторые, может быть, случайные аналогии в области культуры наводят на мысль о существовании взаимосвязей Египта с Двуречием в древнейшие эпохи, прямые указания встречаются поздно; первое клинописное обозначение «Мусур» засвидетельствовано только с середины II тысячелетия до н. э. Что касается географического термина Маган, то, по мнению автора, он «передвигался» к Западу, обозначая поочередно Западную Аравию, территорию между Красным морем и Нилом и только в VII в. до н. э.— собственно Египет.

В. В. Струве, *Общины Египта и Шумера и общины Индии*, «Вестник ЛГУ», 20, 1963, серия ист., яз. и лит., 4, стр. 52—64. В статье устанавливается сходство некоторых компонентов индийской общины и эллинистической общины в Египте; материал архива большой фаюмской деревни Керкеосирис (Pap. Tebt. I, стр. 538) и другие документы говорят о том, что функции многих тамошних должностных лиц находят себе близкие параллели в Индии, например староста *патель* может быть сопоставлен *с комархом* (главой селения), *карнам* с комограмматевсом (писцом), *тальара* —с филакитами (стражей) и т. д. Общей характерной чертой здесь является дифференциация аппарата, а общность эта возникла в результате одинаковых процессов социально-экономического развития. Затем В. В. Струве привлекает также соответствующий материал по шумерийской общине — данные архива храма богини Баба, относящиеся к эпохе Урукагины, и хозяйственных документов более позднего времени, которые свидетельствуют о том, что интенсивная рабовладельческая эксплуатация, вошедшая в силу еще при III династии Ура, привела шумерийскую общину к гибели гораздо раньше, чем общину египетскую; жизнеспособность последней можно объяснить отчасти действенностью борьбы и восстаний XVIII в. до н. э., когда народу удалось до некоторой степени отстоять свои права, и отчасти сравнительно слабым ростом меновой торговли в Египте. Однако община все же не смогла устоять под тяжестью птолемеевской и римской податной системы и окончательно разрушилась в III в. н. э., тогда как индийская община, пережив и рабовладельческий, и феодальный периоды, продержалась вплоть до наших дней.

И. А. Стучевский, *Храмовая форма царского хозяйства древнего Египта*. Под ред. и с предисловием В. В. Струве, М., 1962, 127 стр. Монография посвящена опровержению распространенной точки зрения, что рост богатств храмов и жречества превратил их в могущественных соперников фараонов, и доказательствам в пользу вывода о том, что на самом деле храмовая собственность всегда оставалась частью номового и в периоды централизации общегосударственного царского хозяйства. Речь идет лишь о борьбе сепаратистских и централизаторских сил. Первая глава, посвященная Новому царству, разделена на параграфы: 1) «Храмовое хозяйство — форма царского (государственного) хозяйства» (анализ папирусов Харриса и Вильбура); 2) «Достояния храмового жречества»; 3) «Особенности управления храмовыми хозяйствами»; 4) «Борьба фараонов Нового царства со жречеством». Вторая глава рассматривает данные времени Древнего царства (анализ и классификация «Грамот защиты»). Третья глава освещает вопрос о царско-храмовом хозяйстве в эпоху Среднего царства (анализ договоров сиутского номарха Хапиджефаи с жрецами заупокойного культа). Четвертая глава посвящена Позднему Египту. В книге использован обширный круг источников и литературы. *Рец*: *Е. В. Черезов*, ВДИ, 1964, № 1, стр. 156—157.

Е. В. Черезов, *К вопросу о рабах-иноземцах в древнем Египте*, ДМ, стр. 196—201. В статье приводятся выборочные данные источников о захвате военнопленных, прозвищах, использовании, положении и формах сопротивления рабов-военнопленных в древнем Египте. Беглое замечание о термине mrt. Автор приходит к выводу о широком применении в древнем Египте труда рабов-иноземцев.

Е. В. Черезов, Землеробські знаряддя древнього Єгипту, «Наукові записки»,54, 1961, Чернівці,с. іст. н., 3, стр. 261—267. Описание земледельческих орудий и сельскохозяйственных работ в древнем Египте.

Проспект «Истории мировой культуры». Отд. 2. Культура древнего мира (конец 4-го тысячелетия до н. э. — середина 1-го тысячелетия н. э.), ВИМК, 1961, 2, стр. 69—78. Изложение проблематики Второго отдела предполагающегося издания «Истории мировой культуры»: Древний мир. Историография. Подотдел I — Культура периода возникновения и развития ранних рабовладельческих обществ (IV тысячелетие до н.э.— VI в. до н. э.), ч. 1 — Основные тенденции развития раннерабовладельческих обществ и их культуры, ч. 2 — Развитие культуры в разных региональных зонах: Древний Египет и Африка. Материал должен быть расположен по разделам: социально-экономический строй, религия, письменность, философия, архитектура, скульптура, музыка, наука; Нубия и Напата. Далее следует программа по другим странам древнего Востока.

«Африка». Энциклопедический справочник, т. I—II, М., 1963. Древнего Египта касаются статьи А. Х. Грансберг — Абу-Симбел, Амарна, Бени-Хасан, Дейр эль-Бахри, Лептис Магна, Мединет Абу, Пирамиды, Саккара, Фаюмские портреты; А. И. Еланской — «Коптская литература, письменность, язык»; И. С. Кацнельсона — «Гонейм», «Египет древний», «Керма», «Коростовцев», «Мероитское письмо», «Мероэ», «Напатское царство», «Нубия»; М. А. Коростовцева — «Египетское письмо, язык»; Д. Г. Редера — «Голенищев», «Египтология», «Матье», «Мемфис», «Струве», «Тураев», «Фивы»; Р. И. Рубинштейн — «Эмери»; С. И. Ходжаш — «Абидос», «Абусир», «Аварис», «Амратская культура», «Аниба», «Атрибис», «Бадарийская культура», «Бубаст», «Буто», «Гелиополь», «Гераклеополь», «Герзейская культура», «Дендера», «Иераконполь», «Кава», «Кахун» «Маади», «Медум», «Меримде-Бени Саламе», «Тасийская культура», «Файюмские поселения»; Р.Д. Шуриновой — «Коптское искусство», анонима — «Авдиев».

В. Н. Дьяков, С. И. Ковалев (ред.), История древнего мира, изд. 2-е, М., 1962, 695 стр., 4 карты, 1 табл. Учебник для педагогических институтов. Египту посвящены гл. V—XIII включительно (стр. 120—156), материал расположен в хронологическом порядке.

Єгипет стародавній, «Українська радянська енциклопедія», т. 5, Київ, 1961, стр. 15—17, 5 рис., 2 табл. 1 карта. Історія — Г. І. Підлуцький, Література — М. С. Чубач, Архітектура — Г. О. Лебедев, Музика — М. П. Загаикевич, Образотворче мистецтво — В. В. Павлов; Египетська мова, египетське письмо, египтологія (авторы не указаны).

«Советская историческая энциклопедия», т. 5, М., 1964. «Древнеегипетская культура» (И. С. Кацнельсон) — стр. 347—350; «Древнее царство» (аноним) — стр. 347; «Древнеегипетская мифология и религия» (Е. И. Максимов) — стр. 350—354; «Египтология» (М. А. Коростовцев) — стр. 467—470; «Египет (древний)» (И. С. Кацнельсон)— стр. 454—462; «Египет Верхний» и «Египет Нижний» (И. А. Стучевский) — стр. 462.

Х. А. Кинк, Эпоха перехода от доклассового общества к классовому в Египте (от каменного века к медному), Л., 1963, 21 стр. Автореферат канд. дисс., защищенной в Ленинграде 28 мая 1963 г. Автор доказывает, что уровень развития производительных сил в Египте повысился вследствие перехода от охоты к земледелию и животноводству раньше,чем в других странах, что вызвало появление новых орудий труда,посредством которых были созданы лишние продукты; они в свою очередь создали предпосылки для смены родового строя классовым обществом, установившимся к началу архаической эпохи.

Х. А. Кинк, Значение археологического материала для изучения истории додинастического Египта, ПС, 9, 1962, стр. 3—12. Исследование общего характера и трудового назначения памятников энеолитической эпохи в долине Нила (V—IV тыс. до н. э.) позволяет установить, что к концу додинастического периода производительные силы достигли в Египте такого уровня развития, при котором стало возможным возникновение новых производственных отношений и, следовательно, классового общества и государства.

Х. А. Кинк, Производственная роль дерева в Египте в эпоху перехода от камня к меди, КСИНА, 46, 1962, стр. 137—147. Археологический материал и додинастические изображения показывают, что местные породы дерева (тамариск и акация) обрабатывались в Египте в эпоху энеолита и использовались в постройках, в кораблестроении, при изготовлении инструментов и разной утвари.

Х. А. Кинк, Слоновая кость в древнейшем Египте, ВДИ, 1962, № 3, стр. 134—140. Считая ошибочным мнение некоторых ученых, что слоновая кость в додинастический Египет привозилась из-за I порога, автор, на основании фактического материала — перечня изделий, украшений, палеток и петроглифов,доказывает, что слон еще водился в южных районах Верхнего Египта и в Аравийской пустыне в эпоху неолита, энеолита и в начале медного века.

Х. А. К и н к, Связи Египта с окружающими странами в додинастическое время, ПС, 7, 1962, стр. 3—14. Исследование определенной группы находок приводит к выводу, что в додинастическую и архаическую эпоху между Египтом и Передней Азией несомненно существовала связь — об этом говорит сходство некоторых изобразительных мотивов. Однако эти заимствования не играли заметной роли и ввоз был ограничен небольшим количеством сырья, из которого делались только украшения (обсидиан, лазурит, раковины, ценное дерево и др.). С незапамятных времен в долине Нила было развито самостоятельное производство и выработан собственный стиль.

Х. А. К и н к, К проблеме экономических связей между древним Египтом и Двуречьем, ПСЭИД, стр. 25—46. Автор приходит к выводу, что пивоварение возникло в долине Нила в эпоху неолита (V—III тысячелетия) независимо от влияния культуры Двуречья.

Д. Г. Р е д е р, Появление мотыги и плуга в древнем Египте и Шумере, ДМ, стр. 165—170. Автор оспаривает лингвистические гипотезы Б. Грозного, предлагавшего этимологию mar (шум.)>marru (акк.) = mr (ег.) для обозначения мотыги и ḥb <apin для обозначения плуга; поскольку египетское слово mr было связано со значением «соединять» и могло служить детерминативом к другой фонетической группе, а вывод о слове «плуг» кажется совсем произвольным, о заимствовании не может быть и речи. Крупный рогатый скот по данным остеологии был в Египте автохтонным; ничто не свидетельствует о прямом воздействии древнейшего Двуречья на долину Нила — обе цивилизации развивались независимо друг от друга, а элементы взаимодействия были опосредствованы и вторичны.

М. Э. М а т ь е, Миф и сказка древнего Египта как источник для истории семьи, ВДИ, 1963, № 4, стр. 3—11. Продолжение ряда исследований автора по истории семьи в древнем Египте. Автор устанавливает, что: 1) браки между братьями и сестрами, принятые только в царской семье, были введены с целью изменить порядок престолонаследия (не от дяди к сыну его сестры, а от отца к сыну); 2) сказка «Правдивый и Лжец» отражает стремление морально подкрепить новые нормы; подобно Орестее она возникла, очевидно, в момент полной их победы и поэтому создала резко отрицательный образ матери; в этом данная сказка отличается от осирического мифа; 3) однако в вариантах этого мифа, которые дают папирусы Честер-Бити I и Саллье IV, в противоположность остальным отразилась та же тенденция; автор подчеркивает многозначительность того факта, что в э т и х текстах Осирис н е является братом Исиды; 4) сказка же «О двух братьях», несмотря на ее несомненную связь с осирическим мифом, отражает, однако, другую эпоху, когда проблема порядка наследования уже не существовала, т. е. обстановку давно утвердившихся патриархальных норм.

N. M. P o s t o w s k a j a, Sind die Königsgräber der I. Dynastie zu Abydos Kenotaphe?, Труды XXV МКВ, I, стр. 111—116. Аргументация в пользу мнения, что абидосские гробницы царей I династии действительно были кенотафами в противоположность их гробницам в Саккаре. Основываясь на свидетельствах о том, что в абидосском некрополе происходили обряды хебседа, автор приходит к выводу, что возведение кенотафов было тоже связано с этим обрядом.

Ю. Я. П е р е п е л к и н, «Дом шнау» в Старом царстве, Труды XXV МКВ, I, стр. 138—142. Оспаривая мнение, что «дом шнау» представлял собой ergastulum, где жили и трудились рабы, в частности связанные с земледелием, автор доказывает, основываясь на изображениях и надписях гробниц Тии, Ии-н-нефрет, ʿАнх-ма-хер(у) и др., а также на царских указах V—VI династий, что «дом шнау» был комплексным заведением, соединявшим в себе пекарню, пивоварню, гончарную мастерскую, кухню и склады, предназначенные для производства жертвенной пищи в хозяйствах вельмож, при храмах богов и в заупокойном хозяйстве царей. При них имелись «дворы», с которыми были связаны «пашни», специально выделенные из прочих земель хозяйства для того, чтобы обеспечить «дом шнау» необходимым сырьем.

Н. М. П о с т о в с к а я, О функциях pr ḥrj-wḏb rḥjt mrt в Египте в эпоху Древнего царства, КСИНА, 46, 1962, стр. 159—173 (рез. на фр. яз.: «Sur les fonctions des pr ḥrj-wḏb rḥjt mrt en Égypte sous l'Ancien Empire»— стр. 173). Исследование совокупности титулов чиновников, причастных к ведомству pr ḥrj-wḏb, и анализ контекстов, в которых оно упоминается в связи с другими учреждениями и должностями (с wśḫt, ist dfʒ, ʾmj-rʒ wpwt ḥtp nṯr, ʾmj-rʒ wpwt ḥtp njśwt, sš(w) ʾrj(w) spr(w), писцами земли и mrt, а также культом пирамид), Н. М. Постовская приходит к выводу, что ведомство pr ḥrj-wḏb имело общегосударственное значение и занималось ритуальными раздачами «жертвенных даров» из царских складов кругу лиц несравненно более широкому, чем полагали ранее.

Т. Н. С а в е л ь е в а, Аграрный строй Египта в период Древнего царства, М., 1962, 292 стр. Монография посвящена исследованию ряда сложнейших проблем социально-экономического развития Египта в период Древнего царства. Первая глава книги посвящена систематическому обзору, опирающемуся на широкий круг источ-

ников, относительно развития производительных сил Египта за период Древнего царства, в особенности новым агротехническим приемам, разработанным в данный период. Во второй главе, посвященной проблемам земельной собственности, Т. Н. Савельева систематизирует и сопоставляет друг с другом широкий круг письменных, изобразительных и археологических данных. Центральной темой второй главы является проблема развития частного землевладения, рассмотрение которой автор начинает с вопроса о значении термина pr ḏt. Отстаивая и развивая вывод Грдзелова, что этот термин обозначал не только земли, предназначенные для заупокойного культа, как это предполагалось ранее, но вообще всякое частное земледельческое хозяйство, Т. Н. Савельева приводит новые аргументы в пользу этой точки зрения. В этой же главе Т. Н. Савельева развивает мысль о существовании в Египте Древнего царства «остатков» большесемейного землевладения с неразделенным хозяйством братьев и сестер, хотя в это время уже существовала и индивидуальная собственность на землю. Третья, последняя глава книги рассматривает вопрос об эксплуатации непосредственных производителей на всех видах земель. Здесь Т. Н. Савельева вслед за Ю.Я.Перепелкиным развивает и тщательно аргументирует вывод, что основными работниками в частном и храмовом хозяйстве Древнего царства были mrt — египтяне по происхождению, работавшие в хозяйствах вельмож и храмов с помощью средств производства землевладельца, как в сельском хозяйстве, так и в ремесле, причем во время работы они были соединены в рабочие группы — «отряды». Автор тщательно обосновывает свой вывод о том, что работники царских каменоломен находились фактически на положении рабов.

Т. Н. Савельева, Данные надписи Мечена о характере частного землевладения в древнем Египте в конце 3 и начале 4 династии, ДМ, стр. 180—190. В результате подробного анализа двух мест из надписей Мечена (Urk. I, 1—2 и 2—5), второе из которых автор считает развернутым вариантом первого, Т. Н. Савельева приходит к выводу, что земли njśwtjw могли быть объектом продажи, однако только с согласия царя, которое оформлялось официальной «царской грамотой», вводящей покупателя во владение землей вместе с обязательством выполнения заупокойного культа членов царской семьи, которым была обложена эта земля. То же относится и к праву наследования земли.

Т. N. Saweliewa, Inschriften der Pyramidenerbauer als historische Urkunde, Труды XXV МКВ, т. I, стр. 128—135. Изучение надписей строителей на плитах заупокойных сооружений Древнего царства проливает свет на организацию труда рабочих в древнем Египте. Ополчения, занятые на каменоломнях, состоявшие по всей вероятности не из земледельцев, а из царских рабов, насчитывали до 1350 человек и делились на «отряды» (ʿpr) по 800—1000 человек в каждом, которые делились на «вахты» (sȝ) по 200—250 человек и, наконец, на партии по 10—15 человек. Работа на каменоломнях производилась в течение сезонов prt и šmw, сплав — в сезон ȝḫt; норма выработки по Юнкеру равнялась 2 куб. м. камня в день. Условия труда рабочих некрополей были несколько иными.

Т. Н. Савельева, О значении термина «люди» (rmṯ.w) в надписях Древнего царства, КСИНА, 46, 1962, стр. 174—178 (резюме на фр. яз. «De la signification du terme «gents» (rmṯ·w) dans les incriptions de l'Ancien Empire» — стр. 177—178). По мнению автора, слово rmṯw «люди» не является социально-экономическим термином в специальном смысле слова, но порой оно могло обозначать определенные общественные группы людей, которые считались движимой собственностью и были объектом прямой эксплуатации, продажи и передачи по наследству наравне с землей, скотом и вещами.

О. D. Berlev, The King's House in the Middle Kingdom, Труды XXV МКВ, I, стр. 143—148. Выяснение значения слов, которые Wb недифференцированно переводят «Palast». Источники показывают, что pr-nśw.t соответствует понятию «царский двор» в широком смысле, включая его политическую и хозяйственную роль; pr-ʿȝ значит собственнодворец (здание с его службами как местопребывание царя), ʿḥ и śtp-sȝ — внутренние покои и «резиденцию» в высоком стиле. Затем рассматривается слово ḫntj, которое, очевидно, означало комплекс парадных помещений в передней части дворца; за ним следовали внутренние помещения ʿḥnw.tj и śȝ-pr или pḥ·wj pr.

О. Д. Берлев, Один из способов датировки стел Среднего царства, КСИНА, 46, 1962, стр. 45—87. Автор привлекает внимание ученых к возможности датировки стел Среднего царства путем наблюдений над очень часто встречающейся формулой «обращения к живым». Признаками, дающими основу для датировки, являются: место формулы на стеле, ее графика, правописание, композиция и лексический состав. В таблице, приложенной к статье, учтено 184 случая употребления «обращения к живым».

О. Д. Берлев, Замечания к папирусу Булак 18, ДМ, стр. 50—62. Исследование о так называемой «Большой рукописи» папируса Булак 18, содержащей приходно-расходную книгу царского двора XIII династии. Уточнив датировку путем сопоставле-

ний царских имен, автор относит этот папирус к царствованию Сехемра Ху тауи Аменемхета — Себекхотпа II. Затем он выясняет систему учета ежедневных и внеочередных натуральных поступлений и выдач пищи. При обычных ежедневных выдачах продуктов из дворца разным ведомствам число лиц, состоящих на довольствии, могло изменяться и не учитывалось индивидуально. Но при экстраординарных выдачах из разовых поступлений в šnᶜ, производившихся по праздникам, число лиц, получавших довольствие (сановников и простых людей), учитывалось очень точно.

О. Д. Берлев, Семья царя Śḫm-rᶜ šd-tꜣ·wj, Śbk-m-sꜣ·f и его место среди царей позднего Среднего царства, ВДИ, 1961, 3, стр. 100—107. Исследование памятников царей Себекхотпа II, Себекхотпа III, Нефтерхотпа, Себекхотпа IV, царицы Ḥᶜj·s-nb·w (стела Лувр С-13) и наскальной надписи ее дяди Небанха (Hamm. G87), найденной и изданной Гуайоном. Кропотливое сопоставление генеалогических связей и хронологических данных дало автору возможность уточнить время царствования Śḫm-rᶜ šd-tꜣwj Śbk-m-sꜣ·f, которое он относит к периоду между царствованиями Себекхотпа IV и Михетепра.

И. А. Стучевский, О некоторых особенностях структуры хозяйства номов в Египте Среднего царства, КСИНА, 46, 1962, стр. 179—187. Глава из рассмотренной выше книги того же автора.

И. М. Лурье, О сроках выдачи зернового пайка ремесленникам фиванского некрополя во времена Нового царства, ДМ, стр. 139—143, 1 табл. Проверка данных по дневнику некрополя от 29 года правления Рамсеса III (папирус Турин № 188, 0, XX, 1952 recto, II, 2—5); автор опровергает мнение З. Жаба, что паек выдавался 28 числа, и доказывает, что это происходило обычно в начале текущего месяца в разные дни.

И. С. Кацнельсон, Рабовладение в Куше, ВДИ, 2, 1964, стр. 74—91. Исследование и сопоставление скудных источников дало возможность автору установить, что предпосылки рабовладения сложились в Куше сравнительно поздно — в эпоху Среднего царства, вследствие экономической отсталости этой страны; развивалось оно медленнее, чем в других древневосточных деспотиях — Египте и Шумере, но имело точно такой же характер, если не считать несущественных особенностей, например— преобладания количества рабынь, занятых в домашнем хозяйстве, над рабами, занятыми в производстве; рабовладельческие пережитки сохранились в Нубии до Средних веков.

I. Katznelson, Certain traits de l'organization d'état en Nubie du VI au IV siècles avant notre ère, Труды XXV МКВ, I, стр. 153—160. Освобождение Нубии от власти Египта в X в. до н. э. и консолидация племен вызвали к жизни новую форму государственности — выборы царя, в которых решающую роль играло войско, выдвигавшее кандидата, и жречество, санкционировавшее избрание. Эта самобытная черта сохранилась в Нубии, несмотря на сильное влияние египетской культуры; она говорит о живучести элементов родового строя в этой стране. Автор ссылается на малоизученные надписи царей Мероэ и Напаты, на античных авторов и приводит азиатские и африканские параллели.

И. С. Кацнельсон, Государственный строй древней Нубии в VII—IX вв. н. э. и законы Бокхориса, ДМ, стр. 81—86. Немногочисленные косвенные данные источников о социально-экономическом строе Нубии в начале I тысячелетия н. э. указывают на то, что пережитки восточной рабовладельческой деспотии сохранялись в этой стране очень долго, вплоть до VIII—IX вв. н. э.; это можно объяснить ее отдаленностью от передовых античных стран, слабым развитием земледелия и постоянными набегами кочевых племен.

И. С. Кацнельсон, Античные писатели о Нубии, ПС, 7, 1962, стр. 15—34. Отмечая, что сведения о Нубии в древности носили больше географический, чем исторический, характер, поскольку они доставлялись путешествующими торговцами, автор все же считает заслуживающими внимания те немногие данные о строе и быте нубийских племен, которые встречаются на страницах греческих и римских писателей. Далее в статье приводятся подробные указания на конкретный материал, имеющийся в античной литературе.

Р. В. Кинжалов, Легенда о Нектанебе в повести «Жизнь и деяния Александра Македонского», ДМ, стр. 537—544. Дополнительные подробности к исследованию В. В. Струве «У истоков романа об Александре» («Восточные записки», 1, 1927, стр. 131—146). В статье выясняются исторические и идеологические предпосылки возникновения легенды о Нектанебе как об отце Александра Македонского, и путь ее развития до того, как она сделалась ядром «Повести об Александре».

В. В. Струве, Общественный строй эллинистического Египта, ВИ, 1962, 2, стр. 67—95. Говоря о первостепенном значении единственно верной марксистской периодизации исторического процесса, В. В. Струве указывает на важность определения времени возникновения феодализма на Ближнем Востоке. Отвергая тезис о наличии

«барщинного хозяйства» в птолемеевском Египте, он доказывает на основании множества демотических и греческих документов, что в эллинистическую эпоху в Египте существовало не «полукрепостное», а раннерабовладельческое общество, решающую роль в котором играл труд рабов царских монополий, поденщиков в крупных частных хозяйствах, рабов-должников, государственных узников (десмотов) и других несвободных людей, лишенных средств прозводства и работавших в условиях внеэкономического принуждения. Об эксплуатации временных и пожизненных рабов свидетельствуют такие источники, как архив Зенона, управляющего имениями Аполлония, фаворита Птолемея II Филадельфа, декрет этого царя от 261 г. и многие другие документы. Долго существовавшее наряду с этим мелкое землевладение в конце концов погибло под невыносимым гнетом македоно-греческой и римской налоговой политики; о полном обнищании египетской деревни и воинского сословия говорит Парижский папирус № 63 от 164 г. до н. э. В итоге автор приходит к выводу, что генезис феодализма в странах Ближнего Востока следует отнести лишь к III в. н. э., когда все неимущие и имущие общинники были прикреплены государством к земле (организация hoi apo tes komes).

О. О. Крюгер, *Затворники в Птолемеевском Египте*, ПСЭИД, стр. 248—249. Исследование о папирусах UPZ 59 и 60, относящихся к концу войны Египта с Антиохом IV (168 г. до н. э.). Автор полемизирует с Вилькеном по поводу значения слова κατοχη, которое было принято неправильно переводить как некое мистическое «божественное пленение», и доказывает, что это слово означало добровольное подчинение, «затворничество», в котором люди этой эпохи в Египте стремились укрыться от невзгод под защитой Сераписа.

В. Г. Борухович, *Папирусные свидетельства об организации и продаже харты в Египте времени Птолемеев*, ПСЭИД, стр. 271—287. Исследование о сборе и производстве папируса. В статье говорится об условиях аренды и сбыта харты по данным источников pap. BGU 1121 из Абусир аль-Мелека от 6—26 г. правления Августа, pap. Tebt. II, 308 от 174 г. н. э. и др. документов и рассматривается вопрос о существовании царской монополии, введенной, по всей вероятности, Птолемеем II Филадельфом в 279 г.; это отчасти подтверждается данными pap Tebt. 709 (т. III), по меньшей мере, относительно высших сортов. Привлекаются также источники римской эпохи.

В. Г. Борухович, *Античные авторы о производстве папируса-бумаги в Египте*, «Уч. зап. Горьковского ун-та», сер. ист. фил., вып. 52, 1961, стр. 407—422. Исследование о промышленном значении папируса в греко-римскую эпоху по данным Геродота, Кассиодора, Страбона, Теофраста, Плиния и других античных писателей; замечания об употреблении харты в средние века.

Литература и искусство

И. С. Кацнельсон, *Сказки папируса Весткар*, КСИНА, 46, 1962, стр. 104—130. Перевод папируса Весткар на русский язык с литературоведческим предисловием, в котором автор высказывает свою точку зрения на формирование этого текста.

С. Я. Лурье, *«Разговор тела с духом» в греческой литературе*, ДМ, стр. 587—596. Привлекая внимание русской классической филологии к проблеме влияния древневосточной литературы на греческую, автор приводит примеры из классиков, в которых тело, или олицетворенное в нем «я», как более разумное начало, увещевает свою душу,— вместилище эмоциональных смятений. Эта типичная черта, характерная для более древней, допифагорейской концепции духа, очень близка к тому направлению египетской философии, которое отразилось в «Беседе разочарованного со своим духом» (Среднее царство).

Е. Н. Максимов, *Папирус 1115 из собрания Государственного Эрмитажа и надпись царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри (изучение лексики папируса)*, КСИНА 46, 1962, стр. 148—158. Сравнение текста эрмитажного папируса 1115 — «Сказки о потерпевшем кораблекрушение» — с исторической надписью об экспедиции в Пунт показывает, что в обоих текстах, отстоящих друг от друга на 500 лет, встречаются одинаковые слова.

M. E. Matthieu, *The Book of the Dead and the Problems of Its Study*, Труды XXV МКВ, I, стр. 105—111. Оспаривая общепринятую теорию Лепсиуса, что «Книга мертвых» представляла собой род «путеводителя по загробному миру», М. Э. Матье выясняет значение «Книги мертвых» в целом и устанавливает, что она, несомненно, отражала заупокойный ритуал. Найденные в гробнице экземпляры «Книги мертвых» не были, однако, теми рукописями, по которым совершался ритуал; жрецы имели, очевидно, в руках более полные записи этого ритуала. Экземпляры же, находимые в гробницах, имели другое назначение: записанные в них выдержки из «Книги мертвых» должны были магически закрепить действенную силу заупокойных обрядов.

Д. Г. Редер, *Древнеегипетская литература*, *в кн.: В. Б. Никитина*, *Е. В. Павская*, *Л. Д. Позднеева*, *Д. Г. Редер*, *Литература древнего Востока*, М., 1962, стр.

25—50. Введение, (краткая характеристика египетской культуры), гл. I — Литература периода становления и развития рабовладельческих отношений (Древнее царство); гл. II — Классический период египетской литературы (XXI—XVIII вв. до н. э. — Среднее царство); гл. III — Расцвет египетской литературы (XVI—XI вв. до н. э.— Новое царство); гл. IV — Время заката древнеегипетской культуры (XI в. до н. э.— III в. н. э.— поздняя эпоха). Очерки очень кратки и рассчитаны на читателя-неспециалиста, в тексте дано минимальное количество примеров в переводе.

М. Э. Матье, Портрет царицы Нефертити.— Амарнское искусство. (Из истории искусства древнего Египта), «Художник», 1961, № 4, стр. 45—51, 6 илл. Два научно-популярных очерка для слушателей университетов культуры. Первый посвящен исключительно скульптурному портрету царицы Нефертити (В. 21200), второй знакомит читателя с основными фактами реформы Эхнатона и со всеми стилистическими особенностями нового искусства этой эпохи.

М. Э. Матье, Искусство древнего Египта, Л.—М., 1961, 592 стр., 248 илл., XVI таблиц в красках. Капитальный труд, основанный на массе разнообразных источников, которые автор истолковывает с позиций марксистской исторической науки. Книга охватывает единой концепцией всю историю художественной культуры древнего Египта. М. Э. Матье неуклонно прослеживает в ней сложно-опосредствованную связь развития искусства с процессом становления рабовладельческого общества в этой стране на протяжении больше чем четырех тысяч лет; определяя закономерности этой связи, она развертывает широкую панораму искусства, как средства идеологического воздействия древневосточной деспотии на сознание постепенно порабощаемых масс. В книге ярко освещены основные характерные черты египетского искусства — его зависимость от застойных форм ирригационного хозяйства, подавляющая роль религии, долго сохранявшей вследствие этой застойности архаические элементы — культ умерших, обожествление царя, пережиточные формы магии, непреложность канонов и т. д., но при этом автор подчеркивает приоритет египетской культуры во многих областях и ее непреходящую ценность. Наконец, в книге рассматриваются такие специальные искусствоведческие проблемы, как функциональность египетского искусства, авторство художников, атрибуция отдельных памятников и периодизация по стилистическим признакам. Тщательно продуман и увязан с текстом подбор иллюстраций к книге, привлечены некоторые новые памятники, а многие уже известные в египтологии представлены в наиболее выразительных аспектах, деталях и перерисовках, выделяющих их характерные черты. Введение и первые две главы посвящены возникновению и началу развития египетского искусства в V—IV и III тыс. до н. э.; архитектура, скульптура, рельеф, роспись, ремесла и провинциальное искусство Древнего царства проанализированы в следующих трех главах (III—V), Среднее царство в гл. VI—VIII; целых восемь глав (IX—XVI) М. Э. Матье уделяет эпохе Нового царства, из которых четыре всесторонне освещают амарнское искусство (XII—XV). Далее следуют главы об искусстве конца Нового царства и Позднего Египта (XVI—XVII). В подробных примечаниях, помещенных в конце книги (стр. 502—566), содержится много ценных теоретических высказываний автора и конкретных сведений с ссылками на соответствующую литературу; кроме того, приложена обширная библиография по египетскому искусству (стр. 567—576), за которой следует первый в египтологии указатель имен зодчих, живописцев и скульпторов и, наконец, список иллюстраций с указанием основных данных и публикаций отдельных памятников. *Рец: В. В. Павлов*, ВДИ, 1964, № 1, стр. 149—153; *Olga Orloff*, ChÉg, 74, 1962, стр. 310—314.

В. В. Павлов, Египетское искусство, «Украинская советская энциклопедия», т. 5, Киев, 1961, стр. 17.

В. В. Павлов, Советская наука о египетском искусстве за 50 лет. Отдел древнего Востока Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, «50 лет ГМИИ», стр. 42—51. Развитие научной работы Отдела древнего Востока было все время неразрывно связано с развитием искусствоведения как самостоятельной науки и с деятельностью русских ученых, строивших свои исследования на материалах ГМИИ. В этой области В. В. Павлов намечает три этапа: 1) открытие музея, важность приобретения коллекции В. С. Голенищева и роль Б. А. Тураева в первые годы работы Отдела; формирование искусствоведческого подхода к памятникам древнего Египта на Западе (Масперо, Биссинг, Шпигельберг); 2) начало развития искусствоведения в Москве после Октября — Мальмберг, Гесс, Вальдгауэр, Живаго, Флиттнер; влияние западных взглядов — формально-художественный анализ (Шефер); 3) появление марксистской концепции истории древнего Востока — В. В. Струве и новое поколение египтологов-искусствоведов — Матье, Павлов, Рубинштейн, Ходжаш и молодые ученые.

В. В. Павлов, Искусство древнего Египта, М., 1962, 71 стр. Очерк истории египетского искусства, рассчитанный на широкий круг читателей-неспециалистов:

издан Академией художеств для народных университетов культуры, художественной самодеятельности и школьных библиотек. Материал расположен в хронологическом порядке от древнейшего периода до поздней эпохи; наряду с историческими данными дается краткий искусствоведческий анализ. Книга хорошо иллюстрирована фотографиями наиболее известных памятников египетского искусства. *Рец.*: *С. И. Ходжаш*, ВДИ, 1964, № 1, стр. 154—155.

В. В. Павлов, *Фаюмский портрет*, «Художник», 1962, № 9, стр. 55—59, 5 илл. Очерк, рассчитанный на широкий круг читателей, интересующихся проблемами искусства: открытие фаюмского портрета в 80-х гг. прошлого века, его технические и стилистические особенности (живописная трактовка объемов, цветовое решение формы, соотношение элементов египетской и античной культуры.

В. В. Павлов, «*Egyptian Sculpture of the Late Period*», ВДИ, 1962, № 3, стр. 163—166. Рецензия на книгу Б. Ботмера, написанную в связи с выставкой позднеегипетского скульптурного портрета в Бруклинском музее (1960—1961 гг.).

Р. И. Рубинштейн, *Искусство древнего Египта*, *Подборка открыток для университетов культуры*, М., 1961, 16 штук. Текст к подборке открыток содержит краткую характеристику исторических событий и развития искусства Египта. К каждой открытке дается сжатое пояснение к изображенному на ней памятнику искусства.

Р. Д. Шуринова, *Текст к подборке открыток «Архитектура древнего Востока»*, М., 1964. Египетские памятники — 12 открыток.

Р. Д. Шуринова, *Искусство красивое и самобытное*, «*Аш-Шарк*» («Восток»), Каир, 1962, апрель (на араб. яз.). Популярный очерк о коптском искусстве.

Р. Д. Шуринова, *Египетское собрание ГМИИ им. С. А. Пушкина в Москве*, «*Аш-Шарк*» («Восток»), Каир, 1964, январь (на араб. яз.).

Р. Д. Шуринова, *Коллекция древних египетских памятников в русских музеях*, «*Аль-магалля Ас-Суфьятия*» («Советский журнал»), Каир, 5/IV 1962, № 7 (на араб. яз.).

Р. Д. Шуринова, *Коптское искусство*, «*Альмагалля Ас-Суфьятия* («Советский журнал»), Каир, 20/IX 1963, № 18 (на араб. яз.).

Р. Д. Шуринова, *Коптское искусство*, «*Биляд ас-Суфья*» («Страна Советов»), Дамаск, 20/IX 1963, № 18 (на араб. яз.).

R. Chourinova, *Portraits du Fayum*, в книге «Le Musée de Moscou», P., 1963, стр. 17—23. Краткий очерк о фаюмском портрете (введение к семи большим репродукциям в красках).

Raissa Shurinova, *Staatliches Museum für Bildende Künste*, *Moskau*, *1960. Koptische Stoffe*, Essen, 1963, 12 стр. Брошюра, выпущенная к выставке коптского искусства на вилле Хюгель в Эссене, состоявшейся летом 1963 г. (перевод работы того же автора «Коптские ткани», М., 1960, 14 стр., X табл.).

«*Юному художнику*», М., 1963. Книга для чтения по истории искусства, рассчитанная на старших школьников и студентов. В книге имеются следующие краткие научно популярные очерки по искусству древнего Египта: 1) *В. В. Павлов*, *Искусство древнего Египта* (стр. 14—21); 2) *О. Верейский*, *У пирамид* (стр. 22—25); 3) *М. Матье*, *Скульптурный портрет Нефертити* (стр. 25—28).

Язык

V. Avdiev, *L'origine de l'écriture en ancienne Égypte*, Труды XXV МКВ, I, стр. 117—125. Автор отстаивает тезис, что письменность возникла из потребности фиксировать исторические события, а также ввиду хозяйственных нужд, причем и то и другое определяется возникновением классового общества и государства.

О. Д. Берлев, *Способы указания филиации в письменности Среднего царства*, ПС, 9, 1962, стр. 13—42 (резюме на англ. яз.: «The Methods of Expressing Filiation in the Middle Egyptian Texts» — стр. 42). Проанализировав 68 примеров, автор приходит к выводу, что два способа указания филиации, существовавшие в указанное время — инверсивный и прямой, можно различить по следующим внешним признакам: 1) при инверсивном способе после всего комплекса имен выписывался общий детерминатив, титулы сына и отца ставились вместе; при прямом — для каждого имени выписывались отдельные детерминативы (но если был только один детерминатив, то он стоял после главного имени), а титулы и эпитеты сына и отца соответственно помещались раздельно; 2) начертания слова «сын» были при разных способах различны.

W. Golénischeff, *Notes sur la grammaire égyptienne*, КСИНА, 46, 1962, стр. 5—12. Публикация первой из двух статей, переданных М. В. Малининым Институту народов Азии на XXV Международном конгрессе востоковедов в 1960 г. В ней В. С. Голенищев рассматривает случаи ввода перемещенных частей предложения в расчлененную синтаксическую конструкцию типа śḏm + подлежащее-существительное: 1) вводное обстоятельственное предложение (m + śḏmm.f) со звательным падежом; 2) обстоятельственное предложение между оборотом «говорит он» и началом прямой речи;

3) дополнение между существительным и его приложением; 4) обстоятельственное предложение между причастием формы śḏm.f и зависящим от него прямым дополнением; 5) два косвенных дополнения (местоименное и именное) между причастием и зависящим от него прямым дополнением; 6) расчленение на две группы четырех предложений, причем первое продолжается в третьем, второе — в четвертом; 7) расчленение предложения с четырьмя существительными на две группы, связанные попарным согласованием; 8) эллипсис местоименного прямого дополнения św.

W. Golénischeff, The Egyptian Participle, КСИНА, 46, 1962, стр. 13—26. Публикация второй статьи В. С. Голенищева, также предоставленной М. В. Малининым Институту народов Азии АН СССР. В этой статье В. С. Голенищев анализирует функции и формы египетского причастия; он перечисляет четыре способа его употребления — в качестве: 1) определения, 2) существительного, 3) приложения, 4) именного сказуемого (предикатива) и делит их по признаку окончаний на две группы. В первую группу входят собственно причастия (1—2), во вторую — так называемый «псевдопартицип» или «старый перфект»; комментируя его парадигму, В. С. Голенищев оспаривает мнение Эрмана, основанное на внешнем сходстве этой формы с семитским перфектом, и предлагает отказаться от обоих названий,так как эта форма по существу является тоже причастием, но с развитыми личными формами и употребляется либо в качестве приложения (3), либо в предложениях типа «существительное (или абсолютное местоимение) + предикатив» (4).

А. И. Еланская, Происхождение настоящего времени определительного предложения и система употребления форм относительного местоимения ⲉⲧ (*ntj*) *и* ⲉⲧⲉ (*ntjw*) *в коптском языке*, НАА, 1961, 3, с тр. 170—178. Дав критический обзор взглядов Штейндорфа, Зете, Шпигельберга, Тиля и Эриксена, автор выдвигает свое объяснение употребления настоящего времени после относительных местоимений, которые могут определяться двумя условиями: 1) смысловой идентичностью субъекта определительного предложения с его антицедентом и 2) отсутствием временного префоpматива.

А. И. Еланская, Связь и согласование предложений с определяемым в коптском языке, КСИНА, 46, 1962, стр. 88—103. Автор приводит примеры присоединения приложений к зависимым местоимениям в разных диалектах коптского языка и анализирует относительные предложения, употребляемые в качестве приложений, а также правила согласования указательных местоимений и связок с определяемым или определяющим в этих предложениях.

А. И. Еланская, Определение в коптском языке, Л., 1962, 24 стр. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Краткое изложение исследования автора о всех видах определения в коптском языке (так называемый «родительный падеж», недетерминированные существительные с предлогом *n*, определительные предложения, приложения); работа основана на материалах саидского, бохайрского и субахмимского диалектов — религиозных и прочих текстов, относящихся к периоду от IV в. н. э. до арабского завоевания.

А. И. Еланская, Строение ирреальных условных предложений в коптском языке, ИАН, Оля, XXII, 1963, 2, стр. 110—113. Исследование ирреальных условных предложений в разных диалектах коптского языка; приведенные автором многочисленные примеры дают возможность выяснить особенности структуры и функции этого рода предложений.

П. В. Ернштедт, «Море» и «мореплавание» в словарных египтизмах ахейской речи, ДМ, стр. 513—519. Предполагая, что ахейцы могли соприкасаться на морях с египтянами и заимствовать от них морскую терминологию, автор выводит некоторые слова, встречающиеся в греческом эпосе, из египетского языка: 1) *κέλλω «пристават» (о корабле) восходит, по мнению автора, к дем. klhe (копт. ⲕⲟⲗϩ «ударять»); 2) νέατα πέρατα «ultima Thule» — возможно подстановка демотического прецедента коптской формы ⲛⲉⲁⲧ «крайние пределы (земли)»; 3) νήχω «плавать» — может быть, контаминация египетского ḫnj и греческого νέω; 4) πλήμυρα «прилив» — тоже вероятна контаминация греческого πλήμη «прилив» и египетского слова, отраженного в коптском ⲉⲙϩⲣⲉ «наводнение»; 5) ῥοχθέω «ударять» (о прибое) — может быть, от новоегипетского предшественника инфинитива коптского глагола ⲣⲱϩⲧ «ударять», если он попал в греческий язык (> ῥόχθος «удар» > ῥοχθέω); 6) τρόπις «киль» гипотетически восходит к египетскому глаголу «шить», копт. ⲧⲱⲣⲡ (так как судно могло «сшиваться» канатами).

М. А. Коростовцев, Египетский язык, М., 1961, 103 стр. Выпуск из серии очерков по языкам зарубежного Востока и Африки, публикуемой Институтом народов Азии АН СССР; данный очерк содержит общую характеристику строя египетского языка на основании фактического материала: 1) введение — история раз-

вития, типология и история изучения языка; 2) египетское письмо; 3) фонетика; 4) лексика; 5) части речи; 6) предложения; 7) приложения (меры времени и способы датировки, титулатура фараонов, образец текста и список основных иероглифов).

М. А. Коростовцев, *Филологические заметки*, ИИКНВ, стр. 352—355. 1) Новый пример, потверждающий перевод глагола ḫḳḫ (pap. Westcar, 7, 17), данный Блэкменом, — «приступ кашля»: в языке оазиса Сива слово koḫkaḫ, согласные которого индентичны древним, имеет точно такое же значение. 2) Не соглашаясь с Блэкменом, что выражение ḥmt t3y (Синухе B 132) следует переводить «женщины (и даже) мужчины (стонали)», автор утверждает, что ḥmt t3y может иметь только одно значение — «замужняя женщина» (букв. «жена мужчины»). 3) Чтение титула «начальник».

Предлагается возможная этимология этого слова, неоднократно привлекавшего ученых: первоначальное *i*mj-r(3) перешло в новоегипетском в mr, затем в коптском в ⲗⲉ >λε (греч.).

М. А. Коростовцев, *Глагольная форма iw sḏm.f в новоегипетском языке*, ДМ, стр. 86—103. Проанализировав 127 примеров употребления этой формы в главных и разного типа придаточных предложениях, автор приходит к выводу, что придаточные предложения, вводимые формой iw sḏm.f, являются в широком смысле обстоятельственными предложениями, а также отмечает, что в противоположность среднеегипетскому оттенку независимости в новоегипетском языке *iw* придавало предложению отпечаток подчиненности.

М. А. Коростовцев, *Введение в египетскую филологию*, М., 1963, 279 стр. Книга представляет собой обычного типа «Введение» в определенную область науки, которое, однако, для египетской филологии создано впервые. Используя данные новейших исследований и своих собственных наблюдений, автор в сжатой форме, но вместе с тем достаточно подробно характеризует все основные аспекты темы, освещая историю и современное состояние ее проблем. Глава первая посвящена определению понятия «египетский язык» и его месту среди других языков. Автор оценивает его как один из языков семитохамитской группы африканского происхождения. Во второй главе охарактеризованы писчие материалы, применявшиеся в Египте, способы их изготовления и использования, категории египетского письма и вопросы его происхождения и развития, природа египетского алфавита, проблемы группового («силлабического») и криптографического письма, попыток создания звукового алфавита, палеографии, влияния египетской системы на другие системы письменности и возникновение алфавита в связи с проблемой синайских надписей. Наиболее обширная третья глава посвящена сжатой, но подробной характеристике фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса египетского языка (с приведением парадигм и примеров). Глава четвертая содержит очерк истории египетского языка. В конце книги дана библиография основных современных трудов по рассмотренным проблемам (стр. 234—275).

M. Korostovtsev, *Does the Model iw.f ḥr sḏm of the Late Egyptian Praesens II Refer to Future?* JEA, 49, 1963, стр. 173—175. Рассмотрев примеры, которые приводят Эрман, Матта, Венте, Стриккер и Черный, М. А. Коростовцев показывает, что форма iw.f ḥr sḏm не может сама по себе выражать будущее, так как она обозначает факт, совершившийся в прошлом или происходящий в настоящем, а форма iw.f r sḏm, наоборот, выражает только будущее как намерение в силу направительного смысла своего предлога; поэтому те случаи, где форма iw.f ḥr sḏm (стоящая без предшествующего глагола с проспективным оттенком) все же имеет значение будущего, несомненно, следует рассматривать как ошибки писцов.

М. А. Коростовцев, *Причастия и релятивные формы глагола wn «быть» с начальным протетическим i в новоегипетских текстах*, «Семитские языки», М., 1963, стр. 56—58. Не соглашаясь с мнением Эрмана, что причастие и релятивная форма глагола wn пишутся, как правило, без протетического i (поскольку wn есть сокращенная форма трехконсоннантного глагола wnn), М. А. Коростовцев приводит 12 примеров написания этих форм с протетическим i (iwn) в определенной группе текстов.

И. Г. Лившиц, *«Бремя» Синухета*, ПСЭИД, стр. 47—54. Уточнение перевода строк 290—295 из «Рассказа Синухета», в которых говорится о перемене во внешности его по возвращении на родину. Филологическое исследование слова sbt приводит автора к выводу, что оно означает не «грязь, паразитов, pediculus», как полагали некоторые египтологи, а «груз», т. е. длинную бороду и длинные волосы азиатов; грамматический и стилистический анализ отрывка подтверждает этот перевод, так же как и параллель из библейского текста (Sam. 14, 25—26).

Н. С. Петровский, *Количественные числительные в древнеегипетском языке как члены предложения*, ДМ, стр. 160—164. Анализ морфологической структуры и синтаксических функций ряда слов, постепенно выделившихся в египетском языке в полусамостоятельную категорию числительного, которая, по мнению автора, всегда оставалась тесно связанной с категорией существительного.

Библиография и научная жизнь

Н. Е. Семпер, Краткие аннотации по египтологии, ВДИ, 1958, № 2, стр. 233—241; 1958, № 4, стр. 158—167; 1960, № 1, стр. 158—169; 1961, № 1, стр. 183—192; 1962; № 1, стр. 152—174; 1963, № 1, стр. 148—165; 1964, № 1, стр. 194—217. В этих сериях «Аннотаций» учтены только работы иностранных египтологов.

М. И. Фурсова, Книги и статьи по древней истории, опубликованные в СССР в 1956—1960 гг., ВДИ, 1962, № 1, стр. 174—193. Указатель содержит девять разделов, посвященных разным областям изучения древней истории в целом и отдельных стран Востока и античного мира. В разделе древнего Египта указано 39 названий. В список также включены статьи по древнему миру, вышедшие в 1961 г. до сдачи списка в печать. Статьи, опубликованные в ВДИ в 1956—1961 гг., в список не включены.

М. И. Фурсова, Систематический указатель журнала «Вестник древней истории» за 1956—1960 гг. ВДИ, 1961, № 1, стр. 208—230. Навание статей и рецензий размещены в Указателе по следующим разделам: I — Передовые статьи, II — Источники, III — Историография, IV — Общие работы, V — История древних обществ на территории СССР, VI — Древний Восток, VII — Древняя Греция, VIII — Эллинизм, IX — Древний Рим, X — Хроника, XI — Personalia, XII — Рецензии на журналы, XIII — Библиографические обзоры и списки, XIV — Разное. Всего в Указателе учтено 510 работ; приложен алфавитный указатель авторов.

«К 75-летию академика В. В. Струве», ВДИ, 1964, № 1, стр. 218—220.

С. Д. Милибанд, Список трудов В. В. Струве, ДМ, стр. 5—22. Список трудов 1912—1961 гг. насчитывает 237 книг и статей, а также 50 трудов, изданных под редакцией или с предисловием В. В. Струве.

Н. В. Пигулевская, Академик В. В. Струве, ДМ, стр. 5—6. Предисловие к сборнику «Древний мир» (М., 1962, 458 стр.), выпущенному АН СССР и Институтом народов Азии к 75-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности акад. В. В. Струве.

Н. С. Петровский, Годы поиска, «Ленинградский университет», 11/II 1964, № 8 (1391). Статья к 75-летию со дня рождения акад. В. В. Струве.

Э д. Аренин, Славен труд ученого, «Вечерний Ленинград», № 27 (5571), 1/II 1964 г., стр. 3. Статья к 75-летию акад. В. В. Струве.

Р. А. Грибов, В. В. Струве, «Вестник ЛГУ», 20, 1963, сер. ист. яз. и лит., вып. 4, стр. 162—164. К 75-летию со дня рождения акад. В. В. Струве — биография, научная и педагогическая деятельность, его роль в развитии марксистской науки о древнем Востоке.

Л. Успенский, Собеседник сфинксов, «Неделя», 11, 8—14 марта 1964, стр. 8. Встреча с академиком В. В. Струве (к дню его 75-летия).

«Труды двадцать пятого Международного конгресса востоковедов». Том I — общая часть; заседания секции I—V, М., 1962, 566 стр. Первый том Трудов XXV МКВ, выпущенного Издательством восточной литературы, содержит перечень конгрессов, их устав, принятый на XI конгрессе в Париже в 1897 г., список членов Организационного комитета, перечень организаций и делегаций, принявших в нем участие, список секций, расписание работы, общие сведения, речи на пленарных заседаниях, резолюции секции и доклады на иностранных и русских языках по I секции (Египтология); представили доклады: B. V. Bothmer, J. Leclant, K. Bosse-Griffith, R. Ibscher, R. J. Williams, L. Kákosy, [A. Gudbub] [1], W. Needler, G. Griffith, G. Posener, [A. Добрович], J. A. Wilson, A. Badawy, М. Малинин, W. H. Bell, P. Kriéger, A. Volten, [F. Hintze], G. Fecht, [B. H. Stricker], Э. Варга, L. Castiglione, М. А. Коростовцев, М. Э. Матье, Н. М. Постовская, В. И. Авдиев, Т. Н. Савельева, Ю. Я. Перепелкин, О. Д. Берлев, И. С. Кацнельсон (см. соответствующие аннотации). *Рец.: Deller*, Or., 33, 1964, 2/3, стр. 291—299.

XXV Международный конгресс востоковедов в Москве, 1960, Резолюция секции I (Египтология), Труды МКВ, М., 1962, стр. 53—54. В связи с тем, что научная помощь ЮНЕСКО сосредоточена главным образом на спасении памятников в египетских районах Нубии, секция I Конгресса вынесла решение привлечь внимание ЮНЕСКО и других научных организаций всех стран также и к суданским районам Нубии, чтобы сохранить для будущего памятники, которые могут быть обнаружены в сотне совсем еще не исследованных археологических пунктов, подлежащих затоплению. Ввиду возможного в скором времени в результате переселения местных жителей исчезновения отдельных берберских диалектов египтологическая секция постановила выделить средства для создания словаря нубийских диалектов и словаря берберского наречия Сива.

---

[1] В квадратных скобках — доклады, которые не вошли в «Труды МКВ».

Вопросы древней истории и филологии на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве (август 1960 г.), ВДИ, 1961, № 2, стр. 143—164. Характеристика работы XXV МКВ, в которой отмечается прогрессивная роль сближения ученых и усиление интересов к социально-экономическим проблемам изложение докладов по секциям. На секции египтологии было прочитано 36 докладов, из которых восемь принадлежало советским ученым.

В. И. Авдиев, О работе Секции египтологии на XXV Международном конгрессе востоковедов, «Аль-магаллия ас-Суфьятийя» («Советский журнал»), Каир, 18/X 1960, № 37 (на араб. яз.).

Н. Ф. Деянов, Вторая Всесоюзная сессия по изучению древнего Востока, ВИ, 1963, № 1, стр. 152—155. Краткое сообщение о работе сессии, темы докладов на пленарных заседаниях, ход дискуссии о проблеме рабовладения и сельской общины на древнем Востоке.

М. А. Дандамаев, История древнего Востока, ВАН, 9, 1962, стр. 146. Сообщение о работе Второй всесоюзной сессии по изучению древнего Востока в Ленинграде (14—19 мая 1962).

II Всесоюзная сессия по изучению древнего Востока (Ленинград 14—19 мая 1962 г.), ВДИ, 1963, № 1, стр. 166—195. Сообщение о работе пленарных и секционных заседаний II Сессии, краткое изложение прочитанных на ней докладов и подробное описание хода дискуссии по проблеме сельской и родовой общины на древнем Востоке.

В. И. Авдиев, Интервью о научной работе и о лекциях в Варшавском университете во время командировки в Польшу, «Mowia wieki», 1961, № 12, стр. 24 (на польском яз.).

В. И. Авдиев, Ученые борются за мир, «В защиту мира», 1961, № 2, стр. 63—65. О работе комиссии по связям с учеными зарубежных стран при Советском комитете защиты мира; автор сообщает о резолюции XXV Международного конгресса востоковедов в Москве относительно спасения древних памятников на территории Судана.

Научно-популярные книги

Б. И. Бродский, Покинутые города, М., 1963, 148 стр., илл. Семь популярных очерков о городах древности (Ахетатон, Пергам, Анкгор, Камакура, Паленке, Мачупикчу, Бенин). В изложении общеизвестных фактов амарнской реформы встречаются отдельные неточности (стр. 10, 13, 20, 29). Книга хорошо оформлена и иллюстрирована фотографиями скульптурных портретов и архитектурных комплексов и деталей.

Э. Доблъхофер, Знаки и чудеса, М., 1963, 387 стр., 94 илл. Перевод Г. М. Бауэра, Предисловие В. В. Струве. Научно-популярная книга о дешифровке забытых письменностей древних народов. Гл. II — «Дешифровка египетской письменности» (стр. 61—107) посвящена развитию иероглифики, принципам начертания и истории изучения; больше всего уделено места открытию Шампольона и работе последующих ученых над чтением древнеегипетских текстов.

И. С. Кацнельсон, Ф. Мендельсон, 70 сказок народов мира, 1961. В числе прочих помещены переводы древнеегипетских сказок «Правда и Кривда» (стр. 5—8); «Лев и мышь» (стр. 9—19).

И. С. Кацнельсон, Предисловие к книге М. Чабб «Здесь жила Нефертити» (М., 1961, 142 стр. Перевод с англ. Н. Г. Коваленской. Популярный очерк о работе археологической экспедиции Дж. Д. С. Пенделбери в Амарне 1931 г.).

И. С. Кацнельсон, На путях древних караванов, «Комсомольская правда», 26/III 1964. Популярный очерк о работе советской археологической экспедиции в Вади-Алаки и краткие сведения о древнеегипетских торговых путях в Северной Нубии.

М. Э. Матье, Кари, ученик художника, М., 1963, 166 стр. Историческая повесть для школьников среднего возраста из жизни поселка «слушающих зов» — работников фиванского некрополя и их детей. В основе лежит подлинное событие — ложное обвинение простых людей в краже ценностей из гробницы. Бытовые сцены, реконструированные строго научным методом, связаны занимательным сюжетом; попутно сообщаются точные сведения о работе, социальных условиях, технике, искусстве и религии древних египтян времени Рамсеса IX.

Н. Е. Семпер

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПО КЛАССИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Международные конгрессы археологов-антиковедов собираются уже более полустолетия, от первого Афинского конгресса 1905 г., открытие которого состоялось в знаменитом Парфеноне. Последний VIII конгресс происходил в Париже с 3 по 13 сентября 1963 г. В работе его приняло участие около 400 представителей из 33 стран. Президентом конгресса был акад. А. Пиганьоль (Франция), генеральным секретарем П. Демарнь (Франция). В числе членов Почетного президиума были Д. Дмитров (Болгария), К. Михаловский (Польша), К. Дайковичу (Румыния), Г. Новак (Югославия), В. Д. Блаватский (СССР) и др. В советскую делегацию, которую возглавил В. Д. Блаватский, входило 10 чел.

Для VIII конгресса, в отличие от предыдущих, был намечен единый целеустремленный план в разрешении проблемы воздействия греко-римской культуры и искусства на периферийные страны. Для более интенсивного участия в работах конгресса всех его участников было решено отказаться от секционных заседаний, и все доклады и сообщения проводить на пленарных заседаниях. Согласно замыслу его организаторов на конгрессе должны были заслушиваться только доклады, посвященные большим проблемам, и сообщения, освещающие более частные вопросы, а не информации о новейших раскопках (которыми изобиловали секционные заседания прошлых конгрессов).

Изменение характера работы конгресса отразилось на числе докладов и сообщений, которых теперь было сделано примерно втрое меньше, чем на конгрессе 1958 г., а именно: докладов только шесть, а сообщений — 41, в их числе один доклад и пять сообщений советских археологов.

Основная проблема, над которой работал конгресс — «Воздействие греческой и римской цивилизации на периферийные культуры», была расчленена на десять вопросов, каждому из которых было посвящено отдельное заседание.

По первому вопросу — Доримский запад — по теме «Воздействие Средиземноморья на доримский запад в эпоху железа» с докладом «Кельты» выступил К. Ф. Хоукс (Великобритания). В докладе был дан очерк истории кельтов и детальный обзор археологических работ и исследований за последние 20 лет. Сообщение М. Паллоттино (Италия) было посвящено вопросу о посредничестве этрусков между Средиземноморьем и западной Европой, в частности культурным связям этруско-италийского мира с лигурами, кельтами и иберами. В сообщении А. Амальгро-Баск (Испания) рассматривалось воздействие греков на иберийский мир; докладчиком были выделены основные периоды в развитии художественной культуры иберов.

По второму вопросу — Римская Галлия — по теме «Искусство Галлии, его своеобразие» сделал доклад Р. М. Дюваль (Франция) «Своеобразие галло-римской архитектуры». Большое внимание докладчик уделил местным особенностям кельто-римских храмов. В сообщении Х. Петриковича (ФРГ) «О своеобразии искусства Прирейнской зоны в римское время» подчеркивалось наличие в нем черт, обусловленных военным характером римских поселений, и в то же время отсутствие какого-либо влияния германцев на искусство рейнских провинций. Сообщения Р. Ламбрехта (Бельгия) и Р. Лар-Беллара (Швейцария) касались вопроса роли местных элементов в искусстве Галлии—Бельгии и римской Швейцарии.

По третьему вопросу — Северная Италия, центральная и северная Европа — по теме «Провинциальное искусство и воздействие Средиземноморья на эти районы» было представлено сообщение Г. А. Мансуэлли (Италия) о характере провинциального искусства Цизальпинской Галлии в период, предшествующий позднеримскому времени. В сообщении было отмечено воздействие эллинистического и римского

искусства. Э. Диц (Австрия) в своем сообщении обрисовала характер римской провинциальной скульптуры Норика, подчеркнув тесную связь Норика с Италией, отмеченную и в искусстве. В сообщении И. Вернера (ФРГ) о фигурных изображениях в искусстве германцев отмечалось, что появление у германцев штампованных бляшек с фигурными изображениями относится ко второй половине III в. н. э. и связано с социальными сдвигами и изменением религиозных представлений. Сообщение О. Клинд-Иенсена (Дания) было посвящено выяснению италийского и кельтского влияния на скандинавское искусство I в. до н. э.— I—III вв. н. э.

По четвертому вопросу — Северная Африка — по теме «Искусство римских провинций Африки, пуническое наследие и греко-римское влияние» было заслушано сообщение М. Флориани-Скарчиапино (Италия). В стиле скульптуры времени Северов из Лептис Магна докладчик устанавливает две тенденции: классическую и позднеантичную. В сообщении Г. Ш. Пикара (Франция) рассматривался вопрос о воздействии классического искусства на африканские рельефные стелы религиозной тематики.

По пятому вопросу — Греция, Кипр — по теме «Эллинское влияние в периферийных странах греческой метрополии» были представлены сообщения Г. Вакалакиса и Д. Лазаридиса (Греция) и В. Карагеоргиса (Кипр.) Темой сообщения Г. Вакалакиса был вопрос о проникновении греческой и римской цивилизации в район нижнего течения Гебра. Докладчик отметил, в частности, что фрагменты сосудов, обнаруженных при раскопках во Фракии, обычно именуемых «доисторическими», не привозные, а местного производства. Д. Лазаридис информировал о раскопках 1959—1961 гг. в районе горы Пангея, во время которых были обнаружены находки от VII до II—I вв. до н. э. В. Карагеоргис посвятил свое выступление новым раскопкам царского некрополя Саламина на Кипре. Эти погребения восходят к микенскому времени и принадлежат царям ахейцев, переселившихся на этот остров в XIII в. до н. э.

Шестой вопрос — Балканы, Придунайские страны, Польша — тема «Греко-римское влияние на цивилизации этих районов». Э. Кондураки (Румыния) сделал доклад «Греческое и римское влияние на Балканах, в Венгрии и Польше». Докладчик отметил, что уже в эпоху бронзы северная Италия через области Среднего Дуная, венгерские и польские земли была связана с Прибалтикой древним «янтарным» путем. В период раннего железа возникает тесный контакт района Балкан с греческим миром, а в римское время воздействие римской цивилизации достигает Польши и Чехословакии. Д. П. Дмитров (Болгария) выступил с сообщением «О воздействии античной культуры на искусство Фракии». В сообщении М. Грбича (Югославия) «Греческая и римская скульптура в Югославии» отмечалось, что ввоз греческой продукции начался еще в период архаики, но произведений греческой классической скульптуры этруской и римской времени Республики на территории Югославии не обнаружено. Эллинистическая скульптура ввозилась, но особой роли не играла. С проникновением римлян связан импорт бронзовой портретной скульптуры, которая в свою очередь породила местные подражания. В период Поздней империи на территории Югославии возникли местные школы в искусстве. Л. Кастильоне (Венгрия) сделал сообщение «Восточное влияние на терракотовую скульптуру Паннонии». По мнению докладчика, терракотовые статуэтки, изображающие быков и людей, по характеру иконографии и стилю сильно отличаются от терракот, обычных для западных провинций, в чем автор усматривает восточное влияние. В сообщении К. Маевского (Польша) «Римское влияние на цивилизации народов, обитавших на территории Польши в первые века нашей эры» отмечалось, что в междуречье Вислы и Одры обнаружено большое количество римских вещей, попавших туда в результате военных походов, торговли и подарков вождям. Докладчик считает, что римские монеты на территории Польши не всегда и не везде имели одинаковое значение. В южных областях Польши при обмене вождями племен их цена приравнивалась к той, которую монеты имели в империи. Остальная масса населения рассматривала римские монеты как драгоценный металл.

По седьмому вопросу — Северное Причерноморье — по теме «Греко-скифское искусство» сделал доклад В. Д. Блаватский (СССР) «Проникновение античной культуры в страны Северного Причерноморья». Докладчик охарактеризовал этапы в контактах местных племен с античными полисами. Эти два мира, особенно в первые века их сосуществования, резко отличались один от другого экономической, социальной и политической структурой общества, бытовым укладом, культурой и мировоззрением. Расширенный текст доклада В. Д. Блаватского см. СА, 1964, № 2, 4.

По проблеме Северного Причерноморья были представлены также сообщения советских делегатов, которые были опубликованы в подготовленных к конгрессу материалах, но не зачитывались на его заседаниях. Это — сообщения М. М. Кобылиной «Воздействие греческого искусства на искусство Скифии в позднее время», И. Т. Кругликовой «Варварские элементы в Боспорском искусстве позднего периода» и А. И. Болтуновой «Влияние античного искусства на торевтику Кавказа I—III вв. н. э.».

Было зачитано сообщение Б. Б. Пиотровского (СССР) о культуре государства Урарту и Закавказья.

По восьмому вопросу — Анатолия — по теме «Цивилизации Анатолии и их связи с греческим архаическим искусством» с докладом «Проблемы фригийского искусства» выступил Е. Акургал (Турция). Докладчик большое место уделил обзору письменных древне-восточных свидетельств, которые он считает возможным связать с обитателями Фригии. Е. Акургал остановился также на памятниках «зрелого» фригийского искусства, которые он датирует VIII—VI вв. С сообщением «Богазкеой в фригийское время» выступил К. Биттель (ФРГ). Докладчик считает, что Богазкеой, который в II тыс. до н. э. был самым большим и процветающим городом Малой Азии, существовал и в фригийское время. Но в I тыс. до н. э. площадь города и его значение сокращаются.

Сообщение Р. Юнга (США) было посвящено раскопкам Гордиона, давших интересные памятники зодчества хорошей сохранности VIII—VII вв. до н. э., а также мозаичные полы VII в. до н. э. В курганах VIII в. до н. э. была обнаружена высоко-художественная посуда; сосуды VIII в. до н. э. с фригийскими надписями. Г. М. А. Ханфманн (США) в сообщении «Греция и Лидия: соприкосновение с греческой культурой» дал обзор лидийского зодчества, начиная с гробницы Алиатта (конец VII в. до н. э.), а также обзор скульптуры, испытавшей воздействие греческого искусства. Докладчик остановился, кроме того, на вопросе об импорте греческой керамики и ее влиянии на лидийскую керамику геометрического стиля.

По девятому вопросу — Ближний Восток, Египет — по теме «Греция и Восток в семитическом и египетском искусстве в эллинистический и римский периоды» было заслушано шесть сообщений, преимущественно по частным вопросам. М. П. Демарнь (Франция) рассмотрел Ассоскую скульптуру и вопрос о понтийском культурном койне. М. Шехаб (Ливан) сообщил о ливанских терракотовых фигурках эллинистического времени. Более обобщающий характер имело сообщение Э. Виллля (Франция) «Римская Сирия между греко-римским Западом и парфянским Востоком». В сообщении П. Парра (Великобритания) о начале эллинизации Петры был дан обзор архитектуры, керамики и монет Петры. Докладчик приходит к выводу, что эллинизация Петры началась в I в. до н. э. Ж. Пиренн (Бельгия) в сообщении, посвященном эллинистическому искусству Южной Аравии, дала обзор памятников скульптуры и архитектуры этой еще далеко не достаточно исследованной территории, отметив, что эллинизация ее искусства началась довольно поздно, примерно с I в. н. э. Сообщение, касающееся эллинистического влияния на позднеегипетскую скульптуру, сделал Б. В. Ботмер (США).

Б. Г. Петерс

* * *

Последний день заседаний конгресса был отведен секции «Страны иранские и индийские; Израиль; Греко-римские влияния на цивилизации этих стран». Уже сам этот перечень свидетельствует, насколько в наше время расширилось понятие «классической археологии», перейдя рамки средиземноморского мира вплоть до крайних пределов Среднего Востока. Удаленные от Средиземноморья на тысячи километров страны иранской, индийской и среднеазиатских цивилизаций были в эпоху развитых форм рабовладельческого строя прочно связаны с этим миром нитями караванной, либо морской торговли и культурного взаимообмена. При этом культурные контакты не были односторонними; процесс взаимопроникновения «эллинизма» и «азианизма» стал постоянно действующим фактором. Такова была, во всяком случае, ведущая концепция ряда докладов на заседании данной секции, хотя другая часть их строилась с позиций признания лишь односторонних «влияний» греко-римской культуры на периферию древней ойкумены. Так, например, в сообщении М. Уиллера (Великобритания) была представлена уже не раз выдвигавшаяся им концепция о непосредственном воздействии в первых веках н. э. римского искусства на буддийскую иконографию северо-западной Индии как основного и определяющего фактора в формировании так называемой гандхарской скульптурной школы. Не избежал этого и индийский ученый М. Н. Дешпанд, доклад которого был посвящен установлению греко-римского влияния на коропластику Индии, чему, к слову говоря, далеко не всегда соответствовали показанные на экране (в большинстве своем малоизвестные) терракоты, в которых явственно преобладает чисто локальный индийский типаж и стиль.

Д. Шлюмберже (Франция) вновь поднял в докладе «О возникновении и природе искусства Сасанидов» вопросы генезиса иранского искусства времени Сасанидов, которое, по его мнению, продолжая некоторые принципы парфянского искусства, с ним порывает и обращается к традициям ахеменидским, но в обновленной интерпретации сюжетов и форм. Эта позиция не нова — она определилась в научной литературе еще в прошлом столетии, однако, она модернизирована следующим тезисом: «Искусство Сасанидов — это Ренессанс». Думается, что приложение такой историче-

ски конкретной категории мировой культуры, как Ренессанс, к иной эпохе, к иной социальной и этнической среде едва ли приемлемо. Термин «Ренессанс Сасанидов» ничего не объясняет, факторы же тех крупных социальных изменений, которые в первую очередь предопределили совершенно новые тенденции развития не только сасанидского искусства Ирана, но и близкого к нему своим внутренним содержанием искусства той же поры всего Среднего и Ближнего Востока — от Восточного Туркестана и Согда до коптского Египта, в значительной мере и Византии,— по существу остаются в тени.

Среди других докладов по иранской тематике стояла информация М. М о г а д а м а (Иран), содержавшая обзор основных археологических исследований, осуществляемых в Иране. В докладе П. А м а н д р и (Франция) «Греческие золотых дел мастера при великошахском дворе» были охарактеризованы и продемонстрированы разнообразные ювелирные изделия ахеменидского времени, в которых явственно виден греко-иранский синтез. Большой интерес вызвало сообщение Т. М у с т а ф а в и (Иран) о проводимых им археологических раскопках в Гиляне, где обнаружены остатки поселения и некрополя VII—VI вв. до н. э. Могильник, по счастью, оказался неразграбленным и дал археологам обильный материал, в котором особенно выразительны мастерски исполненные зооморфные керамические сосуды.

Сообщение Г. А. П у г а ч е н к о в о й (СССР) «К проблеме искусства северной Парфии и северной Бактрии» основывалось на данных советских археологических исследований в Туркменистане (Ниса) и в Узбекистане (Халчаян).

В докладе А в и - Й о н а х а (Израиль) «Еврейский эллинизм» были показаны явления чисто локального переосмысления мотивов греко-римского искусства в иудейской культуре, одним из главных проявлений которого явилась замена изобразительных мотивов символами или орнаментами — как дань религиозным предписаниям иудаизма, отвергавшим изобразительную тематику.

После окончания заседаний для участников конгресса была организована трехдневная поездка к всемирно известным античным памятникам Франции. Не говоря о выдающихся галло-римских архитектурных памятниках Нима, Оранжа, Арля, Сен-Реми, глубокое впечатление оставило посещение раскопок Эрсерюна, Гланума, Сэн-Блэза. Здесь особенно поучительны, на наш взгляд, принципы консервации археологических объектов, когда демонстрируются не только остатки архитектурных сооружений, вымостка улиц, элементы бытового благоустройства и пр., но и сохранена картина стратиграфических слоев и напластований различных веков. Эти «археологические заповедники» служат местами посещения не одних лишь специалистов, но и широкого круга туристов, что, безусловно, служит наилучшей пропагандой археологии. Страна богата археологическими музеями, музейными уголками, лапидариями, с которыми конгрессисты ознакомились в Эрсерюне, Ниме, Арле, Марселе, причем в Марселе специально к дню приезда участников конгресса было приурочено торжественное открытие недавно оборудованного «Музея римских доков», обнаруженных во время строительных работ на побережье старой марсельской бухты.

По предложению сирийского правительства, следующий конгресс классической археологии намечено провести в Дамаске, в стране, где так явственно запечатлен синтез восточной и западной культуры античного мира.

Г. А. Пугаченкова

К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ВИКТОРА ФРАНЦЕВИЧА ГАЙДУКЕВИЧА

Сектор древней истории Института истории АН СССР, редакционная коллегия и редакция «Вестника древней истории» горячо поздравляют Вас с шестидесятилетием. Мы знаем Вас как крупнейшего археолога-антиковеда. Ваше имя прочно вошло в историю изучения далекого прошлого нашей Родины. Ваши многолетние изыскания обогатили советскую науку замечательными открытиями — ценнейший материал раскопок Илурата, Тиритаки и Мирмекия значительно изменил наши представления о Боспорском царстве, истории которого посвящен Ваш основной фундаментальный труд.

Сектор древней истории Института истории АН СССР, Редакционная коллегия и редакция «Вестника древней истории» желают Вам долгих лет жизни, здоровья, новых творческих успехов.

Сектор древней истории Института истории АН СССР, Редакционная коллегия и редакция «Вестника древней истории»

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ЕЛЕНЫ МИХАЙЛОВНЫ ШТАЕРМАН

28 сентября исполнилось 50 лет со дня рождения доктора исторических наук Елены Михайловны Штаерман.

Е. М. Штаерман — крупнейший специалист по истории древнего Рима. Ее перу принадлежат три большие монографии, в которых дан глубокий и разносторонний анализ истории Римской империи, несколько учебных пособий, значительная часть II тома «Всемирной истории», десятки статей на различные темы, связанные с социально-экономической и культурной историей античного мира. Е. М. Штаерман — один из организаторов и участников выпускаемой Институтом истории АН СССР серии монографий по истории рабства. Труды Елены Михайловны переведены на немецкий, польский, французский, японский, испанский и другие языки. На Кубе вышла ее работа о рабовладельческом строе.

Е. М. Штаерман отличает большая целеустремленность, трудолюбие, живой интерес к теоретическим проблемам истории. Высокое мастерство научного исследователя и огромную эрудицию Елена Михайловна счастливо сочетает с даром популяризатора.

Сектор древней истории Института истории АН СССР, редакционная коллегия и редакция «Вестника древней истории», друзья и коллеги от души желают Вам, Елена Михайловна, многих лет жизни, здоровья, новых творческих успехов в работе.

Сектор древней истории Института истории АН СССР, Редакционная коллегия и редакция «Вестника древней истории»

ПРИЛОЖЕНИЕ

ШУМЕРСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

* * *

ТРАНСКРИПЦИИ, ПЕРЕВОД, КОММЕНТАРИИ И ВВОДНЫЕ СТАТЬИ И. Т. КАНЕВОЙ

(окончание)

* * *

ЭНМЕРКАР И ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ АРАТТЫ

Транскрипция

1...ki kéš...
2... gaba-ud-da ki-nam-tar ...
3Unug^{ki} kur-gal šag$_4$ ...
4.. unú-gal-an-n[a] ...
5ud-ri-a nam b[a-tar-ra-a-ba]
6Unug^{ki} Kul-aba^{ki} É-[an-na]...
7sag-íl-la-nun-gal-e-ne m[i]-...
8hé-gál-a geštin gá[l]...
9im-a še-gu-nu gá[l] ...
10Unug^{ki} Kul-aba^{ki}-a ...
11kur-Dilmun[k]i ....-dug$_4$
12é-An-ša-[an^{ki}-na] ...-ús-sa-àm
13[gi$_6$]-pàr-kug ... ki
14[sig$_4$]-Kul-aba^{ki} [ki]-in-dar-ra-gim ... ag-àm
15 ....-íl bal nu-ag-e [1]
16....-íl nam-garaš nu-ag-e [1]
17.... [n]a$_4$ urudu an-na ^{na_4}lagab-za-gìn-na [2]
18... [ku]r-bi-ta ur-bi [3] nu-mu-un-e$_{11}$-dè [4]
. . . . . .
28^{d}Inanna-ke$_4$ en-Aratta^{ki}-ke$_4$
29sag-men ...-ga mu-ni-in-gál
30en-Kul-aba^{ki}-a-gim nu-mu-na-šag$_5$
31Aratta^{ki} na$_4$ É-an-na mi-n[i]-...
32 kug-^{d}Inanna-ra .... mu-un-na-dù
33ud-ba en-šag$_4$-kug-ge-pàd-da-^{d}Inanna-ke$_4$
34kur-ZA [5]-MUŠ-ta šag$_4$-kug-ge-pàd-da-^{d}Inanna-ke$_4$
35En-me-er-kár-dumu-^{d}Utu-ke$_4$
36nin-a-ni [6] nin-NE-AN ...-dùg-ga
37kug-^{d}Inanna-ra ù-gul mu-un-[na-gá]-gá
38nin-mu ^{d}Inanna Unug^{ki}-šè [7]

---

[1] B опускает -e.
[2] B: lagab-^{na_4}za-gìn-na.
[3] B: -ba.
[4] B варианте A глагол начинается с nu-um-
[5] D, очевидно, опускает -za-.
[6] D добавляет -ir.
[7] Также в D: A опускает ^{d}Inanna и дает Aratta^{ki}, вероятно, перед Unug^{ki}-šè.

39guškin kubabbar ḫa-ma-an-galam-e
40^{na_4}za-gìn-dur$_5$ lagab-ta ...
41sud-du-ág ^{na_4}za-gìn-dur$_5$ ...
42Unug^{ki}-ga kur-kug ...
43é-An-ša-[an^{ki}-na] gub-ba-za
44 ... [É]-an-na ḫé-en-dù
45gi$_6$-pàr-kug-g[a dúr]-gar-ra-za
46šag$_4$-bi Aratta^{ki} ḫa-ma-an-galam-e
47mà-e šag$_4$-ba siskur ... ga-mu-...-lá
48Aratta[^{ki} Unug^{ki}-šè] gú-giš ḫa-ma-[gá-gá]
49nam-lú-lu$_6$ ^{lu}[Ar]atta^{ki}-[ke$_4$]
50na$_4$-ḫu -sag-gá kur-[bi] ḫa-ma-ab-e$_{11}$
51èš-gal ḫa-ma-dù-e u[nú]-gal ḫa-ma-gá-gá
52unú-gal-unú-[dingir-re-e-ne-ke$_4$ pa]-è [ḫa]-ma-ab-ag-e
53me-mu Kul-aba^{ki}-[a] si ḫa-ma-ni-ib-sá-e
54abzu kur-kug-gim-ḫa-ma-ab-mú-mú
55Eredu^{ki} ḫur-sag-gim ḫa-ma^{8}-ab-sikil-e
56èš-abzu-kug ki-in-dar-ra-gim pa-è ḫa-ma^{8}-ab-ag-e
57mà-e abzu-ta zà-mí dug$_4$-ga-mu-dè
58Eredu^{ki}-ta me túm-a-mu-dè
59nam-en-na-tán(?)-bar-gim sig$_7$-ga-mu-dè
60Unug^{ki}-Kul-aba^{ki}-a sag-men-kug-gál-la-mu-dè
61 ...-e-èš-gal-la-ke$_4$ gi$_6$-pàr-ra ḫu-mu-un^{9}-túm-mu
62 ... -e-gi$_6$-pàr-ra-ke$_4$ èš-gal-la ḫu-mu-un^{9}-túm-mu
63[nam]-lú-lu$_6$ u$_6$-dùg-ge-eš ḫu-mu-e(!)^{10}-e
64[^{d}U]tu igi-ḫúl-la ḫé-im-ši-bar-re.^{11}
65 ...-ka-zal-An-kug-ga nin-kur-ra igi-gál
66in-nin$_7$^{d}Ama-ušumgal-an-na šim-zid-da-ni
67 ^{d}Inanna-nin-kur-kur-ra-ke$_4$
68En-mę-er-kár-dumu-^{d}Utu-ra gù mu-na-dé-e
69En-me-er-kár gá-nu na ga-e-ri na-ri-mu ḫé-e-díb
70inim ga-ra-ab-dug$_4$ [gizz]al ḫé-ši-ag
71kin-gi$_4$-a inim-zu [zag-še-...-ta [ù-b]a-[e-r]e-pàd
72inim-gal-^{d}Inanna-gal-zu-inim-ma-ke$_4$ me-a ḫu-mu-na-ab-tùm (?)
73ḫur-sag-GÀM(?)-šè ḫé^{12}-bí-in-e$_{11}$-dè
74ḫur-sag-GÀM(?)-ta ḫé^{12}-im-ma-da-ra-e$_{11}$-dè
75Šušan^{ki}(?)-e kur-An-ša$_4$-an^{ki}-a-šè
76nar-tur^{13}-gim ka-šu ḫu-mu-na-ab-gál^{14}
77ḫur-sag-gal-gal IM.BA.[LU.]A
78saḫar-ra ḫu-mu-na-da-[ni]gin-e
79Aratta^{ki} Unug^{ki}-šè gú-giš ma-gá-gá
80nam-lú-lu$_6$-Aratta^{ki}-ke$_4$
81na$_4$-ḫur-sag-gá kur-bi um-ta-ab-e$_{11}$
82èš-gal ḫa-ra-dú-e unú-gal ḫa-ra-gá-gá
83unú-gal unú-dingir-re-e-ne-ke$_4$ pa-è ḫa-ra-ab-ag-e
84me-zu Kul-aba^{ki}-a si ḫa-ra-ni-íb-sá-e

---

[8] E дает -ra- вместо -ma-.
[9] E опускает -un-.
[10] E опускает -e (!)-.
[11] В E глагол, по-видимому, читается ḫu-mu-ši-bar-bar-re.
[12] E опускает ḫé-.
[13] C вставляет -gi- перед -gim.
[14] В варианте E глагол читается [ḫu-m]u-ra-a[n]-gál.

58abzu kur-kug-gim ḫa-ra-ab-mú-mú
86Eredu^{ki} ḫur-sag-gim ḫa-ra-ab-sikil-e
87èš-abzu-kug ki-dar-ra-gim pa-è ḫa-ra-ab-ag-e
88za-e abzu-ta zà-mí-dug$_4$-ga-zu-dè
89Eredu^{ki}-ta me-túm-a-[zu-dè]
90nam-en-tán-na-?-bar-[gim sig$_7$-ga]-zu-dè
91Unug^{ki} Kul-aba^{ki}-a [sag-men-kug-gál-la]-zu-dè
92[?-e]-èš-gal-la-ke$_4$ [gi$_6$-pàr-ra] ḫu-mu-un-túm-mu
93[?-e-gi$_6$-pàr-ra-ke$_4$ è]š-gal-la ḫu-mu-un-túm-mu
94[nam-lú-lu$_6$] u$_6$-dùg-ge-eš ḫé-mu-e-e
95[^{d}Utu i]gi-ḫúl-la ḫé-mu-e-ši-bar-bar-re
96[nam]-lú-lu$_6$-Ar[atta^{ki}]ke$_4$
97 .... ud-šu-uš-ta ...-eš
98 .... ud-te-en-e ...
99ki-^{d}Dumu-zid-da ganam máš ... ù(?)-a(?)
100a-kalag-ga a-šag$_4$-^{d}Dumu-zid-da-ka
101 udu-kur-ra-gim dùg ḫa-ra-ni-ib-gar
102gaba-kug-é-a ud-gim è-ni
103?-ág-gá níg-mùš-bi ḫé-me-en
104 ... En-me-er-kár-dumu-^{d}Utu zà-mí
105en-e inim-[kug-^{d}Inann]a-ka-šè sag-kéš ba-ši-in-ag
106kin-gi$_4$-a-inim-zu zag-še ...[-ta] ba-ra-an-pàd
107inim-gal-^{d}Inanna-gal-zu-inim-ma-ke$_4$ me-a [15] ḫu-mu[16]-na-ab-tùm(?)-en(!)
108ḫur-sag-GÀM(?)-ka ḫé-bi-in-e$_{11}$-dè-en
109ḫur-sag-GÀM(?)-ta ḫé-im-ma-da-ra-an-e$_{11}$-dè-en
110Šušan^{ki}(?)-e [kur-An]-ša$_4$-an^{ki}-a-šè
111nar-tur-gim ka-šu ḫu-mu-na-ab-gál
112ḫur-sag-gal-gal IM.BA.LU.A.
113saḫar-ra ḫu-mu-na-da-nigin-e [17]
114kin-gi$_4$-a en-Aratta^{ki}-ra [18] ù-na[19]-dug$_4$ ù-na-dè-daḫ
115uru-bi [20] KAS-sag^{mušen}-gim giš-bi-ta na-an-na-ra-ab-dal-en
116mušen-gim gùd-ús-sa-bi-a nam-bí-ib-dal-en
117ki-lam-gál-la-gim na-an-si-ig-en [21]
118uru-gul-gul-lu-gim saḫar nam-bí-ib-ḫa-za-en [22]
119Aratta^{ki} á-dam ^{d}En-ki-ke$_4$ nam ba-an-tar
120ki-bí-in-gul-la-gim ki(?) nam-ga-bí-ib-gul-e [23]
121eger-bi ^{d}Inanna ba-ši-in-zi
122inim i[m-mi-in-ra-e$_{11}$ im]-mi-in-gi$_4$[24]
123saḫar b[í-in-su-a-gim sa]ḫar nam-ga-bi-ib-su-su
124guškin ù-tud-da-ba-.... a-ba-ni-in-ág
125kug-me-a s[aḫar-ba] zag ù-ba-ni-in-ús
126kug-sag-PA-TÚG ù-mu-un-dím-dím
127anšu-kur-[kur]-ra-ke$_4$ barag um-mi-in-lá-lá
128é-a-KU-àm ^{d}En-líl-bàn-da-KI.EN.GI.-ra-ke$_4$

---

[15] Вариант G дает má-e вместо me-a.
[16] Вариант A опускает ḫu- перед -mu.
[17] Вариант G дает такое же написание, A опускает -e.
[18] G : -ke$_4$ вместо -ra.
[19] G вставляет -a-.
[20] G : -ni вместо -bi.
[21] H (и, вероятно, D и G) : nam-si-si-ge.
[22] H : nam-ḫa-za-e.
[23] Также в H; A дает -en вместо -e.
[24] H дает -gi вместо -gi$_4$.

129en-^{d}Nu-dím-mud-[25]šag$_4$-kug-ge-pàd-da
130kur-me-sikil-la-ke$_4$[26] ḫa-ma-dù-e
131^{giš}TÚG-gim ḫi-li ḫa-ma-ab-ag-e
132^{d}Utu-gán-nun-ta-è-a-gim si-mùš ḫa-ma-ab-si$_4$-si$_4$
133zag-du$_8$-zag-du$_8$-bi urì ḫa-ma-mul-e
134gán-nun-gán-nun-ba sìr-kug nam-šub tuku-a-ba [27]
135nam-šub-^{d}Nu-dím-mud-da-ke$_4$ [28] e-ne-ra dug$_4$-mu-na-ab
136ud-ba muš nu-gál-àm[29] gír nu-gál-àm [29]
137ka nu-gál-àm ur-maḫ nu-gál-àm [29]
138ur-zír ur-bar-ra nu-gál-àm [29]
139ní-te-gá su-zi-zi-i nu-gál-àm [29]
140lú-lu$_6$ gaba-šu-gar nu-tuku [30]
141ud-ba kur-Šubur [ki-Ḫa]-ma-zi
142eme-ḫa-mun KI.EN.GI kur-gal-me-nam-nun-na-ka
143ki-uri kur-me-te-gál-la
144kur-MAR.TU ú-sal-la-ná-a
145an-ki-nigín-na ukù-sag-sig$_{10}$-ga
146^{d}En-líl-ra eme-aš-àm ḫé-en-na-da-[si-il]
147ud-ba a-da-en a-da-nun a-da-luga[l]
148^{d}En-ki a-da-en a-da-nun a-da-lug[al]
149a-da-en-ne a-da-nun-ne a-da-lu[gal-ne]
. . . . . .
157mìn-kam-ma-šè en-e kin-gi$_4$-a-kur-šè-du-úr
158Aratta^{ki}-aš inim mu-na-ab-daḫ-e
159kin-gi$_4$-a gíg-ù-na-ka im-diš-gim šèg-gá
160an-ne-gán-ka im-gaba-gim zig-ga
161kin-gi$_4$-a inim-lugal-la-na-ke$_4$ sag-kéš ba-ši-in-ag [31]
162gíg-ù-na-ka mul-àm im-du
163an-ne-gán-ka ^{d}Utu-an-na-ta mu-un-dè-du
164inim-gal-^{d}Inanna-gi-zú-lum-ma-na me-a mu-na-ab-tùm
165ḫur-sag-GÀM(?)-šè bí-in-e$_{11}$-dè
166ḫur-sag-GÀM(?)-ta im-ma-da-ra-ab-e$_{11}$-dè
167Šušan^{ki}(?)-e kur-An-ša$_4$-an^{ki}-a-šè
168nar-tur-gim ka-šu mu-na-ab-gál
169ḫur-sag-gal-gal IM.BA.LU.A
170saḫar-ra mu-na-da-nigin [32]
171ḫur-sag-í ḫur-sag-àš ḫur-sag-imin-e im-me-ri-bal-bal
172[igi mu-un-í]l Aratta^{ki}-aš ba-te
173[kisal-Aratta]^{ki}-ka gír-ḫúl-la mi-ni-in-gub
174nam-nir-gál-lugal-a-na mu-un-zu
175búr-ra-bi inim-šag$_4$-ga-na bí[33]-ib-bé
176kin-gi$_4$-a en-Aratta^{ki}-ra [34] mu-na-ab-bal-e

---

[25] E после -mud- дает -e-.
[26] E : -šè вместо -la-ke$_4$.
[27] E : -bi.
[28] E: -kam вместо -ke$_4$.
[29] C вставляет -la- перед -àm; E дает -la вместо -àm, во всех строках, кроме стк. 139.
[30] C добавляет -àm.
[31] I : ba-ni-in-gar.
[32] I добавляет -e.
[33] I, вероятно, дает im-[me]-.
[34] I отпускает -ra.

177a-a-[z]u lugal-mu mu-e-ši-in-gi$_4$-in[35]-nam
178[en-Unug^{ki}]-ga en-Kul-aba^{ki}-a-ke$_4$ mu-e-ši-in-gi$_4$-nam
179lugal-za dug$_4$-ga-ni nam-mu daḫ-a-ni nam-mu
180lugal-mu a-na bí-in-dug$_4$ a-n[a bí-in-daḫ]-àm
181lugal-mu ù-tud-da-ni-ta men-na túm-ma
182en-Unug^{ki}-ga muš-sag-kalag-KI.EN.GI-ra kur-KU-gim dug$_4$-dug$_4$
183šeg$_9$-bar kur-bàd-da á-nun-gál
184tùr-za [36] maš naga-kug-ga dubbin ....-e
185áb-zid-da kur-šag$_4$-ga-tud-da
186En-me-er-kár-dumu-^{d}Utu-ke$_4$ mu-e-ši-in-gi$_4$-nam
187lugal-mu na-ab-b[é-]a
188uru-ni KAS-sag^{mušen}-gim giš-bi-ta [n]a-ra-a[b-dal-en]
189mušen-gim gùd-ús-sa-bi-a na-an-bi-i[b-d]al-[le(?)]-en
190ki-lam-gál-la-gim na-an-si-ge-en
191uru-gul-gul-lu-dè(!) na-an-bí-[ib-ḫa-za]-en
192Aratta^{ki} á-dam^{d}En-ki-ke$_4$ nam ba(?)-an(?)-tar
193ki bí-in-gul-la-gim ki(?) nam-ga-bí-ib-gul-en
194eger-bi ^{d}Inanna ba-ši-in-zi
195inim im-mi-in-ra-e$_{11}$ im-mi-in-gi$_4$
196saḫar bí-in-su-a-gim saḫar na-an-ga-bí-ib-su-su-un
197guškin ù-tud-da-ba .... a-ba-ni-in-ag
198kug-me-a saḫar-ba zag ù-ba-ni-in-ús
199kug-sag-PA-TÚG ù-mu-un-dím-dím
200anšu-kur-kur-ra-ke$_4$ barag um-mi-in-lá-lá
201é-a-KU-àm-^{d}En-líl-bàn-da-KI.EN.GI-ra-ke$_4$
202en-^{d}Nu-dím-mud-e šag$_4$-kug-ge-pàd-da
203kur-me-sikil-la-ke$_4$[37] ḫa-ma-dù-e
204^{giš}TÚG-gim ḫi-li ḫa-ma-ab-ag
205^{d}Utu-gán-nun-ta-è-a-gim si-mùš ḫa-ma-ab-si$_4$-si$_4$
206[zag-d]u$_8$-zag-du$_8$-bi urì ḫa-ma-mul-e
207[gán-nun-gán-n]un-ba sìr-kug nam-šub tuku-a-ba [38]
208[nam-šub-^{d}Nu]-dím-mud-[da-kam e-ne]-ra dug$_4$-[mu-na-ab]
209a-na ma-ab[39]-bé-en-na-bi [ú-mu-e-dug$_4$]
210a-ru-a su$_6$-^{na_4}-za-gìn-[sud-da-ar]
211áb-kal-la-ga-ni kur-me-sikil-la-ka [tud-da-ar]
212saḫar-Aratta^{ki}-ka[40] á-è-[a-ar]
213amaš-áb-zid-da-ka ga-kú-[a-ar]
214Kul-aba^{ki}-kur-me-gal-gal-la-ka nam-en-na túm-ma
215En-me-er-kár-dumu-^{d}Utu-ra [41]
216inim-bi èš-É-an-na-ka inim-dùg ga-na-ab-dug$_4$
217gi$_6$-pàr-^{giš}teḫe-gibil-gim-gurun-íl-la-na
218lugal-mu en-Kul-aba^{ki}-ra šu-a [42] ga-mu-na-ab-gi$_4$
219ḫur-gim ḫu-mu-na-ab-bé-a-ka
220kin-gi$_4$-a lugal-zu en-Kul-aba^{ki}-a-ra ù-na-dug$_4$ ù-na-dè-daḫ
221 mà-e-me-en en šu-sikil-la-túm-ma
222giš-lugal-an-na nin-an-ki-a-ke$_4$

---

[35] K опускает -in-.
[36] В варианте K стоит sipa-ganam вместо tùr-za.
[37] Вариант E дает -šè (?) вместо -ke$_4$.
[38] Вариант C, очевидно, дает -bi вместо -ba.
[39] E опускает -ab-.
[40] E и K опускают -ka.
[41] H дает -ke$_4$ вместо -ra
[42] K опускает -a.

223in-nin$_7$ me-šár-ra kug-^{d}Inanna-ke$_4$
224Aratta^{ki}-kur-me-sikil-la-šè ḫu-mu-un-túm-en
225kur-ra ^{giš}ig-gal-gim igi-ba bí-in-tab-en
226Aratta^{ki} Unug^{ki}-šè gú a-gim ì-gá-gá
227Aratta^{ki} Unug^{ki}-šè gú-gá-gá nu-gál e-ne-ra dug$_4$-mu-na-ab
228ḫur-gim ḫu-mu-na-ab-bé-a-ka
229kin-gi$_4$-a en-Aratta^{ki}-ra mu-na-ni-ib-gi$_4$-gi$_4$
230nin-gal-an-na[43] me-ḫuš-a u$_5$-a
231ḫur-sag-kur-ZA [44].MÙŠ-ka dúr-gar-ra
232barag$_4$ kur ZA.[44]MÙŠ-ka še-er-ka-an-dug$_4$-ga
233en lugal-mu šubur-a-ni-im
234^{d}Nin-É-an-na-ka [45] mu-na-ni-in-tur-re-eš [46]
235en-Aratta^{ki} gú ki-šè [47] ba-ni-in-gál [48]
236sig$_4$-Kul-aba^{ki}-a-ka ḫur-gim ḫu-mu-na-ab-bé-en [49]
237ud-bi-a [50] en-e šag$_4$ mu-un-sìg zi mu-un-ir-ir
238gaba-ri nu-mu [51]-da-gál gaba-ri ì-kin-kin
239 gìr-ní-te-a-na-ka igi-lib-ba bí-in-gaba-ru gaba-ri ì[52]-pàd-dè
240gaba-ri in[53]-pàd inim im-ta-an-è [54]
241kin-gi$_4$-a inim-ma gaba-ri-bi
242gud-gim gù-nun mu-un-di-ni-ib-bé [55]
243[kin-gi$_4$-a lugal]-zu en-Kul-aba^{ki}-a-ra ù-na-dug$_4$ ù-na-dè-daḫ
. . . . . .
249Aratta^{ki}-a ír-...
250a bal-bal-àm zíd dub-dub-ba-àm
251kur-ra siskur-siskur-a-ra-zu-a [56] ka-šu-gál-la-àm
252lú-í nu-me-a lú-u nu-me-a
253Unug^{ki}-zig-ga ḫur-sag-?-šè sag a-gim ì-gá-gá
254lugal-zu ^{giš}tukul-ke$_4$(?) sag ḫa-ba-an-sum
255mà-e a-da-man-na sag g[a-b]a-an-sum
256a-da-man nu-um-zu ur [nu-um-kú]
257gud-dè gud-da gál-bi [nu-um]-zu
258[a-da-ma]n um-zu ur um-[kú]
259[gud-d]è gud-da gál-bi um-z[u]
260 ... a-da-man mi-ni-in-KÍD-KÍD-an
261 . . . . . .
262 ..-NE in-ga-mu-ni-in-KÍD-KÍD-an
263 .. -ma-šè kin-gi$_4$-a inim mu-ra-bé-en [57]
264 .. -dé-a ša-ra-ab-galam-e-en du-a [58] ḫé-mu-e-ši-díb [59]

[43] J:-^{d}Inanna вместо -an-na.
[44] J опускает ZA.
[45] J опускает детерминатив и дает -ra вместо -ka.
[46] A и P дают mu-un-di-ni-ib- вместо mu-na-ni-in-, кроме того, J опускает -eš.
[47] J, N и O опускают -šè.
[48] J : ì-gál; N : ì-in-gál.
[49] J и N опускают -en.
[50] J : ḫur-šè-àm вместо ud-bi-a.
[51] J вставляет -un-.
[52] J : im-, K дает in- вместо ì-.
[53] P дает ì- вместо in-.
[54] K : im-da-an-gál.
[55] K : mu-na- вместо mu-un-di-.
[56] E отпускает -a.
[57] E опускает -en.
[58] E : dù-.
[59] É : ḫu-mu-ši-dib.

É-an-na pirìg šu ba-ná-a
šag$_4$-bi-ta gud [60] gù-nun-di-dam
gi$_6$-pàr-^{giš}teḫe-gibil-gim gurun-íl-la-na
lugal-zu en-Kul-aba^{ki}-a-ra šu-a gi$_4$-mu-na-ab [61]
ḫur-sag ur inim-galam-sig$_9$-ga-àm
^{d}Usán-na é-bi-šè du-gim [62]
igi-bi-ta BAD lá-lá-e[63]-gim
^{d}Nanna si-bàd-na maḫ-a-gim
sag-ki-bi me-lám-gál-la-gim
giš-gim kur-kur-ra gib-ba-gim
sag-mùš-Aratta^{ki}-ke$_4$ [64]
^{d}Lama-šag$_5$-ga-kur-me-sikil-la-šè [65]
ud-da Aratta^{ki} aga-kug-an-na-gim si mu-na-an-sá [66]
mà-e ud-ba nam-maḫ-mu ga-an-zu [67]
še barag-ga nam-mu-un-si-si-ig-ge mar-e nam-mar(!)[68]-e
še-bi kur-kur-ra nam-íl-e [69]
erén-na mu[70]-un-ku$_5$ nam-mu-un-gá-gá
še sa-al-kad$_5$-e ù-mu-ni-in-si-si
anšu-barag-lá-e [71] um-mi-in-lá
anšu-bal-e da-bi-a a-ba-an-sum
tukum-bi kisal-Aratta^{ki}-ka gur$_7$-šè mu [72]-dub-ba
ni-ge [73]-àm dub-bi gur$_7$-a ḫi-li-bi
kur-kur-re [74] izi-gar-ra-bi á-dam me-te-bi [75]
bàd-imin-e še-er-ka-an-dug$_4$-ga
nin ur-sag mè-a túm-ma
^{d}Inanna ur-sag mè-saḫar-ra-[76]ka sag-ešemén [77]-di-dam
ni-ge-en-Aratta^{ki} ur (?) lú(?)-sar [78] šu-ta um[79]-ta-ri
mà-e ud-ba ša-ba[80]-na-gam-e-dè-en
e-ne nam-maḫ-a-ni ši-im-ma-an-zu-zu-un
uru-gim nam-tur-mà [81] gú ši-im-ma-gá-gá-an e-ne-ra dug$_4$-mu-na-ab

[60] E опускает gud.
[61] E : gi-na-ni-ib.
[62] E : ....^{d}Utu é-bi-è-gim.
[63] E и J опускают -e-.
[64] E : -ka.
[65] E и M : -ka вместо -šè.
[66] E опускает -na-an-.
[67] E опускает -an-.
[68] J : -ma-.
[69] J : na-àm- вместо nam-.
[70] J опускает mu-.
[71] J опускает -e.
[72] J вставляет -un-.
[73] J добавляет -en.
[74] J : -ra.
[75] J добавляет -im к последнему слову этой строки.
[76] J : дает -a- вместо -ra-.
[77] J добавляет -šè. K, по-видимому, дает вариант написания для ešemén в виде KI. A. NE-[^{d}INANNA].
[78] J добавляет -gim.
[79] J : im-.
[80] J вставляет -un-.
[81] J : -mu

295ḫur-gim ḫu-mu-na-ab-bé-[a-ka] [82]
296kin-gi$_4$-a en-Aratta^{ki}-ke$_4$
297ka-zal-gim inim ka-na ba-an-sum
298SUN-gim ḫaš-a-na mu-un-gur
299 nim-saḫar-ra-gim tir-ud-zal-le-na mu-un-du
300 sig$_4$-Kul-aba^{ki}-ka gìr-ḫúl-la mu-ni-in-gub
301 kisal-maḫ-e kisal-gú-en-na-ka kin-gi$_4$-a ì-íb-búr [83]
302lugal-a-ni-ir en-Kul-aba^{ki}-[ra]
303ka-zal-gim šu mu-na-an-gi$_4$
304gud-gim inim mu-na-an-sum
305gud-ri-ri[84]-gim geštúg mu-na-an-[sum]
306lugal-e zag-zid-da-ni-dè im-im-in-t[uš]
307zag-gub-bu-ni im-ma-ni-in-gi$_4$
308ni-ge-en-Aratta^{ki}?-sum-ma im-ma-zu im-me
309ud im-zal ^{d}Utu im-ta-è-a-ra
310^{d}Utu kalam-ma-ka sag nu-un-íl
311lugal-e ^{íd}Idiglat ^{íd}Buranun-bi-d[a] im-ma-da-an-tab
312^{íd}Buranun-na^{íd}Idiglat-da im-ma-da-an-tab
313bur-gal-gal an-ne ba-sú[g]-súg^{ug}
314bur-tur-tur sila$_4$-ú-šim-díb-gim zag-bi-a im-ma-an-ús
315bur-i-gi$_8$ [85] an-na da-bi-a ba-súg^{ug}
316lugal-e eš-da-guškin-ga-ke$_4$
317En-me-er-kár-dumu-^{d}Utu-ke$_4$ dùg mu-un-bad-bad-du
318ud-bi-a dub i-gi$_8$ [85]-im me-a ^{gi}gag-unken-na
319alan-guškin-ga ud-dùg-ga tud-da
320dingir ^{d}Nidaba sig$_7$-ga ki(!)-sikil tud-da
321^{d}Nidaba nin-geštúg-dagal-la-ke$_4$
322É-geštúg-^{d}Nidaba-kug-ga-ni ig mu-na-an-kíd
323é-gal-An-na-ka[86] tur-ra-ni gestúg mu-un-gá-gá
324en-e gán-nun-maḫ-a-ni ig ba-an-kíd
325^{giš}lí[87]-id-ga-maḫ-a-ni ki [ba-an]-ús
326lugal-e še-ta še-libir-ra-ni ba-ra-an-[è]
327bulùg ki-šár-ra a ba-ni-in-...
328 ... bi ú-ki-kalag ...
329sa-al-kad$_5$-e igi im-mi-in-tur-tur
330še-gur$_7$ KA i-ni-in-si KA bur$_5^{mušen}$-e[88] bi[89]-in-daḫ
331anšu-barag-lá-e um-mi-in-lá
332anšu-bal-e [90] da-bi-a ba-an-sum
333lugal-en-geštúg-dagal-la-ke$_4$
334en-Unug^{ki}-ga en-Kul-aba^{ki}-ke$_4$
335ḫar-ra-an-Aratta^{ki}-ke$_4$ si bí-in-sá
336nam-lú-lu$_6$ kiši$_6$-ki-in-dar-ra-gim
337Aratta^{ki}-aš ní-ba mu-un-súb-bé-eš
338en-e kin-gi$_4$-a kur-šè du-úr
339Aratta^{ki}-aš inim mu-na-ab-daḫ-e

---

[82] Эта строка в варианте J опущена.
[83] J : -im.
[84] J : -ra-ra-a вместо -ri-ri-.
[85] P : -igi- вместо -i-gi$_8$-.
[86] J : -ke$_4$.
[87] J дает li- вместо ^{giš}lí-.
[88] J опускает знак mušen и дает -bi вместо -e
[89] J : i-ni- вместо bi-.
[90] J опускает -e.

340kin-gi$_4$-a en-Aratta^{ki}-ra ù-na[91]-dug$_4$ ù-na-dè-daḫ
341gidri-mà úr-bi me-nam-nun-na-ka
342gidri-bi Kul-aba^{ki}-a[92] an-dùl-eš ì-ag[93]
343gidri-mul-mul-la-bi èš-É-an-na-ke$_4$ [94]
344kug-^{d}Inanna-ke$_4$ ní im-ši-ib-te-en-te
345gidri um-ta-an-KÍD [95] ḫu-mu-un[96]-gál
346^{na_4}gug giš-aš ^{na_4}za-gìn giš-aš-gim šu-ni-a ḫu-mu-un-gál [97]
347en-Aratta^{ki}-ke$_4$ igi-mu-šè ḫu-mu-un-túm [98] e-ne-ra dug$_4$-mu-na-ab
348ḫur-gim ḫu-mu-na-ab-bé-a-ka
349kin-gi$_4$-a Aratta^{ki}-aš du-ni
350saḫar-kaskal-la gìr-ni mu-un-si
351na$_4$-tur-tur-ḫur-sag-gá-ke$_4$ [99] suḫ-suḫ mu-un-da-ab-za
352ušum-gal eden-na ba-kin-gá-gim gaba-ri nu-mu-ni-in-tuku
353kin-gi$_4$-a Aratta^{ki}-aš um-ma-te-a-ra
354nam-lú-lu$_6$-Aratta^{ki}-ke$_4$
355anšu-barag-lá-e u$_5$-di-dè im-ma-súg-súg-ge-eš
356kin-gi$_4$-a kisal-Aratta^{ki}-ka [100]
357še-gur$_7$ KA bí-in-si KA bur$_5^{mušen}$-e [101] bí-in-daḫ
358šeg$_7$-a-an-na ud-gál-la-gim
359Aratta^{ki} ḫé-gál-la [102] ì-dù [103]
360 AN.TUŠ-bi-a ba-da-ab-gi$_4$-a-gim
361Aratta^{ki} šag$_4$-gar-ra-ni àm-lá-[lá]
362nam-lú-lu$_6$-Aratta^{ki}-[ke$_4$]
363bulùg-a-si-ga-na a-šag$_4$ mu-ni-...
364eger-ba rá-gaba šag$_4$ ...
. . . . . .
371en-Unug^{ki}-ga-ra šu-ni i-im-...
372me-en-dè sù-ga lul-la-b[i-šè]
373en Kul-aba^{ki}-a-ra ^{na_4}gug-lu[l-la-me-a] ga-mu-na-ku-ru-dè-en-dè-e[n]
374ab-ba-ab-ba-inim-zu-ne
375šu ur-a bí-ib-ri ... zag é-gar$_8$-e bí-ib- ...
376en-ra é-sikil-bi ḫu-mu-un-gá-gá
377 . . . . . DU DU šag$_4$ é-...
378[búr-ra-bi inim-šag$_4$-ga]-na bí-[ib-bé]
379[a-a-zu lugal-mu] mu-e-ši-i[n-gi$_4$-in-nam]
380[En-me-er-k]ár-du[mu]-^{d}U[tu-ke$_4$] mu-e-ši-in-gi$_4$-nam
381lugal-zu dug$_4$-ga-ni nam-mu daḫ-[a]-ni [nam]-mu
382lugal-mu a-na b[í-i]n-dug$_4$ a-na [bí-in-daḫ-à]m
383gidri-mà úr-bi me-n[am]-nun-n[a-k]a
384gidri-bi Kul-aba^{ki}-a a[n-dù]l-eš ì-ag
385gidri-mul-mul-[la-bi] èš-É-an-na-[k]e$_4$

---

[91] J вставляет -a-.
[92] J опускает -a.
[93] J опускает ì-.
[94] J : -ka.
[95] B варианте A знак между -ta- и KÍD не -an-.
[96] J вставляет -da-.
[97] J опускает -un-.
[98] J : ḫu-un-tùm.
[99] J : -ka.
[100] J : -ke$_4$.
[101] J опускает mušen и дает -bi вместо -e.
[102] J : -àm вместо -la.
[103] J вставляет -ni-.

386kug-^{d}Inanna-ke$_4$ ní im-ši-ib-te-en-te
387gidri um-ta-?-KÍD ḫu-mu-u[n-d]a-gál
388^{na_4}gug giš-aš ^{na_4}za-gìn giš-aš-gim šu-ni-a ḫu-mu-un-gál
389en-Aratta^{ki}-ke$_4$ igi-mu-šè ḫu-mu-un-túm mà-a-ra ḫa-ma-an-dug$_4$
390ḫur-gim ḫu-mu-na-ab-bé-a-ka
391nam-bi-šè saḫar-ra ka ba-an-tu šag$_4$ inim-tab-ba ba-an-ná [104]
392ud im-zal inim im-dùg-dùg-dùg [105]
393inim ka-šè nu-gar-ra im-me
394inim-ma še-anšu-kú-a-gim gìr mi-ni-ib-nigin-e
395ì-bi-šè lú lú-ù-ra a-na na-an-dug$_4$
396lú lú-ra aš a-na na-an-daḫ
397lú lú-ra in-na-ab-bé-a ḫur ḫé-en-na-nam-ma-àm
398kin-gi$_4$-a lugal-zu en-Kul-aba^{ki}-ra [ù]-na-a-dug$_4$ ù-na-dè-daḫ
399gidri giš nam(?)-me mu giš na-an-sa$_4$-sa$_4$
400 ..... šu-na um-ma-ni-in-gar igi um-ši [106]-bar-bar
401^{giš}a-am nam-me ^{giš}šim-gig nam-me
402^{giš}eren nam-me ^{giš}šu-úr-me nam-me [107]
403^{giš}ḫa-šu-úr [nam-me ^{giš}TÚG na]m-me
404^{giš}esi nam-me [^{giš}... nam-me]
405^{giš}A-TU-GAB-LIŠ ^{giš}gigir-ra nam-me
406^{giš}KID-da ^{giš}SUḪUR-na [108] nam-me
407guškin nam-me urudu nam-me
408kug-me-a-zi kubabbar nam-me
409^{na_4}gug nam-me ^{na_4}za-gìn nam-me
410gidri um-ta-?-KÍD ḫu-mu-un-da-gál
411^{na_4}gug giš-aš ^{na_4}za-gìn giš-aš-gim šu-ni-a ḫu-mu-un-gál
412en-Kul-aba^{ki}-a-ke$_4$ igi-mu-šè ḫu-mu-un-túm [109] e-ne-ra dug$_4$-mu-na-ab
413ḫur-gim ḫu-mu-na-ab-bé-a-ka
414kin-gi$_4$-a dùr^{úr}-si-?-kud-du-gim ka-si-il-la [110] mu-un-túm
415anšu-eden-na-bar ím-ma ím-di-gim gìr ì-tag-tag-e
416ka-ni im-a bí-ib-zi-zi-zi [111]
417udu-sig-sud udu-... -du$_7$-du$_7$-gim du$_{10}$-ús-[a]š(?) mu-un-díb
418sig$_4$-Kul-aba^{ki}-a-ka gìr-ḫúl mi-ni-in-gub
419lugal-a-ni en-Kul-aba^{ki}-a-ra
420inim-inim-ma mu-na-ra-si-si
421En-me-er-kár-ra ^{d}En(?)-ki(?)-ke$_4$ geštúg mu-na-a[n-su]m
. . . . . .
428ud-ta gissu-šè àm-è-e
429gissu-ta ud-šè àm-è-e
430mu-i-àm mu-u-àm ba-zal-[la]-ri
431^{gi}su-lim-ma tun-gim bi-in-gaz
432en-e igi-ḫúl-la im-ši-in-bar
433NI.LI.NI.NI kur-ZA.MÙŠ-a-ka sìg-ga [112] i-ni-in-dé

[104] J опускает -an-.

[105] J опускает один DÙG.

[106] J : -mi- вместо -ši-.

[107] В варианте J строки 402—404 читаются следующим образом: $^{[gi]š}$ḫa-šu-úr nam-me ^{giš}šim(?) nam-me $^{[gi]š}$eren nam-me ^{giš}za-ba-lum nam-me $^{[giš]}$su-ur-me na-nam ^{giš}TÚG na-nam.

[108] J: ^{giš}SU-SUḪUR-a.

[109] J : -tùm.

[110] J : -lá.

[111] J вставляет -i- перед последним -zi.

[112] Вариант Q ,если копия верна, дает [geš]túg-gim вместо sìg-ga.

434en-e kin-gi$_4$-a kur-šè du-úr [113]
435gidri šu-na mu-un-na-gá-gá
436kin-gi$_4$-a Aratta^{ki}-aš du-a-ni
437?^{mušen}-gim ḫur-sag-gá nim-gim saḫar-nígin-a
438?^{ku_6}-gim kur-ùr-ùr-ru ... Aratta^{ki}-aš ba-te
439kisal-Aratta^{ki}-ka gìr-ḫúl-la mi-ni-in-gub
440ensí-na mu-un-du
441šu-kin si bí-in-sá-a kin b[i-i]b-ag-e
442en-Aratta^{ki}-ke$_4$ gidri-bi [114] igi-tab-ba
443?-ka ki-tuš-kug-ga-ni-a IM-IM-KÁR-KÁR-ka
444en-e šag$_4$-tam-a[115]-ni-ir gù mu-na-dé-e
445Aratta^{ki} ganam-sig$_{11}$-gim ḫé-im kaskal-bi [kur-k]i-bal ḫé-im
446maḫ-Aratta^{ki} kug-^{d}Inanna-ke$_4$
447en-Kul-aba^{ki}-ra mu-na-an-sum-ma-ta [116]
448lú kin-gi$_4$-a mu-un-gi$_4$-a-ni
449^{d}Utu-è-dè inim-dugud pa-è-dè
450A-DA-AL kug-^{d}Inanna-ke$_4$ igi me-ši-kár-kár [117]
451Aratta^{ki}-a lul-e me-a [118] ḫé-en-dè-dib-e [119]
452al-me-da-aš-šu al-tag-tag-i-a [120]
453me-en-dè sù-ga lul-la-bi-šè
454en-Kul-aba^{ki}-ra ^{na_4}gug lul-la-me-a mu-na-ku-ru-dè-en-dè-en [121]
455en-Aratta^{ki}-ke$_4$ kin-gi$_4$-a-ar
456inim-ma dub-maḫ-gim šu mu-na-an-sum [122]
457kin-gi$_4$-a lugal-zu en-Kul-aba^{ki}-a-ra ù-na-dug$_4$ ù-na-dè-daḫ
458ur na-an-gig-ge ur na-an-babbar-re
459ur na-an-si-e ur na-an-SÍG(?)-e
460ur na-an-sig$_7$-sig$_7$-ge ur na-an-gùn-gùn-gu ur ḫu-mu-ra-ab-sum-mu
461ur-mu ur-ra-ni a-da-man ḫé-im-da-e
462á-gál ḫé-zu e-ne-ra dug$_4$-mu-na-ab
463ḫur-gim ḫu-mu-na-ab-bé-a-ka
464kin-gi$_4$-a ú-lum a-lam mu-un-du
465sig$_4$-Kul-aba^{ki}-ke$_4$ eger-sig$_{10}$-ga-gim inim un-gi$_4$
466?-gim KA-GABA-kur-ra-ka igi mu-ni-ib-íl-íl-i
467 . . . . . .
468En-me-er-kár-dumu-^{d}Utu-ke$_4$ sag mu-ni-in-íl
469..... Aratta^{ki}-ke$_4$.....
470ki-tuš-a-ni-ta a-maḫ-[è-a-gim mu-un-na-ab]-bé
471kin-gi$_4$-a en-[Arat]ta^{ki}-ra ù-na-dug$_4$ ù-na-dè-daḫ
472túg na-an-gig-ge tùg na-an-babbar-re
473túg na-an-si-e túg na-an-SÍG(?)-e
474túg na-an-sig$_7$-sig$_7$-ge túg na-an-gùn-gùn-gu túg ḫu-mu-ra-ab-sum-mu
475ur-m[u ur-ig]i-gál-[la ^{d}En-lí]l-lá ur šu ga-mu-na-šub
476ur-mu ur-ra-ni a-da-man ḫé-im-di-e

---

[113] Q: -ra вместо -úr.

[114] Предлагаемое С. Н. Крамером и Р. Жестэном чтение gidri-ta сомнительно, так как в тексте ясно виден знак -bi.

[115] Q дает -ma вместо -a-.

[116] Возможно, перед mu- стояло ù-.

[117] Q дает mu-e- вместо me-.

[118] Q : ma-e.

[119] Q : ḫé-bí-ib-dib-e.

[120] Q : al-BU-BU.

[121] Q : gú mu-na-ab-du$_8$-dè-en.

[122] Q : -gar вместо -sum.

477á-gál ḫé-zu-zu e-ne-ra dug_4-mu-na-ab
478min-kam-ma-šè ù-na-dug_4 ù-na-dè-daḫ
479én-tukum-šè lul-da li-a ḫé-ni-ib-dib-e
480uru-na udu-gim .... ḫu-mu-un-súb-bé-e[š!]
481e-ne sipa-bi-gim eger-bi ḫé-im-ús-e
482du-a-ni kur-kug-^{na_4}za-gìn-na
483gi-níg-dub-ba-gim gú ḫu-mu-na-ab-gar
484guškin k[ub]abbar sud-du-ág-bi
485^{d}Inanna nin-É-an-na-ra
486kisal-Arat[ta^{ki}-a-k]a gur_7-šè ḫu-mu-un-dub-dub-bu
487eš-kam-ma-[šè] ù-na-dug_4 ù-na-dè-daḫ
488uru-ni KAS-sag[mušen]-gim giš-bi-ta na-an-tar-da!-da!-an
489 ..... na-an-dúb-bé-en
490[ki-lam-gál-la-gi]m na-an-si-ig-en
491 . .líl-e nam-mi-ni-in-dib-bé-en
492du-a-ni na_4-ḫur-sag-gá šu ù-mu-ni-in-ti
493èš-gal-$Eredu^{ki}$? gán-nun ḫa-ma-dù-e
494a-SAL-bar-bi IM-..-ra šu [ḫa-ma-ni]-ib-tag-tag-e
495gissu-bi kal[am-ma] [ḫa-ma]-ni-ib-lá-lá-e
496inim-dug_4-ga-ni ...-[g]i_4-a-ka
497izkim-a-ni [e-ne-ra] dug_4-mu-na-ab
498ud-ba en(?) ....-àm
499 ..... dúr-gar-ra numun-nun-na-ke_4-ne
500 .....DIŠ-a-mú-a
501dug_4-ga-ni ...-àm $šag_4$-bi su-su-a-àm
502kin-gi_4-a inim ì-dugud šu nu-mu-un-da-an-gi_4-gi_4
503kin-gi_4-a inim ì-dugud šu nu-mu-un-da-an-gi_4-gi_4-da-ka [123]
504en-Kul-aba^{ki}-a-ke_4 im-e šu bi-in-ra inim dub-gim b[í-i]n-gub
505ud-bi-ta inim im-ma gub-bu nu-ub-ta-gál-la
506ì-bí-šè ^{d}Utu ud-dè-a ḫur ḫé-en-nam-ma-àm
507en-Kul-aba^{ki}-a-ke_4 in[im dub-gim b]í-in-gub ḫur ḫ[é-en]-nam-ma
508kin-gi_4-a mušen-gim á-dúb ì-ag-e
509ur-bar-ra maš-e ús-sa-gim $guru_5$-uš ì-búr-búr-re
510ḫur-sag-í ḫur-sag-àš ḫur-sag-imin im-me-re-bal-bal
511igi mu-un-íl $Aratta^{ki}$-aš ba-te
512kisal-$Aratta^{ki}$-ka gìr-ḫúl-la mi-ni-in-gub
513nam-nir-gál-lugal-a-na mu-un-zu
514búr-ra-bi inim-$šag_4$-ga-na bi-íb-bé
515kin-gi_4-a en-Ar[at]ta^{ki}-ra mu-na-ab-bal-e
516a-a-zu lugal-[mu] mu-e-ši-in-gi_4-in-nam
517en-$Unug^{ki}$-g[a e]n-Kul-aba^{ki}-a-ke_4 mu-[e-ši]-in-gi_4-in-nam
518lugal-zu du[g_4-ga-ni] nam-mu daḫ-a-ni nam-mu
519lugal-mu [a-na bí-i]n-dug_4 a-na bí-in-daḫ-àm
520lugal-mu .... dumu-^{d}En-líl-lá-ke_4
. . . . . .
524nam-en nam-lugal-la pa-è-ag-a [124]
525En-me-er-kár-dumu-^{d}Utu-ke_4 im ma-an-sum
526en-$Aratta^{ki}$-ke_4 im igi ù-ni-bar [125] $šag_4$-inim-ma ù-bi-zu [126]
527a-[n]a ma-ab-bé-en-na-bi ù-mu-e-dug_4
528a-ru-a su_6-^{na_4}za-gìn-sud(?)-da-ar

---

[123] S : -kam.
[124] T : -àm.
[125] Вариант T вставляет -in-.
[126] T вставляет -in-.

529áb-kalag-ga-ni kur-me-sikil-la-ka tud-da-ar
530[sa]ḫar-Unug^{ki}-ga-ka á-è-a-ar
531amaš-áb-zid-da-ka ga-kú-a-ar
532Kul-aba^{ki} kur-me-gal-gal-la-ka nam-en-na túm-ma-ar [127]
533En-me-er-kár-dumu-^{d}Utu-ra
534inim-bi èš-É-an-na-ka inim-dùg ga-mu-na-ab-dug$_4$[128]
535gi$_6$-pàr-^{giš}teḫi-gibil-gim gurun-íl-la-na
536lugal-mu en-Kul-aba^{ki}-ra šu-a ga-mu-na-ab-gi$_4$
537ḫur-gim ḫu-mu-na-ab-bé-a-ka [129]
538en-Aratta^{ki}-ke$_4$ kin-gi$_4$-a [130]
539im-šu-rin-na-ni šu ba-ši-in-ti
540en-Aratta^{ki}-ke$_4$ im-ma igi i-ni-in-bar [131]
541inim-dug$_4$-ga gag-àm sag-ki gíg-rí-da-àm
542en-Aratta^{ki}-ke$_4$ im-šu-rin-na-ni igi im-bar-bar-re
543ud-ba nam-en-na túm-ma dumu-^{d}En-líl-lá-ke$_4$
544^{d}Iškur an-ki-a gù-nun-bé di-dam
545ud-du$_7$-du$_7$ pirìg-gal .....-ka nam-mi-ni-in-gub
546kur-kur ..... mu-un-tuk$_4$-tuku$_4$-e
547ḫur-sag ..... mu-un-da-ḫa-ḫa-e
548ní-me-lam? ..... gaba-na gál-la-bi
549ḫur-sag-ka-zal-la sag mi-ni-in-íl
550Aratta^{ki} bar-ḫáda-bi šag$_4$-ḫur-sag-gá-ka
551gig ní-bi mú-a gú ní-bi an-ga-mú-a
552gig ní-bi mú-a gur$_7$ ....-ka
553en-Aratta^{ki}-ra mu-na-ni-in-tur-[tur]
554kisal-Aratta^{ki}-a-ka igi-ni-šè i-im-dub(?) [132]
555en-Aratta^{ki}-ke$_4$ gig-e igi bí-in-du$_8$
556kin-gi$_4$-a igi ugul-ugul-a-ni mu-un-ši-ib-?-?-e
557en-Aratta^{ki}-ke$_4$ kin-gi$_4$-a-ar gù mu-un-na-dé-e
558maḫ-bi ^{d}Inanna-nin-kur-kur-ra-ke$_4$
559é(?)-ni Aratta^{ki} šu li-bí-in-dag [133] Unug^{ki}-e la-ba-an-dug$_4$
560é-za-gìn-na-ka-ni šu li-bi-in-dag èš-É-an-na-ka la-ba-an-dug$_4$
561kur-me-sikil-la-ka šu li-bi-in-dag sig$_4$-Kul-aba^{ki}-a-ke$_4$[134] la-ba-an-dug$_4$
562^{giš}nàd še-er-kán-ka šu li-bí-in-dag ^{giš}nàd-gi-rin-na la[135]-ba-an-dug$_4$
563en-ra šu-sikil-la-ka-ni šu li-bí-in-dag en-Unug^{ki}-ra en-Kul-aba^{ki}-a-ra la[135]-ba-an-dug$_4$
564Aratta^{ki} zid-da-gùb-bu-ba [136]
565^{d}Inanna-nin-kur-kur-ra-ke$_4$
566a-maḫ-è-a-gim mu-un-na-nigin
567lú-bi-ne lú lú-ta dar-a
568lú ^{d}Dumu-zid-dè lú-ta è-a-me-eš
569inim-kug^{d}-Inanna ki-bi-šè gar-gar-me-eš
570ur-igi-gál-la? ... ^{d}Dumu-zid-da ḫé-ši-im-?
. . . . . .
572 ..... a-ma-ru-ka gub-ba-me-eš

---

[127] T опускает -ar.
[128] T дает ошибочно dug$_4$-mu-na-ab.
[129] T вставляет -e- перед -a-.
[130] T добавляет -ar.
[131] T опускает i-ni-.
[132] S опускает i-.
[133] S в этой строке и в последующих дает -kalag вместо -dag.
[134] S : -ka вместо -a-ke$_4$.
[135] S вместо la- дает šu-.
[136] S : -bi

573 à-a-ma-ru ba-ùr-ra-ta
574 ^{d}Inanna nin-kur-kur-ra-ke$_4$
575 nam-gal-ki-ág-^{d}Dumu-zid-da-ke$_4$
576 a-nam-tìl-la-ka mu-un-ne-sù-sù
577 gú-kalam-ma-ka giš(?) mu-un-ne-en-gál
578 ur-igi-gál-la du-a-ni
579 ^{túg}sag-šu-dar-a ugu-na i-im-šú
580 ^{túg} pirìg-pirìg-gá zag mu-ni-in-kéš
. . . . . .
585 ..... ^{d}Inanna .....
586 li-du-ni ^{d}Ama-uš[umgal-an-na] ...-a-na ba-dùg
587 ud-bi-ta geštug-kug geštug .... ^{d}Dumu-zid-da-ke$_4$
588 šu mu-ni-in-du$_7$ ezen mu-[ni-in]-... inim mu-ni-in-zu
589 um-ma kur-me-sikil-la-šè du-a-ni
590 ki-sikil ud-da-na til-la-gim im-ma-na-ta-è
591 šim-zid-da igi-na mu-un-dar
592 [túg?] babbar-ra zag mu-ni-in-kéš
593 ..... zid-da ud-^{d}Nanna-gim mu-un-è
594 ..... sag si ba-ni-in-sá
595 ... -a-ni En-me-er-kár barag-ge$_4$ mu-un-da-ab-si
596 ... um-mi-in-zi-zi
597 ... [im]-da-dib-dib Aratta^{ki}-aš ganam-da sila$_4$-bi
598 ... [im]-da-dib-dib Aratta^{ki}-aš ùz-da máš-bi
599 ... [im]-da-dib-dib Aratta^{ki}-aš áb-da amar-bi
600 ... [im]-da-dib-dib Aratta^{ki}-aš ..... dùr-GIR$_5$!(?)-bi!
601 ... [Ar]atta^{ki}-a na-an-da-bé-a
602 ... [ḫé]-im-dub-dub gú ḫé-im-gar-gar
. . . . . .
615 ...^{d} En-líl-le sag-eš mu-ré-in-rig$_7$ ... -la-šè(?) ḫé-zu-zu
616 [En-me-er]-kár a-a-ni nu-lam-lam a nu-un-dé
617 ^{d}En-l[íl-lugal-kur]-kur-ra-ke$_4$ ḫu-mu-un-kár-re ní-ba
618 éš-kàr im-ma-an-dù-a-gim
619 nam-lú-lu$_6$ ^{lu}Aratta^{ki}-a-ke$_4$
620 guškin kug ^{na_4}za-gìn bal-ag-dè è....
621 lú-gurun guškin gurun giš gub-bu-dè
622 ^{giš}ma geštin-ba níg-... ba-gim gur$_7$-gal-šè ù(?)-mu-un-dub
623 ^{na_4}za-gìn-a úr-ba mu-un-búr-re-ne
624 ^{gi}ušub pa-ba mu-un-....-e-ne
625 ^{d}Inanna nin-É-an-na-ra
626 kisal-É-an-na-ka gur$_7$-šè mu-un-dub-bu-ne
627 lugal-mu gá-nu na ga-e-ri na-ri-mu ḫé-e-díb
628 inim ga-ra-ab-dug$_4$ gizzal ḫé-[bi]-ag
629 ..... šim-kur-kur-ra kalam-e ù-um-pàd
630 ..... Aratta^{ki}.....
631 ..... me-šè i-im-da-ḪE im-me-dé
632 [m]à-e gú-e-ta du-a-mu-dè
633 ?-mu nin-mul-mul-e ma-an-sum
634 ^{d}Geštin-[an-na] ...
635 uru-ba LÍL ....
636 ezen nu-mu-...
637 ud-šú-uš nam- ...

ЭНМЕРКАР И ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ АРАТТЫ [1]

Перевод

1. Первые строки текста сильно фрагментированы. Судя по [сохранившимся местам, в начале поэмы речь идет об Уруке [2], в котором с давних времен, «после того как были определены судьбы мира», было в изобилии вино и ячмень. Далее, по-видимому, говорится о том, что храмы Урука стали ветхими, но какие-то страны не доставляли необходимые для перестройки камни, бронзу, свинец и т. п.

1 [.....]
2 .... (в) месте решения судеб [...]
3 Урук, гора великая, в [.....]
4 [..] великое святилище Ан[а[3]...]
5 С древних времен, [после того как были определены] судьбы,
6 Урук, Кулаба [4], храм [.....]
7 высокие небесные боги (?) [.....]
8 в изобилии вино был[о,.....]
9 при дожде (?) пятнистый ячмень бы[л,...]
10 в Уруке, в Кулабе [.....]
11 Страна Дильмун [5] [....]
12 «дом Анша[на» [6]....]
13 [«ги]пар» [7] светлый [....]
14 [кирпичи] Кулабы сделались словно растрескавшаяся [земля]
15 [... через горы] не приносят,
16 [.....] мореплавание (?) не совершают,
17 [.... кам]ни, бронзу, свинец, куски лазурита
18 [.... со своих г]ор вместе они не приносят.

. . . . . .

(*Далее текст сильно разрушен и переводу не поддается*).

II. Нужные для Урука строительные материалы имелись в Аратте. Верховного жреца Аратты назначила Инанна, но к нему она не была так благосклонна, как к Энмеркару, верховному жрецу Урука. Энмеркар [обращается с молитвой к Инанне и просит ее о помощи, чтобы заставить людей Аратты принести в Урук горные камни, золото, серебро, лазурит и построить храмы.

28 Инанна верховному жрецу Аратты
29 венец [....] дала,
30 (но) как к верховному жрецу Кулабы, к нему она не была благосклонна.
31 Аратта камень в Эанну [8] по[сылала (?)],
32 для светлой Инанны [....] строила.
33 Тогда верховный жрец, избранный светлым сердцем Инанны,

---

[1] Локализация страны Аратты неизвестна. Судя по тексту поэмы, она находилась где-то в горах восточнее Элама.

[2] Урук — город на юге Двуречья, центр объединения I династии Урука.

[3] Ан — шумерский бог неба.

[4] Кулаба — часть города Урука, первоначально, по-видимому, самостоятельная община.

[5] Страна Дильмун — Бахрейнские острова и прилегающее побережье Восточной Аравии.

[6] Аншан — город в Эламе. «Дом Аншана» — здесь, по-видимому, одно из святилищ Инанны в Уруке. Инанна — богиня любви и плодородия, центром почитания ее был город Урук.

[7] «Гипар» — святилище, в котором живет богиня Инанна. Судя по другим текстам, в «гипаре» жили также жрецы, см. SG,I, стр. 69.

[8] Эанна — храм богини Инанны в Уруке.

34избранный светлым сердцем Инанны из страны Замуш [9] (?),
35Энмеркар, сын Уту [10],
36своей госпоже, владычице [....] доброй,
37светлой Инанне молится:
38«Госпожа моя, Инанна, для Урука (люди Аратты)
39золото и серебро для меня искусно пусть обработают,
40чистый лазурит из кусков [.....],
41электр [11], чистый лазурит, [....],
42в Уруке, светлой горе [.....]
43«дом Анш[ана»], в котором ты обитаешь,
44[.....] пусть построят!
45Середину светлого «гипа[ра», в котором] ты живешь,
46(люди) Аратты для меня пусть украсят!
47Я же в его середине жертву [....] да будут приносить!
48Аратта Уруку пусть для меня поко[рится!]
49Люди Ар[атты]
50горные камни (со) [своей] горы для меня пусть принесут,
51большое святилище для меня пусть построят, большой х[рам] для меня пусть возведут!
52Большой храм, храм [богов для меня пусть] сделают сияющим!
53Мои обряды [в] Кулабе для меня правильно пусть исполняют!
54«Абзу» [12] подобно светлой (голой) горе для меня пусть установят,
55«эреду» [13] подобно (лесистой) горе для меня пусть очистят,
56светлое святилище «абзу» подобно (мировой) бездне для меня искусно пусть сделают!
57Когда же из «абзу» я буду возносить хвалу,
58когда из «эреду» буду исполнять обряды,
59когда подобно [....] расцветет мое достоинство верховного жреца,
60когда я получу светлый венец в Уруке и Кулабе,
61[*что-то*] большого святилища в «гипар» пусть принесут,
62[*что-то*] «гипара» в большое святилище пусть принесут
63[лю]ди о великолепном зрелище пусть говорят,
64(Бог) Уту радостно пусть посмотрит!

III. Инанна соглашается с просьбой Энмеркара и советует ему послать гонца к верховному жрецу Аратты

65[...] радость светлого Ана, мудрая госпожа горы,
66Иннин [14], которая совершила помазание Амаушумгальанны [15],
67Инанна, госпожа всех стран,

---

[9] Возможно, ZA.MÙŠ — написание для Zabalam (ZA.MÚŠ UNU^{ki}) — названия одной из областей (недалеко от Урука), где почиталась богиня Инанна.

[10] Уту - шумерский бог Солнца, отец Энмеркара.

[11] Электр — сплав золота и серебра.

[12] «Абзу» — «пучина, подземные воды», здесь — сосуд, символически изображающий их в храме. Сравнение «подобно горе» связано, по всей вероятности, с тем обстоятельством, что гора у шумерийцев считалась священным местом, ср. SG, I, стр. 127.

[13] Эреду — город, культовый центр шумерийцев, главным богом которого был Энки (бог подземных вод и мудрости); словом «эреду» обозначались также культовые места этого бога в других городах.

[14] Иннин — часто встречающееся имя богини Инанны, см. D. O. E d z a r d, Mesopotamien, Die Mythologie der Sumerer und Akkader, «Wörterbuch der Mythologie», hrsg. von H. W. H a u s s i g, Stuttg. I. Abt., 1. Lief., стр. 81.

[15] Амаушумгальанна — одно из имен Думузи (Таммуза), бога скотоводства, возлюбленного Инанны.

68Энмеркару, сыну Уту, говорит:
69«Энмеркар, давай, я тебя научу, совет мой прими!
70Слово тебе скажу, выслушай!
71Мудрого гонца из [.... после того как ты себе] изберешь,
72великие слова премудрой в речах Инанны как приказ пусть он ему (верховному жрецу Аратты) понесет!
73На сверкающую (?) [16] гору пусть он поднимется,
74со сверкающей (?) горы пусть он спустится,
75Сузам (?) [17] и стране Аншан
76подобно младшему певцу пусть он поклонится!
77Через большие горы.....
78в пыли к нему (к верховному жрецу Аратты) пусть направится!
79Аратта Уруку для тебя (!) пусть (!) покорится!
80Люди Аратты,
81после того как горные камни (со) своей горы принесут,
82большое святилище для тебя пусть построят, большой храм для тебя пусть возведут!
83Большой храм, храм богов для тебя пусть сделают сияющим!
84Твои обряды в Кулабе правильно пусть исполняют!
85«Абзу» подобно светлой (голой) горе для тебя искусно пусть установят,
86«эреду» подобно (лесистой) горе для тебя пусть очистят,
87светлое святилище «абзу» подобно бездне для тебя пусть сделают!
88 Когда же из «абзу» ты будешь возносить хвалу,
89когда из «эреду» будешь исполнять обряды,
90когда [подобно ... расцве]тет твое достоинство верховного жреца,
91когда ты [получишь светлый венец] в Уруке и Кулабе,
92[что-то] большого святилища в «гипар» пусть принесут,
93[что-то «гипара» в бо]льшое святилище пусть принесут,
94[люди] о великолепном зрелище пусть говорят,
95[Уту ра]достно на тебя пусть посмотрит!
96Люди Ар[атты]
97[...] ежедневно [.....]
98[...] утром [.....]
99 в месте Думузи овцу, козленка [.....]
100мощное семя (?), семя (?) чрева Думузи [18]
101подобно горному барану на колени перед тобой пусть встанет!
102Светлой защитой храма, появление которой подобно (восходу) солнца,
103 ..... пусть ты станешь!
104[....] Энмеркар, сын Уту, слава!

IV. Энмеркар избирает гонца, посылает его в Аратту и приказывает передать верховному жрецу Аратты, что он разрушит его город и убьет его самого, если люди Аратты не принесут золота, очищенного серебра и т. п. и не построят храм. Энмеркар велит также гонцу сказать верховному жрецу Аратты заклинание-загадку Нудимму-да (бога Энки).

105Верховный жрец слова [светлой Инанн]ы выслушал,
106мудрого гонца из [....] он избрал.
107«Великие слова премудрой в речах Инанны как приказ пусть ты ему понесешь (!)!
108На сверкающую (?) гору пусть ты поднимешься,

---

[16] См. комментарий к этой строке.

[17] Отождествление идеограммы с городом Сузы предложено А. Фалькенштейном.

[18] Перевод предположительный, в тексте стоит a-kalag-ga a-šag$_4$-^{d}Dumu-zid-da-ka букв. «сильная вода, вода чрева Думузи». По-видимому, речь идет о жителях Аратты покровителем которых был Думузи.

со сверкающей (?) горы пусть ты спустишься,
Сузам (?) и стране Аншан
подобно младшему певцу пусть ты поклонишься!
Через большие горы.....
в пыли к нему (верховному жрецу Аратты) пусть ты направишься!
Гонец, верховному жрецу Аратты скажи и прибавь:
(Жителей) его города как диких голубей с дерева я сгоню,
как птицу в ее гнезде я схвачу их,
как купленного (раба) я убью его (самого).
Прах (Аратты) как в разрушенном городе я соберу [19].
Аратту — население (ее) (бог) Энки проклял.
Место (?) (Аратты) подобно месту, которое разрушают, я разрушу!
Против нее (Аратты) Инанна восстала,
слова́ о[на высказала и от]ветила,
Пр]ах (Аратты) подобно праху, ко[торый собирают, я соберу!
После того как золото у его месторождений (люди страны чистых обрядов) [20] [.....] сделают,
после того как серебро от [его руды] отделят,
после того как серебряную ..... изготовят,
после того как на лоша[дей] [21] корзины привяжут,
храм «....» Энлиля [22], молодца Шумера,
которого светлым сердцем избрал владыка Нудиммуд [23],
(люди) страны чистых обрядов [24] для меня пусть построят,
самшитом красиво пусть отделают,
подобно Солнцу, выходящему из «ганнуна» [25], пусть сделают его сияющим,
все его пороги пусть сделают светлыми!
Во всех ее (Аратты) «ганнунах», в которых поются святые песни и заклинания,
заклинание Нудиммуда ему скажи:
«Когда-то не было змеи и не было скорпиона,
не было гиены и не было льва,
не было собаки и волка,
не было страха и ужаса,
люди не имели соперников.
В те дни гора Шубур (и) [область Ха]мази,
говорящий на одном языке Шумер, Великая Гора величественных обрядов,
страна Ури, страна, имеющая все необходимое,
страна Амурру [26], покоящаяся в безопасности,—
вся вселенная и покорный народ

---

[19] На древнем Востоке существовал обычай собирать пыль из завоеванного города как символ его полного разрушения.

[20] Для лучшего понимания текста в круглых скобках повторяется подлежашее, которое в клинописном тексте стоит в стк. 130.

[21] Это древнейшее упоминание лошадей в клинописных текстах.

[22] Энлиль — шумерийский бог Земли.

[23] Нудиммуд — одно из имен бога Энки.

[24] (Люди) страны чистых обрядов — жители Аратты. «Страна чистых обрядов» в данном тексте — постоянный эпитет Аратты, ср. стки. 224 и 561.

[25] «Ганнун» — покой, в котором Уту (солнце) отдыхает ночью, здесь также культовые места этого бога (ср. стк. 134), см. также комментарий к этой строке.

[26] Упоминаемые здесь страны представляют собой в данном случае различные страны света. Гора Шубур и область Хамази — Восток; находились к востоку от Шумера, в районе гор Загра. Шумер — Юг; страна Ури — Север, северная часть Двуречья, которая со времен династии Аккада стала называться Аккадом. Амурру — Запад; область, расположенная к западу от Шумера, в Сирии.

146 Энлиля на одном языке воистину восхва[ляли].
147Тогда отец-верховный жрец, отец-князь, отец-военный вож[дь],
148Энки, отец-верховный жрец, отец-князь, отец-военный вож[дь],
149Этот отец-верховный жрец, этот отец-князь, этот отец-во[енный вождь]».
(далее текст сильно разрушен и переводу не поддается).

. . . . . .

157Во второй раз верховный жрец гонцу, отправляющемуся в чужую страну,
158в Аратту, слово молвит:
159«Гонец в час ночной как одинокая туча (?) пролейся дождем,
160в дневное время подобно встречному (?) ветру поднимись!».

V. Гонец отправляется в Аратту, входит в ее двор и говорит верховному жрецу Аратты, что он послан к нему Энмеркаром, верховным жрецом Урука и Кулабы.

161Гонец слов своего господина послушался,
162в ночной час по звездам он шел,
163в дневное время по солнцу небесному он шел.
164Великие слова премудрой Инанны (?) [27] как приказ он ему (верховному жрецу Аратты) несет.
165На сверкающую (?) гору он поднимается,
166со сверкающей (?) горы он спускается.
167Сузам (?) и стране Аншан
168подобно младшему певцу он поклонился.
169Через большие горы,.....
170в пыли к нему (верховному жрецу Аратты) он направился.
171Пять гор, шесть гор, семь гор он перешел,
172[глаза подня]л, к Аратте приблизился,
173во [двор Аратты] радостно вступил,
174о величии своего господина сообщил.
175Содержание своего поручения излагает,
176гонец верховному жрецу Аратты говорит:
177«[Тв]ой отец,— а мой господин,— к тебе меня прислал,
178[верховный жрец Уру]ка, верховный жрец Кулабы к тебе меня прислал».

VI. Верховный жрец Аратты спрашивает у гонца, что сказал Энмеркар.
179«Твой господин что́ сказал про меня, что говорил обо мне?».

VII. Гонец произносит хвалу Энмеркару, передает верховному жрецу Аратты приказ Энмеркара и требует ответа.

180«Мой господин вот что́ сказал, вот что́ говорил.
181Мой господин, носящий венец по своему рождению,
182верховный жрец Урука, самый главный и сильный змей Шумера.....
183горный козел, имеющий великую силу,
184..... [...]
185рожденный священной коровой в горах [28],
186Энмеркар, сын Уту, к тебе меня прислал.
187Мой господин вот что говорит:
188(Жителей) города его как диких голубей с дерева я сгоню,
189как птиц в их гнездах я схвачу их,
190как купленного (раба) я убью его (самого)

---

[27] См. комментарий к этой строке.

[28] Рождение в горах считалось у шумерийцев признаком божественности: по их представлениям сама гора рождала богов, ср. SG, I, стр. 116, 117. Священная корова — богиня Инанна, ср. B. Meissner, Babylonien und Assyrien, II, Heidelberg, 1925, стр. 28.

191и прах (Аратты) как в разрушенном городе соберу!
192Аратту — население (ее) Энки проклял.
193Место (?) (Аратты) подобно месту, которое разрушают, я разрушу!
194Против нее (Аратты) Инанна восстала,
195слова она высказала и ответила.
196Прах (Аратты) подобно праху, который собирают, я соберу!
197После того как золото у его месторождений (люди страны чистых обрядов)....
198после того как серебро от его руды отделят,
199и серебряную ..... изготовят,
200после того как на лошадей корзины привяжут,
201храм «....» Энлиля, молодца Шумера,
202избранного светлым сердцем владыки Нудиммуда,
203(люди) страны чистых обрядов для меня пусть построят!
204Самшитом красиво пусть отделают,
205сияющим как выходящее из «ганнуна» солнце пусть его сделают,
206[пор]оги его пусть будут блестящими!
207Во [всех ее (Аратты) «ганнунах»,] в которых поются святые песни и заклинания,
208[заклинание Ну]димму[да ем]у скажи!
209Что ты мне можешь сказать на это, [скажи!]
210Благочестивому, [носящему] лазуритовую бороду [29],
211тому, кто рожден могучей коровой в горе чистых обрядов,
212кто получил силу из земли Урука (?),
213кто вскормлен молоком в загоне священной коровы,
214кто назначен на должность верховного жреца в Кулабу, страну великих обрядов,
215Энмеркару, сыну бога Уту,
216эти (твои) слова в храме Эанна, слова добрые пусть ему я скажу!
217В его «гипаре», приносящем плоды подобно .....,
218моему господину, верховному жрецу Кулабы в руки (твой ответ) пусть я передам!

VIII. Верховный жрец Аратты отвечает гонцу, что в Аратту его назначила богиня Инанна, поэтому он не покорится Уруку.

219После того как он (гонец) так ему воистину сказал, ‹верховный жрец Аратты гонцу отвечает:›
220«Гонец, твоему господину, верховному жрецу Кулабы, скажи и прибавь:
221„Я — верховный жрец, назначенный чистой рукой [30],
222Скипетр небесного царя, владычица вселенной,
223Иннин всех законов, светлая Инанна
224 в Аратту, страну чистых обрядов, воистину привела меня,
225в горах перед ней подобно большой двери меня поставила.
226Как Аратта может покориться Уруку?
227Аратта не покорится Уруку, скажи ему!“».

IX. Гонец отвечает верховному жрецу Аратты, что великая владычица небес, богиня Инанна предсказала Энмеркару, что верховный жрец Аратты покорится ему.

228После того как (верховный жрец Аратты) ему так воистину сказал,
229гонец верховному жрецу Аратты отвечает:
230«Великая владычица небес, которая ездит верхом на грозных чарах,
231которая живет в горах страны Замуш (?),
232которая украсила святилища страны Замуш (?),
233так как верховный жрец, мой господин, ее слуга

[29] По-видимому, имеется в виду цвет бороды, так как лазурит—камень темно-синего цвета.

[30] Т. е. богиней Инанной, см. стк. 563

234госпожой в Эанну ее ввел,
235«Верховный жрец Аратты шею к земле склонит»,
236среди кирпичей Кулабы так воистину ему (она) говорит.

X. Верховный жрец Аратты напуган словами гонца и не может придумать ответ. Наконец, он просит передать Энмеркару, что лучше ему не ходить против горы (т. е. Аратты): во-первых, в Аратте совершаются жертвоприношения, молитвы и «нет пяти человек, нет десяти человек», т. е., по-видимому, нет людей, которые могли бы привезти в Урук строительные материалы и построить храмы. Вместо этого он предлагает Энмеркару устроить единоборство и в подтверждение своих слов приводит пословицу. Во-вторых, гора (Аратта) — опасный враг, «герой, исполненный хитроумия» и т. п. В-третьих, если Уруку покровительствует богиня Инанна, то Аратта имеет свою добрую ламассу (т. е. богиню-покровительницу). Поэтому пусть лучше Энмеркар пришлет в Аратту зерно, и в том случае, если он это сделает, и если богиня Инанна унесет богатство Аратты, он сам и жители Аратты покорятся Энмеркару.

237Тогда у верховного жреца сердце затрепетало, и он зашатался,
238ответа он не находит, ответ ищет.
239На свои ноги лживыми глазами он посмотрел, ответ подбирает.
240Ответ нашел, слово произнес,
241гонцу слова ответа
242точно бык ревет:
243«[Гонец, твоему господи]ну, верховному жрецу Кулабы [ск]ажи и прибавь:
(*строки 244—248 сильно фрагментированы и переводу не поддаются*).

. . . . . .
. . . . . .

249В Аратте слезы.....
250вода струящаяся есть, мука сыплющаяся есть.
251В стране жертвоприношения, молитвы, поклоны есть,
252(и) нет пяти человек, нет десяти человек.
253Поднявшийся Урук как может идти против гор?
254Твой господин (к?) оружию хочет обратится,
255я же к единоборству обращусь!
256(Кто) единоборства не знает, (тот) не ест,
257бык не знает, (каков) бык рядом с ним.
258(Кто) единоборство знает,(тот) ест,
259бык знает (каков) бык рядом с ним.
260[...] (в) единоборстве я его .....
261[...] .....
262[...] пусть я его .....
263[...] гонец, слово я тебе говорю,
264 [.....] я сделал его для тебя хитроумным, возвращаясь, с собой ты (его) возьми!
265В Эанне, где лев лежит,
266из середины которой бык ревет,
267в «гипаре», приносящем плоды подобно .....
268твоему господину, верховному жрецу Кулабы, в руки (слово) передай!
269Гора — это герой, исполненный хитроумия,
270Она (гора) подобна вечерней заре, идущей к своему дому,
271перед лицом которой распространяется темнота.
272(Она) подобна Луне, восходящей на небесную высь,
273лицо которой полно блеска.
274(Она) подобна деревьям, заграждению гор.
275Когда венец (?) Аратты,
276милостивая лама [31] страны чистых обрядов

[31] Богиня-хранительница; возможно, здесь особая богиня Лама.

277подобно светлому небесному венцу Аратте путь определила,
278тогда я о моем величии воистину узнал.
279Зерно в корзины пусть он насыплет, на повозки пусть положит (?)!
280Это зерно в горы пусть поднимет,
281среди людей сборщика податей (?) [32] пусть поставит!
282После того как зерно в мешки он насыплет,
283на вьючных ослов их привяжет,
284на бока перевальных ослов положит,
285если во дворе Аратты у житницы ссыплет,
286после того как богатство засыпки, полнота житницы,
287маяк всех гор, украшение людей,
288украсившая семь стен,
289владычица-героиня, предназначенная для битвы,
290Инанна-героиня, в пыльной битве ведущая пляску (?),
291богатство Аратты ..... унесет,
292я тогда склонюсь перед ним,
293(а) он свое величие даст мне знать.
294Так же как и (мой) город в малости моей я покорюсь,— ему скажи!».
295Когда таким образом говорил
296послу верховный жрец Аратты,
297радостно слово уст своих он произносил.

XI. Гонец возвращается в Урук и передает Энмеркару ответ верховного жреца Аратты.

298Как дикая корова вокруг своего бедра он повернулся,
299как земляная муха (?) в темноте и при свете он шел,
300на кирпичи Кулабы радостно ступил.
301В главный двор, во двор тронного зала гонец поспешил,
302своему господину, верховному жрецу Кулабы,
303радостно передал,
304точно бык он заревел,
305 . . . . . .
306Господин у своей правой стороны по[садил] его,
307(от) своей левой стороны повернул его.
308О богатстве Аратты ..... сообщает, говорит.

XII. Выслушав ответ верховного жреца Аратты, Энмеркар совершает магические обряды для богини зерна Нидабы. Нидаба дает Энмеркару совет. Энмеркар продолжает моление, вероятно, чтобы обеспечить Урук урожаем. Затем отправляет зерно и людей в Аратту. Кроме того, Энмеркар приказывает гонцу передать верховному жрецу Аратты слова о скипетре. Возможно, что это загадка, которую должен решить верховный жрец Аратты.

309Когда утро настало и солнце взошло,
310К солнцу страны головы он не поднял.
311Господин Тигр с Евфратом соединил [33],
312Евфрат с Тигром соединил.
313Большие каменные сосуды высоко поставил,
314маленькие каменные сосуды подобно ягнятам, щиплющим траву и зелень, около них поставил.
315Сосуды ..... в стороне от них поставил.
316Господин, ... золота
317Энмеркар, сын Уту, быстро между ними шагает.
318В этот день табличке ..... тростниковому колышку собрания,

[32] См. комментарий к этой строке.

[33] Возможно, имеются в виду культовые изображения Тигра и Евфрата.

319золотой статуе, вытесанной в благоприятный день,
320 ..... чисто вытесанной зеленой Нидабой
321Нидаба, мудрая владычица
322храм «Святая мудрость Нибады» открыла,
323а когда в великий храм Ана он входил, совет ему дает.
324Верховный жрец свой величественный «ганнун» открыл,
325свой величественный «лидга» [34] поставил.
326Господин из зерна старое зерно выбро[сил].
327Весь солод водой он [.....]
328[.....] (какое-то растение?) [...]
329Мешки он разложил,
330сгруженное зерно (в них) собрал,..... добавил.
331После того как на вьючных ослов привязал,
332на бока перевальных ослов положил,
333господин, мудрый верховный жрец,
334верховный жрец Урука, верховный жрец Кулабы,
335по дороге Аратты (зерно) отправил.
336Люди подобно муравьям (из) трещин земли
337в Аратту сами пошли.
338Верховный жрец гонцу, отправляющемуся в чужую страну,
339в Аратту слово прибавляет:
340«Гонец, верховному жрецу Аратты скажи и прибавь:
341основание моего скипетра — величественный обряд.
342Этот скипетр для защиты Кулабы сделан,
343этот звездный скипетр в святилище Эанна
344светлая Инанна почитает.
345Когда скипетр он изготовит, пусть с собой его возьмет!
346Сердолик (как) некое дерево [35], лазурит как некое дерево в руки свои пусть возьмет,
347верховный жрец Аратты ко мне пусть принесет, ему скажи!».

XIII. Гонец во второй раз отправляется в Аратту, доставляет зерно Жители Аратты утоляют свой голод.

348После того как он (Энмеркар) воистину так ему сказал,
349гонец, в Аратту идущий,
350дорожной пылью свои ноги покрыл,
351маленькие горные камешки (ногами) он разбрасывал,
352подобно дракону, рыскающему в степи, соперников он не имел.
353Когда гонец приблизился к Аратте,
354люди Аратты
355около вьючных ослов с восхищением сошлись.
356Гонец во дворе Аратты
357сгруженное зерно собрал, ... добавил.
358Подобно небесному дождю, бывающему в непогоду,
359изобилие в Аратте он создал,
360подобно тому, кто возвращается в свой «Антуш» [36],
361голод Аратты он насытил.

---

[34] «Лидга» — вероятно, какой-то культовый предмет.

[35] Сравнение драгоценных камней с деревьями объясняется, может быть, тем обстоятельством, что по поверью древних жителей Двуречья (где не было местных драгоценных камней) они росли на волшебных деревьях, ср. «Эпос о Гильгамеше», перевод, введение и комментарий И. М. Дьяконова, М.— Л., 1961, стр. 61. Возможно, в этой речи Энмеркара содержится загадка или игра слов, так как смысл ее неясен, см. M. Lambert, Le jeu d'Enmerkar, «Syria», XXXII, 1955, 3—4, стр. 217.

[36] «Антуш», может быть, дословно «небесное обиталище» — значение неясно.

XIV. Текст сильно разрушен. Судя по сохранившимся местам, люди Аратты в свою очередь решают послать Энмеркару сердолик и построить храм.

362Люди Аратты
363его (Энмеркара) солодом, напоенным водой, поле [...]
364После этого гонец [37] [.....]

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

371Для верховного жреца Урука (в) руки его [....]
372Мы [для] выполнения этого побора (?)
373верховному жрецу Кулабы сердолик, который входит в наш побор (?), вернем.
374Мудрые старейшины
375руки к основанию [....], к стене [.....]
376Для верховного жреца этот чистый дом (храм?) пусть построят!
377[....] ... середину дома (храма?) [.....]

XV. Гонец сообщает верховному жрецу Аратты, что он послан к нему Энмеркаром. Верховный жрец Аратты спрашивает, что сказал его господин. Гонец повторяет загадку Энмеркара о скипетре и сердолике.

378[Содержание своего поруче]ния изл[агает]:
379«[твой отец,— а мой господин,—] к тебе [меня прислал],
380[Энмерк]ар, сы[н Уту, к тебе меня прислал].
381«Твой господин, что́ сказал про меня, что́ говорил обо мне?»
382«Мой господин вот что́ сказал, вот что́ говорил:
383«Основание моего скипетра — величественный обряд.
384Этот скипетр для защиты Кулабы сделан,
385этот звездный скипетр в святилище Эанна
386светлая Инанна почитает.
387Когда скипетр он изготовит, пусть его возьмет!
388сердолик (как) некое дерево, лазурит (как) некое дерево в руки свои пусть возьмет,
389верховный жрец Аратты ко мне их пусть принесет!»— так мне он сказал.

XVI. Узнав ответ Энмеркара, верховный жрец Аратты решает также ответить загадкой. Смысл его загадки состоит в том, что Энмеркар должен изготовить скипетр, который был бы не из кедра и не из кипариса, не из клена (?) и не из самшита, не из золота и не из серебра и т. п.

390После того как (гонец) так ему сказал,
391выслушав это, (верховный жрец Аратты) потупился и задумал загадку.
392Утро настало, и дело стало ясным,
393слово, для уст не подобающее, он говорит,
394вокруг дела, как около зерна, пожираемого ослом, он ходит.
395Теперь человек человеку что скажет?
396Человек человеку что прибавит?
397То, что человек человеку скажет, пусть будет так:
398«Гонец, твоему господину, верховному жрецу Кулабы, [ск]ажи и прибавь:
399«Скипетр (из) дерева пусть не будет, имя дерева пусть он не назовет!
400 [....] после того как в руки свои он возьмет и посмотрит,
401(какое-то дерево) пусть не будет, благовонное дерево пусть не будет,
402кедр пусть не будет, кипарис (?) пусть не будет,
403(какой-то) кедр пусть не будет, самшит пусть не будет,
404клен (?) пусть не будет, [дерево ..... пусть не будет],
405стиракс [....]..... пусть не будет,
406..... пусть не будет,

---

[37] В тексте стоит rá-gaba.

407золото пусть не будет, медь пусть не будет,
408светлое очищенное серебро, серебро пусть не будет,
409сердолик пусть не будет, лазурит пусть не будет!
410Когда скипетр он изготовит, пусть с собой его возьмет!
411Сердолик как некое дерево, лазурит как некое дерево в руки свои пусть он (тогда) возьмет,
412верховный жрец Кулабы ко мне пусть принесет,— (так) ему скажи!»

XVII. Гонец снова возвращается в Урук и передает Энмеркару ответ верховного жреца Аратты.

413После того как он ему воистину так сказал,
414гонец подобно ослу, с которого срезали вьюк (?), поручение понес
415Точно молодой (?) степной осел, резвый и быстрый, он скачет,
416лицо свое к туче поднимает.
417Точно баран с длинной шерстью, баран ..... сильный, быстро он бежал,
418на кирпичи Кулабы радостно ступил,
419своему господину, верховному жрецу Кулабы
420слово говорит.

XVIII. С помощью бога мудрости Энки Энмеркар, по-видимому, решает загадку верховного жреца Аратты. Он изготовляет скипетр и отдает его гонцу. Текст отрывка сильно разрушен.

421Энмеркару Энки дал совет.
. . . . . .
. . . . . .
428Со света в тень он входит,
429из тени на свет он выходит.
430После того как прошли 5 лет и 10 лет,
431тростниковую .... топором он разбил,
432верховный жрец радостно посмотрел,
433для страны Замуш возлияние он .... совершил,
434верховный жрец гонцу, идущему в чужую страну,
435скипетр в руки отдает.

XIX. Гонец в третий раз отправляется в Аратту и передает скипетр.

436Гонец, в Аратту идущий,
437подобно птице .... в горах, подобно мухе в сгруженной пыли,
438подобно рыбе ..... к Аратте приблизился.
439Во двор Аратты радостно вступил,
440к своему *энси* подошел,
441приказ, который он нес, исполняет.

XX. Увидев скипетр и узнав таким образом, что Энмеркар решил загадку, верховный жрец Аратты обращается к своему управляющему. Он жалуется ему, что Инанна отдала Аратту Энмеркару и что, по-видимому, придется выполнить требования Энмеркара. Стремясь выйти из трудного положения, верховный жрец Аратты задает Энмеркару новую загадку, в которой он просит прислать собаку (?), которая была бы не черной и не белой, не желтой и не рыжей и т. п. Если Энмеркар выполнит это требование и пришлет собаку, пусть их собаки сразятся и станет известен сильнейший. Возможно, здесь имеет место игра слов «собака» (ur, ur-zir) — «герой» (ur, ur-sag).

42Верховный жрец Аратты, увидев скипетр,
443в ? .., в своем светлом жилище, в «Имимкаркаркe» [38],

[38] «Имимкаркар» — название храма или дворца.

верховный жрец своему управляющему [39] говорит:
«Аратта — подобна разбежавшимся овцам, ее дороги — вражеская страна.
После того как величественную Аратту светлая Инанна
отдала верховному жрецу Кулабы,
человека, который прислал посла,
чтобы с восходом солнца трудные слова светло явить,
..... светлая Инанна выбрала для себя (?).
В Аратте побор ..... пусть возьмет!
Для «Алмеда» [40], который он хочет украсить,
мы для выполнения этого побора (?)
верховному жрецу Кулабы сердолик, который входит в наш побор (?), соберем».
Верховный жрец Аратты гонцу
слова подобно светлой табличке вручил:
«Гонец, твоему господину, верховному жрецу Кулабы, скажи и прибавь:
„Собака (?) пусть будет не черной, собака (?) пусть будет не белой,
собака (?) пусть будет не коричневой, собака (?) пусть будет не .....
собака (?) пусть будет не желтой, собака (?) пусть будет не рыжей, собаку пусть тебе он даст!
Моя собака (?) его собаку (к) единоборству пусть призовет,
сильнейшая (из них) пусть станет известной,— ему скажи!"».

XXI. Гонец возвращается в Урук и передает ответ верховного жреца Аратты.

После того как он ему воистину так сказал,
гонец буйные травы и высокие воды прошел,
к кирпичам Кулабы, возвратившись, ответ принес.

XXII. Выслушав гонца, Энмеркар совершает молитву, а затем задает верховному жрецу Аратты ответную загадку. Он предлагает ему изготовить одежду, которая была бы не белой и не черной, не желтой и не красной и т. п., соглашается на единоборство и требует, чтобы верховный жрец Аратты, наконец, принес для Инанны золото, серебро и драгоценные камни, угрожая в противном случае разрушить его город и убить его самого. Энмеркар приказывает гонцу передать владыке Аратты предзнаменование о нем, смысл которого из-за фрагментарности текста плохо понятен. (*строки 466—467 неясны*).

Энмеркар, сын Уту, голову поднял,
[...] Аратты [.....]
Из своего жилища точно прорвавшийся поток (гонцу) кричит:
Гонец, верховному жрецу А[ратт]ы скажи и прибавь:
«Одежда пусть будет не черной, одежда пусть будет не белой,
одежда пусть будет не коричневой, одежда пусть будет не ....
одежда пусть будет не желтой, одежда пусть будет не пестрой, одежду пусть тебе он даст!
Мою собаку (?), хит[рую собаку (?) Энли]ля, на него я напущу,
моя собака его собаку (к) единоборству (тогда) пусть призовет!
Сильнейшая из них пусть станет известной,— ему скажи!
Во второй раз скажи ему и прибавь:
„Когда же побор ..... он возьмет?
В город свой как баранов [....] пусть он их приведет,
а сам позади их подобно пастуху пусть следует!
Когда он будет идти, гора серебра и лазурита
подобно тростинке письменного прибора пусть склонится перед ним!
Ее золото, серебро и электр

---

[39] В тексте — $šag_4$-tam-a-ni-ir.

[40] «Алмеда», — по-видимому, какой-то храм (??).

485для Инанны, госпожи Эанны,
486во дворе Ара[тт]ы у житницы пусть он ссыплет!"
487В третий раз скажи ему и прибавь:
488(жителей) его города как диких голубей с дерева я сгоню (!)
489[.....] я уничтожу его (самого),
490[точно купленного (раба)] я поражу его,
491[...] на ветер я брошу его.
492Когда он пойдет, горные камни пусть возьмет
493и великое святилище „эреду", ? „ганнун" пусть для меня построит,
494его (ганнуна) „асальбар" [41] [....] пусть для меня [укра]сит
495и тень его над стра[ной пусть] распространит!
496Слова, сказанные о нем [.....]
497предзнаменование о нем [ему] скажи:
498„Тогда» [....] был
499[...] жили семена княжества [42],
500[.....] установленный.
501Сказанное им есть [.....], смысл его есть.....

XXIII. Однако поручение Энмеркара оказывается слишком сложным, гонец не может его повторить, и тогда Энмеркар записывает свои слова на глиняной табличке, изобретая для этого письменность (?).

502(Для) посла слова стали трудными, и после того как он не смог их повторить,
503(для) посла слова стали трудными и после того как он не смог их повторить,
504верховный жрец Кулабы к глине прикоснулся и слово в виде таблички установил.
505До этого дня сло́ва, помещенного на глину, не было,
506теперь, о, Уту,..... воистину стало так!
507Верховный жрец Кулабы сл[ово в виде таблички ус]тановил, воистину (это) стало так!

XXIV. Гонец в четвертый раз отправляется в Аратту, передает табличку верховному жрецу Аратты и требует ответ.

508Гонец, как птица, крыльями машет,
509как волк, преследующий козленка.....
510Пять гор, шесть гор, семь гор он перешел,
511глаза поднял, к Аратте приблизился,
512во двор Аратты радостно вступил,
513о величии своего господина сообщил.
514Содержание своего поручения излагает,
515верховному жрецу Ар[ат]ты гонец говорит:
516«Твой отец,— а мой господин,— к тебе меня прислал,
517верховный жрец Уру[ка, вер]ховный жрец Кулаба [к тебе] меня прислал».
518«Твой господин что́ ск[азал] про меня, что говорил обо мне?»
519«Мой господин вот что сказал, вот что говорил.
520Мой господин, [.....], сын Энлиля,
(строки 521—523, к сожалению, сильно фрагментированы, по-видимому, в них гонец восхваляет Энмеркара).
524тот, кто сделал сияющим достоинство верховного жреца и военного вождя,
525Энмеркар, сын Уту, глину мне дал.
526Верховный жрец Аратты, на глину посмотри, смысл слов узнай!
527Что ты мне можешь сказать, скажи!'
528И благочестивому, носящему лазуритовую бороду,
529тому, кто рожден могучей коровой в горе чистых обрядов,

[41] «Асальбар» — возможно, какая-то часть «ганнуна».
[42] Т. е. люди княжеского рода.

530кто получил силу из земли Урука,
531кто вскормлен молоком в загоне священной коровы,
532кто назначен на должность верховного жреца в Кулабу, страну великих обрядов,
533Энмеркару, сыну Уту,
534эти (твои) слова в храме Эанна, слова добрые пусть я скажу!
535В «гипаре», приносящем плоды подобно .....,
536моему господину, верховному жрецу Кулабы, в руки пусть их передам!»

XXV. Верховный жрец Аратты берет у гонца табличку, рассматривает ее, а в это время бог дождя Ишкур устраивает над Араттой дождь, и в Аратте вырастают пшеница, горох и т. п.

537После того как он (гонец) ему так сказал,
538верховный жрец Аратты у посла
539его обожженную глину взял.
540Верховный жрец Аратты на глину посмотрел:
541сказанные слова клиньями стали, вид (их) .....
542Верховный жрец Аратты обожженную глину рассматривает.
543В это время сын Энлиля, назначенный на (должность) верховного жреца (богов),
544Ишкур, на небесах и земле громко ревущий,
545яростная буря, большой лев [....] установил.
546Все (голые) горы [.....] он заставляет дрожать,
547все (лесистые) горы [.....] он разбивает,
548страх и блеск [.....] находятся на его груди.
549К радостным горам голову он поднял (и видит) —
550белые стены(?) Аратты стоят среди гор.
551Пшеницу, которая сама растет, горох (?), который действительно сам растет,
552пшеницу, которая сама растет, в амбар [.....]
553для верховного жреца Аратты он вне[с],
554во дворе Аратты перед ним ссыпает (?).
555Верховный жрец Аратты на пшеницу посмотрел,
556для посла перед своими надсмотрщиками ее (пшеницу) [.....]

XXVI. В том, что в Аратте выросли пшеница и горох, верховный жрец Аратты видит хорошее предзнаменование. Он просит гонца передать Энмеркару, что богиня Инанна не покинула Аратту и не перешла на сторону Урука, что она окружила Аратту половодьем со всех сторон, и что люди Аратты пошлют хитрую собаку (или героя?) в Урук (последнее предположительно, так как текст в этом месте сильно разрушен). Благосклонное отношение Инанны к Аратты, по всей вероятности, следует объяснить тем обстоятельством, что покровителем жителей Аратты, судя по тексту поэмы, был ее возлюбленный Думузи.

557Верховный жрец Аратты гонцу говорит:

558«Инанна, госпожа всех стран, вовсе
559свой дом (?), Аратту не покинула и (в пользу) Урука не высказалась,
560свой лазуритовый-дом не покинула и (в пользу) святилища Эанны не высказалась,
561страну чистых обрядов не покинула и (в пользу) кирпичей Кулабы не высказалась,
562ложе ..... не покинула и (в пользу) ложа „гирин“ не высказалась,
563у верховного жреца (Аратты) свою чистую руку не отняла, (в пользу) верховного, жреца Урука, верховного жреца Кулабы, не высказалась.
564Аратту справа и слева
565Инанна, госпожа всех стран,
566половодьем для него (Энмеркара) окружила.
567Люди (Аратты), отличные от других людей,
568люди, которых Думузи отделил от других людей,

569(люди), которые выполняют слова светлой Инанны,
570хитрую собаку (?) ..... Думузи пусть [.....]
571[.....]».

XXVII. Богиня Инанна продолжает оказывать помощь жителям Аратты. Возможно, она помогает верховному жрецу Аратты решить загадку Энмеркара насчет одежды. Затем Инанна устраивает праздник в честь Думузи и приказывает некой старухе идти в страну чистых обрядов (т. е. в Аратту) и взять с собой девушку, по-видимому, в невесты для Думузи.

572[людей (?)], которые стоят среди потопа,
573после того как потоп разбушевался,
574Инанна, госпожа всех стран,
575возлюбленная Думузи,
576водою жизни окропила,
577и по всей стране деревья (?) она заставила расти.
578Когда хитрая «собака (?) (или герой?) шла,
579одеждой ..... чело ее она покрыла,
580одежду львов надела. (*текст строк 581—584 сильно разрушен и переводу не поддается*)..
585[.....] Инанна,
586песни которой Амауш[умгальанне ...] приятны,
587до этого дня светлый обряд, обряд [....] Думузи
588завершила, праздник [.....] и приказала.
589Когда старуха к стране чистых обрядов шла,
590девушку ..... она ему вела,
591ее глаза насурьмила,
592в белую одежду одела,
593 . . . . . .
594[....] направила.

XXVIII. Энмеркар решает кончить спор мирным путем, он наполняет корзины зерном (?) и отправляется в Аратту, взяв с собой овцу с ягненком, козу с козленком и т. п., по всей вероятности в дар Думузи, как божеству скотоводства, к его свадьбе.

595[...] Энмеркар в корзины насыпает,
596[.....] после того как поднял,
597[....] взял в Аратту с овцой ее ягненка,
598[....] взял в Аратту с козой ее козленка,
599[...] взял в Аратту с коровой ее теленка,
600[....] взял в Аратту .....
601[... в Ар]атте с ним вот о чем говорит:
602[... пусть] ссыплют, пусть покорятся! (*дальше текст сильно разрушен*)
. . . . . .
. . . . . .
615[....] Энлиль тебе подарил, для (?) [.....], ты знай!
616Отец [Энмер]кара (деревьям) не давал произрастать, воду не изливал,
617а Эн[лиль, господин всех] стран, воистину изливает по своей воле (?).

XXIX. В свою очередь люди Аратты собирают золото, серебро, лазурит и в обмен на плоды, которые приносят жители Урука, ссыпают их во дворе Эанны.

618....(рабочее) задание, как бы выполняя,
619люди Аратты,
620чтобы принести золото, серебро и лазурит,.....
621после того как (каждый) человек (Урука), чтобы обменять изделие из золота (на) плоды деревьев,
622инжир в его вине подобно [....] у большого амбара ссыпал,
623лазурит у его месторождений для нее (Инанны) собирают,

624 .....у его ветвей [.....] -ют
625и для Инанны, госпожи Эанны,
626во дворе Эанны, у амбара ссыпают.

XXX. Последние строки текста сильно разрушены, поэтому конец поэмы мало понятен. Начинается прямая речь, в которой какое-то лицо обращается, вероятно, к Энмеркару, с советом.

627«Господин мой, давай, я тебя научу, совет мой прими!
628Слово пусть я тебе скажу, выслушай!
629[...] благовония гор для своей страны ты (?) выбери!
630[...] Аратта [.....]
631[....]..... ты (?) изольешь!
632[Мн]е же, когда я иду с берега канала (??),
633мой? .. сверкающая владычица мне дала.
634Гештин[анна [43] .....].
635В этом городе [.....]
636праздник не [прекращается (?)]
637ежедневно не [прекращается (?)].

Комментарии

63. ḫu-mu-e(!)-e, очевидно, ошибочно вместо ḫu-mu-e-e, ср. вариант, который опускает -un- и параллельную стк. 94, где написано ḫé-mu-e-e.

66. in-nin$_7$ ^{d}Ama-ušumgal-an-na šim-zid-da-ni буквально: «Иннин — Амаушумгальанна ее благое помазание», пример местоименного спряжения.

73—74. Знак, следующий после ḫur-sag, возможно, gàm «блестящий» (ŠL, 60*, 8) или dál «обширный, блестящий» (ŠL, 74, 239 i).

77—78. Большую трудность в переводе этого отрывка представляет комбинация IM.BA.LU.A.C. Н. Крамер читает ní-ba-lu-a и переводит «охваченный страхом», но указывает, что при таком переводе скорее следовало бы ожидать написание LUBA = dib-ba. Р. Жестэн читает im-ba LU-a и переводит только первую часть «глиной (больших гор)». Иной перевод этой комбинации в другом контексте предлагает А. Фалькенштейн — «сами по себе многочисленные (обильные)», см. SG, I, стр. 63 и 73. Предлагаемые толкования кажутся не совсем убедительными, поэтому мы воздерживаемся от перевода.

79. gú-giš ma-gá-gá, очевидно, написано ошибочно вместо gú-giš ḫa-ra-gá-gá под влиянием аналогичного контекста стк. 48.

107. Глагольную форму этой строки С. Н. Крамер читает mu-na-ab-tùm(?), Р. Жестэн — ḫu-mu-na-ab-tùm (?). Исходя из контекста и принимая во внимание, что клинописный текст после tùm дает знак, похожий на en, считаем возможным читать ḫu-mu-na-ab-tùm(?)-en(!).

111—113. Судя по контексту, ka-šu ḫu-mu-na-ab-gál следует рассматривать как ka-šu ḫu-mu-na-ab-gál-en, а ḫu-mu-na-da-nigin-e как ḫu-mu-na-da-nigin-en. Возможно, ka-šu ḫu-mu-na-ab-gál представляет собой в данном тексте застывшую форму, употреблявшуюся для всех лиц, ср. ka-šu ḫu-ma-na-ab-gál для 3 л. ед. ч. в стк. 76 (С. Н. Крамер предлагает чтение ka-šu ḫu-mu-na-ab-gála <*ka-šu ḫu-mu-na-b-gál-e).

116. gùd-ús-sa-bi-a букв. «в ее устроенном гнезде», так как существует составной глагол gùd-ús «устраивать гнездо», см. SG, I, стр. 71. С. Н. Крамер переводит «в ее соседнее гнездо».

125. kug-me-a s[aḫar-ba] zag ù-ba-ni-in-ús буквально: «очищенное серебро [от (?) его пыли] пусть поставит рядом». С. Н. Крамер переводит — «pressed .. — silver [in its] dust»; Р. Жестэн — «l'argent purifié dans sa pulvérisation qu'on surveille».

132. si mùš ḫa-ma-ab-si$_4$-si$_4$ (С. Н. Крамер и Р. Жестэн читают — si mùš ḫa-ma-ab-dar-dar), по-видимому, составной глагол si-mùš-si$_4$-si$_4$, образованный по типу:

[43] Гештинанна — сестра Думузи.

имя в винительном падеже + имя с пространственным послелогом + глагол; букв. «рога по внешнему виду делать красными», ср. si-mul-mul «делать сияющими рога» (GSGL, I, стр. 123). Gán-nun тоже, что gá-nun «покой, в котором Уту (Солнце) отдыхает ночью». Ср. в нашем тексте: ^{d}Utu-gán-nun-ta-è-a-gim и ^{d}Utu-gá-nun-ta è-a-ni (SG, I, стр. 50).

133. Относительно перевода глагольной формы urì ḫa-ma-mul-e (С. Н. Крамер и Р. Жестэн читают: ŠEŠ ḫa-ma-mul-e и переводят: С. Н. Крамер — «пусть украсят», Р. Жестэн — «пусть сделает сияющими!») см. GSGL, I, стр. 127. ḫa-ma-mul-e < *ḫé-mu-a-b-mul-e, где показатель прямого объекта -b- ассимилировался под влиянием последующего губного m.

134. gán-nun-gán-nun-ba sìr-kug nam-šub tuku-a-ba букв. «в ее „ганнунах", при существовании в них святой песни и заклинания». С. Н. Крамер переводит. «Of its ganunnu's, its holy song (and) spell».

145. Перевод ukù-sag-sig$_{10}$-ga как «покорный народ» (С. Н. Крамер — «народ в согласии», Р. Жестэн — «услужливый народ») основан на сопоставлении sag-sig$_{10}$-ga с sag-sìg-ga «склонять голову», см. SG, I, стр. 56.

164. Gi-zú-lum-ma-na, вероятно, написано ошибочно вместо gal-zu-inim-ma-ke$_4$ параллельных строк 72 и 107, так как единственное значение этого слова «крапива» (R. Labat, Manuel d'épigraphie akkadienne, 85) не подходит по контексту.

209. a-na ma-ab-bé-en-na-bi < *ana mu-a-b-e-en-a-bi, букв. «что то, которое ты мне скажешь?» (пример местоименного спряжения). Перевод С. Н. Крамера «что я скажу относительно этого дела» неправилен, так как наличие в глагольной форме префикса -a- «мне» не дает возможности видеть в суффиксе -en показатель субъекта 1 л. ед. ч.; точнее перевод Р. Жестэна.

210. su$_6$-^{na}za-gìn-[sud(?)-da-ar] букв. «бородатому бородой лазурита», ср. sud-sud-zaqnu «бородатый», ŠL, 373, 59f).

211. С. Н. Крамер и Р. Жестэн эту строку читают: áb-kal-la-ga-ni kur-me-sikil-la KA-[kéš-da-ar] и переводят: С. Н. Крамер — «тому, чья мощная корова ... страну чистых „ме"»; Р. Жестэн — «(тому, для кого) мощная корова с Кур Ме установила союз». Более подходящими для данного контекста кажутся чтение и перевод, предлагаемые А. Фалькенштейном: áb-kal-la-ga-ni kur-me-sikil-la-ka tud-da-ar «тому, кто рожден священной коровой в горе чистых „божественных сил"» (SG, I, стр. 117).

212. Aratta^{ki}-ka ошибочно вместо Unug^{ki}-ga-ka, так как в параллельной стк. 530 написано Unug^{ki}-ga-ka.

214. túm-ma вместо túm-ma-ar в соответствии с параллельной стк. 532, букв «принесенному», С. Н. Крамер — «годному».

225. kur-ra ^{giš}ig-gal-gim igi-ba bí-in-tab-en букв. «в горах подобно большой двери перед ней заперла меня».

234. Глагольную форму этой строки С. Н. Крамер и Р. Жестэн читают: mu-un-di-ni-ib-tu-re-eš и переводят: С. Н. Крамер — «(госпожой Эанны) они (Энмеркар и народ) ее сделали», в суффиксе -eš он видит показатель субъекта 3 л. мн. ч.; Р. Жестэн — «оба они (Энмеркар и богиня) вошли». Более подходящим для данного контекста кажется нам основанное на вариантах J, N и O чтение mu-na-ni-in-tur-re-eš < *mu-na-ni-n-tur-e-še «так как он ее ввел», относительно суффикса -e-še см. A. Falkenstein, Das Potentialis- und Irrealissuffix -e-še des Sumerischen, «Zeitschrift für Indogermanische Forschungen», 60, 1950.

236. ḫur-gim ḫu-mu-na-ab-bé-en, по-видимому, ошибочно вместо ḫur-gim ḫu-mu-na-ab-bé, так как перевод «воистину я ему говорю» или «воистину ты ему говоришь» не подходит по контексту, ср. варианты J и N, которые опускают -en.

256—258. Относительно перевода составного глагола ur-kú как «есть» см. GSGL, I, стр. 126.

271. Предлагаемый перевод строки основан на следующем: bad=adāru «быть темным» (ŠL, 69, 3), отсюда значение «темнота»; lá=tarāṣu «распространять» (ŠL, 481, 50a). С Н. Крамер и Р. Жестэн переводят эту строку иначе.

275. sag-mùš, возможно, образован по аналогии с sag-men «корона, венец», ср. стк. 29 и SG, I, стр. 96—97. С. Н. Крамер это слово не переводит, Р. Жестэн — «l'égide». sag-mùš-Aratta^{ki}-ke$_4$, по-видимому, определение к ^{d}Lama-šag$_5$-ga следующей строки. С. Н. Крамер и Р. Жестэн несколько иначе понимают этот отрывок (стк. 275—278).

279. Большую трудность представляет чтение и перевод последнего слова строки. С. Н. Крамер и Р. Жестэн читают его nam-me-a, причем С. Н. Крамер воздерживается от перевода, а Р. Жестэн, исходя из возможности, что e представляет собой написание è, предлагает перевод «пусть он заставит вывезти!». Последний знак строки неясен, возможно, он представляет собой испорченное написание знака mar в таком случае nam-mar (!)-e < *na-ì-b-mar-e, где mar был бы эмесальной формой глагольного корня gar. Следует заметить, что в стк. 281 также, по-видимому, употреблена эмесальная форма, см. комментарий к этой строке. Перевод С. Н. Крамером глагольных форм стк. 279—281 1 л. ед. ч. неверен, так как в них стоят субъектные показатели 3 л. ед. ч. несовершенного вида (суффикс -e).

281. С. Н. Крамер эту строку не переводит, перевод Р. Жестэна неправилен (eren «кедр» он путает со знаком erén «войско»). Трудно перевести слово mu-un-ku$_5$, которое, очевидно, представляет собой эмесальную форму слова enku(d) «сборщик полевых налогов», см. SG, I, стр. 92. Обращает на себя внимание, что вариант J дает написание un-ku$_5$, которое можно рассматривать как фонетическое написание enku(d) (пишется составной идеограммой ZAG. ḪA).

286. ni-ge-(en)-àm dub-bi (С. Н. Крамер читает NI-ge ÀM-dub-bi), очевидно, написано вместо ni-ge-(en)-a dub-bi (конструкция родительного падежа) ср. gur$_7$-a ḫi-li-bi в этой же строке.

290. sag-ešemén-di-dam предположительно переводится «ведущая пляску» (так переводят С. Н. Крамер и Р. Жестэн). Более понятным было бы написание gù-ešemen-di-dam «весело кричащая», ср. gù-nun-di-dam «громко кричащий», однако в тексте строго различается написание знаков sag и ka.

293. e-ne nam-maḫ-a-ni ši-im-ma-an-zu-zu-un букв. «он (о) своем величии пусть известит меня».

299. tir-ud-zal-le-na букв. «в своей темноте и при своем свете» (ср. ud-ma-tir=piṣū u samū «белый и темный», ŠL, 375, 7).

301. С. Н. Крамер и Р. Жестэн kisal-gú-en-na-ka переводят «во дворе собрания», но на чем основан этот перевод — неясно, так как ŠL, 106, 72a для этого слова дает значение «тронный зал храма», ср. также SG, I, стр. 62. Более подходящим, чем предлагаемый Н. С. Крамером и Р. Жестэном перевод глагольной формы i-íb-búr «он объяснил», кажется перевод А. Фалькенштейна «он поспешил», см. SG, I, стр. 30—31.

304. gud-gim inim mu-na-an-sum букв. «точно бык слово он ему дал».

305. Значение gud-ri-ri (вариант -ra-ra-a-gim) неизвестно. С. Н. Крамер это слово не переводит, Р. Жестэн переводит «точно ревущий бык», но не объясняет свой перевод. Поскольку в контексте этот бык дает Энмеркару объяснение (geštúg), возможно, знак ri имеет здесь значение ḫasāsu «быть умным» (ŠL, 86, 19).

316—317. Значение eš-da-guškin-ga-ke$_4$ неясно. Скорее всего, эта комбинация относится к Энмеркару и представляет собой какой-то эпитет, ср. alan-guškin-ga ud-dùg-ga tud-da в стк. 319. Перевод глагольной формы dùg mu-un-bad-bad-du как «быстро шагает» дается по А. Фалькенштейну (SG, I, стр. 12, 37); С. Н. Крамер переводит «спешит», Р. Жестэн — «хорошие вещи раздает».

318—320. Смысл этого отрывка плохо понятен. С. Н. Крамер предполагает, что в нем перечисляются эпитеты богини Инанны. Однако речь идет, очевидно, об эпитетах Энмеркара, так как alan-guškin-ga ud-dùg-ga tud-da представляет собой хорошо известный эпитет обожествленного вождя, см. SG, I, стр. 128. Поскольку в глагольных формах стоит префикс дательного падежа -na-, перевод этих эпитетов дается в дательном падеже.

329. igi im-mi-in-tur-tur букв. «он растащил» (igi-tur-tur = ṣātu «тащить», ŠL,

449, 100). С. Н. Крамер переводит «посмотрел внимательно (на мешки)», Р. Жестэн — «он проверил».

330. Перевод этой строки чрезвычайно труден, С. Н. Крамер переводит только первую ее часть: «он насыпал в них зерно для житницы, добавил ...». Особую трудность представляет последний комплекс строки KA $bur_5^{mušen}$-e. Единственное значение $bur_5^{mušen}$ «воробей» для данного контекста не подходит. Р. Жестэн на основании варианта J читает его KA nam-rín-bi и переводит «хороший вес», однако его перевод остается только предположением, так как знак rín не имеет значения «весить». še-gur_7 — šē'(im) kari «сгруженное зерно» (MSL, V, стр. 60); KA-si-(si) = paḫāru «собирать» (ŠL, 15, 139).

345. Предлагаемый перевод строки предположителен. С. Н. Крамер первую ее часть вообще не переводит, Р. Жестэн видит в комплексе um-ta-an-KÍD название скипетра и переводит всю строку — «скипетр „Он есть отделенный" воистину он есть!», но не учитывает, что при его переводе в глагольных формах скорее следовало бы ожидать префикс -b-. um-ta-an-kíd<*ù-bta-n-kíd букв. «после того как он отколет (откроет)».

351. na_4-tur-tur-ḫur-sag-gá-ke_4 (вариант -ka) suḫ-suḫ mu-un-da-ab-za букв. «у маленьких горных камешков основания он вырывал». suḫ «основание» (ŠL, 102, 3), здесь мн. ч., которое зависит от na_4-tur-tur-ḫur-sag-gá-ke_4. za «хватать» (ŠL, 586, 10) или сокращенная форма zal «вырывать» (ŠL, 586, 13). Р. Жестэн suḫ-suḫ переводит — «в изобилии» (от suḫ = aḫulap).

372—373. Перевод этого отрывка очень труден. С. Н. Крамер его не переводит, Р. Жестэн предлагает перевод — «мы для этого ложного голода, для владыки Кулаба драгоценные камни в нашей лживости мы хотим заставить приобрести». Предлагаемый перевод, который, разумеется, остается только предположением, основан на следующем: sù-ga = malû «наполнять» (SG, I, стр. 75); lul-(gu) — вид взноса или побора шерстью, а также овцами, козами и т. д. (gu здесь, вероятно, «шерстяная нить», ŠL, 355, 30). ku-ru, возможно, написано вместо gur «возвращать» (ср. Falkenstein, Das Sumerische, стр. 27), так как предлагаемое С. Н. Крамером и Р. Жестэном чтение -dur-ru «жить» для данного контекста не подходит. ^{na_4}gug-lul-la-me-a букв. «сердолик нашего побора».

391. nam-bi-šè saḫar-a ka ba-an-tu $šag_4$ inim-tab-ba ba-an-ná букв. «из-за этого в пыль уста он ввел, сердце в двойную речь положил». Переводы, предлагаемые С. Н. Крамером — «он положил свой рот в пыль, из-за этого он лег в яму» — и Ф. Стефенсом — «из-за этого в плаче речь была возвращена назад, с сердцем и плотно закрытым ртом он лег» (он читает: nam-bi-šè isiš-a du_{11} ba-an-tu šà ka tab-ba ba-an-ná), см. JCS, XIII, 1, 1959, стр. 13,— мало понятны. Относительно nam-bi-šè см. A. Poebel, AfO IX, 5/7, стр. 288.

393. inim ka-šè nu-gar-ra букв. «слово для уст не лежащее». С. Н. Крамер предположительно переводит «смущенно», Р. Жестэн — «не приведя свой рот в соответствие со своей мыслью» (он читает: ka-inim-šè nu-gar-ra).

396. aš непонятно, возможно, ошибка писца.

399—409. Основная трудность в переводе этого отрывка заключается в том, что глагольная форма nam-me может быть переведена как в положительном значении «С. Н. Крамер переводит «он есть»), так и в отрицательном (Р. Жестэн переводит «он не есть»). Перевод в отрицательном значении кажется более правильным лишь на основании того, что в аналогичных отрывках (стк. 458—460 и 472—474) глагольные формы несомненно следует переводить отрицательно. Чтение стк. 399 дается по М. Ламберу (см. RAss, L, 1, стр. 39), однако его перевод — «скипетр, он есть из дерева: дерево называется „год"» — вряд ли приемлем. С. Н. Крамер и Р. Жестэн читают эту строку иначе: gidri-giš-nam(?)-me-mu giš na-an-sa_4-sa_4 и переводят: С. Н. Крамер — «my scepter, the ... wood, it is called wood», Р. Жестэн — «mon sceptre (en) bois n'étant pas, bois ne se nommant pas».

414. Перевод $dùr^{úr}$-si-?-kud-du-gim «подобно ослу, с которого срезали вьюк (?)» предположителен (si «вьюк» от si=malû «наполнять»). Ka-si-il-la может быть сопоставле-

но с акк. dullu «работа, служба», см. A. Poebel, AfO, IX, 5/6, стр. 281. Р. Жестэн всю строку переводит: «гонец подобно быстро бегущему ослу шел, опустив голову» С. Н. Крамер этот комплекс не переводит.

416. bí-ib-zi-zi-zi, очевидно, описка вместо bi-ib-zi-zi-gi < *bi-b-zi(g)-zi(g)-e. Р. Жестэн предлагает чтение ka-ni ní-a bi-ib-zig-zig-zig «его лицо само по себе болталось».

417. Перевод С. Н. Крамера du_{10}-ús-s[a] mu-un-díb «друга он схватил» вряд ли подходит для данного контекста, так как ни о каком друге гонца в тексте не говорится. Р. Жестэн свой перевод — «лучший аллюр он взял»— не объясняет. Знак после ús неясен, возможно, следует читать du_{10}-ús-a[š] (?) mu-un-díb «быстро он бежал», см. SG, I, стр. 102.

430. В послелоге -ri глагольной формы ba-zal-[la]-ri, как сказал при обсуждении данной работы И. М. Дьяконов, может быть, нужно видеть формант редкого падежа второго аблатива, который обычно бывает отражен только в виде направительного префикса -ra- внутри глагольной формы, а при самом имени отсутствует — может быть, по фонетическим причинам. По значению этот падеж близок к отложительному падежу -ta. Здесь он, очевидно, оформляет номинализованную спрягаемую форму глагола со значением «после того как пять лет, десять лет прошло» (букв. «воссияло»). Ср. -ra в форме um-ma-te-a-ra в стк. 353 (вместо ожидаемого um-ma-te-a-ta).

433. Трудность в переводе этой строки представляет комбинация NI. LI. NI. NI, которую С. Н. Крамер не переводит, Р. Жестэн читает zal-le ì-zal и предположительно переводит «свет он заставляет сиять». Перевод Р. Жестэна вызывает сомнения, так как, кроме того, что он не совсем понятен, не объясним послелог -e в zal-le. В шумерийских текстах глагольный корень dé «изливать» часто встречается со словом ni(ià) «масло» и означает «изливать масло», возможно, подобное значение имеют эти слова и в данном контексте, тем более в предыдущих строках речь идет как раз о магических действиях, однако перевод остается очень сомнительным. sìg-ga неясно, возможно, «полный заботы, скорби» (акк. saqummeš, см. ŠL, 295, 51), ср. вариант *Q*, который вместо sìg-ga дает [geš]túg-gim «мудро» или «точно мудрость».

442. gidri-bi igi-tab-ba букв. «скипетр этот в увидении», С. Н. Крамер и Р. Жестэн, скорее всего, неверно читают gidri-ta.

448—450. Предлагаемые С. Н. Крамером и Р. Жестэном переводы этого отрывка неверны, так как в них не учитывается слово lú, стоящее в начале стк. 448. Значение a-da-al неизвестно, возможно, как полагают С. Н. Крамер и Р. Жестэн, это восклицание. igi me-ši-kár-kár, скорее всего, следует переводить «выбрала для себя (!)», ср. lú ki-sikil-líl-la igi ba-an-ši-kár «человека девушка Лилит выбрала для себя» (CAD, VI, стр. 119). igi me-(вариант mu-e)-ši-kár-kár, очевидно, вместо igi im-ši-kár-kár < *i-nši-n-kár-kár.

451. Перевод этой строки очень труден и связан с переводом стк. 372—373; 453—454; 479. Значение lul-e me-a не ясно, возможно какой-то побор, ср. ^{na_4}gug-lul-la-me-a в стк. 373 и lul-da li-a в стк. 479. С. Н. Крамер переводит: «в Аратте она ходит с ним...», Р. Жестэн — «в Аратте лжец по божественным установлениям пусть будет схвачен!».

452. Судя по контексту, šu al-tag-tag-i-a скорее следует переводить — «который он хочет украсить», С. Н. Крамер и Р. Жестэн переводят «(до каких пор) она будет бить (нас)?». Al-me-da-aš < *al-me-da-šè, возможно, название какого-то объекта, который должны построить жители Аратты. С. Н. Крамер и Р. Жестэн читают al me-da-aš и переводят «до каких пор?».

465. eger-sig_{10}-ga-gim букв. «подобно повернувшемуся назад» от sig_{10}-ga «поворачиваться» (ŠL, 164, 16). С. Н. Крамер не переводит это слово, Р. Жестэн в своем переводе опускает его.

479. Содержание этого отрывка плохо понятно, ср. комментарий к стк. 372—373. Én-tukum-šè предположительно переводится «до каких пор?» (én-šè «до каких пор», tukum «мгновение»). С. Н. Крамер эту строку переводит: «До каких пор он будет лживо ходить в ...?»; Р. Жестэн: «До каких пор он будет пребывать в наглости и лжи?».

480. Знак, стоящий в конце строки, плохо сохранился, возможно, это eš, в таком случае глагольную форму следует читать ḫu-mu-un-súb-bé-e[š], что подтверждается контекстом. С. Н. Крамер и Р. Жестэн читают ḫu-mu-un-súb^{ub}.

488. na-an-tar-da!-da!-an <*na-nta-ra-da!-da!-an <*na-bta-ra-da!-da!-en, сравни a-an-na-ra-ab-dal-en в параллельных сткк. 115 и 188. Da!-da!-, очевидно, редупликация основы dal, как, например, gá-gá редупликация основы gar.

502—503. С. Н. Крамер читает начало строки kin-gi$_4$-a KA ì-dugud и переводит «the herald was heavy of mouth». Предлагаемое Р. Жестэном чтение kin-gi$_4$-a inim-ni dugud «гонец (как если бы) его слово стало тяжелым» вряд ли правильно, так как в таком случае dugud не может быть ни спрягаемой глагольной формой (нет префикса спряжения), ни определением (стоит после притяжательного местоимения).

506. ^{d}Utu ud-dè-a — малопонятно. Перевод Р. Жестэна «так же ясно как светлый день» кажется натяжкой. Возможно, прав С. Н. Крамер, который предлагает видеть здесь выражение типа клятвы «О, солнце дневное!».

509. Значение guru$_5$-uš ì-búr-búr-re неизвестно, см. также SG, I, стр. 31. Перевод Р. Жестэна — «il fit aller ses jambes» — кажется натяжкой, С. Н. Крамер это выражение не переводит.

539. im-šu-rin-na-ni букв. «его печь».

558. maḫ-bi, скорее всего, наречие, аналогичное акк. ma ʾadiš «в большом количестве, очень» (ŠL, 57, 22). С. Н. Крамер переводит «ее светлость», Р. Жестэн — «возвышенная».

559—563. Перевод этого отрывка затрудняется тем, что вариант в двух случаях перед глагольной формой la-ba-an-dug$_4$ дает šu- и опускает la-, а известные нам значения составного глагола šu-dug$_4$ «наполнять, разрушать» (ŠL, 354, 50) для данного контекста не подходят. Р. Жестэн переводит первую глагольную форму «n'a pas hésité», вторую — «elle ne s'est pas prononcée».

575. nam-gal-ki-ág-^{d}Dumu-zid-da-ke$_4$ букв. «очень любимая Думузи» (см. ŠL, 79, 117).

576—577. a-nam-tìl-la-ka mu-un-ne-sù-sù букв. «воду жизни она им (людям) излила»; gú-kalam-ma-ka giš(?) mu-un-ne-en-gál «по всей стране деревья (?) она дала им иметь», префикс -ne- в глагольных формах показатель дательного падежа мн. ч.

590. Значение ud-da-na til-la-gim неизвестно. С. Н. Крамер предположительно переводит «перед концом дня», Р. Жестэн — «en son éclat, en tant qu'(elle est) celle qui est parfaitement préparée».

617. Конец строки С. Н. Крамер читает ḫu-mu-kár-re IM-ba, но не переводит, Р. Жестэн предлагает чтение ḫu-mu-un-kár-re ní-ba и переводит «воистину он связал его». Поскольку в предыдущей строке речь идет о том, что отец Энмеркара не изливал воду, возможно, более подходящим для данного контекста будет перевод «воистину он ему изливает (?) по своей воле (?)» (kár = našpak ša mē ŠL, 105, II, 4), правда, скорее следовало бы ожидать ní-na. Префикс -n- в ḫu-mu-un-kár-re, по-видимому, представляет собой сокращенную форму префикса дательного падежа -na-.

621. Предлагаемое С. Н. Крамером и Р. Жестэном чтение gub-bu-ne «они кладут» вряд ли можно считать правильным, так как спрягаемая форма переходного глагола не может стоять без префикса спряжения. Скорее следует читать — gub-bu-dè «чтобы положить», ср. ḫal-ag-dè «чтобы принести» в стк. 620.

ШУМЕРСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

ОГЛАВЛЕНИЕ

	№	стр.
Шумерский героический эпос как исторический источник	3	245
Грамматический очерк	3	252
Гильгамеш и Ага	3	260
Энмеркар и верховный жрец Аратты	4	191

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ВДИ, № 4, 1964 г.

АВИИУ — И. М. Дьяконов, Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту, ВДИ, 1951, № 2—4
ВАН — Вестник Академии наук
ВИ — Вопросы истории
ВИМК — Вестник истории мировой культуры
ГИМ — Государственный Исторический Музей
ГМИИ — Государственный Музей изобразительных искусств
ГХМ — Государственный Херсонесский музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДМ — «Древний мир», сборник в честь акад. В. В. Струве, М., 1962
ЗВАХ — «Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства», ВДИ, 1952, № 3—4
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН Оля — Известия Академии наук, Отделение литературы и языка
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИКНВ — «Исследования по истории культуры народов Востока», сборник в честь акад. И. А. Орбели, М.— Л., 1961
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НАА — Народы Азии и Африки
НСфр — Нумизматика и сфрагистика
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОГАМ — Одесский Государственный археологический музей
ОГУ — Одесский Государственный университет
ПС — Палестинский сборник
ПСЭИД — «Проблемы социально-экономической истории древнего мира», сборник в честь акад. А. И. Тюменева, М.— Л., 1963
РЗОА — И. М. Дьяконов, Развитие земельных отношений в Ассирии, Л., 1949
СА — Советская археология
СВ — Советское востоковедение
СЭ — Советская этнография
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
Труды XXV МКВ — Труды XXV Международного конгресса востоковедов в Москве, т. I, М., 1962
ТСАРАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
УЗМОПИ — Ученые записки Московского областного педагогического института
ХСб — Херсонесский сборник
ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде
ЭВ — Эпиграфика Востока
AA — Archäologischer Anzeiger
AASOR XVI — The Annual of the American Schools of Oriental Research, XVI (R. Pfeiffer and E. A. Speiser, One Hundred New Selected Nuzi Texts, New Haven, 1936)
BCH — Bulletin de Correspondanse Hellénique
CAD — Chicago Assyrian Dictionary
CHM — Cahiers d'Histoire Mondiale
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
GEG — A. H. Gardiner, Egyptian Grammar[3], L., 1950
IOSPE — B. Latyschev, Inscriptiones Antique, Graecae et Latinae, Orae Septentrionalis Ponti Euxini
JAOS — Journal of American Oriental Society
JEA — Journal of Egyptian Archaeology

JJP — Journal of Juristic Papyrology
JNES — Journal of Near Eastern Studies
LGE — G. Lefebvre, Grammaire de l'Égyptien Classique, Le Caire, 1940
NZ — Numismatische Zeitschrift
OLZ — Orientalistische Literaturzeitung
Or.— Orientalia
RAss — Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale
RE — Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll
RÉG — Revue des Études Grecques
SAKI — F. Thureau-Dangin, Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften, Lpz, 1907
SG — A. Deimel, Sumerische Grammatik, Roma, 1924
SL — A. Deimel, Šumerisches Lexikon, I—II, Roma, 1928
ZA NF — Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete. Neue Folge
ZÄS — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde

Исправления к ВДИ, № 3, 1964 г.

На странице	В строке	Следует читать
154	22 сверху	II в. до н. э.
271	2 снизу	Epopées héroïques sumériennes

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В «ВЕСТНИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» ЗА 1964 ГОД

СТАТЬИ

	№	Стр.
И. Д. Амусин (*Ленинград*) — Новые отрывки Кумранского комментария на Наума (4Qp Nahum II—IV)	1	35
Ю. В. Андреев (*Ленинград*) — Мужские союзы в поэмах Гомера	4	37
Г. М. Бауэр (*Москва*) — «Мукарриб» и «царь» (К вопросу о государственном строе древней Сабы)	2	17
А. К. Бергер — Общественно-политические воззрения Горгия.	2	37
М. Л. Гаспаров (*Москва*) — Послание Горация к Августу (Литературная полемика и политическая борьба)	2	62
М. Л. Гельцер (*Вильнюс*) — Тамкар и его роль в Передней Азии XIV—XIII вв. до н. э. (По материалам Угарита)	2	3
Г. Г. Гиоргадзе (*Тбилиси*) — Борьба хеттов за Северную Сирию в период Древнего царства	1	3
И. Н. Голенищев-Кутузов (*Москва*) — Влияние латинской литературы IV—V вв. на литературу Средневековья и Ренессанса	1	64
К. В. Голенко (*Москва*) — Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э.	4	50
Г. И. Довгяло (*Минск*) — О характере наследования царской власти у хеттов в эпоху Древнего царства	1	23
И. М. Дьяконов (*Ленинград*) — К проблеме общины на древнем Востоке (Реплика М. О. Косвену)	4	74
М. А. Коростовцев (*Москва*) — Опыт классификации сложных глагольных форм новоегипетского языка	4	24
Г. А. Кошеленко (*Москва*) — Из истории становления эстетических воззрений раннего христианства	3	38
В. И. Кузищин (*Москва*) — Из истории сельского хозяйства Италии	3	15
В. Г. Луконин (*Ленинград*) — Варахран II и Нарсе (Иран, 70—90-е гг. III в.)	1	48
С. И. Радциг (*Москва*) — Килонова смута в Афинах (Эпизод из истории родовых отношений в Аттике)	3	3
В. В. Струве (*Ленинград*) — Исторические надписи Урукагины и история их интерпретации	4	3
А. И. Харсекин (*Кременец*) — К интерпретации этрусских числительных.	2	48

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РАБСТВА

А. Л. Кац (*Ош*) — Проблема рабства у Плавта и Катона	3	81
И. С. Кацнельсон (*Москва*) — Рабовладение в Куше	2	74
Г. Л. Курбатов (*Ленинград*) — Рабы и проблема рабства в произведениях Либания	2	92
М. Е. Сергеенко (*Ленинград*) — Колумбарий Статилиев Тавров	4	81
И. Ш. Шифман (*Ленинград*) — Правовое положение рабов в Иудее по данным библейской традиции	3	54

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

В. К. Афанасьева (*Ленинград*) — Шумерская эпическая песнь «Гильгамеш и гора Бессмертного» . . . 1 84
В. Ф. Беляев (*Москва*) — К вопросу о толковании и этнической принадлежности древнегреческого этнонима φθειροφάγοι . . . 3 130
А. И. Болтунова (*Москва*) — Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора . . . 3 136
В. Г. Борухович (*Горький*) — Ахейцы в Малой Азии . . . 3 91
Л. Х. Вильскер (*Ленинград*) — О документах, найденных в Нахал-Хевер 1 120
К. Э. Гриневич (*Харьков*) — О достоверности сведений Геродота об Ольвии 1 105
О. Д. Дашевская (*Москва*) — ΤΕΙΧΗ декрета в честь Диофанта . . . 3 149
И. М. Дунаевская (*Ленинград*) — Протохеттский именной суффикс косвенного дополнения . . . 1 102
Л. А. Ельницкий (*Москва*) — О малоизученных или утраченных греческих надписях Северного Причерноморья . . . 1 110
Л. А. Ельницкий (*Москва*) — О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья . . . 2 134
К. К. Зельин (*Москва*) — Новые публикации папирусов по истории Египта и Сирии с конца III в. до начала VIII в. н. э. . . . 4 103
Л. Н. Казаманова, В. В. Кропоткин (*Москва*) — Подражания римским золотым монетам II—III вв. н. э. . . . 1 140
П. О. Карышковский (*Одесса*) — Заметки по нумизматике античного Причерноморья . . . 1 130
О. О. Крюгер, М. Г. Быстрикова (*Ленинград*) — Неизданные папирусы и другие тексты Государственного Эрмитажа . . . 2 118
В. А. Лившиц, В. Г. Луконин (*Ленинград*) — Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах . . . 3 155
Ю. Ф. Новиков (*Ростов-на-Дону*) — Очерки из истории развития техники земледелия в древнем мире . . . 1 92
И. В. Пьянков (*Свердловск*) — К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов . . . 3 115
А. М. Ременников (*Казань*) — Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275—279 гг. н. э. . . . 4 131
Ю. А. Савельев (*Москва*) — О кипрской монументальной скульптуре VII в. до н. э. . . . 3 107
Б. П. Селецкий (*Ленинград*) — Социально-политическая борьба в Нумидии накануне Югуртинской войны . . . 2 149
Э. И. Соломоник (*Симферополь*) — Метрическая эпитафия III в. н. э. (K IOSPE, I², 716) . . . 4 157
В. В. Струве (*Ленинград*) — Проверка теории о значении глагольных префиксов *ти-* и *е-* . . . 2 107
Е. В. Черезов (*Черновцы*) — Надписи Мечена . . . 4 96
В. В. Шеворошкин (*Москва*) — Статуэтка Исиды с египетско-карийской надписью . . . 2 128

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. И. Авдиев (Москва) — Развитие египтологии в ОАР . . . 2 156
С. С. Аверинцев (Москва) — Биографические сочинения Плутарха в зарубежной науке XX в. . . . 3 202
И. Б. Брашинский (Ленинград) — Chr. M. D a n o f f, Pontos Euxeinos, RE, Supplb., IX, 1962 . . . 3 196
М. Л. Гаспаров (Москва) — Новая зарубежная литература о Таците и Светонии . . . 1 176
И. М. Дьяконов (Ленинград) — М. А. Д а н д а м а е в, Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.), М., 1963 . . . 3 177
Л. А. Ельницкий (Москва) — А. И. Н е м и р о в с к и й, История раннего Рима и Италии, Воронеж, 1962 . . . 2 182
В. И. Кальянов (Ленинград) — Новые труды индийских ученых по истории индийской культуры . . . 2 171
А. П. Каждан (Москва) — «The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century», Oxf., 1963 . . . 4 160
А. Л. Кац (Ош), *Н. Н. Пикус* (Москва) — Хрестоматия по истории древнего Рима, под ред. С. Л. Утченко . . . 1 158
Г. А. Кошеленко (Москва) — P. M e r l a t, Jupiter Dolichenus . . . 1 172
С. Я. Лурье (Львов) — G. L. H u x l e y, Early Sparta . . . 1 162
С. Я. Лурье (Львов) — L. R. P a l m e r, Mycenaeans and Minoans. Aegean Prehistory in the Light of the Linear *B*, Tablets, L., 1961 . . . 2 176
В. В. Павлов (Москва) — М. Э. М а т ь е, Искусство древнего Египта . . 1 149

В. В. Павлов (Москва) — Из историографии о фаюмском портрете 4 161
З. А. Покровская (Москва) — «Очерки истории римской литературной критики», М., 1963 . . . . . 4 152
Н. Е. Семпер (Москва) — Новая иностранная литература по египтологии. Краткие аннотации 1 194
Н. Е. Семпер (Москва) — Новая советская литература по египтологии (1961—1963 гг.) (Краткие аннотации) 4 168
Н. А. Сидорсва (Москва) — К. М. Колобова, Древний город Афины и его памятники, Л., 1961 . . . . . 4 145
А. П. Смотрич (Черновцы) — «Питання классичної філології», I—III, Львів, 1959—1963; «Публий Овідій Назон», Львів, 1960 . . . . . 3 187
Б. Л. Фонкич (Москва) — Каталог писем и других материалов западноевропейских ученых и писателей XVI—XVIII вв. из собрания П. П. Дубровского 2 187
Э. Д. Фролов (Ленинград) — U. Hackl, Die oligarchische Bewegung in Athen am Ausgang des 5. Jahrhunderts v. Chr. 1 168
Э. Д. Фролов (Ленинград) — D. Lotze, Lysander und der peloponnesische Krieg, B., 1964. . . . . 4 156
С. И. Ходжаш (Москва) — В. В. Павлов, Искусство древнего Египта 1 154
Е. В. Черевов (Черновцы) — И. А. Стучевский. Храмовая форма царского хозяйства древнего Египта 1 156
Аннотации 1 199
Аннотации 2 183
Аннотации 3 212

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференция по изучению проблем античности 3 223
Б. Г. Петерс (Москва), *Г. А. Пугаченкова* (Ташкент) — VIII Международный конгресс по классической археологии 4 184
В. С. Соколов (К 75-летию со дня рождения и 50-летию педагогической деятельности) 2 195

К 75-летию академика В. В. Струве 1 218
К 70-летию чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской 1 221
К 70-летию профессора М. Е. Грабарь-Пассек 1 223
К 60-летию Виктора Францевича Гайдукевича 4 188
К 50-летию научной деятельности профессора С. Я. Лурье 1 225
К 50-летию Елены Михайловны Штаерман 4 188

М. К. Коростовцев (Москва) — А. Х. Гардинер 3 241

Письмо в редакцию 1 226

ПРИЛОЖЕНИЕ

Секст Аврелий Виктор, История Рима. Перевод *В. С. Соколова* (*продолжение*) 1 227
То же (*окончание*) 2 197
Шумерский героический эпос. Транскрипции, перевод, комментарии и вводные статьи *И. Т. Каневой* (Ленинград) 3 243
То же (*окончание*) 4 189

СОДЕРЖАНИЕ

В. В. Струве (Ленинград) — Исторические надписи Урукагины и история их интерпретации 3
М. А. Коростовцев (Москва) — Опыт классификации сложных глагольных форм новоегипетского языка 24
Ю. В. Андреев (Ленинград) — Мужские союзы в поэмах Гомера 37
К. В. Голенко (Москва) — Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э. 50
И. М. Дьяконов (Ленинград) — К проблеме общины на древнем Востоке (Реплика М. О. Косвену) 74

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РАБСТВА

М. Е. Сергеенко (Ленинград) — Колумбарий Статилиев Тавров 81

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Е. В. Черезов (Черновцы) — Надписи Мечена 96
К. К. Зельин (Москва) — Новые публикации папирусов по истории Египта и Сирии с конца III в. до начала VIII в. н. э. 103
А. М. Ременников (Казань) — Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275—279 гг. н. э. 131
Э. И. Соломоник (Симферополь) — Метрическая эпитафия III в. н. э. (K. IOSPE, I², 716) 139

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. А. Сидорова ((Москва) — К. М. К о л о б о в а, Древний город Афины и его памятники, Л., 1961 145
З. А. Покровская (Москва) — «Очерки истории римской литературной критики», М., 1963 152
Э. Д. Фролов (Ленинград) — D. L o t z e, Lysander und der peloponnesische Krieg, B., 1964 156
А. П. Каждан (Москва) — «The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century», Oxf., 1963 160
В. В. Павлов (Москва) — Из историографии о фаюмском портрете 162
Н. Е. Семпер (Москва) — Новая советская литература по египтологии (1961—1963 гг.) (*Краткие аннотации*) 168

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Б. Г. Петерс (Москва), *Г. А. Пугаченкова* (Ташкент) — VIII Международный конгресс по классической археологии 184

К шестидесятилетию Виктора Францевича Гайдукевича 188
К пятидесятилетию Елены Михайловны Штаерман 188

ПРИЛОЖЕНИЕ

Шумерский героический эпос. Транскрипции, перевод, комментарии и вводные статьи *И. Т. Каневой* (Ленинград) (окончание) 189

Указатель материалов, помещенных в «Вестнике древней истории» за 1964 год 228

SOMMAIRE

V. V. Strouvé (Léningrad) — Les inscriptions historiques d'Ouroukagina et l'histoire de leur interprétation 3
M. A. Korostovtsev (Moscou) — Essai de la classification des Formes verbales komposé en Néoégyptien 24
G. V. Andréev (Léningrad) — Les clubs masculins dans les poèmes de Homère . 37
K. V. Golenko (Moscou) — La composition de la circulation monétaire à Chersonèse au I^e^ siècle avant notre ère 50
I. M. Diakonov (Léningrad) — Sur le problème de la communauté à l'Ancien Orient (Réplique de M. O. Kosvenne) 74

DOCUMENTS ET ÉTUDES SUR L'HISTOIRE DE L'ESCLAVAGE ANTIQUE

M. E. Serghéenko (Léningrad) — Le Columbarium de Statilios Tauros 81

RAPPORTS ET COMMUNICATIONS

E. V. Tchérésov (Tchérnovtsy) — L'inscription de Metchena 96
K. K. Zéline (Moscou) — Les nouvelles publications des papyrus sur l'histoire de l'Egypte et de la Syrie dès la fin du IIIe siècle jusqu'au début du VIIIe siècle de notre ère 103
A. M. Rémennikov (Kazan)—La lutte des tribus du Prédanube et Mer Noire contre Rome dans les années 275—279 de notre ère 131
E. I. Solomonik (Simféropol) — L'épitaphe métrique du IIIe siècle de notre ère (Cher IOSPE, I², 716) 139

CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE

N. A. Sidorova (Moscou) — K. M. Kolobova, Ancienne ville Athènes et ses monuments, L., 1961 145
L. A. Pokrovskaia (Moscou) — «Essais de l'histoire de la critique littéraire romane», M., 1963 152
E. D. Frolov (Léningrad) — D. L o t z e, Lysander und der peloponnesische Krieg, 1964 156
A. P. Kajdan (Moscou) — «The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century», Oxf., 1963 160
V. V. Pavlov (Moscou) — De l'historiographie sur le portrait de Fayoum 162
N. E. Semper (Moscou) — La nouvelle littérature soviétique sur l'Egypte (1961—1963) (Résumés) 168

VIE SCIENTIFIQUE

B. G. Peterse (Moscou), *G. A. Pougatchenkova* (Tachkent) — Le VIIIe congrès international de l'archéologie classique 184
Anniversaires de V. F. Gaidoukévitch, E. M. Chtaérman 188

SUPPLEMENT

Epopées héroïques sumériennes. Transcriptions, traduction, commentaires et articles d'introduction de *I. T. Kanéva* (Léningrad) (*fin*) 189

Table des matières parues en VDI en 1964 228

Henker

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Цена 2 р. 40 к.

Индекс
70119